Владимир Романовский

Америка как есть

история Америки для тех, кто не любит историю

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что такое Америка на самом деле – знают (на самом деле) немногие. Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра. Все гораздо интереснее. Данная книга написана автором по просьбе хорошего московского знакомого, которому действительно стало интересно – что же это такое, настоящая Америка.

- Америка как есть
  -
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава первая. Король Джон
    - Глава вторая. Хенри Восьмой
    - Глава третья. Операция «Черный Ястреб»
    - Глава четвертая. Филадельфия
    - Глава пятая. О стратегии
    - Глава шестая. Отступление о рабовладении
    - Глава седьмая. Сага о помощи
    - Глава восьмая. Конституция и религия
    - Глава девятая. Томми
    - Глава десятая. Война г-на Мэдисона
    - Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии
    - Глава двенадцатая. Олд Хикори
    - Глава тринадцатая. Вроде комментария к периоду
    - Глава четырнадцатая. Техас и Мексика
    - Глава пятнадцатая. Антебеллум, часть первая
    - Глава шестнадцатая. Антебеллум, часть вторая
    - Глава семнадцатая. Антебеллум, часть третья
    - Глава восемнадцатая. Независимость Юга
    - Глава девятнадцатая. Булл Ран
    - Глава двадцатая. О событиях и новшествах
    - Глава двадцать первая. Новый Орлеан
    - Глава двадцать вторая. Геттисбургская кампания и Мэри Линкольн
    - Глава двадцать третья. Нью-Йоркское восстание, часть первая
    - Глава двадцать четвертая. Нью-Йоркское восстание, часть вторая
    - Глава двадцать пятая. Генерал Шерман
    - Глава двадцать шестая. Джефферсон Дейвис

- Глава двадцать седьмая. Взятие Ричмонда и Линкольн
- Глава двадцать восьмая. Аппотомакс Корт Хаус
- Глава двадцать девятая. Исторический контекст: сплетни и панорама
- Глава тридцатая. Театр

○ Часть вторая

- Глава первая. Бурные семидесятые
- Глава вторая. Нефтяной Маммон
- Глава третья. Американский импрессионизм
- Глава четвертая. Испанские страсти
- Глава пятая. Позолоченный век
- Глава шестая. Лирическое интермеццо
- Глава седьмая. Всемирная драка
- Глава восьмая. Уилсон, Симбирск и новый мир
- Глава девятая. Ревущие двадцатые
- Глава десятая. Начало странного десятилетия
- Глава одиннадцатая. Анти-Османн
- Глава двенадцатая. Падение журнализма
- Глава тринадцатая. Воздушные корабли
- Глава четырнадцатая. Драка с препятствиями
- Глава пятнадцатая. К вопросу о двусмысленностях
- Глава шестнадцатя. Мужество и патриотизм
- Глава семнадцатая. Эволюционная романтика
- Глава восемнадцатая. После драки: запреты и искусство
- Глава девятнадцатая. Субурбия, Луна и хиппи
- Глава двадцатая. Свобода в клешах
- Глава двадцать первая. Кони Айленд
- Глава двадцать вторая. Проекты, благосостояние и расизм
- Глава двадцать третья. Цензура, церковь и храм атеизма
- Глава двадцать четвертая. Сага о Всемирном Торговом Центре
- Глава двадцать пятая. Реставрация
- Глава двадцать шестая. Бейби-Бумеры и мисс Левински
- Глава двадцать седьмая. Видоизмененные пороки
- Глава двадцать восьмая. Рождество
- Глава двадцать девятая. Лирическая

Америка как есть
история Америки для тех, кто не любит историю
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015
© Джон Сингер Сарджент, иллюстрации, 2015
© Джеймс Кэролл Беквит, иллюстрации, 2015
© Чарльз Уилсон Пил, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто инициировал написание этого романно-исторического повествования для тех, кто предпочитает романы истории —

Сергею Фролову, по чьей просьбе написана эта книга

А также —

Алексею Мартынюку
Максиму Иванову
Льву Гладышеву
Владимиру Перемолотову
Марине Бевза

Пролог

Эту книгу я написал по просьбе-пожеланию одного хорошего знакомого. Не будучи ни профессиональным историком, ни журналистом, я решил выдержать ее всю в обычном ключе – повествовательно-художественном. Чтобы она читалась, как роман с приключениями, детективными линиями, страстью, любовью, интересными персонажами и слегка запутанным сюжетом. Единственное правило, которому я пообещал себе следовать – выстраивать повествование в более или менее хронологическом порядке. Являясь художественным произведением, книга эта не претендует ни на точность, ни на полноту. Встречающиеся в ней изредка цифры – всегда приблизительные, поскольку любые точные цифры всегда можно оспорить, а я не для того пишу, чтобы какие-нибудь продвинутые педанты меня на статистике ловили.

Телевизор

В связи с пропагандистками изысками, войной противоречивых идеологий, демографического, военного и производственного авантюризма и прочих прелестей сегодняшней альтернативной религии, называемой политэкономия, или политэкономика, не помню, а также с помощью телевизора и Голливуда, настоящая Америка, та, которая была и есть на самом деле, все менее и менее известна, все труднее понимаема – даже самими американцами. Та Америка, о которой знает большинство населения планеты, Америка, какой она представлена в средствах массовой информации, и, все чаще, в псевдо-исследованиях и псевдо-рефератах, не существовала никогда – не могла бы существовать в виду совершенно очевидных противоречий. Беззаветное восхищение и беззаветная же ненависть к Америке являются, в равной степени, проявлениями фанатизма языческого толка. И все бы ничего, но крики фанатиков мешают людям, действительно желающим знать, что это такое – Америка, разобраться в действительности.

Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра, конечно же. Есть страна с интересной историей, золотая жила для исторического романиста, необычное, нетривиальное государство в Западном Полушарии. Основной язык – английский. Климат – по-разному, в зависимости от региона.

Человеки разумные

По одной из забавных теорий, давным-давно, в незапамятные недемократические времена, толща льдов покрывала шапкой значительную часть Северного Полушария. Затем по причинам,

которые данное направление научно-мифологической мысли не объясняет, погода на планете самоутеплилась. Ледник стал отступать к северу. А меж тем всякая разная живность, включая человеков разумных, привыкшая жить у кромки льдов, не пожелала с этой кромкой расстаться.

И вот некие монголоидного типа поселяне, резидентствовавшие, согласно этой версии, там, где в наше интенсивное время расположился французский город Париж с дворцами, садами и стеклянными японскими пирамидами, размножились настолько, что многим стало не хватать места на этой парижской долготе. И некоторые, помоложе и поактивнее, решили уйти в поиски, следуя вдоль кромки. И пошли себе. Сперва на Запад, наверное, но там обнаружилась Атлантика, мешающая идти. Тогда они повернули и пошли на восток. По пути им встретились Германия, Польша и Россия, но большого впечатления эти страны на них не произвели – там мало чего было тогда. Леса да хищники, в основном. Версия умалчивает о том, сколько времени длилась миграция – сто лет или пять тысяч лет. Но, перевалив через Урал и пройдя гуськом по Сибири, неусидчивые монголоиды эти, следуя за стремительно отступающим ледником и вдоль него, к восходящему солнцу, достигли Тихого Океана. Существовал ли во время оно Берингов Пролив, или они перешли на Аляску по льду – неизвестно. Некоторые осели на Аляске, остальные разделились на две части. Одна, малая, часть осталась в Канаде и обитает там по сей день вместе с украинцами. Другая, бОльшая, которой ледник к тому времени изрядно надоел, круто повернула направо и устремилась в земли, которые оказались неожиданно гостеприимными. Пройдя через Альберту, мигранты оказались – кто в Калифорнии, кто в Юте и Колорадо. Многие остановились и занялись устройством жизни и охотой на бизонов. Остальные продолжили поход на юг, через Техас и Мексику, и дальше, в Южную Америку, где впоследствии основывали империи и воевали друг с другом.

Бизон

Эти их баталии, кстати говоря, опровергают теорию, что милитаристские поползновения человечества всегда обуславливаются балансом доступных ресурсов. Южная Америка была в те времена настолько богата ресурсами, а людей было так мало, и потребности их настолько были невысоки, что хватало всем, с большим избытком. Приходится признать, что войну человечество любит просто так, иррационально, и букве экономических законов любовь эта не подчиняется. Так злобная и сварливая женщина в бигудях, неравнодушная к деньгам и любящая плотно пожрать, выглядит в глазах влюбленного в нее юноши романтической принцессой с тонкими запястьями, нуждающейся в ласке и защите. Так или иначе, имперские монголоиды обладали по тем временам солидной культурой и даже строили города с громоздкими некрасивыми зданиями, которые так умиляют исследователей.

Некоторые из мигрантов имели весьма интересные представления о структуре времени и пространства, неплохо разбирались в астрономии (лучше, чем многие сегодняшние астрономы, натужно пытающиеся решить, была ли жизнь на Марсе), знали об округлости планеты. У них не было лошадей, зато всем хватало еды и земли. Возможно поэтому они так и не озаботились изобретением колеса и металлургии. Их

империи переживали расцвет и упадок много раз. Когда с востока к континенту ледниковых мигрантов пошли один за другим корабли испанцев, итальянцев, португальцев, а затем англичан, голландцев и, наконец, французов, империи находились в стадии дичайшего упадка.

Это само по себе странно.

Если не считать несерьезных и ничем не кончившихся попыток озверевших от плохого климата викингов, Христофор Колумб высадился в Пуэрто-Рико в 1492-м году. К этому моменту некоторые цивилизации Востока – Китай и Япония, к примеру – насчитывали тысячи лет существования. Китайцы неплохо плавали по морям. Японцы – тоже! Казалось бы – пройдя по берегу до Камчатки и переплыв пролив (а хоть бы и на плоту!) эти Греция и Рим Азии Великой могли преспокойно колонизировать Северную и Южную Америку задолго до европейцев, и это было бы гораздо проще и познавательнее, чем ссориться с кочующими монголами.

Не колонизировали. Предпочли вместо этого драться друг с другом, строить Великую Китайскую Стену, и сочинять ханжеские сказки для детей в педагогических целях.

Как бы там ни было – французы в начале облюбовали себе восток Канады, англичане и голландцы – земли на юг от Квебека, а испанцы – все остальные территории, не считая Бразилии, которую хапнули себе португальцы. Ледниковых мигрантов, основательно потрепав, обозвали индейцами и загнали в резервации. С тех пор мигранты эти много пьют.

Вскоре после этого, подражая средневековым арабам, колонисты европейского происхождения открыли для себя центральноафриканскую работорговлю. Межплеменная война, которая непрерывно велась в Африке, и, похоже, ведется до сих пор, приводила к ежегодному захвату большого количества пленных, которых затем превращали в рабов, и которых некуда потом было девать: предложение всегда превышало спрос. Американские колонисты, оснастив суда, стали скупать у победителей излишек – так на американском континенте появились представители негроидной расы. Некоторые из них поют нынче в опере.

Но – все по порядку.

Часть первая

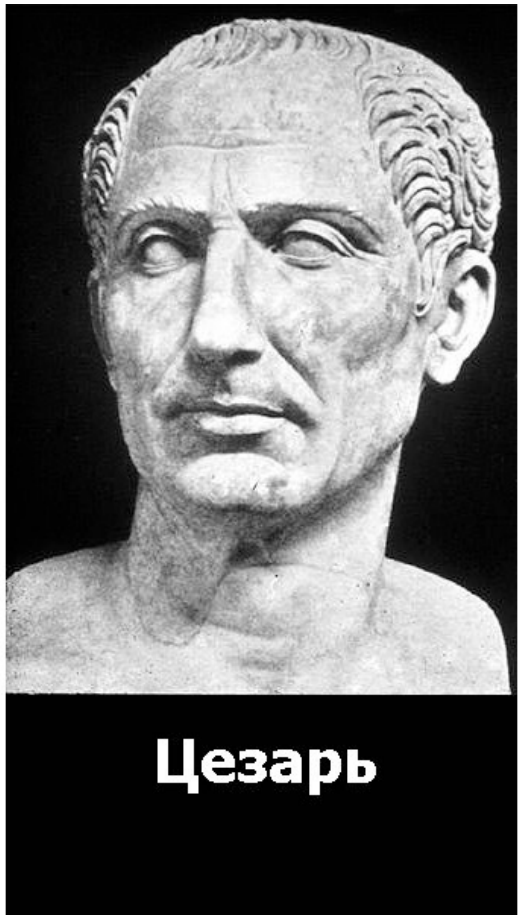
Глава первая. Король Джон

Англию пытались захватывать все, кому не лень, а в одиннадцатом веке этим особенно баловались датчане. А потом куда-то ушли, обидевшись. Но вот пришел Вильгельм-Завоеватель, он же Уильям, он же Гильом, переправился из Нормандии со своей ватагой арбалетчиков, учинил битву при Хэйстингсе, победил местного короля Харольда, и воцарился в Альбионе.

Норманны были потомками варангов-викингов, но скандинавских наречий не знали, а знали французский язык, который создавался примерно так:

На территории сегодняшней Франции дискутировали сперва по-галльски (это, типа, кельтское наречие такое), затем, в связи со странствиями Цезаря, по-латыни, а по пришествии бородатых франков – на каком-то из германских наречий. Затем дикую эту смесь узаконил кто-то из королей (возможно, Шарлемань, не помню), объявив ее государственным языком. Так появился язык французский, на котором и разговаривали между собой, обмениваясь важной информацией, норманны.

И вот эти норманны утверждаются в Англии, но местное наречие учить отказываются, а говорят и дальше по-французски, поскольку это язык интеллигенции, а норманны любят, когда про них говорят, что они интеллигентные очень.



Юлий Цезарь, римский император

До сих пор, кстати говоря.

А провинциальные английские бароны французского не знали, и были менее интеллигентны. И вот, к примеру, приезжает к королю делегация баронов и предъявляет жалобы, мол налоги высокие, а урожай низкий, нельзя ли снизить налоги. Король выслушивает баронов очень вежливо, ни слова при этом не понимая. И отвечает им по-французски, интеллигентно – j'accept, что значит – доводы Ваши принимаю, можете идти, Седрик, проводи их, да проследи, чтоб столовое серебро не спиздили по дороге. И, естественно, ничего не предпринимает по поводу жалоб. Очень похоже на сегодняшние дела во всех странах, кстати говоря.

Но вот проходит полтора века, и суровому Генри-Анри Второму английскому наследует Ришар, он же Ричард, в будущем – кур-де-лийон, то бишь, Львиное Сердце. Он знает английский по верхам, но это не важно, а важно то, что он

гомосексуалист, и в силу этого отчаянный вояка. Вне похода себя не мыслит. Все время в седле, в окружении подтянутых доблестных воинов. И вот он отправляется в крестовый поход, или еще куда-то, и об этом слагают стихи и саги, а как раз в это время наступает год Милости Божией 1199-й. И в управлении страной остается брат Ричарда, по имени Джон. Тот самый, кстати говоря («Послушайте сказку минувших времен
О доблестном принце по имени Джон». С. Маршак, перевод одного из Кентерберийских Сказаний).

Король Джон

Король Джон, он же Иоанн Безземельный

Джон – бабник, повеса, трепло, и большой шутник, с хорошим

чувством юмора, знающий английский язык (во время оно уже щедро разбавленный французским) как родной. Воспользовавшись отсутствием грозного Ричарда, к Джону заявляется делегация всех баронов страны. Ему угрожают и его обвиняют, бряцая ржавыми свердами и крича «fuck you!» Король всех обобрал до нитки! С одной стороны Джон понимает, что сейчас у него отберут власть. С другой стороны он признает, что многие требования баронов – вполне здравые, и что дальше так нельзя, и надо что-то делать, нужны реформы.

Он усаживает баронов за стол, наливает им пива, и вместе они составляют уникальный документ, вошедший в историю как Магна Карта, она же Великая Хартия. Вспомнив многое, включая Евангелие и Римское Право, призвав в помощь писцов и священников, эта команда сочиняет нечто вроде контракта между королем и его вассалами, с большим количеством пунктов, в которых оговаривается, что король имеет такие-то права, а бароны – такие-то, и по нарушении контракта любой из сторон эта сторона имеет право законно что-то предпринять – бароны, к примеру, считать себя независимыми от короля, а король – давать им, баронам, по башке. В общем, таким образом создается первая из известных историкам конституционная монархия. Впоследствии, правда, многие английские короли на Магна Карту плевали, но это незаконно, поскольку вместо того, чтобы следовать законам, они следовали велению сердца своего и тщеславию, и использовали личное обаяние и связи в целях укрепления власти в обход Магна Карты.

Тем не менее, дело было сделано, и Магна Карта существует и действует до сих пор, то бишь, более восьмиста лет.

Король Джон, доблестный принц, остался очень доволен и собой, и документом. А последующие короли начали мало по малу говорить по-английски, дабы не было больше таких вот недоразумений.

Глава вторая. Хенри Восьмой

Со времен подписания Магна Карты минуло много лет, и даже столетий, произошло много разных поучительных и полезных событий. В частности, Христофор Колумб открыл Кубу и Пуэрто-Рико, а затем и он, и его последователи приволокли с нового континента в Европу много интересного – например, картошку, помидоры, шоколад, индюшку и табак.

Елизавета Первая Английская, к которой упорно но безуспешно сватались Анри и Иоанн, француз и русский, оба Четвертые, любила моряков и часто посылала экспедиции в Новый Свет. При этом она худо-бедно поддерживала драматурга, написавшего верноподданническую пьесу о представителе конкурирующей фамилии, Ричарде Третьем Горбатом, обличающую его. Но так получилось, что сразу перед ней на английском троне восседал массивным своим североанглийским арсом Хенри Восьмой, которому не везло с женщинами. Не то ему изначально неприглядных подсовывали, подмазав и приодев, не то ему женщины быстро надоедали. В общем, решил он как-то развестись с очередной женой, и послал соответствующую просьбу Папе Римскому. Папа Римский возмутился до глубины своей римской души и сказал, что ежели каждый король начнет по двадцать раз ежедень разводиться, то это будет не цивилизация, а вертеп, и пусть он, Хенри, доживает свой век с нынешней своей женой, как умеет, и да будет это впредь уроком последующим королям, чтобы выбирали себе жен подумавши, а не лишь бы какую.

Хенри очень обиделся на Папу и сказал, ах так! Тогда я против. Идите вы все со своим Римом, я сам буду теперь глава своей английской церкви. Образован я не хуже Папы, желание есть, деньги есть. Хуза!

И некоторая часть населения страны ему, Хенри, поверила. Может, из патриотизма. А может из-за того, что латынь не всем удобно учить. Не знаю. А только появилось целое движение, которое всегда появляется при коренных переменах – преданное этим самым переменам. И много было подвижников и сподвижников, и все они были верующие.

И прошло какое-то количество лет. На дворе был семнадцатый век, мушкетеры в Париже сдерживали Фронду, Рембрандт рисовал в Амстердаме мужчин хорошо а женщин не очень, на Руси было сперва Смутное Время, а потом воцарение Романовых, а судно под названием Майский Цвет с пилигримами, последователями подвижников, двигалось в Новый Свет. Рифма

плохая.

Корабль «Майский Цвет»

Данные пилигримы рассуждали примерно так: в Старом Свете слишком много всякого, что отвлекает от служения Создателю. Слишком все пропитано наследием прошлого, грехом, интригой, политикой. А мы желаем сами по себе, и чтобы вера наша была таким образом чиста.

Были они, безусловно, аскеты суровые, довольствовались малым, и была у них действительно христианская этика. Не буква закона, но дух. Такое случается, хоть и редко.

Прибыв в Новый Свет, основали они поселение. В Новом Свете к тому моменту всякое уже наличествовало – драки с индейцами, ссылки преступников и проституток из Европы, местное баронство, французы, и так далее. Английские протестанты это все по большей части игнорировали, а пили себе кофе малыми дозами, экономя, и с тех пор этот самый противный и некрепкий пилигримовый кофе утвердился, как американский традиционный.

И занялись пилигримы чем попало, в том числе фермерством и управлением. И дали обширное потомство. И заселили все Восточное Побережье.

И тем не менее, они остались верны Англии и короне. И их потомки тоже. И восточнопобережные колонии официально принадлежали Англии в восемнадцатом веке.

Глава третья. Операция «Черный Ястреб»

В середине восемнадцатого века к западу от американского Восточного Побережья наметился вооруженный конфликт старых знакомых: Англии и Франции. В нем поучаствовали индейцы, отсюда – Черный Ястреб. Но дело не в этом.

Некое английское подразделение проявило под предводительством двадцатидвухлетнего лейтенанта самостоятельность и, пользуясь неправильной информацией о дислокации и численности противника, произвело по нему (противнику) неожиданный удар. Противник обменялся промеж собою интеллигентными французскими фразами и взял англичан в кольцо. Когда пули и ядра посыпались со всех сторон, англичане сдались, и пленных привели в палатку для подписания условий перемирия. Лейтенант, мрачный и сердитый, сел за стол, порассматривал условия, подумал, эка, мол, заковыристо написано, но что же делать, господа, надо подписывать. И подписал. Тут наличествует важная деталь. Лейтенант с французским языком знаком не был. А условия были написаны именно по-французски, и были эти условия вполне позорные.

Лейтенант узнал об этом впоследствии и возненавидел французов на всю жизнь. За презрение к его английскому интеллекту и английской же короне, коей он хранил верность.

В общем, случай вполне эпизодический, и ни на что он не повлиял бы, и был бы благополучно забыт, если бы у лейтенанта было другое какое-нибудь имя. Но именно этого лейтенанта звали Джордж Вашингтон.

Глава четвертая. Филадельфия

В Филадельфии я бываю периодически, и никогда не упускаю случая зайти и посидеть – во дворе старинного провинциального Конгресса (ныне именуется Холлом Независимости), и, в приемные часы, внутрь. Там теперь музей, но это несерьезно.

Здание напоминает стандартную американскую школу, построено примитивно, но прочно. Из двора (теперь во дворе сквер, а по периметру торчат несуразные в этом месте небоскребы), под арку – справа собственно Конгресс, слева – Верховный Суд, с нарочитым отсутствием входной двери (символизирует открытость). Здание маленькое по современным понятиям.

В общем, высокие налоги и невозможность выразить несогласие с такими налогами в лондонском Парламенте настроили среднее сословие американских Колоний враждебно по отношению к короне. К тому же сам король, Джордж Третий, не вызывал особых симпатий, а был самодур (правда, с чувством юмора). Англия среагировала на настроения в Колониях, и военный контингент в Новом Свете получил подкрепления. Эти подкрепления набирались не обязательно в Англии. Поскольку все колонисты были так или иначе подданными Англии, немалая часть солдат была из местных. Впоследствии приверженцев короны стали называть лоялистами.

Джордж (Георг) Третий, король Англии

Субсидии английской компании Ист-Индиз (она была почти полностью освобождена от налогов) раздражали бостонских купцов и пивоваров, а они, в свою очередь, настраивали остальное население, и объясняли высокие цены на продукты, предметы одежды, и землю дискриминацией со стороны Англии. И вот пивовар по имени Сэм Адамс (какая же английская заваруха обходится без пивовара) с дружками, переодевшимися в индейцев для конспирации, забрели в порт, запрыгнули на борт судна с чаем, и весь этот чай вывалили к чертовой бабушке в воду. Кстати, потомки Адамса до сих пор торгуют пивом, и пиво это, особенно лагер, надо сказать – прекрасное, для тех, кто интересуется. Название сохранено – Сэм Адамс, или Сэмюэль Адамс. Серьезные любители пива говорят просто «Сэм», и бармены их понимают.

Английский военный контингент разгуливал по Бостону в красных камзолах. Местные шутники подначивали местных простачков подходить к солдатам и спрашивать, по чем нынче крабы на рынке.

Здание Конгресса в Филадельфии (ныне Холл Независимости)

Тем временем в Филадельфии собрался, в вышеупомянутом

здании, Конгресс. И объявил о формировании Континентальной Армии. Потому что сколько ж можно.

Тут же последовал вооруженный конфликт. Пятимиллионная страна, минус лоялисты, противостояла великой Империи. Главнокомандующим после многочисленных споров был назначен бывший молодой лейтенант, теперешний генерал, Джордж Вашингтон. Долго отнекивался (не шучу).

Собственно, так или иначе, Колонии отделились бы от Империи, поскольку ничем, кроме налогов, не были с нею больше связаны. У них была своя жизнь, на английскую не похожая.

Интересная деталь – к моменту начала действий лондонский Парламент официально оповещен не был. Т. е. покамест это был не официальный разрыв, но просто бунт.

Бунт ширился.

Колониями в это время правил помаленьку филадельфийский Конгресс. Обычная история – налоги, бюджет, средства, политики тянут резину, действующей армии на полях сражений не хватает снаряжения и амуниции. Немалый отрезок времени армия Вашингтона торчит в долине Валли Фордж, раздетая и голодная. Больше года. В этой связи упоминается некоторыми историками странный скандальный апокрифический эпизод, весьма похожий на правду.

Генерал Вашингтон военным гением отнюдь не был. Но то, что он был прирожденным лидером – сомнению не подлежит. Единство армии он сумел сохранить вопреки многому. И когда почувствовал, что дальше так нельзя, разбегутся солдатики, то, взяв с собой сравнительно небольшой отряд, скорым путем выехал в Филадельфию. В Конгрессе шло очередное бюрократическое заседание, когда во дворе раздался топот копыт и бравый генерал на белом коне (без шуток) въехал в сопровождении своего отряда в здание Конгресса, со шпагой наголо. Попадали стулья, конгрессмены вскочили на ноги. Поправив парик с темно-синей лентой, повертев в воздухе клинком, сидя в седле, Вашингтон задумчиво посмотрел на бюрократов. За спиной его торчали штыки солдат Континентальной Армии, из чего конгрессмены сразу уяснили, что говорить сейчас будет вот этот самый всадник, а они будут молчать и слушать. И всадник заговорил.

– Эта… э… средства нам будут, или чего? У меня половина солдат без обуви. Не хотят ли господа, чтобы мы все одним махом перешли на сторону англичан? Вы не представляете себе, как они будут довольны, англичане. Я, господа, неважный оратор, но суть передаю правильно. Я не знаю французского, но отношения

к делу это не имеет.

Генерал Вашингтон в Конгрессе (художник: Дмитрий Романовский)

И Конгресс, опасаясь команды «Заряжай! Цельсь! Пли!», спешно выделил средства.

Показателен, в историческом смысле, канонизированный сегодня эпизод с Полом Ревиром. Прискакав в одиночку в городок, он крикнул зычно: «Британцы идут!» И весь городок поднялся против англичан, с оружием в руках. Отметая в сторону красивости, можно заключить, что, несмотря на лоялистов, большинство населения было к англичанам настроено весьма враждебно, а англичане к населению.

И показательна иностранная помощь. На сторону Колоний встали две страны, традиционно враждебные Англии: Франция и Россия. Екатерина Вторая помогала в основном деньгами и дипломатией. Но Людовик Шестнадцатый послал в Новый Свет значительный контингент в помощь Вашингтону. Самая известная фигура в этой французской стороне истории – генерал Лафайетт. Но это к данной главе не относится.

И, наконец, когда военные действия были в самом разгаре, кому-то пришло наконец в головушку буйную их узаконить, придать им хотя бы видимость санкционированности. Дело это Конгресс поручил самому необычному человеку эпохи – Томасу

Джефферсону.

В свободное от основных занятий время Джефферсон, проживая в особняке на углу, в трех кварталах от Конгресса (обычный колониальный городской особняк, прелестный, очень уютный) составил документ, вошедший в историю как Декларация Независимости.

Сегодня это менее понятно, чем тогда, но —

Основная суть документа в том, что король Джордж Третий нарушил по отношению к колонистам условия Магна Карты. Посему колонисты являются не повстанцами, а – честными вассалами-баронами, следующими пункту Магна Карты, который оговаривает независимость баронов от короля в случае нарушения королем условий контракта.

В преамбуле Джефферсон, подумав, изменил слегка фразеологию. В черновике Декларации он написал – есть законы бытия естественные, святые (имея в виду, что их и прописью писать не нужно, их все люди и так знают с рождения). Затем ему пришло в голову, что святые законы есть в Библии, а все остальные законы святыми быть не могут по определению. И нашел нужное слово – есть законы естественные, САМООЧЕВИДНЫЕ.

Присыпал песком, подул, прицепил шпагу, и пешком отправился в Конгресс.

Глава пятая. О стратегии

Собственно стратегия Вашингтона есть стратегия вынужденного сдерживания. Понятно, что напрямую конфликтовать с армией Империи было делом бессмысленным. Империя, заупрямившись, могла послать в Новый Свет столько солдат, сколько понадобилось бы для уничтожения всего населения поголовно, вместе с лоялистами и индейцами.

Вашингтон воевал следующим образом. Подводил войска, фиксировал численность неприятеля, при благоприятном соотношении атаковал, но не затягивал конфликт, а тут же отходил, стараясь сберечь столько солдат, сколько мог. Расчет был на то, что англичане устанут (в Лондоне).

Но этот подход деморализировал и армию, и население, поэтому следовало что-то предпринять для поддержания духа.

И Вашингтон форсировал Делавер. Это такая речка, солидной ширины, и именно на ней стоит восточным боком Филадельфия. На противоположном берегу реки англичане разбили лагерь и ушли спать, законно полагая, что колонисты поступят также. У колонистов было несколько лодок, а лед на Делавере только что вскрылся и плавал кусками. Но Вашингтон решил, что – пора, и в рекордные сроки переправился с армией через реку. Англичан, едва очухавшихся и мало чего соображающих, он разбил в этой битве в пух и прах, взял много пленных, и так далее.

Переправа через Делавер (художник: Эмануэль Лойце)

Примечательная деталь. Во всех хрониках упоминается этот самый мартовский лед, плавающий кусками, и на самом

известном американском батальном полотне, висящем в Метрополитан Музее, этот лед наличествует. Сегодня на Делавере льда не бывает. Никогда. Можно сколько угодно распространяться, что, мол, глобальное потепление – миф, но вот и свидетельство.

Интересен случай с Джефферсоном, поверившим, благодаря этому случаю, в свою счастливую звезду. Англичане очень хотели его арестовать, ибо он был государственный преступник, написавший наглый документ, и имел большое влияние среди повстанцев. Как-то Джефферсон осматривал в подзорную трубу окрестности в какой-то местности, где пребывал, и, не увидев ничего особенного, вернулся в дом на ночевку. Там он вспомнил, что забыл на пригорке, с которого осматривал окрестности, свою шпагу. Вернулся, подобрал шпагу, а за пригорком увидел английский отряд. И срочно убрался из этого места. Ну, это к слову.

Спустя какое-то время Вашингтону очень серьезно повезло.

Объединившись с Лафайеттом и его армией, на время забыв неприязнь свою к французам, генерал провел несколько удачных сражений, и англичанам понадобились срочные новые планы и перегруппировка войск. По идее, генерал Бургойн, шедший на юг из Квебека, должен был объединиться с генералом Хоу, вышедшим из Нью-Йорка на север, чтобы окружить Колониальную Армию. При этом соотношение роялистов и колонистов должно было по плану быть не то два, не то три к одному.

Но тот член Парламента, в обязанности которого входило подписать и отправить приказ генералу Хоу, забыл это сделать и уехал на охоту, из Лондона в Кент.

Бургойн на место встречи прибыл, а Хоу продолжал торчать в Нью-Йорке. Воспользовавшись этим, колонисты окружили армию Бургойна, которая тут же сдалась. В подписании документа, свидетельствующего о сдаче, Бургойн поучаствовал своеобразно – проявив истинно английское чувство юмора и приписав саркастический комментарий к каждому предложенному американцами пункту.

Этот же генерал затем баллотировался в Палату Лордов в Лондоне весьма своеобразным способом: пришел на выборное собрание с двумя пистолетами в руках и в окружении своих солдат. Был оштрафован на тысячу фунтов стерлингов.

Хоу все-таки выступил из Нью-Йорка на север, с большим опозданием, после чего ему пришлось отступать, и отступать очень быстро.

И был Чесапикский Залив, место расположения сегодняшней

столицы Соединенных Штатов. И была стремительно отступающая английская армия. Колонисты подкатывают артиллерию. Англичане уходят к воде, где их ждут суда. В этот момент в этих же водах неожиданно появляется французский флот, который с большим удовольствием несколькими залпами эти суда топит, посему англичанам путь к дальнейшему отступлению оказывается отрезан. Их окружают и заставляют сдаться.

Король Джордж Третий читает Декларацию Независимости и реагирует так: «Накарякали, накарякали тут…»

После этого Континентальная Армия сохраняется на всякий случай в полном составе, благодаря увещеванием Вашингтона и вопреки недовольству Конгресса, до самого подписания мирного договора в Париже, в 1783-м году.

У новой страны нет ни законов, ни конституции, ни официальных границ. Все это предстоит как-то придумать и сформулировать. Но самый умный (и самый капризный) Джефферсон решает, что пора и отдохнуть, и выговаривает себе должность американского посла во Франции. И живет в Париже со своей любимой девушкой, она же квартеронка (на четверть негритянка) и его собственность, которая ТОЖЕ не очень хочет обратно в Америку, поскольку в Америке она – рабыня Джефферсона, а в Париже у нее светский салон и все от нее без ума.

Возвращаются они в Америку (помогать писать Конституцию) только когда разъяренная толпа начинает развешивать парижских аристократов на фонарях вдоль Риволи. Джефферсону, очень любившему Париж, эти пейзажные новшества совершенно не понравились. Что, мол, такое – я тут отдыхаю, веду светский образ жизни, а мне вон чего кажут. Нет, так дело не пойдет. Что ж, поедем обратно, а то дураки без меня ничего придумать не могут в смысле конституции.

Может, все это было не совсем так. Но настораживает именно совпадение по времени – Французской Революции, возвращения Джефферсона, написания Конституции и избрания Президента.

Глава шестая. Отступление о рабовладении

До примерно середины восемнадцатого века с рабовладением в Колониях дело обстояло, как везде. Белые рабы наличествовали и воспринимались совершенно спокойно. Наличествовали также свободные негры, имевшие рабов, в том числе и белых. Этот факт старательно обходится сегодня всеми историками.

Человечество спокойно пережило феодализм, вступило в эпоху Индустрии, а рабовладение так толком и не было признано пройденным этапом.

Когда наладилась поставка из Африки, белых рабов в Америке держать стало невыгодно. Одна морока. Откуда мне знать, раб он или нет. Как его ловить, если он сбежит. Черного ловить проще: если черный и бежит, значит – беглый раб. Хватай и заставляй признаваться, кто хозяин, получишь от хозяина вознаграждение.

Затем на стремительно индустриализирующемся Севере потребность в рабах отпала совсем, содержать их стало безумно дорого и нерентабельно, и, без всякой помпы, штат за штатом стал запрещать на своих территориях рабовладение. Кроме этого, в нескольких штатах, присоединившихся к Союзу в девятнадцатом веке, рабов не было изначально.

Казалось бы – все хорошо, а дальше будет лучше, но наметился, увы, порочный круг.

Во-первых, как это всегда бывает, освобожденные рабы оказались в еще худших условиях, чем были раньше. Денег нет, и на работу никто не берет. Хоть пропади. И многие ехали в рабовладельческие штаты и там продавали себя в рабство.

Во-вторых, естественный отбор никто не отменял. Часть населения, проведшая больше века в рабстве, дает потомство, склонное к рабству, поскольку протестующие отсеиваются – и хозяевами, и собственно женщинами, которые ищут в будущем муже надежного отца для будущих своих детей, а не безумного повстанца, который, поди, еще и изменять ей будет.

После отмены рабства сословный менталитет продолжает доминировать. Большая часть потомков рабов отличается от остального населения цветом кожи. Круг замыкается. Если ты черный – место твое в местах для черных, в трущобах, в нищете, сиди, не высовывайся, никаких прав у тебя нет.

И всё это несмотря на то, что в других рабовладельческих странах той же эпохи (в Германии и России, например) процент рабов по отношению к населению был значительно выше, чем в Америке. Но, будучи одного цвета кожи с людьми свободными,

рабы эти были (в историческом смысле) менее на виду, и, освободившись, некоторые из них, или же их дети или внуки, занимали положение в обществе, сравнимое с положением бывших рабовладельцев. Не все, но некоторые.

Потомки рабов во всех странах сходны: менталитетом, манерами, характером. Естественный отбор и разница в классах продолжают свое пагубное дело. Но в Америке больше контрастов, чем в других странах – из-за, опять же, цвета кожи.

Во всех бывших рабовладельческих странах основную популяцию детдомов составляют именно потомки рабов (серфов в Англии, крепостных в России – названия разные, суть одна). В Америке контраст: почти все детдомовские – черные. В России: контраста меньше. Посему бездетные белые американские пары, в виду дурости своей, предпочитают усыновлять обитателей РУССКИХ детдомов. И даже становятся в очередь и платят несусветные деньги, хотя могли бы усыновить черного мальчика или девочку из местных бесплатно.

Потомок русских крепостных может, при определенных личных качествах, перейти в другое сословие, ибо, несмотря на простецкие черты лица, все же имеет белый цвет кожи – а мало ли бывает простецких лиц в любых сословиях!

Черные же американцы в этом смысле – обречены. Возможно, на много еще поколений вперед. Они могут быть интеллигентными, рафинированными, или богатыми – это никого не волнует. Цвет кожи свидетельствует о происхождении.

Но, может, в ком-то проснется наконец чувство сострадания, и возжелает он поменять местами потомков рабов и потомков хозяев?

Частично это уже произошло. И в Америке, и в России. Результаты пока что весьма неприглядные. Борьба за справедливость ни к чему другому никогда не ведет. Справедливости не бывает. Бывает милосердие.

Глава седьмая. Сага о помощи

Томас Джефферсон не раз посещал Президента в резиденции, доверительно толкуя ему о помощи бывшим союзникам – то бишь французам. Мол, они нынче (союзники) остро нуждаются – в еде, одежде, золоте и солдатах. Всё это мы можем им дать, и будет это выглядеть, как будто мы им платим долг чести. Они, союзники, устроили у себя справедливую революцию, свергли тиранию, и за это вся Европа на них ополчилась и кинулась их завоевывать. Возвращение долгов есть – хороший тон, господин Президент.

Вашингтон, поправляя парик с недовольным видом, отвечал дипломатично:

– Ты, Томми, не дури, знаешь ли. Ты хоть и государственный секретарь, а соображения у тебя никакого. Союзника нашего звали Луи Шестнадцатый. Действительно, он был верный союзник. И генерал Лафайетт был союзник и соратник, что и доказал на поле брани. А дружки твои в Париже оттяпали Луи Шестнадцатому башку на площади [бывшая Площадь Революции, нынешняя Площадь Согласия, Пляс де ля Конкорд. В. Р.]! Это как же, достойное поведение, по твоему? А? Законного правителя – не сослали, не определили в простые граждане – а попросту убили! Без всякого закона, без приговора! Так вот – не будет этим гадам из мещанского сословия никакой помощи от нас – ни государственной, ни частной.

Почтенному собранию предлагается вычислить – был ли сей отказ мотивирован памятью об операции Черный Ястреб, или же государственными интересами, а то и собственно логикой рассуждений Президента.

Площадь Согласия (Конкорд) в Париже

Глава восьмая. Конституция и религия

Автором Конституции Соединенных Штатов считается Джеймз Мэдисон, хотя, конечно, места, где Джефферсон приложил руку, видны невооруженным взглядом. Также видно, что и где написано под непосредственным влиянием Бенджамина Франклина.

При составлении и принятии этого документа было очень много споров и драк, и, в общем, спорящие разделились на два лагеря – лагерь Томаса Джефферсона и лагерь Александра Гамильтона.

Гамильтон, не имеющий (по этой самой Конституции) права быть президентом США (поскольку родился вне страны, на островах), был федералист, сторонник сильной централизованной власти.

Джефферсон прочно стоял за самоуправление на местах.

Факт, который историки обычно обходят стороной – о формах правления спорили долго, и демократия вовсе не была безоговорочно принята, как лучшая из возможных форм. Согласно одной версии были даже предложения, серьезно обсуждавшиеся, создать конституционную монархию (с назначением Джорджа Вашингтона королем).

Тем не менее, Закон Земли Нашей (the Law of the Land) составлен был таким образом, чтобы государственную власть рассредоточить как можно надежнее (боялись возможного диктаторства и вмешательства власти в дела, которые ее не касаются). После многочисленных споров к Конституции были добавлены десять поправок (известные сегодня как Американский Билль о Правах).

Сегодня, когда упоминание Бога, молитву в школах, и так далее, разные умники называют «антиконституционными», неплохо вспомнить слова главного автора документа (кои слова НАМЕРЕННО ЗАМАЛЧИВАЮТСЯ), произнесенные при принятии Конституции:

«We've staked the whole future of American civilization not on the power of government, far from it. We have staked the future of all our political institutions upon the capacity of each and all of us … to Govern ourselves according to the commandments of God. The future and success of America is not in this Constitution, but in the laws of God upon which this Constitution is founded».

То есть:

«Мы доверили будущее американской цивилизации не власти правительства, вовсе нет. Мы доверили будущее всех наших политических институтов способностям всех и каждого … управлять собой в соответствии с заповедями Бога. Будущее и успех Америки не в Конституции, но в законах Божьих, на которых эта Конституция основана».

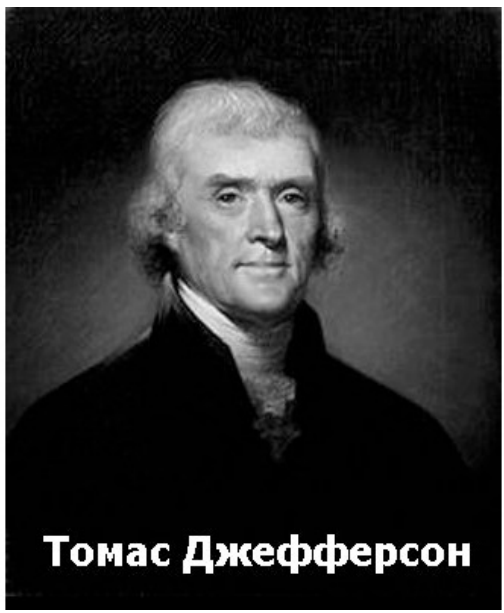
Некоторые из составителей и подписантов документа (в том числе Джефферсон) хотели заодно запретить, навсегда, любые политические партии. Не вышло. А жаль.

Конституция давала право голосовать на выборах всем белым мужчинам, достигшим восемнадцати лет, являющимся гражданами Америки, и имеющим собственность. Идея заключалась в том, что, мол, ежели умеешь управлять хозяйством настолько, что собственность не растерял, то и в управление страной вполне годишься. Уже тогда такая постановка вопроса вызвала массу протестов.

Первым Президентом стал Джордж Вашингтон, не принадлежавший ни к одной политической партии. Его выбрали и на второй срок. В третий раз Вашингтон, не баллотируясь, все равно набрал (возможно по инерции) два процента от общего количества голосов. Вторым Президентом стал Джон Адамс, а третьим Томас Джефферсон. С приходом к власти Джефферсона начались в стране весьма интересные и познавательные события. Но это уже другая история.

Глава девятая. Томми

На сегодняшний день Томас Джефферсон – самая незаурядная личность в американской политике. Ван Берен был барин, Бьюкенана и Линкольна подталкивали стихийные события, Франклину Делано Рузвельту помогала создавшаяся сама собой абсурдность обстановки, Кеннеди сделали рекламу газетчики. Джефферсон стоит особняком. Он сам по себе. Он личность вне зависимости от обстановки.



Томас Джефферсон (художник: Рембрандт Пил)

Джефферсон был рабовладельцем, уроженцем штата Вирджиния, на стыке Севера и Юга, самого неуемного штата Америки.

Влюбленный без памяти в свою рабыню (на четверть черную, на три четверти белую, по слухам – необыкновенной красоты), начал с ней роман, когда ей было всего четырнадцать лет. Впрочем, может, она рано повзрослела. Так или иначе, в Париже у нее были большие возможности, но она осталась Джефферсону верна. Очевидно, тоже любила. У них было множество детей. Также у него, Джефферсона, было множество детей от законной супруги. Не помню, сколько. Многочисленные потомки Джефферсона, белые и черные, шляются по миру до сих пор и везде, где они появляются, начинается брожение умов.

Победив на выборах, Джефферсон занялся наконец

политикой. До этого он занимался только идеологией и эпикурейством.

Было начало девятнадцатого века. Огромные территории Луизианы (тогдашняя Луизиана – это не сегодняшний штат – названная так в честь Людовика Четырнадцатого, Луизиана включала земли от Мексиканского Залива до границы с Канадой, четверть сегодняшней Америки) принадлежали когда-то Испании, и только что по договору отошли ко Франции. Американский посол в Европе пытался вывести испанцев и Наполеона на чистую воду, но они договор отрицали. При этом на территории Луизианы стоял полумиллионный французский контингент, а испанцы всерьез занялись Мексикой.

Когда Наполеон говорил о власти над миром, он не трепался попусту – он имел это в виду.

Наполеон Бонапарт

Территория была нужна также и Джефферсону. И испанцам. И даже англичанам. Территория вдоль Миссисипи – плодородная неразработанная земля, невиданное нигде в мире речное сообщение, хлопок, и так далее.

Джефферсон терпеть не мог военные конфликты. Они отвлекали его от его эпикурейских занятий. Поэтому вместо того, чтобы объявлять войну, он просто послал к Наполеону посла,

прорепетировав с ним текст. Экспансия началась мирным путем.

Джефферсон безусловно учел к этому моменту – положение Наполеона, завязшего в полудюжине европейских конфликтов, а также отсутствие у Наполеона чувства юмора. Он рассчитал, и весьма правильно (как оказалось), что Наполеон примет шутку всерьез.

Посол Джефферсона сказал буквально следующее —

– Ваше величество! В данный момент в Луизиане находятся не то триста, не то четыреста тысяч ваших многоуважаемых солдатен. Вивь ля Франс. Завтра, вивь ля Франс, мы можем послать туда четыре миллиона штыков. Вивь ля Франс. Американского производства. Вивь ля Франс. Двадцать миллионов долларов – окей?

– Двадцать миллионов – за что? – спросил Наполеон, держа, по привычке, руку за обшлагом сюртука.

– А за Луизиану, – ответил посол. – Такая земля. Речка там еще течет широкая такая. Вивь ля Франс и вивь лично вы, ваше императорское величество.

Сказав свое любимое (если верить историкам) слово – merde! … – Наполеон согласился.

С этого момента стал стремительно расти город под названием Новый Орлеан. По слухам, безусловно пустячным, но интересным, именно туда привезли похищенного со Святой Елены Наполеона. На доме даже табличка висит. На первом этаже бар. Я там пивал, пивал бордо. Очень даже неплохое бордо. И везде гравюры с портретами Наполеона.

Отработав президентом два срока, Джефферсон ушел на пенсию и заделался обыкновенным фермером. Он сказал много чего интересного в жизни. Ему приписывается (вроде бы) изречение – Французы хотят для себя американских законов, но у них нет для этого американских граждан. Это легенда. Может было, а может нет.

Не легенда – это изречение из его уже фермерской жизни в Вирджинии —

– Если мы будем спрашивать у федеральных властей в Вашингтоне, когда и как нам сеять, и когда собирать урожай, мы завтра останемся без хлеба.

Возлюбленную Салли он освободил – в завещании. Типа, мне лучше знать, и тебе, и мне спокойнее, если ты будешь моей рабой, пока я жив. А то мало ли что в головушку твою буйную тебе взбредет, дура.

Джефферсон оставил неимоверное количество заметок и эссе – обо всем на свете. О гражданственности, о Конституции, об истории, о христианстве, о рабовладении, о белых и черных

(к последним относился по-отечески и свысока, но отдавал себе отчет в неправомерности и неправомочности именно принижения черной расы).

Собственно рабовладение здесь не причем. За пять лет до рождения Джефферсона раб в Америке, как и во всех других странах, кроме тех, где рабовладение (серфы, крепостные, и т. д.) было запрещено – вполне мог быть белым. Этот факт обходится историками.

При этом удивительно, что до сих пор не цензурирован в этом смысле роман Роберта Луиса Стивенсона «Похищенный». Действие романа происходит в 1760-х (кажется) годах, героя (наследника, у которого дядя отобрал наследие и статус) везут в Америку – продавать в рабство.

К этому прибавим забавность ситуации. В КАКУЮ Америку его везут? ОЧЕНЬ возможно, что не в Соединенные Штаты, но в еще не присоединенные территории Луизианы. Испано-французские.

По выходе Джефферсона в отставку и переезде в Вирджинию, последующая администрация обнаружила, что Белый Дом должен десять тысяч долларов за бордо! (Уж не знаю я, запутался, сколько это на сегодняшние деньги, но, очевидно, умопомрачительная сумма, учитывая, что подоходного налога на простых граждан тогда не было).

Забавен пассаж из эссе Джефферсона, где он упоминает черных, сегодня все черные радикалы его приводят в доказательство гадства белых людей вообще. Написано там более или менее следующее —

«Черные не заливаются краской и не бледнеют при изменении внутренних чувств, и это – бедность выражения лица, в то время как у белых эти изменения цвета прекрасны в художественном смысле. Черные много секреций выделяют через поры кожи, намного больше, чем белые, поэтому от них сильно пахнет. Черные очень любят предаваться бездумным праздненствам, в которых не участвует мысль. Очень суеверны. В опасных ситуациях, в бою, например, черные не менее смелы, чем белые, но это просто потому, что не могут себе представить последствий своей смелости, им не хватает воображения».

***

Население Соединенных Штатов во время Войны За Независимость (она же – Революция) – год 1775-й – около пяти миллионов.

Население Соединенных Штатов во время президенства Джефферсона – около четырнадцати миллионов.

Население России в это же время – около двадцати четырех

миллионов.

Население Франции (кажется, точно не помню) около двадцати пяти миллионов.

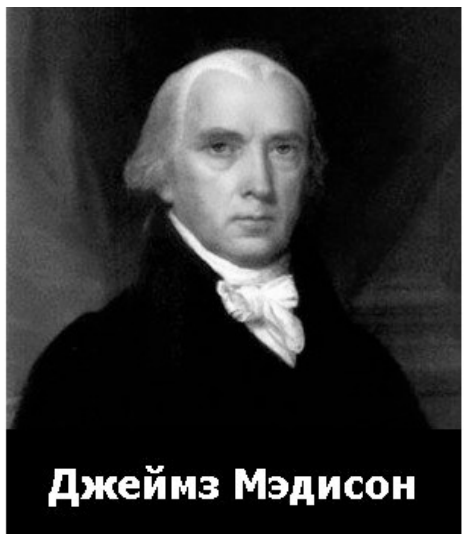
Глава десятая. Война г-на Мэдисона

В 1812-м году началась наконец Самая Первая Мировая Война. Не Первая, а Самая Первая. Опять Джордж Третий и, как это у Байрона —

In my hot youth, when George the Third was king…

Эдгару По было три года, Вашингтону Ирвингу (фонтан литературных сюжетов, которые потом заимствовали у него все, кому не лень, во всем мире) двадцать девять, а мир был занят войной. Воевали все подряд, со всеми подряд.

Президент Джеймз Мэдисон, официальный автор Конституции, не был занят в военных конфликтах, и это его угнетало. Зубоскалившие по этому поводу как раз и придумали, что конфликт с Англией именно из-за этого и был учрежден. И называли войну 1812-ого года «Войной г-на Мэдисона». Мэдисону сие было неприятно. Возможно также неприятно ему было, что жена его пользуется бульшей популярностью, чем он сам.



Джеймс Мэдисон. Художник: Джон Вандерлин

Долли Мэдисон была дама забавная, смешливая, простых нравов. Вешала веревки поперек главной гостиной Белого Дома и сушила на них белье. Принимала у себя всех подряд, ездила ко всем подряд – в общем, была народная любимица.

Правда, Мэдисон был, помимо всего прочего, человек умный. А это всегда приятно.

Британский Парламент, чтобы не сидеть без дела, издал

некие Указы Совета, запрещавшие частично всяким посторонним кораблям мотаться по Атлантике туда-сюда без особой грамоты с печатью. Указы подписали, ратифицировали, положили под сукно, и тут же о них забыли. Американский Конгресс решил, что это против них написано. Мэдисон выступил с речью. Было решено объявить англичанам войну. И объявили.

Англичане ужасно обиделись, снарядили несколько флотилий, и поехали присоединять Америку обратно. Сперва было весело. Потом война затянулась и стало грустно. Потом конфликт усилился. Все Восточное Побережье было блокировано, свежая флотилия под предводительством адмирала Кокберна прибыла в Чесапикский Залив. Вашингтон был эвакуирован. Англичане вошли в город, постреляв в окрестностях и уложив нескольких фермеров, а в городе – накидав в пустые здания факелов. В том числе – сожгли к свиньям пустующий Белый Дом. В Бостоне и Чарльзтоне американцы держали оборону. Новый Орлеан был взят, и англичане под шумок собирались оставить его себе вне зависимости от исхода конфликта. Противостояние затянулось. Через три года был подписан мир, в Бельгии, между Англией и Америкой, но вплоть до ратификации военные действия прекращать никто не собирался, а также не собирались отдавать Новый Орлеан.

Здесь вступает в дело Андрю Джексон – авантюрист, проходимец, карьерист, дуэлянт, остроумец, мыслитель, неуемный и неудержимый. Тощий – камзол на нем болтается как на вешалке. Сын иммигрантов – ирландца и шотландки. Но – уроженец Юга, и истый южанин по воспитанию и темпераменту. Родившийся в избе-срубе.

Президент Андрю Джексон

В свое время стал сожительствовать с женщиной, которую

вроде бы бросил муж. Потом муж умер, и Джексон на своей даме женился. Но был очень чувствителен к скабрезным шуткам по этому поводу. И однажды с кем-то сильно поспорил. С человеком по имени Дикенсон. И вызвал Дикенсона на дуэль. У Дикенсона была репутация лучшего стрелка всех штатов Юга. Выбор оружия был за ним, и Дикенсон выбрал пистолеты.

Им пришлось пересечь границу штата (вот не помню! – Миссури или Теннесси?), поскольку в данном штате дуэли были запрещены, а в соседнем нет. Рано утром противники стали в позицию и получили сигнал стрелять. Дикенсон прицелился, выстрелил, и попал. Говорят, Джексона спасла пуговица и худоба. Пальто на нем болталось, создавая дополнительную защиту от пули, а пуля угодила в бронзовую пуговицу. Прошла через пальто, сломала два ребра, и застряла где-то возле сердца. Также говорят, что вытащить ее (в то время) было невозможно, и Джексон так с ней и проходил всю жизнь. В общем, Джексон схватился левой рукой за грудь. А правой поднял пистолет. Дикенсон отступил на шаг, ошарашенный, и сказал – как! я, что, промахнулся? Ему указали, что нужно встать обратно к отметке. Он пожал плечами непринужденно, сделал шаг вперед, и скрестил руки на груди, не бросая пистолет. Джексон прошил его выстрелом насквозь. К вечеру Дикенсон умер. А Джексон провалялся неизвестно сколько времени в бреду и горячке, но выздоровел и пошел в гору.

Был очень красноречив. Умел вести за собой людей. Много читал. Неплохо разбирался в истории. Любил острить.

В битве за Новый Орлеан, длившейся два месяца, участвовало очень много разношерстого народа, в том числе из меньшинств. На стороне англичан участвовали черные солдаты с Джамайки, а также луизианские черные рабы, которым за участие обещали свободу. На стороне Джексона участвовали свободные луизианские негры, некоторые из которых имели рабов. С обеих сторон участвовали индейцы. Участвовали и армия и флот. Восьмого января состоялась решительная баталия, в которой генерал Джексон, имея вдвое меньший контингент, прошел по англичанам катком.

В Новом Орлеане по этому поводу сделались смешанные чувства. Половина города превозносила Джексона, другая половина ненавидела.

Так или иначе, на главной площади, перед собором Святого Людовика, Джексону поставили конный памятник, в бронзе, на солидном пьедестале (к этому пьедесталу мы еще вернемся – через пятьдесят лет).

Цивилизованный мир явно устал от войны. Хотелось

роскоши, беззаботных развлечений, цветов, шампанского. Следующий президент, Монро, автор «Доктрины Монро» обманул надежды Хенри Клея, который рассчитывал стать министром иностранных дел. Назначил вместо него Джона Квинси Адамса, сына второго президента Америки (и будущего президента! – у Бушей были предшественники). Жена Монро, Элизабет – светская дама, предпочитающая проживать в Париже. Белый Дом отстраивается и модернизируется, и обставляется парижской мебелью. Инаугурационный бал дается такой роскошный, что самому Монро становится стыдно (а жена радуется). Помимо этого, Элизабет Монро привозит из Европы титул «Американской Красавицы», и Монро тайно ревнует.

Наполеон торчит на Святой Елене. Российская Империя вступает в свои права, как «Жандарм Европы». Правит Британия морями.

Во время войны рождаются, в одном и том же году, в Италии и Германии, Верди и Вагнер. Четверка оперных театров в Новом Орлеане ждет зрелости этих двух композиторов. Но увы, увы… Новый Орлеан ОЧЕНЬ хочет быть культурной столицей обеих Америк. Увы.

Джузеппе Верди и Рихард Вагнер

Здесь начинает, хоть и с большим запозданием, действовать исторический закон отношений севера и юга, единый для всего мира.

Север – культурный богатый центр, оплот и так далее. Но собственно культуру страны создают (почти всегда) приехавшие на север южные провинциалы с комплексом неполноценности. Они рождаются и растут на своем юге, где они никому не нужны. Оказываются востребованными на севере. После чего юг их канонизирует.

Именно с этого времени, с Доктрины Монро, с разделения на индустриальный Север, агрикультурный Юг, и плохо разведанный Запад, начинается великое противостояние Севера и Юга. Оно не окончено до сих пор. Перемирие подписано – но никем не признано.

Война Англии и Америки 1812-ого года известна еще одним интересным эпизодом.

В 1750-м году в Англии родился некто Джон Стаффорд Смит, ставший впоследствии церковным органистом, композитором, и коллекционером рукописей Иоганна Себастьяна Баха. Еще подростком Смит вступил в лондонский клуб музыкантов-любителей, называвшийся «Анакреоническое Общество» (по ассоциации с придворным поэтом древней Эллады Анакреоном). Общество решило написать что-то вроде символической застольной для себя, и Смиту было поручено заняться музыкальной частью. Напомню, что Моцарт-младший (который Вольфганг Амадеус) родился на шесть лет позже Смита и во время оно под стол пешком ходил (ну, хорошо, гастролировал с отцом по Европе, играл на роялях с завязанными глазами, и так далее, но до музыкальной блистательности было все еще очень далеко). Смит, обожавший Баха, вдохновлялся музыкой этого композитора, а также шотландскими напевами, да и Генелем тоже не пренебрегал. И ему удалось сочинить весьма красивую, стильную мелодию, трудноватую для исполнения. Стихи написал президент клуба Ральф Томлисон.

Песня вошла в большую моду и распевалась всей Англией, и всеми колониями, очень долгое время.

В сентябре 1814-ого года (война все еще была в полном разгаре), тридцатипятилетний американский адвокат (и поэт-любитель) по имени Франсис Кей плыл в Балтимор на шхуне с белым переговорным флагом. Цель его была – добиться освобождения Уильяма Бинза, пожилого, любимого в округе Верхнего Марлборо, доктора и друга Кея, которого оккупировавшие Вашингтон англичане взяли в плен, и который обвинялся ими в укрывании английских дезертиров. Кей прибыл

на флагманский корабль англичан и участвовал там в корабельном обеде с генералом Робертом Россом и адмиралом Александром Кокрейном – в то время как те обсуждали военные планы. Сперва генерал и адмирал отказывались отпускать доктора, но после того, как Кей показал им письма, написанные английскими ранеными пленными, хвалившими Беанза и других американцев за доброе отношение к ним, пленным, отношение, согласились.

Чтобы Кей не разгласил сведений о надвигающейся баталии, которая обсуждалась за обедом, его оставили на флагманском судне до предполагаемого конца сражения. Перед самым сражением его перевезли обратно на его шхуну, стоявшую позади строя фрегатов и не имеющую возможности пройти к берегу. С него взяли честное слово, что он не попытается бежать. В семь утра британский флот атаковал форт МакХенри, и атака эта положила начало Сражению при Балтиморе. Обстрел форта продолжался весь день и вечер, и кончился далеко за полночь. В рассветных лучах Кей, вглядываясь в берег, увидел упрямо развевающийся над фортом американский флаг.

Прибыв на берег, Кей в патриотическом порыве написал четыре станзы под названием «Защита Форта МакХенри». Впоследствии муж его сестры, прочтя стихотворение, заметил, что оно более или менее укладывается, с некоторыми натяжками, в музыку песни «Анакреонического Общества», все еще известной в англоязычных странах. Стихи отнесли в типографию и напечтали без подписи, в Балтиморе, через три дня после сражения. В газете, напечатавшей стихи, указывалось, что их можно петь на известную всем мелодию. Несколько газет в других штатах перепечатали текст с такой же пометкой, а Томас Карр, владелец музыкального магазина в Балтиморе, опубликовал слова вместе с партитурой, заменив при этом название на «Звездами Усыпанное Знамя». В этом виде песня стала популярной с легкой руки балтиморского актера Фердинанда Дуранга, спевшего ее в таверне.

Через сто шестнадцать лет песню эту официально объявили национальным гимном Соединенных Штатов Америки.

Дословный перевод первого куплета (который в основном и исполняется) такой —

О скажи, видишь ли ты
В ранних лучах рассвета
То, чему так гордо мы салютовали
В последних отблесках сумерек,
Чьи широкие полосы и яркие звезды

Сквозь яростный бой
На который мы смотрели из-за валов
Так великолепно струились на ветру?
И красное зарево ракет,
И бомбы, разрывающиеся в воздухе
Всю ночь давали нам знать,
Что не исчез наш флаг.
О скажи, это звездами усыпанное знамя развевается ли все еще
Над землею свободных и родиной храбрых?

Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии

В эпоху президентства Джефферсона был принят федеральный закон, запрещающий ввоз в страну рабов – во всех штатах, по нескольким причинам. Во-первых – неприлично. Во-вторых (по мысли Джефферсона) – рабство вообще грех, и должно сойти на нет само собой в скором времени. В третьих, и чуть ли не в главных – в то время, когда в Карибском Регионе ввоз рабов был обусловлен тем, что они там плохо плодились и быстро умирали, в Соединенных Штатах черное население стремительно росло.

В начале девятнадцатого века борьба женщин за равноправие стала модной темой. В частности, сама Долли Мэдисон была феминистка, суфражистка, и так далее.

Дело, правда, не в этом. А в том, что за всеми этими политическими ходами, которые больше всего привлекали внимание, в Америке стартовал интересный процесс, который сперва и не заметили даже толком.

В страну начали прибывать иммигранты из Германии и Ирландии. Поток то увеличивался, то сходил на нет, то вдруг бурно разрастался. Принято выделять две больших немецких волны и две ирландских, но это очень условно.

Ирландцы дали Америке ее литературу, как в ранние века, но и в обсуждаемое время тоже, дали литературу Англии. Честно говоря, если покопаться, может и еще какой-нибудь стране они ее дали. В талантливых литераторах любой страны следует подозревать ирландские корни. Ирландцы очень остроумно умеют говорить, и также остроумно иногда пишут. А темы у них преимущественно глобальные. Существует американский анекдот – Зачем Бог изобрел виски? Чтобы ирландцы не захватили власть над миром.

А с немцами совсем интересно. В данный момент этнические немцы – самая большая этническая группа США, впереди англосаксов. Но и это не очень важно, а важно вот что. В Германии наличествовало крепостное право. Европу раздирали войны, политические конфликты, очень высокие по этому поводу налоги, привязки к земле крестьян, наследие язычества и междоусобиц, и прочая и прочая. В Америке ничего этого не было. Америка – очень большая страна. Земля (учитывая территории, приобретенные Джефферсоном, да и Восточное Побережье тоже) – огромна, и стоит гроши, хоть купить, хоть

в аренду, хоть в аренду с правом покупки в дальнейшем. Помимо этого, права на эту землю, легально полученные, охраняются впоследствии законом, который в Америке, благодаря этике пилигримов, чтут, и произвол не допускается даже со стороны федеральных властей. Религиозные убеждения не преследуются. Северных немцев, католиков, больше никто не будет ненавидеть и притеснять. Южных немцев, лютеран, тоже. Представители самой работящей нации на земле почувствовали свободу и вцепились в нее и в землю стальной немецкой хваткой. И стали строить фермы и обхаживать участки. И за два десятилетия подняли американское сельское хозяйство на невиданную, беспрецедентную высоту. К тому же помогала сама земля – самая благодатная на планете. О недоедании вне городов забыли начисто. В городах иногда в дело вмешивалась индустрия, и даже политика, но и там жили сносно. Даже в пик индустрии.

Нищенствующий Джек Лондон в молодости – нуждался очень сильно, ел всякую гадость, одевался плохо, жил в каморке. Но – каморка была своя. А на пропитание он зарабатывал себе так – на три месяца в году уходил в море матросом. Остальные девять месяцев жил в каморке и занимался самообразованием. И пытался писать. В Европе это было – совершенно невозможно, ни в каком году, ни в каком веке.

Джек Лондон, литератор

Впоследствии разбогатевшие немецкие фермеры посылали детей учиться в престижные университеты, и дети эти занялись и строительством. Заодно. А уж когда немцы строят – то строят. На века.

Одновременно с этим шел негативный процесс – мобильное население Америки, постоянно перемещающееся с места на место, любило моду и не любила старое. Это переросло в манию. Каждый ухарь, прикупивший себе особняк, считал своим долгом его непременно перестроить на современный лад. Так погибло, почти полностью, уникальное колониальное барокко.

В это же время начал стремительно разрастаться и отстраиваться главный город Нового Света – Нью-Йорк. Аристократия постепенно покидала Филадельфию. Снобистский Бостон оставался академическим, но потерял статус культурного центра. Чикаго был весь деревянный и глупый. Новый Орлеан очень сопротивлялся растущему влиянию Нью-Йорка, но его давили тарифами (что и привело, отчасти, к Гражданской Войне). А сам Нью-Йорк рос, ширился, хорошел, и к середине века уже никто не сомневался, где настоящая столица страны. Вашингтон – всего лишь Камелот, или разросшийся административно Версаль. Чтобы городу приобрести статус главного, ему нужно стать привлекательным для всех слоев общества. Нью-Йорк стал.

Стену, охранявшую южную оконечность – сердце города – от набегов индейцев, давно снесли, теперь она была уже не стена, но Улица Стены, впоследствии знаменитая Уолл Стрит. В западном ее конце высилась, и высится по сей день, Троицкая Церковь, вокруг которой и строился город, как Париж вокруг Нотр Дама. Чудо техники и архитектуры – канал, входящий на милю в городской массив, засыпали, и он стал просто – Улица Воды. Город вышел за изначальные свои пределы. Холмы к северо-западу срыли, фермы убрали, появились фешенебельные улицы, сегодняшний Гринич Вилледж. По типу Пляс де Вож, бывшей Рояль, разбили огромный сквер (Сквер Вашингтона) и от него на север потянулась Пятая Авеню. И от южной оконечности острова Манхеттен, диагонально вверх пролегла другая улица, ставшая вскоре знаменитой – Бродвей.

Вашингтон Сквер с прилегающими домами

Вашингтон Сквер и прилегающие дома

И, как в любой другой культурный центр, в город стали со всех концов света съезжаться люди – ремесленники, искатели счастья и приключений, и, конечно же, богема.

Глава двенадцатая. Олд Хикори

Президент Андрю Джексон во многом стал первым.

Например:

Первым президентом США, номинированным политической партией. С тех пор это вошло в моду. Жаль.

Первым президентом, родившимся в избе (срубе).

Первым президентом, ездившим на поезде. Ту-ту.

Первым президентом, на которого было покушение. Покушавшийся, некий Ричард Лоренс, в Конгрессе, когда Джексон направлялся к выходу, выстрелил в Джексона с десяти шагов. Был хлопок, но пуля не вылетела. Джексон обернулся и накинулся на Лоренса, размахивая тростью (не упоминается нигде, но можно себе представить, с какими именно словами, если помнить, кто такой Джексон). Лоренс вытащил второй пистолет и спустил курок. Пистолет дал осечку. Лоренса схватили и судили. На суде признан невменяемым. Посажен в приют для умалишенных. Американские конспирологи уверяют, что это был заговор иезуитов.

Усилил исполнительную власть (во всяком случае, так считается).

В тринадцатилетнем возрасте, принимая участие в Войне за Независимость, был взят в плен англичанами. Британский офицер приказал почистить ему (офицеру) сапоги. Джексон отказался. Офицер ударил его шпагой. Шрамы на лице и руке.

В юности изучал закон, сдал экзамен, получил лицензию, и стал адвокатом. Здесь следует сказать, что в те времена, и до конца девятнадцатого века, адвокаты не были похожи на сегодняшних. Общество было иное, и требования были иные. Востребованность и заработки адвокатов, включая самых известных, держались на их безупречной репутации. Известные адвокаты не могли быть прохиндеями просто по определению.

Репутация и умение Джексона-адвоката были достаточно хороши, чтобы купить несколько рабов (весьма дорогое удовольствие) и построить особняк.

Был избран в Палату Представителей от штата Теннесси, и затем, на короткий срок, в Сенат.

В чине генерал-майора участвовал в Войне 1812-ого года (упомянуто ранее).

В Конгрессе произнес речь о том, что Электоральный Колледж надо бы упразднить. Это, естественно, был ход в свою пользу, поскольку Джексон не сомневался, что при общенародном прямом голосовании он победит на любых выборах против кого

угодно. И был прав.

За что и был осмеян газетчиками и карикатуристами, которые называли его Король Андрю Первый.

После избрания, но до инаугурации, умерла его жена, из-за которой он сражался на дуэли, и с которой он прожил тридцать лет. Джексон говорил всем, что она умерла от стресса, который случился из-за непрерывного поливания его грязью в прессе во время президентской кампании. Роль Первой Леди (т. е. хозяйки Белого Дома) выполняла племянница жены.

Во время второго его президентского срока, вице-президентом был светлой памяти Мартин Ван Берен, ничем особенным не отличившийся в последующей роли президента, кроме одного – протащил и утвердил закон, в соответствии с которым у несостоятельного должника на территории Соединенных Штатов можно отобрать все, что понравится кредиторам, кроме одного – свободы. Т. е., начиная с 1837-ого года долговая тюрьма в Америке запрещена федеральным законом. А первого своего вице-президента Джексон, не любивший разводить церемонии, выгнал ко всем чертям. Тоже первый такой случай в истории Америки.

Джексон ненавидел англичан (шрамы в зеркале всю жизнь лицезрел). Не любил индейцев, участвовал в свое время в походе против них. Будучи президентом, подписал Акт Убирания (Removal Act) по которому индейцам предлагалась компенсация и помощь по устройству на новом месте, ежели они уберутся к западу от Миссисиппи. Лично мне это не нравится в принципе, но оправдание очевидное – индейцы на территориях Восточного Побережья выполняли роль сегодняшних … ну, знаете … в России. Я сторонник миссионерства и просвещения, как самых эффективных методов борьбы с негативной пассионарностью. А Джексон был парень горячий и не любил рассуждений на темы, а любил действие.

Два новых штата были приняты в Союз во время президентства Джексона – Арканза (в России его называют Арканзас, из-за написания) и Мичиган (с индустриальным Поселком Троих, ДЕ ТРУА, впоследствии центр американского автомобилестроения Детройт. (Весьма, кстати говоря, некрасивый город, по нескольким причинам, о которых ниже. Сегодня в центре Детройта белое население начисто отсутствует).

Отмахав два президентских срока, Джексон удалился к себе в имение с интересным названием – Эрмитаж (в переводе на русский – приют отшельника). Ворчать, писать, вспоминать Войну за Независимость. С особым умилением вспоминал историческую фразу Джона Пола Джонса.

…Джон Пол Джонс был капитан американского корабля. Американский флот находился в то время в зачаточном состоянии, до изобретения клиппера оставались десятилетия, корабли военные были смешные. Джонс капитанил на одной такой галоше, а матросы его были дилетанты без дисциплины, кто откуда, кто фермер, кто разбойник, кто и вовсе темная личность. Случилось Джонсу сойтись с английским военным кораблем. Обменялись они залпами. Англичане попали, и попали хорошо. Корабль Джонса начал крениться и собрался тонуть. Ни одно американское ядро по англичанам не попало. Да и был ли американский залп – неизвестно.

Капитан англичан в рупор крикнул Джонсу и команде – «Сдавайтесь!»

Тогда Джонс поднял свой рупор и крикнул в ответ – «Я еще не начал драться!»

Англичане стали на якорь, рассчитывая, что течение пронесет американцев мимо, и они утонут. Джонс умудрился отдать какие-то приказы команде, которая умудрилась что-то сделать наконец с парусом. И корабль Джонса понесло на англичан, которые не успели среагировать и дать еще залп. Джонс с матросами попрыгали на корабль англичан с обнаженными клинками и всех их повязали. После чего на этом же английском корабле поехали дальше – сражаться.

Ревизионисты этот эпизод оспаривают. Не знаю, зачем это им.

Глава тринадцатая. Вроде комментария к периоду

Мексиканскую Кампанию и Гражданскую Войну разделяют пятнадцать лет. Этот период в нескольких регионах страны называется Антибеллум – предвоенный. Сразу и в первую очередь Антибеллум ассоциируется с Новым Орлеаном.

О Мексиканской Кампании и Гражданской Войне я напишу отдельно. О Гражданской – даже не знаю, как писать. У меня есть начатая трилогия на эту тему. Но даже трилогией не охватить.

О Мексиканской Кампании ничего особенного не написано.

…О Гражданской Войне написано очень много глупостей, и, очевидно в связи с нашумевшим фильмом, роман Маргарет Митчелл записали в классику. Роман откровенно скучный и противный. Записывание в классику – дань расцвету феминизма. Псевдо-романтическую Хижину Дяди Тома (написанную именно в Антибеллум) тоже записали в классику, и ее тоже дама написала. И приводится (ВСЕГДА в неправильном контексте) фраза Линкольна, обращенная к авторше, когда та была на приеме в Белом Доме – «Так вы и есть та самая маленькая женщина, из-за которой нынче идет большая война?» Те, кто знаком по хроникам с характером и чувством юмора Линкольна понимают, что он просто издевался – правда, по-доброму. Но писать об этом не принято.

А время было бурное! Революции полыхали по всему миру. И сразу две премьеры – в Милане и в Дрездене – изменившие историю оперы, утвердившие два новых и основных оперных жанра – «Риголетто» и «Лоэнгрин».

Глава четырнадцатая. Техас и Мексика

Президент Полк был мужик мрачноватый, не очень умный, бюрократ-прагматик, возможно первый такой в истории Америки.

О причинах Мексиканской Кампании написано много, и споров она вызвала тоже много. В принципе, конечно же, это была нормальная для растущего государства экспансия, присоединение новых, напрашивающихся на присоединение, земель, и одновременно превентивная мера, поскольку так или иначе Техас не мог быть независимым государством – слишком много разных сил было кругом. В частности, Мексикой и прилегающими территориями интересовалась Испания (кстати говоря, непрерывное противостояние Соединенных Штатов и Испании, в конце концов вылившееся в конце девятнадцатого века в войну, освещено историками безобразно плохо – об этом противостоянии мало кто знает).

На каддоанском племенном наречии слово ТЕЯС (название штата произошло именно от этого слова) означает – друзья, или – союзники. Название местности, использовав слово, дали испанские путешественники. Альвар Нунез Кабеза де Вака, конквистадор, корабль которого затонул в Мексиканском Заливе, был первым европейцем, ступившим на техасскую землю (и, очевидно, первым, задавший самый первый в истории тупой техасский вопрос – «Это где же это мы с тобой, Родриго, приземлились, каррамба двуногая пещаная?»

В 1685-м году Рене Робер Кавелье де Ла Салль построил форт Святого Людовика (не путать с городом) и территория стала принадлежать короне французской.

Весь восемнадцатый век Испания посылает в Техас миссионеров, и они строят церкви и создают общины.

Незаметно техасские территории одна за другой отходят к Мексике.

В 1823-м году Стивен Ф. Остен основывает в регионе реки Бразос колонию из трехсот семей. Потомки их по сей день называют себя «потомками Старых Трехсот».

В 1832-м году происходит конфликт между англоязычными колонистами и правительством Мексики. Случается битва. Потом еще одна.

Помимо всего прочего, в Мексике запрещено рабство, а техасцы саксонского (а также испанского и французского, и даже ирландского происхождения) пользуются трудом рабов.

Размеры конфликта – смешные. Техасские территории (в то время их было в полтора раза больше, на севере Техас граничил

с Вайомингом, это половина Западной Европы) охраняются контингентом в двести человек! В «Битве Концепции» участвуют 90 англоязычных поселенцев, берущих верх над мексиканской армией, насчитывающей аж 450 человек. То бишь, просто деревенская драка, по большому счету.

1836-м году Техасское Самоуправление подписывает и ратифицирует Декларацию Независимости.

Мексика реагирует посланием пяти тысяч солдат в Аламо, который защищают сто девяносто англо-техасцев во главе с Уильямом В. Трависом. Осада длится две недели. В результате погибают ВСЕ защитники Аламо, до последнего.

Полковник Джеймс Фаннин, принимая бой с мексиканскими силами при Голиаде, во главе пятисот человек, отступает и сдается. Все его войско берут в плен. И после этого уничтожают физически (по приказу).

Мексиканский генерал Санта-Анна подавляет восстания и преследует всех подряд мятежников, говорящих на любом языке, кроме испанского. В этот момент с техасской неожиданностью на сцену выходит генерал Самюэль Хьюстон и, давая неожиданный отпор, побеждает мексиканцев в битве при Сан Хасинто, потеряв всего девять человек и противостоя со своими восемьюстами неучами вдвое превосходящим силам (размеры контингентов по-прежнему несерьезные), и берет бравого мексиканского генерала в плен.

В мае 1836-ого года пленным генералом и генералом Хьюстоном подписывается в Веласко мир. Техас становится независимым государством, ПРИЗНАННЫМ ведущими державами мира (в их числе Британская Империя, Франция, Российская Империя, Италия, Мексика, и СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ).

По этому поводу с техасской непосредственностью начинает строиться город Хьюстон, названный в честь бравого генерала. Республика Техас – вообще вполне комичное государство. В 1837-м году генерал Хьюстон с той же непосредственностью делает город Хьюстон столицей республики. Но уже в 1839-м году правительство переезжает в Остен – гораздо более древнее поселение, хоть и недавно переименованное.

В 1842-м году мексиканские силы в количестве пятисот человек захватывают Сан Антонио, но вскоре оттуда уезжают.

В сентябре того же года полторы тысячи мексиканских солдат снова захватывают Сан Антонио. Происходит сражение. Мексиканцы уходят, прихватив сотню пленных.

В избирательной кампании будущий президент Полк обещает присоединить Техас к Соединенным Штатам. (Переговоры

о присоединении и федеральной защиты от Мексики велись с предшественником Полка, президентом Тайлером).

Как всегда, помимо территорий, в конфликт замешаны деньги и личные счеты всех со всеми, и целая армия женщин, от блондинистых англотехасских до чернющих власами, коротконогих, кряжистых, но порой весьма привлекательных, мексиканских.

Так или иначе, федеральные войска Соединенных Штатов двинулись на юг.

В Америке эту войну называют Американо-Мексиканский Конфликт, Мексиканская Кампания, и еще всяко. В Мексике, помимо официальных названий, война эта также называется «Агрессией С Севера».

Так или иначе, конечная цель федеральных войск – дойти до столицы Мексики и заставить всех подписать все. По началу продвижение (по пересечении Рио Гранд) дается с большим трудом. В дело вступают серьезные многотысячные контингенты. Потери приблизительно равны с обеих сторон до определенного момента.

После чего происходит чудо. После взятия Монтеррея американцы начинают продвигаться быстро, их потери резко снижаются, а мексиканские потери начинают стремительно расти. На подходах к столице соотношение потерь американцев и мексиканцев составляет один к семи. Никаких моральных или психологических (или материальных, снабженческих) причин тому, вроде бы, нет.

Отвлекаясь и задумываясь над этим вопросом, следует признать, что в 1845-м году на территории Мексики начал действовать хорошо подготовленный американский спецназ. А кто, зачем и когда его готовил – неизвестно. (Хотя, конечно, автор этих строк написал на эту тему роман, похожий очень на правду. Дело в том, что в 1845-м году весь мир был опутан, как и сейчас, тайными обществами. Но, в отличие от сегодняшнего дня, тайные общества в девятнадцатом веке были менее бюрократизированы, более эффективны, и, самое смешное – меньше скрывались. Поэтому известны их названия. Тайное общество, помогавшее генералу Тейлору в Мексиканской Кампании называлось – Рыцари Золотого Круга. Состояло оно из очень разнородных людей, насчитывало несколько тысяч человек, и, очевидно, имело своих боевиков, умеющих внедряться куда надо и когда надо).

Штурм Мехико-Сити не был штурмом в прямом смысле слова. В то время столица страны окружена была толстой стеной, защищавшей ее вроде бы от набегов индейцев. Ворота заперли.

Американцы подкатили артиллерию и одним залпом пробили в стене дыру, достаточную для прохода всей армии.

Еще интересная деталь. В этой войне в первый раз в истории серьезно проявился межконфессиональный конфликт в американской армии. Командование состояло из англопротестантов, естественно. Но часть контингента и младшего командования составляли этнические (а иногда и всамделишные, прибывшие давеча в поисках счастья и материальных благ) ирландцы и поляки. Получение американского гражданства в военное время в девятнадцатом веке для молодого боеспособного эмигранта было элементарным – сошел с корабля, переплывшего с грехом пополам Атлантику, подписал бумагу, получил на руки сумму серебром, вот тебе гражданство, вот тебе мушкет, и вот тебе мешок с порохом и пулями. И вон твой сержант, все, иди.

Уже на мексиканской (КАТОЛИЧЕСКОЙ) территории возник конфликт между низшими чинами и командованием. И после очередного воинского наказания, в котором ирландцы почувствовали дискриминацию, несколько сотен их дезертировало и перешло на сторону Мексики. Мексиканцы их приняли! Более того, сформирован был специальный батальон, получивший собственное знамя и название – Батальон Святого Патрика, по имени национального ирландского святого. И поляки, составлявшие немалую часть дивизиона, не возражали. И пили текилу.

Командующий дивизиона, ирландец, бывший майор американской армии, после разгрома был взят в плен, но его друзья из командования (его любили в армии) устроили ему побег обратно в Мексику. Таким же образом были освобождены еще несколько выживших. Остальные пошли под трибунал.

Присоединение огромных техасских территорий нарушило баланс Северных и Южных штатов. Так, во всяком случае, говорят историки. Далее события развиваются стремительно – наступил Антибеллум.

Глава пятнадцатая. Антебеллум, часть первая

Много-много воды утекло с тех пор. Из исторического далека конфликт Севера и Юга видится теперь обычным территориальным конфликтом. Любая географическая данность, разрастаясь, проявляет в конце концов стремление – одновременно к расколу и удержанию. Римская Империя раскалывалась несколько раз, один раз даже вполне мирным путем. Вторая Римская Империя раскололась на столько частей, что сегодня нет никакой возможности их сосчитать. Империи также и удерживались, всегда с помощью оружия – Австро-Венгрия, Российская Империя (множество раз), Британская Империя (множество раз).

Раскол назревал в молодых Соединенных Штатах с момента покупки луизианских территорий. Юг разительно отличался, и отличается сейчас, от Севера.

Во многих штатах Юга наличествовал романский католицизм. Этнически южане отличались от северян (об этом помнят до сих пор) большим количеством кельтских примесей. Кроме того, на Юге очень жарко, и это влияет на естественный отбор и темперамент. Были и экономические причины. Предпринимательская и политическая верхушка Юга чувствовала непрерывное давление северян. В принципе, ситуация была сходной с ситуацией в Войне За Независимость. Налоги с южан брали солидные, а представительство было никакое (в Конгрессе южане неизменно оказывались в меньшинстве, и даже при президентах-южанах их все равно дискриминировали). Конкретно – федеральное правительство обещало индустриализацию, железные дороги, и прочее. Штаты платили – и не получали взамен ничего. Своим гражданам южные штаты объясняли это так – мы бы и построили все тоже самое на свои средства, но средства эти у нас отобрали в пользу Массачусетса. Ну, знаете, там, где учатся зажравшиеся дети северян. В Гарвадах и Йейлах.

После Мексиканской Кампании конфликт начал назревать стремительно, и проблемы рабовладения сыграли свою роль. Ничем особенным американское рабовладение не отличалось от остальных, ему современных, разве что было моложе. В Германии и России рабовладение практиковалось всю историю, и никаких претензий по этому поводу свободная просвещенная Франция этим странам не предъявляла (а то еще, знаете ли,

по голове получить можно … от дикарей … рабовладельцев … мол чего суетесь, лягушатники, в наши национальные, блядь, дела, а ну пошли отсюда со своим Вольтером … наполеоны хуевы …) С той лишь разницей, что на Севере рабовладение было запрещено законом. Поскольку в свое время было признано контрпродуктивным. К тридцатым годам девятнадцатого века рабовладение прекратило существование во всех штатах Севера. Был вопрос о включении новых штатов в Союз, и, чтобы угодить всем, их принимали попарно – рабовладельческий и свободный, рабовладельческий и свободный. Для включения в Союз штаты должны были подавать петицию (почти беспрецедентный случай, кстати говоря). Кроме сопротивляющихся (такие тоже были, Калифорнийская Республика просуществовала аж три года и не очень хотела в Союз, уйдя от испанцев, и на флаге у нее был медведь нарисован).

Помимо этого северяне, не удручаемые жарой, думали быстрее и ориентировались в обстановке лучше. Посему к моменту пика конфликта ВСЕ биржевые акции, так или иначе связанные с рабовладением, были проданы северянами – южанам. История умалчивает о том, КЕМ ЕЩЕ, помимо северных американцев, они были проданы (опять же южанам), но в хлопковом производстве (к примеру) был завязан весь мир, и глупо было бы предположить, что акциями НЕ владели предприниматели из Англии … Франции (просвещенной и свободной … отец художника Дега, к примеру, имел дела в Новом Орлеане), … Германии … России … Польши … Италии, Испании, Ближнего Востока, и т. д.

Южане акции покупали. Живя на Юге, трудно было себе представить, что ВСЕ ЭТО скоро закончится. Рабовладение было слишком большой частью повседневной жизни – для всех.

Многие северяне имели рабов – на Юге. И летние дома. И доходы. Все было продано. Еще один штрих к конфликту – повальная продажа рабов и рабовладельческих акций привела к падению этих акций, и южане это падение почувствовали. Стал падать жизненный уровень. Иммигранты из Германии и Ирландии, раньше стремившиеся в Новый Орлеан, изменили традиции и взяли курс на Новую Англию и Нью-Йорк.

Во многих штатах Севера существовали зверские законы по поводу, опять же, чернокожего населения. К примеру, некоторые штаты (кажется, Огайо и Висконсин, и, кажется, Миннесота) запрещали не только рабовладение, но и въезд на свою территорию небелых людей. То есть, рабства у нас нет, но и неча к нам соваться, бывшие рабы, мы вас не знаем и знать не хотим.

История не знает черно-белых (в художественном смысле) ситуаций. Большинству негров на Севере было хуже, чем на Юге. На Юге свободный негр был относительно полноправным гражданином, а раб – ценностью, причем немалой. Стоили рабы дорого, посему владельцы следили за их здоровьем. На Севере негров воспринимали как генетический мусор, хотя наука генетика не была еще популярной. Негры в Нью-Йорке могли рассчитывать только на самые худшие рабочие места. К неграм в Нью-Йорке относили ВСЕХ небелых, сколько бы в них не было небелой крови. Т. е., к примеру, Пушкин и Дюма в городе этом могли в то время в лучшем случае работать в котельной. И ни в какие приличные дома их не пустили бы дворецкие.

На Юге история с неграми выглядела по-другому. СОВСЕМ по другому. Этот факт историки тоже предпочитают обходить стороной, даже очень либеральные. Поскольку сегодняшняя мода – доказывать, что черные имеют святое право на существование в таком виде, в каком они есть (подразумевается, что они говно, но говорится, что они очень хорошие, умные, красивые, продвинутые и так далее – ну, это общеевропейско-американская мода, так говорить о якобы меньших братьях, из этой же категории – любовь к культуре Востока).

Были также и трагикомические инциденты. К примеру, существовал федеральный (!) закон, согласно которому раба, бежавшего в северный штат, нужно было ловить (этим занимались северяне) и доставлять обратно на Юг ЗА КОМПЕНСАЦИЮ. Разбирающиеся в человеческой натуре сразу видят возможности, не так ли. То есть —

Организуется пропаганда среди рабов. Бегите на Север, там все свободны и изящны. Привозится с севера негр, который с горящими глазами рассказывает про свободу и как всем хорошо. Ему, естественно, хорошо платят (пославшие его), поэтому на нем прекрасный костюм, а в кармане кошелек с солидной суммой, и вообще он откормленный и ухоженный. И даже образован неплохо. Его слушают. На ТАЙНОМ заседании в забегаловке для черных (надписи «Только Для Белых» существовали, но была и обратная сторона, хотя и без надписей) ему верят. Он же объясняет, что существуют ходы для побегов на Север. Все идет как по маслу – человек десять мужчин и женщин, иногда с детьми, решают бежать. По рассчитанным для них пересылкам, тайно, перебираются, к примеру, в Пеннсильванию. Там за ними следят под видом сочувствия и оказания на первых порах помощи, чтобы потом никто ничего не заподозрил. После чего является группа захвата. Свободных беглецов вяжут, сажают, уже

официально, в поезд (если Пеннсильвания) или на пароход (если Иллиной) и отправляют в южном направлении. По прибытии доставившие получают компенсацию.

Были и попроще предприниматели. Хватали свободных негров, родившихся на Севере. И тем же путем доставляли их на Юг. Покупатели рабов, а у них был большой опыт, понимали по выговору и осанке, что этот негр – из свободных. Посему стоили такие негры, естественно, дешевле.

Были и реальные пути побега, без махинаций. Но сегодня разобрать, где правда, а где обман, трудно. И, естественно, героев (и особенно героинь) так называемой Подземной Трассы (Underground Railroad) очень трудно отличить – наивных радетелей от махинаторов. Вот, к примеру, мадам Таубер – негритянка, организовавшая побеги сотен рабов на Север – кто она? Если хотя бы предположить, что она была на зарплате у каких-нибудь белых (а то и черных) махинаторов, будет скандал. И обвинения в расизме.

Территория Юга значительная была, и сегодня любят перечислять географические и экономические данности штатов Конфедерации, играя в объективность. На самом деле страны всегда ориентируются на свои культурные центры, а то, что происходит на остальных территориях, почти не имеет значения. На Севере Филадельфия и Бостон давно перестали быть такими центрами к тому моменту, и монополия Нью-Йорка на культуру стала неоспоримой. В противовес Нью-Йорку на Юге стремительно развивался Новый Орлеан. В Новом Орлеане происходило беспрецедентное.

Маленький город построен был на полукружии реки, там, где Миссисиппи загибается полумесяцем (Город Полумесяца, Crescent City), в полусотне миль вверх по течению от Мексиканского Залива. В американскую фазу своего развития он вошел в момент разгрома Андрю Джексоном интервенционных англичан. Сквер Джексона, с конной статуей в хорошей бронзе, сегодня – логический центр города. Сквер выходит на набережную. Символично позади статуи высится Собор Святого Людовика.

Собор Святого Людовика в Новом Орлеане

Все это миниатюрно, провинциально, но весьма самоутвердительно. Вокруг сквера, к северу, югу, и западу, расходится прямоугольный Французский Квартал, он же Старый Город, он же Viex Carre. К северу от сквера – колоннада с арками, Французский Рынок. Здесь располагается одно из самых старых на планете кафе, где пьют кофе с цикорием и едят биньеты – местной придумки пышки. Открыто было кафе в 1859-ом году, работает с тех пор круглосуточно (перерыва не было даже в Гражданскую Войну, даже во время оккупации). Пышки вкусные, кофе своеобразный. За три дня пребывания в Новом Орлеане, во время разведывательной поездки (я писал роман об этих самых исторических событиях), я зашел в это кафе – раз десять минимум. Приобщиться к истории. Вдоль набережной идет совершенно непонятная ветка, отдельная, трамвая. Протяженность – полторы мили. Если пешком – двадцать минут. Ну, полчаса, максимум. Непонятно, для чего она существует, и для чего была построена. Вторая трамвайная ветка идет в бывший совершенно роскошный, ныне крайне опасный, пригород. Трамваи очень старые. Третья ветка, идущая по Канал Стрит, не функционирует. Четвертая ветка, знаменитый благодаря одноименной пьесе Трамвай Желание, снята, теперь по этому маршруту ходит автобус.

Новый Орлеан

Новый Орлеан, Французский Квартал

Архитектура Старого Города уникальна, смесь позднего псевдо-барокко с классицизмом с мавританскими и средиземноморскими примесями. На всех домах наличествуют легкие «кружевные» балконы, вдоль всего фасада, с опорами на тротуарах. Улицы узкие. Здание оперного театра, в котором когда-то дебютировала непревзойденная (по слухам) Анжелина Патти, сгорело, и на этом месте сегодня пошлый отель. К востоку от сквера – огромная, спокойная Миссиссиппи. Иногда с реки поднимается клубами туман и заволакивает весь город. А летом очень жарко.

На знаменитом кафе-баре в уютном переулке, где когда-то подавали абсцент (сегодня подают заменитель, абсцент считается наркотиком) висит мемориальная доска с перечислениям людей, побывавших и попробовавших. Перечь впечатляет —

Жан Лафитт
Андрю Джексон
Маркиз де ЛаФайетт
Алексис, Великий Князь Всея Руси
Дженни Линд

Уильям Мейкпис Такерей
Генерал Борегард
Генерал Роберт И. Ли
Джефферсон Дейвис
Уолт Уитмен
Оскар Уайльд
Марк Твен
О. Генри
Буффало Билл Коди
Теодор Рузвельт
Энрико Карузо
Сара Бернар
Франклин Делано Рузвельт

Глава шестнадцатая. Антебеллум, часть вторая

В Луизиане и прилегающих штатах бурно рос хлопок, а в мире был хлопковый бум. Географическое расположение Нового Орлеана было в этом смысле очень удачным. Новые паровые корабли пересекали Атлантику за неделю. Река Миссисиппи – глубокая и широкая, удобная. Из Атлантики пароход заходил в Мексиканский Залив, проходил дельту, шел вверх по течению, преодолевал семьдесят миль, и спокойно швартовался в доках у Нового Орлеана. Все та же Миссисиппи обеспечивала связь с остальной страной, пересекая ее с юга на север. Из прибрежных городов шли железнодорожные ветки. К этой же эпохе относится развитие пароходства на собственно Миссисиппи, с типичным знаменитым двухтрубным судном, и рост городов вдоль реки, в частности, Сент-Луиса (Сен-Луи). Особенности жизни населения вдоль берегов освещены в классической американской литературе, о них много писали Брет-Харт, Марк Твен и компания. (Увы – расцвет был недолгим по многим причинам, не последняя из которых – железная дорога от Атлантики до Тихого Океана, проложенная сразу после Гражданской Войны, и ответвления от нее на юг – поезда практичнее речных пароходов).

А тем временем в Новом Орлеане, с четырьмя оперными театрами, с большим количеством публики из всех стран мира, с легендами и статуей Джексона перед Собором Святого Луи, с резными балконами по фасадам, появилось нечто – явление, прецедентов которому не знала история. Но – по порядку.

С большим количеством черных рабов конкурировали несметные же толпы иммигрантов из Германии и Ирландии. Вскоре на «черных» работах рабов не стало совсем, поскольку рабы стоили дорого (от шестисот долларов до пяти тысяч за штуку), а ирландцы были согласны на пятьдесят центов в день, и гибель одного ирландца, которому на башку свалился груз в порту, ничего не значила в финансовом смысле. Поэтому постепенно рабы начали специализироваться.

Хозяева отдавали рабов в учение. Рабы приобретали навыки, становились ремесленниками. (Тоже было и в Римской Империи, и, одновременно с Луизианой, в Российской Империи – ну и в Германии, естественно, только рабы по-другому назывались, и не отличались от остального населения цветом кожи, а только лишь выражением лица).

Целый класс рабов, весьма привилегированный – домашняя обслуга. Среди рабовладельцев считалось зазорным ударить «домашнего» раба – с ним переставали общаться его друзья как с человеком в высшей степени вульгарным, фу.

И только на очень больших плантациях рабы загибались по-прежнему. Обычный рядовой плантатор имел от двух до сорока рабов и в большинстве случаев вкалывал сам, вместе с ними, на полях. Хлопок – нежная вещь и требует непрерывного ухода. Но были плантаторы ОЧЕНЬ богатые, с несколькими тысячами рабов. И на таких плантациях было несладко. Вдоль берегов Миссиссиппи хозяева грозили рабам, которые вели себя плохо – «продам тебя вниз по реке!» Означало это – в служение крупному плантатору. Ученые-естественники той эпохи с важностью объясняли, что черные лучше приспособлены для работы в поле сутками напролет под палящим солнцем, чем белые. Дольше живут в таких условиях. Это утверждение в то время вызывало не больше возражений, чем сегодняшняя концепция «усталости металлов».

Но, повторим, рабы на больших плантациях во времена Антибеллума не составляли большинство черного населения.

(Кстати говоря, вставал вопрос о том, как учитывать черное население при выборах в Конгресс, поскольку количество представителей того или иного штата зависит от количества населения этого штата. В конце концов договорились, на федеральном уровне, что раба следует считать за три пятых белого человека. Чем не антропологическое откровение).

Но, поскольку большинство рабов было занято не на плантациях, а на обычных, и даже легких, и даже приятных, работах – началось неизбежное. А именно – расовое смешение.

Когда и в каком штате вдруг оказалось, что раб уже НЕ МОЖЕТ выкупить себя из рабства сам – дело темное, сведения противоречивые (в отличие, к примеру, о точных сведений об отмене Юрьева Дня в России). С некоторых пор все рабы в Америке были негры, а волю им мог дать только их хозяин, написав и подписав соответствующий документ. Но к этому моменту в рабовладельческих штатах УЖЕ существовало значительное количество СВОБОДНЫХ негров, могущих предъявить доказательства своего статуса. Среди них были и рабовладельцы. И плантаторы (правда, не крупные). Более того, появились мулаты и квартероны. А также мулатки и квартеронки. Среди которых попадались женщины необыкновенной, неземной красоты. Со многими из них жили их белые хозяева, заводили детей, а в завещании писали – считать свободным все семейство.

Западная граница Нового Орлеана – Северный Вал, длинный

прямой бульвар. Во времена Антибеллума вдоль него рядком стояли публичные дома. Но не только.

Традиция «квартероновых балов» появилась в самом начале девятнадцатого века, но в Антибеллум расцвела пышным цветом. Дело было так.

Вот в цветной семье подросла дочь. Красивая. Ее ведут в заведение, где устраивается такой бал (в единственном сохранившемся сегодня здании, в котором устраивались такие балы, сейчас отель, но планировка сохранена – я заходил, да, роскошь впечатляет, несмотря на новоорлеанскую миниатюрность строения). В это заведение НЕ допускаются негры и негритянки (а только мулатки и квартеронки). Играет музыка. Танцы. Звучат модные мелодии Ланнера и Штрауса-старшего. И, естественно, супермодная и суперновая «Застольная» из вердиевской «Травиаты», весьма подходящая тематически. Наличествует некое число богатых белых мужчин, как правило молодых и еще не женатых. На этом балу они выбирают себе девушку по своему вкусу. После чего снимается (а чаще покупается) дом на Северном Валу, в который и въезжает девушка, иногда со своей матерью. Белый холостяк с нею сожительствует, и все ведут себя так, будто это самая обыкновенная семья. Есть слуги. Есть рабы. Есть повар из рабов. Есть дворецкий. Появляются дети.

Ньюансы такие.

Первый. Дети не считаются, вроде бы, НАСТОЯЩИМИ детьми данной особи мужского пола. Несмотря на это, дети эти получают образование (какое кто), воспитание, и ремесло.

Второй. Сожительница имеет все гражданские права, кроме права голосовать (вспомним, что в этот момент белые женщины ТОЖЕ лишены этого права). Одеваются сожительницы хорошо. Живут как барыни. Постоянно пьют шампанское, едят арбузы и устриц. Лупят прислугу по морде (им можно, они женщины, существа ранимые).

Третий. Если белый муж решает вдруг жениться на белой женщине из своего круга, он имеет на это полное право. Есть два варианта развития дальнейших событий. Первый – он женится на белой, живет с ней, имеет детей, но продолжает посещать свою квартеронку – ну, например, два раза в неделю. Ревновать к квартеронке у белых женщин считается дурным тоном (хотя, конечно же, ревнуют). Муж продолжает платить за содержание хозяйства. Второй – он уходит от квартеронки. Но в этом случае он ОБЯЗАН оплатить ее содержание ДО КОНЦА ЕЕ ЖИЗНИ, обеспечить образование и воспитание детей, носящих ЕГО ФАМИЛИЮ, и приходить на помощь, если бывшая сожительница

будет в таковой нуждаться. А дом на Северном Валу после ухода белого псевдо-мужа считается СОБСТВЕННОСТЬЮ квартеронки. (Квартеронки, не обремененные в такой ситуации детьми, превращали резиденцию в публичный дом, всего и делов).

История идет своим чередом. Вот уже дети квартеронок получили образование (многие – во Франции). Вот они уже становятся не просто ремесленниками, но и людьми умственного труда, а также предпренимателями (и, естественно, рабовладельцами). Их количество растет. Свободных цветных (ом де колер либр) было в Новом Орлеане около тридцати тысяч к концу Антибеллума, значительная цифра. У них появляются свои театры. Свои заведения. Свои ШКОЛЫ (куда белые не ходят, а негры НЕ ДОПУСКАЮТСЯ). Они презирают негров (и постепенно начинают презирать белых). Они почти на равных с белыми. Они постепенно, квартал за кварталом, выживают белых и выгоняют негров с некоторых улиц. У них свое общество, особое. Они УЖЕ хотят – особый себе статус, отличный и от белых, и от черных. Они на равных заключают деловые сделки с белыми. Они путешествуют по миру. Они прекрасно одеты, энергичны, целеустремленны, иногда хорошо образованы. Не хватает одного – идеи. И идея появляется. Об этом сегодня очень трудно найти какие-либо сведения, но идея безусловно имела место.

Дарвин опубликовал свое «Происхождение Видов» только к концу эпохи Антибеллума. Мулаты и квартероны Нового Орлеана его явно предвосхитили, начав считать себя – СЛЕДУЮЩЕЙ СТУПЕНЬЮ эволюции. Идея избранности, ежели раз попала кому-то в голову, обратно уже не выйдет. Черная раса ни на что не способна, белая раса свое дело сделала и вырождается, мы – следующие!

Глава семнадцатая. Антебеллум, часть третья

У всех людей есть такая склонность – переиначивать концепцию с выгодой для себя лично. Так была переиначена библейская концепция избранности еврейского народа, и само слово избранность в связи с этим поменяло смысл. Изначальный смысл слова – назначение, должность, договор (посему везде в Старом Завете, где идет речь об избранности, присутствует слово контракт). Но многие, даже тогдашние, евреи решили, что это недостаточно лестно, и заключили, что избранность есть этническое (интеллектуальное и духовное) ИЗНАЧАЛЬНОЕ (по праву рождения) превосходство над всеми остальными этносами. С тех пор эта искаженная идея постоянно носится в воздухе, и почти каждый достаточно большой, или достаточно энергичный, народ или этнос считает себя особым и избранным. Патриотизм путается с национализмом, и так далее. Что из этого получается – достаточно хорошо освещено историками и отчетливо видно на сегодняшних примерах.

Но – идея была. Квартероновый расо-этнос в Новом Орлеане и окрестностях рос и креп. И стал налаживать международные связи. И поскольку особого статуса официально ему не давали, квартероны решили его себе СОЗДАТЬ. Сами. С помощью общественного мнения.

Именно с этой целью во Францию (например) была послана специальная делегация из Луизианы. Решили обратиться к знаменитому французскому квартерону, расовый состав крови которого в точности совпадал с их собственным, а именно – к писателю Александру Дюма-отцу. Нехай автор мушкетерской серии, самый известный литератор в мире, прибудет к нам с лекциями, поездит по стране, и все поймут, что мы – самые что ни на есть крутые в интеллектуальном смысле. Дюма внимательно выслушал делегацию, почесал репу, украшенную вьющимися мелко жесткими негритянскими волосами, предложил делегатам вина, накормил их хорошим обедом собственного изготовления, и выразился в том смысле, что побаивается американских властей. Это в Париже он – знаменитость, ему везде почет, и так далее. А ну-ка в Америке его вдруг схватят и продадут плантатору! Непорядок. Не поеду. Делегация уехала в расстройстве чувств (наверняка при этом обозвав литератора ебаным трусливым ниггером, но история об этом умалчивает).

Александр Дюма-отец, литератор

В это же время во всех южных штатах бурно рассуждали об отделении от Севера. Ом де колер были, естественно, за. Также рассуждали об освободительном движении. Чтобы никакого рабства. Ом де колер были, в большинстве, против. Также были люди лояльные, идущие в ногу с политикой федерального правительства, мечтающие об общем равенстве. Ом де колер были КАТЕГОРИЧЕСКИ против. Это легко объяснить.

Дело в том, что действительную цену якобы-равенства с белыми они очень хорошо себе представляли. Белые рассуждали, как белые всегда рассуждают – либо ты белый, либо, если у тебя был черный прадедушка, ты цветной. И никаких тебе полукровок, мулатов-квартеронов, отдельной расы, и так далее. Типа, негритянская кровь в ЛЮБОМ количестве – признак низшей расы. И все. При наступлении всеобщего якобы-равенства, ом де колер АВТОМАТИЧЕСКИ уравнивались в правах с неграми – то есть становились низшей расой, теряя свой особый статус. Такая перспектива их, естественно, совершенно не радовала. Чтобы понять, что именно так оно все и будет, ежели всеобщее

равенство, им не нужно было даже выезжать из Нового Орлеана – достаточно послушать белых приезжих, которые были в шоке каждый раз, как видели на улице белого и мулата, обменивающихся рукопожатием.

А приезжих было много. К югу от центра рос новый район – Американский Квартал. Там жили всякие люди, но костяк составляли нувориши, предприниматели, приехавшие с Севера разжиться на хлопке. Их влияние в городе росло. Постепенно они начали скупать великолепные особняки к северу от города, дворцы традиционных плантаторов, вдоль реки. (Видел я эти особняки – своеобразно весьма, и действительно очень красиво – и река, и зелень вокруг, и типично луизианская архитектура). Постепенно нувориши с Севера стали конфликтовать с ом де колер – самой деятельной прослойкой города. Конфликтовать экономически, поскольку прослойка в эпоху Антибеллума имела *ОГРОМНОЕ* влияние на городские власти.

Отдельно стоит отметить закон о публичных домах. Он вышел в середине пятидесятых, в пик Антибеллума. Закон запрещал белым посещать публичные дома, в которых наличествовали девушки ом де колер. А для негров и закона не нужно было – их просто гнали в шею, и все тут. Этот закон *БЕЗУСЛОВНО* был проведен с подачи этих же самых ом де колер. Во-первых, в публичных домах были салоны, на которых обсуждались разные ом де колер дела, и белым гадам вовсе не нужно знать, о чем говорят ом де колер. Не их собачье дело. Кроме того, пользующийся услугами ом де колер проститутки белый *УНИЖАЕТ* таким образом всех ом де колер. Посему – идите-ка вы, белые, своей вырожденческой дорогой. А мы пойдем своей.

(Тупой техасский вопрос русским читателям – у кого-нибудь есть сомнения, к какой именно группе людей причисляли ом де колер некоего Александра Пушкина, потомственного аристократа?)

Александр Пушкин, литератор

В общем, если бы так все шло и дальше, быть бы Новому Орлеану автономией, если не отдельной республикой – не зависящей ни от Севера, ни от остального Юга. А что? Хлопок есть. Со всем миром торгуем. Миссиссиппи есть. Атлантика есть. Есть свои школы. И давно уже есть свои церкви. Энергии – хоть отбавляй. Власть постепенно прибирается к рукам. А конституцию напишем свою.

И все-таки движение было слишком малочисленным для полного счастья. Несмотря на то, что отголоски его слышны в Луизиане до сих пор.

Уже после Гражданской Войны, после почти, в общей сложности, миллиона убитых, после того, как все, устав от бойни, сложили оружие и вздохнули, и занялись обычными мирными делами, оккупационные войска федерального правительства стояли в окрестностях Нового Орлеана *ЕЩЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ*. В Новом Орлеане непрерывно вспыхивали восстания. Ом де колер воевали за свой утерянный статус. Пока не сошло на нет,

не растеряло молодость и энергию, особое, деятельное поколение Антибеллум.

Сегодня в среднестатистическом американском негре тридцать процентов белой крови. То есть, любой негр смело мог бы считать белую культуру своей. И числить в своих предках Шекспира, или Корнеля – кому что нравится. Но каждому этносу и каждой группе, по какому бы признаку она, группа, не формировалась, с детства вбивают в головы то, что выгодно властьимущим. А властьимущим всегда выгодно именно статус-кво. Власть любит стабильность и не любит новшеств. Посему большинство негров с раннего детства рассуждают о «своей» культуре, «своих» путях, «особенностях» и так далее. Вуду, племенные всякие древние полумифические дела, и так далее. Знакомо? Безусловно. Знакомо всем. Во всех странах, на всех континентах. Всем по-своему, но знакомо.

Глава восемнадцатая. Независимость Юга

Последующие несколько глав неизбежно будут кишеть неточностями, ибо дело, как в случае любой большой войны, очень путанное.

Президент Бьюкенан, выбранный совершенно случайно (он сам не ожидал, партии грызлись и запоздынились с выбором более популярных кандидатов) был южанин, и отделяться при таком президенте было бы не то, чтобы глупо, но как-то неудобно. Бьюкенан был мягок характером, очень хорошо образован, романтичен. Потеряв в ранней молодости любимую женщину, он решил не жениться во второй раз. Обязанности Первой Леди в Белом Доме выполняла его племянница. Бьюкенан намеревался посвятить весь свой срок на посту – просвещению, строительству библиотек, церквей, госпиталей, и так далее. Самым важным делом казалась ему прокладка кабеля по дну Атлантики для телеграфной связи с Европой. Кабель проложили. Бьюкенан успел обменяться сообщениями с королевой Викторией. Через три часа связь отказала по до сих пор невыясненным причинам. (Сама по себе прокладка кабеля – отдельная, очень забавная история. Кабель везли на нескольких судах, разматывая катушку, из Ливерпуля. Два раза роняли в океан, и приходилось возвращаться). Здание обсерватории в штате Массачуссетс, где действовала американская телеграфная сторона, на радостях случайно сожгли, остался обгорелый купол. И так далее.

В Конгрессе интриговали непрерывно, все больше и больше консолидируясь – южане против северян, северяне против южан. Бьюкенан прилагал все усилия, чтобы не допустить конфликта – возможно, ждал, когда кончится его срок, чтобы не быть ни за что в ответе. Действительно, на второй срок он свою кандидатуру не выдвигал.

Состоялись выборы следующего президента, и неожиданно для всех им стал безвестный конгрессмен, безродный самоучка, провинциальный адвокат не первой молодости – северянин.

Об этом человеке написано столько, что, конечно, он давно стал идолом – одновременно негативным и позитивным. Жаль, поскольку человек он был весьма интересный.

Абрахам Линкольн любил дважды в своей жизни, второй раз удачно. Женат он был на маленькой, худой женщине по имени Мери, ревнивой, страстной, и ужасно милой на его, Линкольна, взгляд. Как и он, она была уроженкой штата Иллиной. Победивший на выборах, Линкольн вернулся в родной Спрингфилд, и, спрыгнув на платформу, бегом кинулся к дому,

крича (историки записали) – «Мери! Мери! *НАС* избрали!»

У него было особое чувство юмора, изощренное – шутки его мало кто понимал. У него были две любимых книги – Библия и полное собрание сочинений Шекспира. Не самый худший выбор. Он часто цитировал и то, и другое. Он не любил одежду и при первой же возможности снимал с себя все, что позволительно было снять. Он был остроумный, темпераментный, прозорливый.

Известен случай, когда, будучи уже «освободителем», он прогуливался по улице с другом, а навстречу им шел негр. Негр снял шляпу и поклонился Линкольну. Линкольн снял шляпу и поклонился негру. Через несколько шагов возмущенный друг сказал «Как не стыдно – снимать шляпу перед негром!» – на что Линкольн ответил, «Я никогда и никому не позволю быть в моем присутствии более джентльменом, чем я сам».

Мэри Тодд Линкольн, жена Президента

Все это было хорошо и романтично, а только избранный

президент – еще не действительный президент, и до инагурации оставалось два месяца.

Вдохновленные избранием северянина, южные штаты стали один за другим подписывать декларации независимости. Отделилась Вирджиния, обе Каролины, Джорджия, Алабама, Флорида, Миссисиппи, Луизиана, Теннесси. Отделился Техас. Написана была конституция новой страны – Конфедерации Штатов Америки, более или менее копия с конституции Мэдисона, но с узаконенным рабством. Подписана была общая для Конфедерации декларация Независимости. Избраны были президент и вице-президент. И, наконец, в городке под названием Саванна, что в Джорджии, в мэрии произнесена была речь этого самого вице-президента, вошедшая в историю, как «Краеугольный Спич». Стивенс, человек маленького роста, речистый, с индейской кровью (частичную принадлежность к индейцам он отрицал) сказал в битком набитой аудитории, следующее (кроме всего прочего) —

«Мы живем во времена величайшей в истории революции. Семь суверенных штатов сбросили за последние три месяца ярмо старого правления и создали новое правительство. Эта наша революция – единственная в истории, в своем роде, в виду того, что она свершилась без кровопролития. Ни одна капля крови не была пролита».

Далее Стивенс упомянул сходство Войны за Независимость с сегодняшним положением дел. Он указал на то, что Федеральное Правительство вело себя по отношению к Югу так, как в свое время Британская Империя вела себя по отношению к Колониям. Налоги с Юга брали – но использовали полученные средства исключительно на благо Севера. Ну, к примеру, если вы берете (говорил Стивенс) деньги у Северной Каролины на постройку железных дорог, логично было бы дороги эти строить именно в Северной Каролине, а не в Огайо. Кроме того, нас давили тарифами, и поэтому европейские торговые суда предпочитали швартоваться в Бостоне и Нью-Йорке, а не в Новом Орлеане.

«Новая Конституция» – стебался Стивенс, «закрыла все нездоровые вопросы по поводу нашего традиционного института – африканского рабства в том виде, в котором оно существует. Северяне и некоторые южане провозглашали идеи, которые были фундаментально неверными. Идеи эти основывались на положении о равенстве всех рас. Это ошибка. Наше новое правительство основывается на противоположной идее – краеугольный камень есть правда о том, что негр не равен белому; что рабство, субординация, подчинение лучшей расе, есть

естественное, нормальное условие существования. Понятно, что понимание этого заняло у человечества много времени, как понимание вообще любой большой научной правды. Так же было с принципами, провозглашенными Галилеем. Так же было с политико-экономическими принципами Адама Смита. Также было с Гарвеем и его теорией о кровообращении. Все вышепоименованное признается теперь всем миром, как факт. Множество правительств основаны были на принципах субординации и крепостничества некоторых классов, принадлежащих к той же расе, что и правящий класс, и это было нарушением естества человеческого. У нас все белые люди, вне зависимости от социального положения, богатые и бедные, равны в глазах закона. Не то в случае негра. Природно ли, или под проклятием Канаана, он естественно вписывается в жизненные условия, предоставленные ему нашей системой».

«Тысячи людей понимают, что правда эта не раскрыта пока что до конца. Сегодня мы много слышим о цивилизовании и христианизации варварских племен в Африке. По моему суждению, успеха эти попытки не достигнут без того, чтобы не научить африканцев сперва тому, чему научили Адама – «в поте лица своего добывать будешь свой хлеб, и не научить их работать, кормить и одевать, самих себя».

Вопреки сегодняшним мнениям, основанным на невежестве (Краеугольный спич можно прочесть в переводе на любой язык, он легко ищется в библиотеке и в инете), часть спича, посвященная собственно вопросу негритянского рабства, была короткая.

Далее, Стивенс говорил:

«У нас есть все, чтобы стать одной из основных наций планеты. На Севере, и даже на близлежащих к Северу территориях, бытует мнение, что нас мало и мы слишком слабы, чтобы стать отдельной нацией. Это большая ошибка. В случае территории, ее у нас пятьсот шестьдесят пять тысяч квадратных миль, и больше. Это чуть ли не половина изначальной территории независимых тринадцати штатов. Территория наша превышает территории Франции, Испании, Португалии, и Великобритании (включая Англию, Ирландию и Шотландию) вместе взятые. По населению – у нас больше, чем пять миллионов народу, судя по переписи, включая белых и черных. Население Первых Тринадцати было меньше, чем четыре миллиона в то время, когда мы достигли независимости от Британии. И если основатели, с меньшим населением, чем мы, могли противостоять величайшей в истории Империи, почему бы и нам не поступить так же?».

И так далее.

Столицей новой страны объявлен был Ричмонд в Вирджинии.

И сразу возникла проблема фортов.

Все укрепленные форты на море, и часть фортов на суше, принадлежали Федеральному Правительству. Их нужно было отобрать. Желательно без кровопролития. В начале это казалось простым делом.

Три четверти боевых офицеров Федеральной армии, выпускников Вест Пойнта, были южане. Почти все они подали в отставку. Казалось бы – объяви, что форты наши, и они сразу станут нашими.

Возникла тяжелая пауза.

Форт Самтер, в бухте города Чарльстон (где впоследствии изобрели одноименный танец), Северная Каролина, нуждался в пополнении продовольственных запасов. Все-еще-президент Бьюкенан послал три корабля – пополнить. Федеральное правительство уведомило об этом форт телеграммой, но телеграмму приняли в Чарльстоне, уже принадлежавшем Конфедерации, и посмеялись. Тем не менее корабли прибыли.

Неподалеку от Чарльстона располагается Цитадель – второе по значению, после Вест Пойнта, элитарное военное училище страны. Чарльстон кишел военными. На берег выкатили пушки и сделали несколько холостых выстрелов. Корабли не пришвартовались – ушли. Пушки не убрали. Вместо этого к полукругу бухты начали прибывать дивизионы.

Форт Самтер сегодня

Майор Андерсон, начальник форта, послал в Белый Дом депешу такого содержания —

«Запасов хватит на месяц. Если не будет пополнения, через месяц я сдам форт южанам».

В Белом Доме схватились за головы. Тут Бьюкенан со вздохом облегчения передал ключи Линкольну и ушел. И Линкольн – не поступил *НИКАК*.

Сегодня неизвестно, что, кому, и когда не понравилось. Но за неделю до определенного майором Андерсоном срока был сделан выстрел. Из форта ли по берегу, с берега ли по форту – никто не знает. Выстрел послужил сигналом. Форт молчал, а с берега по нему непрерывно палили из пушек в течении тридцати шести часов. И остановились только, когда узнали, что гарнизон вышел на плац в последний раз – отдать честь флагу. Стреляли в воздух, но после салюта оказалось, что четверо солдат ранены, а один убит. То есть, не обошлось без заговора.

Линкольн очень хорошо понимал, что нужно срочно действовать. Но не действовал.

Меж тем президент Конфедерации (ветеран Мексиканской Кампании) Джефферсон Дейвис назначил генерала Роберта Ли главнокомандующим войск Юга.

У Конфедерации возникли проблемы с вооружением. Сталелитейная промышленность была на Юге в зачаточном состоянии, как и вообще Индустрия. Попросили помощи у англичан, предложили деньги. Англичане отказали – не принимая Конфедерацию всерьез и желая сохранить хорошие отношения с Севером. Тогда южане прекратили экспорт хлопка, и в Англии тут же остановились заводы. Голодные безработные высыпали на улицы. Англия незамедлительно выслала в Новый Орлеан и в Чарльстон целую кучу ружей и патронов к ним.

Конфликт перезрел, нервозность чувствовалась во всем, и первый бой неизбежно должен был состояться. И он состоялся. Цель Федерального Правительства была – заставить отделившихся вернуться в Союз. Цель Конфедерации была – обороняться, пока Северу не надоест. Первое сражение произошло около городка Булл Ран.

Глава девятнадцатая. Булл Ран

Битва при Булл Ране не была, собственно, даже битвой, и, если мыслить логически, никому не была нужна. Но обеим сторонам так или иначе хотелось посмотреть – а что будет, если война действительно начнется?

Сборы северян проходили у Потомака. Было лето, и было жарко. Батальоны добровольцев прибывали с севера – из Огайо, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка, по железной дороге с пересадкой в Балтиморе. При этом северная и южная ветки в Балтиморе не пересекались, и нужно было вылезать и топать к противоположному вокзалу через весь город. Собрались и вышли на марш в сторону Булл Рана. Разведка северян не работала тогда никак. Газетчики обменивались информацией, вот и все разведданные.

Час прибытия воинов под Булл Ран был известен всей стране. К полю будущего сражения стали подтягиваться любопытные. Некоторые приходили со складными стульями. Были дамы с зонтиками от солнца. Мужчины во фраках. Устраивались пикники. Северяне шли медленно, поминутно отлучаясь с дороги в лес в целях добычи ягод, устраивая частые привалы, а командиров, призывающих собраться воедино и маршировать без устали, презрительно обшучивали. Шагали долго, и на место сражения пришли в расхлюстаном виде.

Со своей стороны южане применили (первый раз в истории) доставку солдат прямо на поле боя по железной дороге. Армия южан была дисциплинированна, хорошо обучена, и свежа – два часа поездом это не неделю пешком.

Южане быстро оценили обстановку, быстро выкатили пушки, быстро построились, быстро ввели в дело кавалерию. Северяне рассматривали поле и свои мушкеты, не дав себе времени приготовиться, спохватиться, понять, что происходит. Южане дали залп и атаковали северян в лоб. Засвистели пули, загрохали взрывы, зрители побежали в рассыпную, забыв складные стулья. Вскоре в рассыпную побежали также северяне. Поле осталось за южанами. И они не стали преследовать противника. Собственно, и преследовать-то было некого. Противник называется. Срамота.

Северные газеты сперва осторожно, а потом громко, стали писать о разгроме. Подключилось либеральное крыло и начало уверять что —

Южане имеют право на самоопределение

Насильно мил не будешь, а Линкольн сволочь

Пусть катятся

До какой же низости может опуститься наше правительство, чтобы из-за каких-то тарифов и хлопка стрелять в родных братьев, чтоб этому правительству пусто было!

Южные газеты бестолково славили победителей и уверяли, что северяне больше не сунутся.

Но дело было сделано – армии начали формироваться. В дополнение к добровольной армии Линкольн объявил призыв. И Джефферсон Дейвис тоже объявил призыв.

Подсчитано, что к концу войны в боевых действиях поучаствовало около тридцати процентов северян мужского пола. И около девяноста (!) процентов южан мужского пола.

Начались бои.

Глава двадцатая. О событиях и новшествах

Первые полтора года Гражданской Войны (известной на Юге как Война за Независимость Юга) удача сопутствовала южанам повсюду. Генерал Ли громил противников непрерывно. Войска по-прежнему перебрасывались с места на место по железным дорогам (эту тактику в конце концов переняли и северяне). И однажды, после очередного сражения, совершенно неожиданно для всех, армия генерала-южанина вторглась на территорию противника, в штат Мериленд, частично даже в Пеннсильванию, и путь на Вашингтон был открыт. Ли был готов взять столицу врага. В столице случилась, как водится, паника, поскольку столица, как в очередной раз оказалось, никем не защищается. Ли перекидывался телеграммами с Ричмондом, Джефферсон Дейвис отписывал ему, что, мол, все замечательно, но вторжение в Вашингтон – преждевременно. Сказывалась изначально выбранная стратегия – южане желали только обороняться. Пока шел обмен мнениями, северяне успели подтянуть к Вашингтону много войска, и Ли, которому разведка докладывала о положении, понял, что момент упущен.

Он не забывал читать газеты, в которых подробно освещались события и делались предположения. Ему принадлежит раздраженная историческая фраза – «Почему-то о своих планах я узнаю из газет».

В то же время американский журнализм резко изменил формат – в связи, опять же, с событиями. Журналисты, передававшие свои заметки со всех концов, пользовались телеграфом, который мог в любой момент испортиться (или кто-то в благородном тактическом порыве мог перерезать провод), поэтому все основные события и мысли давались сперва общо, одним параграфом (чтобы главное дошло), а подробности и рассуждения слались во вторую очередь.

По ходу военных действий и северяне, и южане переоснастили армии. Мушкеты заменены были винтовками, и военачальникам пришлось на ходу переучиваться – пули летели точнее и дальше, и это влияло на действия. Нельзя было подходить к противнику слишком близко.

Кавалерия использовала револьверы.

Генерал Хукер водил за своим войском публичный дом в полном составе. С его легкой руки слово «хукер», означающее проститутку, прочно вошло в английский язык (включая британский его вариант).

В одном из сражений, когда северяне очень наседали,

генерал Ли, дабы воодушевить своих, показал рукой на восседавшего на коне Джексона, и крикнул – «Посмотрите, как он держится – как каменная стена!» Выражение «Stonewall Jackson» также вошло во все версии английского языка.

Один из северных военачальников перед боем приблизился верхом, в сопровождении адъютанта, к рядам противников. Адъютант сказал – не надо бы так близко подъезжать. Военачальник презрительно ответил, что на таком расстоянии эти дураки даже в слона не попадут. Эти слова были последними в его жизни – пуля вошла ему между глаз.

Южане по прежнему страдали от недостатка вооружения. Винтовки они подбирали прямо на полях сражений – как трофеи.

Выстрел же из мушкета в то время делался так.

Солдат останавливался и ставил мушкет вертикально. Руку запускал в патронташ, извлекал оттуда патрон (не в современном смысле, но – порох и пуля, завернутые фирменно в бумагу). Разрывал бумагу зубами. Ссыпал в ствол порох. Сверху всобачивал пулю. Забивал ее в ствол шомполом. Пристегивал шомпол. Поднимал мушкет, целился, и стрелял.

Меж тем война шла также и на море, причем по всему миру. Северяне и южане пытались перекрывать друг другу торговые пути. Было несколько морских сражений аж у берегов Европы.

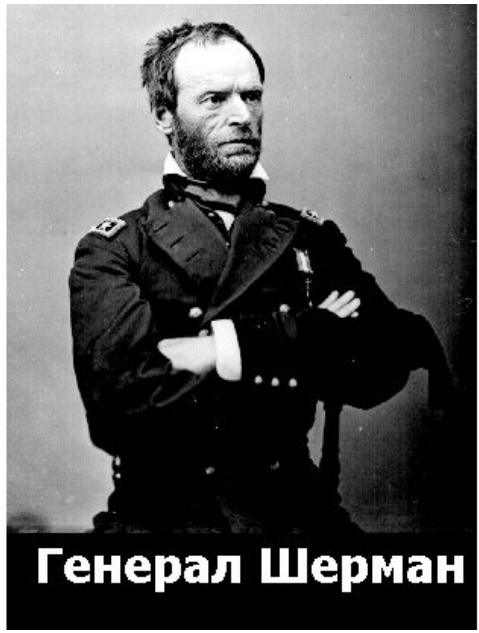
В этой войне впервые стали использовать бронированные суда. Испытаны были первые подводные лодки.

Женщины принимали активное участие в действиях – как медсестры и шпионки.

Со стороны Юга рабы принимали активное участие в действиях – на стороне хозяев.

Захватывая поселки южан, северяне относились к найденным в них неграм гораздо хуже, чем южане.

Линкольну ужасно хотелось сказать что-нибудь об эмансипации рабов, но он молчал – для таких речей нужна была как минимум одна внушительная победа северян, а ее не было. Линкольн разжаловал МакКлелана и назначил главнокомандующим Гранта. Грант благоволил генералу Шерману. Расчет на Шермана оправдался – Шерман впервые в новой истории применил тактику выжженной земли. Его армия не оставляла ничего там, где она проходила, и одно имя Шерман вселяло в южан дичайший ужас. И Шерман сделал то, чего очень хотелось Линкольну – добился внушительной победы. Он взял Атланту (штат Джорджия) и сжег ее к свиньям.



Генерал Шерман

Общественное мнение северян, направляемое газетами и слухами, изменилось (до Атланты дело шло к тому, что Линкольна выставили бы из Белого Дома, а с южанами подписали бы мир). Президент воспользовался этим и объявил, что, помимо всего прочего, война ведется за освобождение рабов.

В этой же связи Линкольн в частном порядке высказал пожелание – мол, воюем за освобождение от рабства, а негров в нашей армии совсем нет. Нужно бы, чтоб были, хотя бы для представительства.

Как всегда в случае таких пожеланий, генералы стали отдавать приказы, которые выполняли сержанты, поэтому неудивительно, что «получилось как всегда». Негров рекрутировали в армию Севера угрозами и пинками, отрывали отцов и сыновей от семей, били, и так далее.

Хорошо ли Линкольн относился к черным, вообще? Не очень. Насколько важным казался ему вопрос о запрете на рабовладение? Летописцы отмечают следующее его высказывание —

Сохранение Союза (т. е. всех штатов под эгидой Федерального Правительства) является главной целью войны. Можно разрешить рабство некоторым штатам, или всем штатам, или запретить во всех штатах – я в любом случае выбрал бы тот путь, который вернее всех других ведет к сохранению Союза. «Союз должен быть, и будет, сохранен».

Другой источник сообщает, что жена кого-то из администрации спросила у Линкольна – «Почему бы их просто не отпустить?» – имея в виду южные штаты. «Отпустить?» – спросил Линкольн. «А на что мы жить будем?» Источник, как большинство «достоверных источников» – очень серьезный, посему достоверность слегка под сомнением. Мне кажется, что это была шутка – вполне в стиле Линкольна. Но и правда в этой шутке, безусловно, наличествовала. «Король Хлопок» главенствовал в мире, как сейчас главенствует нефть.

Еще одна шутка Линкольна (уже упомянутая ранее) прошла мимо цели – многие приняли ее за красивый дипломатический ход (и еще многие – за серьезное высказывание). Авторша романа «Хижина Дяди Тома», пошловатого, соцреалистического навыворот, и написанного плохо (тем не менее, роман разошелся по всему миру огромными тиражами) побывала на приеме в Белом Доме. Линкольн вышел из кабинета в гостиную, чтобы поприветствовать гостью, и сказал, – «Ага, так вы и есть та самая маленькая женщина, из-за которой у нас нынче ведется такая большая война». Лесть – великое дело, и авторша не поняла бы шутки, даже если бы обладала чувством юмора.

Меж тем обе стороны искали союза с другими странами. Южане *ИЗНАЧАЛЬНО* рассчитывали на военную поддержку со стороны Франции. Никакой поддержки, разумеется, не было. Северяне обращались ко всем подряд и ухватились за возможность посоюзничать с Россией.

Собственно, Россия, как раз во время оно занимавшаяся освобождением рабов (их называли в России – крепостные), серьезно участвовать в *ГРАЖДАНСКОЙ* войне за океаном не собиралась, а готовилась к возможной *МЕЖДУНАРОДНОЙ* войне с Англией. Но царь симпатизировал северянам и боялся зимы – новые военные корабли Империи могли пострадать от морозов. И, по соглашению, немалая часть российского флота переправлена была в Нью-Йорк и своим присутствием в дельте Гудзона пугала южан (не без успеха).

Николай Римский-Корсаков, композитор

Этот эпизод подробно описан в мемуарах Римского-Корсакова, служившего тогда во флоте. Будущий композитор, по профессии моряк, был человеком очень дотошным и расписал все тщательно. Мол, приехали мы, сошли на берег, пожили в Нью-Йорке, сходили в оперу (давали в тот вечер «Риголетто», но, к сожалению, именно по этому поводу подробностей в мемуарах нет – какие певцы? как оркестр?). Главный оперный театр Нью-Йорка находился в то время на Ирвинг Плейс, по соседству с Гринвич Вилледжем. Затем Корсаков с друзьями ездил по Гудзону и трехсотмильному Ири Каналу к Ниагаре. Ниагара очень впечатляет. Граница старых и новых геологических образований начинается в пятидесяти милях к северу от Нью-Йорка и диагонально пересекает континент, и на пограничье есть много интересного – в частности Великие Озера.

Особняком в Гражданской Войне стоит взятие Нового Орлеана.

Глава двадцать первая. Новый Орлеан

Война – явление трагикомическое, то есть, одновременно страшное, смешное, и глупое.

Безусловно, жемчужиной Юга был именно Новый Орлеан – стремительно растущий культурный центр (экономический – тоже). Судя по действиям войск Союза и ответным действиям войск Конфедерации, этого никто в Америке не понимал. Фронт расширился, растянулся до Каменистых Гор, северяне делили его на два театра – к востоку и к западу от Миссисипи, две армии – одна северян, другая южан – ждали, когда же противник войдет наконец в нейтральный Канзас, чтобы можно было начать там освободительную войну, южане одерживали одну победу за другой на своей территории, и эти победы ровно ничего не значили (разве что с психологической точки зрения) – а Новый Орлеан защищался горсткой нестроевых ополченцев и при этом его очень долго не собирались захватывать северяне. Историки находят тому тысячи причин и забывают упомянуть главную – глупость человеческую, всегда доминирующую во всех войнах.

Флот адмирала Фаррагата, состоящий из нескольких кораблей, один бронированный, обошел Флориду, втиснулся в Мексиканский Залив, и направился к дельте Миссисипи. Там справа и слева ждали его два форта. Фаррагат поставил суда боком к фортам и открыл огонь, и за несколько часов разнес форты в тлеющую пыль. После чего флот вошел в реку и поплыл себе дальше, вверх по течению, к Новому Орлеану. Река Миссисипи – очень широкая, и очень глубокая, и флот приняла запросто.

На пути встречались еще форты, поменьше, с очень малыми гарнизонами, и по ним моряки постреливали нехотя. На подходах к Новому Орлеану ополченцы гнали к кораблям Фаррагата горящие плоты. Плоты тушили. Несмотря на то, что на каждом корабле был человек, знающий топографию дна в этих местах, один фрегат все-таки сел на мель. Но потом снялся.

Корабли прибыли в новоорлеанский порт и бросили якоря. Никто им не сопротивлялся. На главной площади (Сквер Джексона, с конной статуей) стояла в полном составе городская администрация. Фаррагат потребовал у мэра символические ключи от города, протянул ему бумагу – подписать капитуляцию. Выглядело это вполне комично, но мэру было не до смеха, и он сказал, что он против. Тогда Фаррагат объяснил, что поставит пушки у начала каждой улицы (в старом квартале, он же Французский, улицы, идущие от берега вглубь, идеально прямые)

и будет стрелять вдоль очень долго. Мэр подписал бумагу.

И дело бы на этом закончилось – снова бы открылись четыре оперных театра, заработали бы кафе, жизнь вошла бы в привычную колею – вот только мулаты из зажиточных чувствовали бы себя неуютно, но тут объявился в городе генерал Батлер.

Генерал Батлер

Про Батлера написано много, и большинство написанного – весьма и весьма нелестно. Пишут, что был он скандалист, дурак, хам, и очень плохой полководец. Действительно, ни одно сражение он не выиграл за всю свою карьеру. Один раз, во время Гражданской Войны (до Нового Орлеана, ему предоставили поле сражения, где его, Батлера, войска превосходили численностью войска противника чуть ли не в три раза. Он управился оказаться в проигрыше. Но Линкольн его терпел до самого последнего момента (об этом позже), поскольку Линкольн очень неплохо разбирался в людях.

Батлер не был ни дураком, ни хамом. Он был – человек, которого никто не слушает. Он говорил и делал вполне разумные

вещи (и это понимал Линкольн), но его приказам никто не подчинялся, а его действия не принимались всерьез (никем, кроме, опять же, Линкольна).

Батлер вошел в Новый Орлеан, уже взятый Фаррагатом, с небольшой армией, в момент заминки.

Заминка была такая. Профессиональный картежник, двадцати двух лет от роду, по имени Уильям Мамфорд, совершил патриотическую диверсию – залез на крышу монетного двора и содрал с флагштока звездно-полосатый флаг победителей. Уильяма схватили и, в назидание, повесили публично. По поводу того, кто именно отдал приказ его вешать – Фаррагат, кто-то из его лейтенантов, или сам Батлер – неизвестно. Обвиняют Батлера.

Но заминка разрешилась, и Батлер, с мрачного согласия Фаррагата, засел в мэрии и стал издавать указы.

Почему Фаррагат отдал Батлеру город? Кто ж его разберет. Есть пикантная деталь – Фаррагат был уроженец Юга. Когда Юг провозгласил независимость, Фаррагат не подал в отставку, не нарушил присягу, а стал служить – Северу. Что на него повлияло – судить трудно. Голос ли чести, жена ли, любовница ли, друзья – кто знает. В морских боях он проявлял рвение. Декларировал, где мог, что дело Севера – правое. Возможно, он чувствовал, что лучше Батлер, чем он – и в данном случае в нем говорил не голос родины, но отношение к нему, «предателю», жителей Нового Орлеана.

Так или иначе, но именно на него одна новоорлеанская леди вылила с резного-кружевного блакона ночной горшок. Намеренно.

Не зная, как поступить в этом странном случае, Фаррагат обратился к Батлеру. Батлер, как все умные люди, которых не понимает окружение, сразу развил кипучую деятельность и издал приказ под номером двадцать семь. В приказе было написано следующее (фразеологию приблизительно передаю по памяти) —

«Любая женщина, оскорбившая словом или действием солдата Союзной Армии, с момента оскорбления рассматривается, как проститутка и может быть использована в этом качестве кем угодно».

Это поумерило патриотический пыл новоорлеанских защитниц – и вызвало международный скандал. Из Франции (!) и Англии (!!) в Вашингтон пошли ноты протеста и требования (!!!) отстранить генерала Батлера от должности (!!!!).

Тем не менее, женщины перестали опорожнять ночные горшки с балконов на солдат-оккупантов, ограничась

наклеиванием на них (горшки) портретов Батлера.

Были покушения на солдат.

Борясь с импровизированной фрондой, Батлер произвел обыск во всех аристократических домах, и ему тут же приписали (возможно, несправедливо) – жадность и мародерство, и придумали кличку Спунз Батлер – намекающую, что он утащил у аристократии все вплоть до серебрянных ложек и припрятал в сундуке.

«Убирайтесь из нашего края с вашим Союзом, мерзкие янки!» – уже не кричали, но тихо с ненавистью повторяли новоорлеанцы дома, реже в кафе. Мулаты, креолы, белые аристократы.

Помалкивали (в большинстве) иммигранты из Ирландии и Германии, не успевшие еще пустить в Луизиане корни. И разделилась на две более или менее равных части прослойка мирных янки из Американского Квартала. Кто-то был за, кто-то против. Естественно, против были рабовладельцы и вообще почти все, кто имел дело с хлопком.

И все же, и все же.

По нескольким причинам из года в год в Новом Орлеане свирепствовала так называемая «желтая лихорадка», и в периоды очень частых эпидемий от нее умирал каждый третий житель города.

Батлер об этом не знал. Ему сказали. Он возмутился глупостью руководства и велел каждый день мыть улицы. С мылом. Швабрами. С тех пор, и до наших дней, Новый Орлеан не знает ни одного случая желтой лихорадки. Но об этом забыли, естсетвенно.

И, конечно же, он озадачил всех (чувства юмора у него не было никакого) – наняв каменотеса, который весьма ровно и гладко выбил на широком боку постамента конной статуи Джексона в центральном сквере – «Союз должен быть сохранен, и сохранен будет». Чтоб любовались.

Памятник Джексону в Новом Орлеане

Будучи в Новом Орлеане, я потрогал эту надпись рукой. Каменотес свое дело знал. Гладко и ровно. Коренных новоорлеанцев в городе в наше время почти не осталось, поэтому никто тайком по ночам эту инскрипцию не замазывает, не затирает, не закрашивает, не рисует поверх нее флаг Конфедерации.

И, конечно же, Батлер, прочтя о себе нелестное в двух газетах (из, кажется, семи) Нового Орлеана, газеты эти тут же закрыл, а остальных журналистов строго предупредил. Какая сволочь, тут же решили все.

(Кстати говоря, Линкольну вменяют в вину то, что он закрывал во время войны газеты оппозиции. Такой был, прямо, антидемократ, такой диктатор. Посмеявшись над наивностью (или демагогией) обвинителей, скажу, что – странные были времена, не так ли. В мире существовали газеты, которые *СТОИЛО ЗАКРЫТЬ* из-за мнений, выраженных на их страницах. Найдите мне сегодня такую газету, в любой стране).

Подумавши, добавлю, что истеричный неумеха Батлер был склонен проявлять к населению оккупированной территории невиданную лояльность. Население платило ему неприкрытой злобой и ненавистью. Результаты были – Линкольн отозвал Батлера. Следующий временный правитель Нового Орлеана ничем себя не проявил, и имени его никто не помнит.

Потом кончилась война, и были пятнадцать бурных лет – восстание за восстанием. Возможно, историки скрывают, что в этих восстаниях очень активное участие принимали ом-де-колер, те самые мулаты из зажиточных. Соединенные Штаты очень устали от этой войны, желали отдыхать, нежиться, заниматься строительством и агрикультурой – поголовно, и северяне, и даже южане. И только в Луизиане последующие пятнадцать лет по очень веским причинам стояли федеральные войска, каждый день готовые к действию.

Город скис, заглох, опровинциалился донельзя, сузился. Вокруг Французского Квартала понастроили непримечательных небоскребов, из четырех классических трамвайных (бывшая конка) веток оставили две, одну из них – явно для туристов. Новоорлеанский джаз – единственное, чем славен нынешний город. Ну и дурацкий праздник Марди Гра. Убого. Город, составлявший во время оно конкуренцию Нью-Йорку. Город южной аристократии.

В начале двадцатого века сгорел в Новом Орлеане исторический оперный театр, построенный с расчетом вписывания в ансамбль – те же кружевные балконы. Но моральный настрой жителей города находился на отметке настолько низкой, что до самых шестидесятых годов на месте сгоревшего театра не строили ничего. В шестидесятых построили отель (вписывается в ансамбль, балконы, но все равно грустно). Напротив отеля сохранился с давних времен бар под названием Оперное Кафе. Играют джаз. В театре этом сгоревшем дебютировала когда-то самая великая певица (по слухам) всех времен и народов Анжелина Патти. Восемнадцать лет ей было. Кажется, пела Джильду («Риголетто», Верди).

Сгоревший оперный театр, гравюра рубежа 19-ого и 20-ого веков

Чтобы посмотреть на бывший бульвар борделей, Норт Рампарт, Северный Вал, мне пришлось взять такси. Пешком там ходить нельзя даже днем (я спросил встречного негра, как туда пройти, он посмотрел на меня дикими глазами и сказал – если нет машины, возьми такси. Норт Рампарт находился в тот момент от меня в семи минутах ходьбы. Таким же способом я пробирался к знаменитым Дуэльным Дубам в историческом парке – всю историю горячеголовые новоорлеанцы дрались там на шпагах и пистолетах, дуэли случались даже из-за несогласия противников по поводу качества голоса той или иной певицы в опере – ссора начиналась в ложе, из театра к Дубам ехали в карете, чтоб быстрее). Преступность дикая. Некоторые пассионарные потомки освобожденных рабов ведут себя очень нагло и вызывающе. Безопасным считается только исторический центр – тот самый Французский Квартал, Вье Карре, воспетый Теннесси Уильямсом. Вместо Трамвая Желания тем же маршрутом, из Вье Карре в пригород, к дому Стенли Ковальски и Стеллы, который посетила Бланш Дюбуа, ходит нынче туристкий автобус.

Кстати, конка в Новом Орлеане заменена была перед

Гражданской Войной паровой тягой, но было много дыма, и после войны паровозы убрали и поставили работать лошадок – до самой электрификации.

Единственная функциональная (не для туристов) трамвайная линия уходит за город, в садово-особняковые кварталы, неприлично красивые. Трамвай (ржавый, громыхающий, и очень симпатичный, с прямой дугой, с деревянными еще скамьями, зеленого цвета) идет по центру бульвара с роскошными южными деревьями.

Трамвай в Новом Орлеане

Можно выйти и пройтись вдоль линии, поглазеть на южные особняки, но не следует углубляться в район, уходить от бульвара в сторону. Дети и подростки, редко видящие чужих, да еще и белых, могут закидать камнями и бутылками. Я углубился – и мне пришлось бежать очень быстро, и счастье еще, что выбрал я правильное направление, к бульвару. Сидящие по новоорлеанской традиции на приступках у домов вальяжные взрослые с любопытством наблюдали за охотой на белого чужака и мирно обменивались мнениями.

Глава двадцать вторая. Геттисбургская кампания и Мэри Линкольн

Второе вторжение Войск Конфедерации на Союзные Территории было не менее драматическим, чем первое. Генерал Роберт И. Ли со своей любимой Армией Северной Вирджинии вошел клином в Пеннсильванию. Генерал Хукер (тот самый, который водил за своей армией толпу проституток, чтобы солдаты не обижались на командование) пытался противостоять и был моментально разгромлен. Тут же возникли несогласия Хукера с правительством, и Хукер подал в оставку. Говорят, Линкольн и генерал-аншеф Хенри У. Халлек давно искали предлога Хукера заменить кем-нибудь, но это бюрократические сведения, целью которых является языческая идеализация образа Линкольна. Так или иначе, и в командовании Армией Потомака Хукер был заменен генералом по имени Джордж Мид.

Имели место несколько сражений, и у некоторых Союзных стратегов возникло чувство, что на этот раз Ли остановить они не смогут.

Линкольн слал телеграмму за телеграммой, планировал, приказывал, требовал ответов от генералов. В самом начале июля Войска Конфедерации сошлись с Войсками Союзными при Геттисбурге.

Геттирсбург – место странное. Население в ту пору там было – две с половиной тысячи душ (нынче восемь тысяч). Горка, две речки. Но почему-то именно Геттисбург стоял на пересечении нескольких путей и был связан хорошими дорогами с Балтимором (около пятидесяти миль), Харисбургом (около сорока), Карлислом (тридцать), Фредериком (двадцать пять) и Вашингтоном (шестьдесят). Также, в Геттисбурге наличествовала Лютеранская Теологическая Семинария (основана в 1826-м году) и Пеннсильванский Колледж (ныне Геттисбургский), основанный в 1832-м году. Все это весьма странно. Такое притягательное, по непонятным причинам, место.

Вот войска и притянулись.

Джексона Камменой-Стены уже не было в живых, он погиб (говорят, это очень повлияло на Ли морально, Джексон был очень геройского склада человек, не верилось, что его можно убить). Ли начал по своему обыкновению сразу несколько маневров (под, кстати сказать, непрерывным обстрелом фотокамер – первая война в истории, широко и подробно освещаемая журналистами и фотографами). Конница Стюарта пошла в обход и в тыл врагу,

типа разведки возможным боем, и задержалась дольше, чем Ли рассчитывал. Вообще, все три дня, которые длилась эта баталия, Ли был не в себе, и ни один из его планов не срабатывал так, как ему хотелось и виделось.

В общей сложности при Геттисбурге сошлись сто шестьдесят тысяч человек. Из них пятьдесят тысяч остались там лежать. Из этих пятидесяти тридцать тысяч – конфедераты. Победа северян была убедительная, и после нее Ли *НИ РАЗУ* не перешел в наступление. Все его последующие действия, и действия Войск Конфедерации вообще, были в дальнейшем просто реакцией на действия северян. А война продолжалась еще два года.

Поле было усеяно трупами и ранеными. Их срочно сортировали и увозили. Огромное количество медсестер (в медсестры шли все подряд, с обеих сторон, простые девушки, аристократки, жены военных, жены политиков, и так далее) ухаживали за раненными, а хирургов, конечно же, не хватало. Местность там вмеру холмистая. С некоторых точек обзора казалось, что земля усеяна телами до горизонта.

Спустя четыре месяца, в ноябре, когда война снова перешла полностью на территории южан, при Геттисбурге освятили кладбище – с речами, музыкой, и прочими подобающими атрибутами. Линкольн прислал на освящение речь, которую прочли вслух и которая стала впоследствии знаменитой. Речь эту можно понять и оценить только в контексте, но даже в контексте звучит она странно. И только эмоции войны и общественное мнение времени повлияли на события таким образом, что речь вошла в анналы «самого лучшего, когда-либо написанного по-английски», то бишь, наряду с великими стихами, пьесами, и высказываниями.

Существует перевод этой речи на русский язык, и не один. Привожу ее здесь (слегка подправив несуразности перевода) —

«Восемьдесят семь лет назад отцы наши основали на этом континенте новую нацию, зачатую под знаком Свободы и посвященную принципу, что все люди созданы равными.

Сегодня мы ведем великую гражданскую войну, подвергая испытанию вопрос, может ли эта нация или любая другая нация, созданная таким образом и посвященная этому принципу, долго просуществовать. Мы сошлись на поле одной из великих битв этой войны. Мы пришли освятить часть этого поля как место последнего упокоения тех, кто отдал жизнь свою во имя жизни этой нации. Такое действие нам подобает и приличествует.

Но, в более широком смысле, мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем сделать святыней это место. Храбрые люди – живые и мертвые – здесь сражавшиеся, уже освятили его, далеко превысив при этом все, что мы с нашими слабыми силами могли бы прибавить или отнять. Мир мало обратит внимание и не запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть то, что они здесь совершили. Это нам, живым, скорее следует здесь посвятить себя незаконченному делу, которое сражавшиеся здесь делали столь доблестно. Это нам следует посвятить себя великому труду, который не окончен; дабы набраться от этих чтимых нами усопших большей преданности тому делу, которому они принесли последнюю полную меру преданности; дабы нам здесь торжественно подтвердить, что смерть этих умерших – не зря; что эта нация, под Богом живущая, обретет новое рождение свободы и что правление народное, народом и для народа не исчезнет с лица земли».

Надо сказать, что большинство присутствующих были очень тронуты. После чего разразилось несколько скандалов. При наличии телеграфа о речи на следующий день знала вся страна.

Чикагская газета Сан-Таймз (Чикаго, напонимаю, находится в самом сердце Северных Территорий и является самым большим городом родного Линкольну штата Иллиной – и, вспомня, что Линкольн *ЗАКРЫВАЛ* газеты, неугодные ему в военное время, следует задуматься – *ЧТО ЖЕ ИМЕННО* должна была сказать какая-нибудь газета, чтобы он ее закрыл) – сказала следующее —

«Щеки каждого американца пылают от стыда, когда он читает глупые, плоские, посудомоечные высказывания человека, которого рассудительным иностранцам представляют, как Президента Соединенных Штатов».

В то время было принято оглядываться на мнение чужих, как видим.

Несмотря на такие вот сентименты на Севере, Линкольна переизбрали на второй срок.

В следующей главе рассказано будет о событиях частично детективных, и в этой связи следует сказать несколько слов об одной из героинь этих событий, а именно, жены президента, женщины по имени Мэри Линкольн.

Она была младше своего мужна на девять лет. Вышла за него, когда ей только исполнилось двадцать четыре года. Была некрасивая, но очень подвижная, маленькая, остроумная, насмешливая. Иногда принимала публичное участие в делах мужа (в будущность его сенатором, и особенно – во время первой

президентской кампании, когда она честила своего бывшего ухажера, ныне соперника Линкольна, с нее ростом, называя его «Мой высокий уроженец Кентукки»).

Четверых сыновей родила она Линкольну – Роберта, Эдварда, Уильяма и Томаса. Только Роберт вырос, остальные умерли детьми.

Она была хорошо образована.

После смерти троих сыновей и мужа, она начала (по слухам) вести себя странно. В ее помешательство я не верю. Сын ее Роберт поместил ее в приют для умалишенных, и было весьма неприятное дело о наследстве и наследии. В приюте правила были не очень суровые, и через три месяца Мэри из приюта вышла. Ее знали во всем мире. Чтобы развеяться, она предприняла путешествие в Париж, отсудив какие-то суммы у сына. Во время обратного перехода через Атлантику она почувствовала головокружение и чуть не свалилась за борт лайнера. Ее спасла, обхватив вокруг талии, находившаяся рядом актриса, которую по странному стечению обстоятельств звали Сара Бернар. Судьбы Линкольнов неразрывно связаны с театром. Умерла Мэри Линкольн в родном Спрингфилде, в доме своей сестры Элизабет, на семнадцать лет пережив мужа и не простив сына.

Сара Бернар, актриса

Глава двадцать третья. Нью-Йоркское восстание, часть первая

А в это время объявлен был федеральным правительством общий призыв. В общей сложности Армиям Севера требовалось еще 300,000 солдат (набрали только половину, кстати сказать). В городе Нью-Йорке имена призваных были напечатаны в газетах за счет правительства. Всем мужчинам, гражданам Соединенных Штатов в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, и всем неженатым мужчинам в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет, вменялось придти на пункт, получить подъемные, ружье, темно-синюю форму, и отправляться в места боевых действий. Мужчин, попадающих в вышеуказанные категории, известие сие конечно же не обрадовало. От призыва можно было откупиться, внеся в казну армии триста долларов. Считалось, что эти триста долларов, на которые можно было купить боеприпасы и продовольствие, более или менее соответствуют вкладу среднестатистического доблестного воина в общее важное дело. Вспомним, что сумма эта равнялась приблизительно двухгодовому доходу среднего трудоустроенного гражданина. Прикиньте, сколько вы зарабатываете в год, умножьте на два, и вы получите представление об этой сумме.

Богатые тут же разделились, естественно, на два неравных лагеря – меньший лагерь состоял из патриотически настроенных, или просто мрачных, считавших стыдным уклоняться от призыва. Они наговорили много разных, возвышенных и не очень, слов своим друзьям, родителям, и особенно возлюбленным, купили себе новые кольты, вытерли лбы монограммными носовыми платками, и уехали умирать под Геттисберг. Остальные откупились и тоже говорили фразы – о том, какая свинья этот Линкольн, в основном, и как они презирают дураков, купившихся на пошлую реторику. А ниггеры, небось, только рады (к неграм призыв не относился – странно, в наше время кажется, не так ли). Негры, шедшие воевать, были все до единого – добровольцы. Полноценными солдатами их не считали. Случаев командования черными офицерами (такие были, низших рангов) белыми солдатами не было. Ну разве что в пылу контратаки какой-нибудь негр крикнул – вперед, за свободу! – и солдаты в экзальтированном состоянии кинулись в пекло.

Как это часто бывает на территориях, формально находящихся на военном положении, но не воюющих физически, жизнь шла в Нью-Йорке своим чередом. Давались балы, работали

рестораны и кафе, открывались новые театры, пела опера. Носили цилиндры и фраки те, кому по средствам было таковые купить, ходили на променад, ездили на конке. Составлялись проекты эстакад над улицами, чтобы по ним пустить поезда локального значения. Щелкали фотоаппаратами репортеры. Книгопечатники готовили к выпуску полное собрание сочинений Дюма-отца. Играли неустанно популяризируемого Францом Листом русского композитора Михаила Глинку на концертах. Радовались премьере «Аиды». Вовсю обсуждали новые творческие планы Вагнера. Протестанты и католики вели нескончаемые теологические споры. Поднимались вопросы улучшения качества просвещения и уличного освещения.

Бродвей в девятнадцатом веке

Началось все, по-видимому, с ирландцев-иммигрантов. Услышав о призыве, они запатриотились, мол, родина наша Ирландия, а нас тут воевать отправляют (хотя на не-граждан призыв не распространялся, и патриоты сии давно жили в Америке, но Нью-Йорк – город особый, и чего тут только не думают и не говорят вслух, иногда волосы дыбом встают). Многие хотели уж было ехать обратно на родину, но тут вспомнили, что на родине голод, вызванный нежеланием всех классов вести себя достойно и ближнелюбиво в связи с британской оккупацией. В общем, ирландцы в знак протеста стали драться на улицах и поджигать пабы.

Возбуженные их поведением, нью-йоркская преступная прослойка, голь перекатная, всегда ищущая безопасного разбоя, стала ирландцам активно помогать. Полиции пришлось действовать – а половина полицейских были ирландского происхождения.

В этот момент проснулось основное население из малоимущих. Они тоже не хотели ни идти на фронт, ни посылать туда своих сыновей. А призыв продолжался – при участии армии и полиции. Стали искать виновных в призыве – сперва, естественно, среди тех, кто менее всего способен дать ответ. В данный исторический момент таковыми виновными оказались негры.

Во-первых, их было в Нью-Йорке мало. Не очень мало, но все равно мало. Во-вторых, в те времена они были пришибленные. Им еще не сообщали ежедень, что их предки строили Америку и что они являются носителями своей собственной большой и красивой культуры. Их еще не отвращали от христианства телевизором и мусульманской пропагандой. Их еще не уверяли, что плохие манеры и разбой есть неотъемлемая часть африканского темперамента, которую следует культивировать, как наследие предков. Им еще не внушали про «свои пути», про «особые, не похожие на другие, традиции», как сегодня внушают им, и еще кое-кому. В третьих, их никто даже не думал защищать, кроме самых убежденных фанатиков (типа да здравствует равенство и хоть трава не расти) и самых человеколюбивых в трудную минуту людей. Таковых стали линчевать вместе с неграми.

Ниггер, кричали возмущенные призывом. Все из-за тебя, тварь черножопая. Наши братья и дети гибнут – из-за тебя! Подонок Линкольн на второй срок избрался благодаря, ниггер, тебе!

Началось неприглядное. К горящим ирландским пабам прибавились горящие негритянские кварталы. Негров и негритянок хватали на улице, ломали им конечности, вешали (иной раз не за шею), снизу разводили костер. Есть фотографии. Конечно же не обычные люди этим занимались, но, как всегда, та негативная часть псевдо-пассионарного меньшинства, которая любит уничтожать, если ей гарантируют безопасность, и никогда ничего не строит – но и чувство локтя играет в таких случаях не последнюю роль, и, возбужденные общими настроениями, на грязные дела подписывались люди, которые в обычных условиях ведут себя неброско.

Разобравшись с пабами и неграми, возбужденная толпа опьянела от побед и вседозволенности, осадила полицейские участки, усмирила полицию, и тогда кто-то вспомнил о виновниках призыва рангом повыше.

Глава двадцать четвертая. Нью-Йоркское восстание, часть вторая

Здесь я хочу подчеркнуть, что восстание это было действительно стихийным. То есть, нашлись, естественно, люди, которые воспользовались обстоятельствами и взяли часть управления восстанием на себя. И среди них безусловно были природные революционеры – и разрушители, и прагматики, которые после революции, взяв власть, уничтожают прирожденных, и были люди идейные. Но не было революционных ячеек, никто втихаря не готовил никаких планов, не было организации, не было иностранной помощи. Был стихийный бунт, развивавшийся по нарастающей. Преступники из наиболее циничных спокойно насиловали жен и вдов и прибирали к рукам скарб. Все как всгда. Матери отдавались главарям за жизнь детей – благородный и бесконечно наивный акт.

Но востание разрасталось, и уже мало восставшим было Нижнего Бродвея и переулков, мало Пяти Точек, мало пристаней. Толпы пошли на север – в деловые и торговые районы, в районы буйных нью-йоркских развлечений. Горели дорогие рестораны, громились дорогие отели. Волна катилась дальше – через Парк Вашингтона, под Триумфальную Арку, по Пятой, вверх, к недавно отстроенному роскошному Скверу Мэдисона, где сиживал вечерами когда-то на скамье Эдгар Аллан По, со стеллой времен Мексиканской Кампании – дальше, дальше – в районы особняков, к величественному, недавно распланированному и благоустроенному чуду градостроения – Центральному Парку, к нео-классическим колоннам, к мраморным фронтонам. Двери особняков затрещали.

Здесь жила старая нью-йоркская аристократия, землевладельцы, и жили также нувориши, которых не пускали в песочницу, и они поэтому строили себе особняки рядом, все роскошнее и роскошнее, тратя дивиденды, полученные от работорговли и хлопкоторговли, кои акции они управились сбыть южанам до начала войны. В общем, даже в Вашингтоне поняли, что наступил пиздец. Поскольку сколько ни строй камелотов, а где настоящая столица страны – все равно все знают. Восстание в Нью-Йорке – это опасность для всей страны. И меры были приняты.

С юга вдоль побережья пошли по атлантической глади эскадры Союзнического Флота, скользнули в дельту,

разделились – часть ушла в Гудзон, часть в Восточную Реку. По пристаням дали залп, и когда встречавшие флот взбунтовавшиеся революционеры кинулись врассыпную, на пристань спрыгнули морские пехотинцы. Их было мало, и их назначение было – обеспечить безопасный приход основного контингента.

И основной контингент прибыл – прямо из-под Геттисберга. Эта часть истории тоже переполнена экивоками и хождением вокруг да около (как, к примеру, в России историки не любят говорить, что Пугачева усмирял граф Суворов, а Франция, в своей излюбленной извращенной манере, предпочитает помалкивать о том, что трехвековому блистательному успеху в мировом обществе она обязана безродному итальянскому проходимцу Джулио Мазарини).

Что было, то было. Мрачные, суровые воины, участники сражения при Геттисберге, много месяцев смотревшие смерти в лицо, под ружьем, без всяких иллюзий, без сентиментов, потерявшие друзей и не очень радующиеся жизни (не успели отдохнуть) вошли в город ровным строем. Улицы перекрывались с гвардейской эффективностью, по командам офицеров синхронно вскидывались ружья, давались залпы по всему, что наводило на подозрения в резистанционном потенциале, а оставшихся стоять или бегущих докалывали штыками. Огромный город был усмирен в считанные часы.

История знает множество исключений любому правилу, и тем не менее, стрельба по гражданскому населению есть признак не страны, но империи.

В этом месте позвольте мне отступить от обычного моего повествовательного стиля и слегка порассуждать. А то я что-то избаловал читателя приключениями.

Противостояние стран империям и наоборот началось, когда более или менее одновременно возникли и те, и другие, заменив собою города-государства.

История Америки хороша, помимо всего прочего, тем, что за очень короткий по историческим меркам отрезок времени территория, на которой располагаются сегодняшние Соединенные Штаты, прошла целиком весь путь просвещенного человечества до сегодняшнего дня – от первобытно-общинного строя до ультра-современной цивилизации. При этом, в отличие от других территорий, *ВСЕ* события тщательно и многократно законспектированы. Археологам по большому счету не нужно копать – артефакты все на поверхности. Классификаторам не нужно искать папирусы, пергаменты и бересту, и пытаться неправильно расшифровывать написанное – первый же рывок

из первобытности случился при наличии христианской культуры и сопутствовавшего ей книгопечатния. Не нужно корпеть над свитками – есть книги. Не нужны специалисты по исчезнувшим наречиям и диалектам – хроники и летописи написаны на основных европейских языках, понятных каждому – на испанском, французском и английском. Не нужно гадать и теоризировать, кто на ком был женат, какая была монетарная система, почему такого-то любили а того ненавидели – есть свидетельства, стоят на полке в алфавитном порядке. И если история любой страны до книгопечатания есть гадание на слабокофейной гуще, то история Америки представляет собою целостный документ. И она действительно совпадает, в яркой миниатюре, в насыщенном виде, с путем развития человечества. За исключением, правда, феодальных войн. Не в том смысле, что их не было вообще, а в том, что причины для них приходилось придумывать, и бывали они лишь изредка. Вот в Европе не нужно было придумывать. Поскольку «там (указание рукой направления) живут подлые (национальность вставить по вкусу, кому какая больше нравится)».

Так вот, пожалуй, Конфедерация была на сегодняшний день последним всплеском борьбы стран с империями. И империи победили. Независимых стран сегодня (за одним забавным исключением) просто не существует. Искусственные образования вроде Латвии или Украины суть просто шахматные игры империй.

Причина этого исторического феномена – никакое республиканское или монаршее правление не может контролировать территорию, которая стала империям доступна. Основа империи – контроль и экспансия. Экспансироваться больше некуда, территории не бесконечны. Отсюда – шахматные ходы, рокировки. И перерасход невосполнимых ресурсов. И, как следствие, загрязнение окружающей среды.

Тем не менее где-то почему-то сохранились кое-какие идеалы.

И в этой связи хочется мне сказать вот о чем.

Политика – дело грязное, если в ней самому участвовать. Участвуют в ней, политике, в основном люди недалекие и, как правило, очень неумелые. Даже простая посредственность возводится в политике в ранг гениальности, настолько все уныло и глупо вокруг. И так далее. Бяка. Достоинством считается все подряд – в том числе, и иногда в первую очередь, количество убитых, как ни глупо это звучит. Но было стечение обстоятельств, и территория благоприятствовала, и посему —

Ни один политик ни одной страны, и ни одна группа

политков в истории человечества, не сделали столько *ХОРОШЕГО* для граждан, сколько сделали Джефферсон и компания.

И отголоски республики Джефферсона все еще слышны, тут и там, в империи, появившейся более или менее естественным путем (то есть, империю эту никто не создавал, не был одержим мыслью ее возникновения). Сделалась ситуация, и по прохождении этой ситуации оказалось, что Содружества Равноправных Государств более не существует. Стиль правления оставался республиканским – но он был таковым, и есть таковой, в половине империй. А за частичную свободу существования и общения, за некое подобие размытости классовых отличий, за изредка христианское отношение к гражданину благодарить следует именно Томми. Которого, конечно же, проклинают все либералы. Почему, мол, этот негодный франкофил не подписывал вольную своей квартеронке, с которой жил. Надо было подписать, мол. И чего это он гадости говорил про негров.

Все в руках Всевышнего, и буде Его воля, человечество переживет и сегодняшний ресурсово-экологический кризис. Но если катастрофа все-таки наступит, империям не сдобровать. В войне типа каждый-за-себя не будет места патриотизму, да и испытывать патриотизм по отношению к лунному ландшафту трудно. Смешные образования типа «страны» наверняка разделят участь империй. Жизнь станет очень и очень неудобной. И только у одной, последней оставшейся, настоящей страны есть шансы сохранить что-то похожее на современный уровень жизни – благодаря ее отдалению от империй, малому населению, и сопутствующему этим двум факторам общему миролюбию.

Так что, кто желает, может обеспокоиться и приобресть, или построить, себе домик у прибоя на южном побережье Австралии, которое местные жители называют гео-колоквиально «Там, Внизу». Можете хоть сейчас перебираться, а то, ежели и когда катастрофа грянет, то будет не с руки. На плоту через Тихий Океан – затруднительно, ежели по островам и через Индонезию – можно угодить кому-нибудь на ужин в виде блюда. Помимо этого, местное население Даун-Андер наверняка будет к прибывающим настроено враждебно, и прибывающие плавающие средства будет топить береговой патруль. А самолеты, везущие паникующих беженцев, будет сбивать австралийская авиация.

Будем надеяться, что всего этого не произойдет, и уповать на милость Создателя.

Глава двадцать пятая. Генерал Шерман

Следует все-таки сказать несколько слов об этом человеке. Он является единственным и последним на сегодняшний день участником Гражданской Войны, которого до сих пор всерьез ненавидит одна из бывших сторон.

Род Шерманов по американским стандартам – древний и уважаемый. Мэйфлауэр или нет – кто ж его разберет. Дед его сражался с индейцами, со специальным племенем каким-то, у которого был очень храбрый и доблестный вождь, и назвал сына в его честь – Текумсе. Но, конечно же, священники отказывались крестить ребенка с таким именем, посему ему дали второе, нормальное, и поставили его первым – Уильям. Все это происходило в городе Ланкастер, штат Огайо. Потому что (вчитайтесь) —

Бульшая часть собственности Шерманов в Коннектикуте пострадала *ВО ВРЕМЕНА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ* (т. е. очень давно), и в *КОМПЕНСАЦИЮ* им дана была земля в Западных Резервах. Во время оно правительства еще не окончательно озверели (в смысле чувства справедливости).

Когда Шерману было девять лет, отец его умер. У Шерманов было одиннадцать детей. И его (как самого умного …) согласился взять на воспитание Томас Юинг, чья жена, Мария, потребовала, чтобы мальчика крестили снова – в католичество. Свою мать, Мэри, Шерман, повзрослев, содержал.

Судя по всему, у Шермана было приличное начальное образование. А шестнадцати лет отроду приемный отец поместил его в Вест Пойнт, учиться войне. Шерман воевал с индейскими племенами во Флориде, а во время Мексиканской Кампании почему-то занимал административный пост на базе в Калифорнии, которая не входила в состав Союза, и там дослужился до капитана. Тридцати лет от роду женился на действительной дочери Юинга Элеаноре. Она была в молодости очень красива и играла на рояле и арфе. У них было восемь детей. И стал Шерман президентом какого-то банка в Сан-Франциско. Это очень плохо сказалось на его здоровье. Он гораздо лучше чувствовал себя на войне, чем в конторе. Подвергался большим стрессам из-за финансовых перемещений и махинаций. Началась астма!

В 1856-м году стал руководить Калифорнийской Милицией. Банк прогорел через год после этого. Шерман переехал в Ливенворт, штат Канзас, и там пытался заняться адвокатской деятельностью. И опять ничего не вышло.

В 1859-м году бывшие однополчане предлагают ему пост суперинтенданта Луизианской Государственной Семинарии Познания и Военной Академии. Друзей зовут Борегард и Брагг (оба, по иронии судьбы, будущие герои Гражданской Войны, воевавшие на стороне Юга … ирония на этом не заканчивается – впоследствии, заведение переименовывается в Луизианский Государственный Университет, на сегодняшний день из всех учебных заведений Юга – самый престижный, и диссиденствующий – впору два портрета вешать на стену, оба Шермана – изначального руководителя заведения и самого ненавидимого в том же заведении человека).

В этом качестве (суперинтенданта, но и бывшего военного тоже) – его вызывают в Батон Руж в 1861-м году. Ирония продолжается, уже с примесью цирка. Конфедерация объявила независимость от Союза. Федеральный арсенал в Батон Руже переходит в руки конфедератов (охраняющие его федеральные солдаты разделились на два лагеря, и лагерь уроженцев Юга разошелся по домам, остаточные северяне не сопротивляются – сдают арсенал). Шерману предлагают принять арсенал от имени Конфедерации и подписать бумагу.

Очень возможно, что никто из участников этого цирка не знал, что родной штат Шермана – не Луизиана, и не Миссури, но Огайо. А то, что для южанина он говорит как-то странно – мало ли что! Кстати сказать, в то время еще не была так везде распространена фамильярность, и у человека, по выговору и одежде неместного, не спрашивали тут же в лоб – а ты откуда к нам прибыл? Считалось неприличным. Прибыл и прибыл, каждый живет, где ему нравится. И он ведь друг Борегарда! Не может у Борегарда быть друзей из Огайо! В Огайо живут проклятые янки.

Увидев, к чему все идет, Шерман подает в отставку (не приняв арсенал). И уезжает на почти-север, в Сейнт-Луис (он же Сен-Луи, штат Миссури, но северный Иллиной – через речку переплыть, хотя речка и широкая), где становится – уж не знаю, каким способом – руководителем Сейнт-Луисской Рельсовой Дороги (это просто конка, да еще на одной линии ходит иногда миниатюрный паровоз). Но через несколько месяцев его вызывают в Вашингтон.

До отъезда на север Шерман написал письмо одному из своих друзей-южан. Переводов на русский язык этого письма не существовало до сих пор, посему прошу простить погрешности, перевод мой, а переводчик я плохой.

«Вы, люди Юга, не знаете, во что ввязались. Страна захлебнется кровью, и один лишь Бог знает, как все это кончится.

Все это – глупость, безумие, преступление против цивилизации! Вы тут так легко говорите о войне – вы не знаете, о чем говорите. Война – ужасная вещь.

А также, вы ошибаетесь по поводу людей Севера. Они – миролюбивы, но они серьезны, и они безусловно будут воевать. Они не допустят, чтобы страну уничтожили, не сделав могучее усилие, чтобы ее спасти.

Помимо этого, где ваши люди и где ваше снаряжение? Север умеет построить паровой двигатель, локомотив, вагон рельсовый. Ярда материи, пары обуви не можете вы произвести. Вы спешите воевать с одним из самых могучих, самых изобретательных, самых целеустремленных народов Земли – прямо у вашего собственного порога.

Вас ждет безусловный провал. Только духом и целеустремленностью готовы вы к войне. Во всем остальном вы совершенно не подготовленны, начиная с того, что дело ваше дурное (в смысле, не шибко правое … В. Р.). Сперва вы продвинитесь вперед согласно вашим планам, но ваши ограниченные ресурсы начнут вас подводить, и, когда вы будете отрезаны от рынков Европы (а вы будете от них отрезаны), дело ваше начнет иссякать. Если бы люди ваши остановились бы да подумали, то увидели бы они что кончится их дело провалом».

Не очень складно писал Шерман в начале карьеры (впоследствии писал гораздо лучше). Но образ мыслей интересный. И, по большому счету, был он прав. Правда, также правы были и также мыслили еще миллионов пять народу. Включая многих южан.

Шерман получил чин полковника и участвовал в первом сражении при Булл Ране, где пулями ему задело колено и плечо. После разгрома, Шерман, разуверившись в своих способностях, подал в оставку. Линкольн оставку не принял, и вместо этого сделал Шермана бригадным генералом. И послал его в Луизвилл, штат Кентукки. Там, в непонятной политической обстановке, у Шермана случился нервный срыв. В строй он вернулся через полгода, командовал дивизией в битве у Шило. Дивизия его приняла на себя почти всю мощь атаки южан, но Шерман каким-то образом сумел битву выиграть, и через две недели получил чин генерал-майора. За всем этим наблюдал принимавший непосредственное участие в действиях генерал Грант. О нем Шерман напишет в мемуарах, «Грант стоял за меня, когда у меня мутился разум, а я стоял за Гранта, когда он напивался, и с тех пор мы всегда стоим друг за друга».

В 1864-м году, когда Гранта назначили главнокомандующим, он отдал Шерману свой предыдущий пост – командующего

Западным Театром Действий. Там он, Шерман, жег Атланту и придумывал Тотальную Войну (Тактику Выжженной Земли). Там, где проходила армия Шермана, уничтожались все запасы, вся инфраструктура, все постройки. Шерман смотрел сквозь пальцы на нарушение официального запрета на мародерство. Врага, по его мнению, нужно было раздавить психологически, – раз … и сделать так, чтобы у него не было возможностей и средств снова подняться, – два. Это ведет, считал Шерман, к скорейшему окончанию войны.

Справедливости ради следует сказать, что во время Марша Шермана К Морю, через всю страну, фронтом, растянутым на шестьдесят миль, с шестьюдесятью тысячами солдат, *ГРАЖДАНСКОЕ* население Юга пострадало *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОЧЕНЬ МАЛО*. И жителей деревень и городков, как жителей Атланты, предупреждали, что скоро будут жечь, и предоставляли им время, чтобы уйти. Но, конечно же, без эксцессов не обошлось. И, конечно же, на эксцессы Шерман не обращал внимания.

После войны Шерман был долгое время главнокомандующим, один раз в течении двух месяцев занимал пост главы Военного Департамента, в виду интриг и бюрократии на два года перевел главный штаб в Сейнт-Луис, воевал с индейцами (применяя тактику выжженой земли), издал несколько книг, и умер в Нью-Йорке, в 1891-м году.

Знаменитый танк назван в его честь. Ну а то.

Когда хвалит иностранец, это всегда лучше. Своих хвалят все. Посему в данном контексте интересно выглядит мнение иностранного специалиста.

Английский военный историк, считающийся теоретиком, повлиявшим на все большие войны двадцатого века, Лидделл Харт, участник Первой Мировой Войны, назвал Шермана «первым современным генералом».

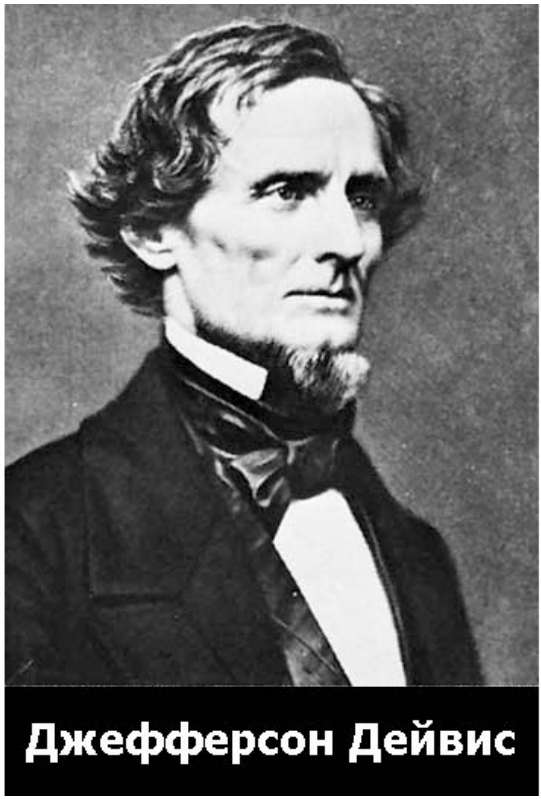
Глава двадцать шестая. Джефферсон Дейвис

Первый и единственный Президент Конфедерации был человеком противоречивым.

Англо-шотландские корни. Отец участвовал в Войне за Независимость. Старшие братья участвовали в войне 1812-ого года, вместе с Андрю Джексоном отбирали у англичан Новый Орлеан. Сам Дейвис выбрал себе именно военную карьеру. Служил под началом полковника Тейлора, будущего генерала и короткосорчного Президента. Но двадцати шести лет от роду Дейвис влюбился в шестнадцатилетнюю дочь полковника, Сару Нокс Тейлор, а полковник был против брака, и Дейвису пришлось подать в отставку, а уж потом жениться. Не знаю, любила ли юная Сара мужа. Может, и любила. Но через считанные дни после свадьбы оба заболели малярией, и новобрачная умерла три месяца спустя, а Дейвис выжил. Это, очевидно, испортило ему настроение на всю жизнь.

Он принимал участие в Мексиканской Кампании вместе с Ли, Борегардом, и вообще всеми будущими героями Севера и Юга. Был боевым офицером. Результатом военных приключений была потеря зрения в одном глазу и хроническое несварение желудка.

Потом ушел с головой в политику. Один современник о нем высказался так – «тщеславен, как Люцифер, холоден, как ящерица». Был сенатором. Был Министром Войны (соответствующие министерства стали стыдливо называть министерствами *ОБОРОНЫ* только после Второй Мировой). На этом посту его и застала Независимость. Будучи представителем Юга, он тут же ушел с поста. Он участвовал во всех конференциях Конфедерации, и был последовательно и намеренно *ПРОТИВ* отделения, после чего конфедераты взяли и выбрали его Временным Президентом, а затем инагурировали. Странно – но и ситуация была странная. Впоследствии, во время Гражданской Войны, Джеймз Л. Алкорн, политик от Луизианы, назвал его (кажется, в газете) – «паршивым, одноглазым, диспептическим, заносчивым тираном».



Джефферсон Дейвис, Президент Конфедерации

Он не принял отставку Ли после поражения под Геттисбергом. В конце войны, перед самым взятием столицы Конфедерации Ричмонда, он бежал с частью своего кабинета по железной дороге. Их догнали и арестовали через месяц у Ирвинвилла, штат Джорджия. Говорят, Дейвис, одолжив у жены попутчика накидку, попытался бежать по болотным кочкам.

Его посадили в каземат, в крепости Монро, на вирджинском берегу. Каземат продувался со всех сторон. На него надели цепи, но через три дня по настоянию врача сняли. Год его продержали в каземате не предъявляя никаких обвинений, в нарушение Конституции Соединенных Штатов. Правда, позволяли свидания с кем попало. За это время он сумел договориться с одним из своих бывших рабов, Беном Монтгомери, и *ПРОДАЛ ЕМУ ИМЕНИЕ* (то бишь, у раба взялись откуда-то деньги, чтобы имение купить – возможно, он что-то прибрал к рукам, когда Дейвиса арестовали, а возможно у него были свои сбережения от заработков на стороне). Бен Монтгомери открыл магазин и еще что-то, запатентовал несколько изобретений (!!), и стал очень богатым человеком.

Дейвиса освободили под залог (!!) по настоянию нескольких

людей, которым все это казалось неприличным – в том числе Горация Грили (основателя и владельца газеты Нью-Йорк Трибьюн) и Корнелиюса Вандербилта (строителя железных дорог, основателя клана Вандербилтов).

Дейвиса стало мотать по всему миру. То Канада, то опять Луизиана, то Англия, то Франция. Верховный Суд решил наконец-то закрыть дело (три года спустя). Тогда Дейвис стал президентом страховой компании. В 1875-м году его избрали сенатором (!!!), но он отказался, ввиду того, что Пятнадцатая Поправка к Конституции (в спешке принятая тогда же) не позволяет изменникам занимать политические посты (это ведь только в далеком 1783-м году не то, чтобы прощали Лоялистов, но считали, что прощать-то нечего, мало ли, у кого какие убеждения, война кончилась, начинается новая жизнь – в году 1875-м власти во всем мире посерьезнели).

Дейвис написал и издал несколько книг, концентрируясь в основном на истории Конфедерации. Умер он в Новом Орлеане в 1889-м году.

Глава двадцать седьмая. Взятие Ричмонда и Линкольн

В начале апреля 1865-ого года, после побега Дейвиса из Ричмонда и после отступления войск Конфедерации, Союзная Армия под командованием Юллисуса Гранта вошла в столицу мятежных территорий. Телеграфировали Линкольну.

Ему совершенно не нужно было там быть. Но Вашингтон и Ричмонд разделяют всего сто миль. И Линкольн, вечный непоседа, с неуемным любопытством и непонятным чувством юмора, прихватил с собой малолетнего сына и на речной посудине выехал – из Потомака в Чесапик, а из Чесапика в реку Джеймз, и прибыл в Ричмонд.

Его встретили. Он раскланялся, подозвал одного из майоров, и велел вести его, Линкольна, в дом, из которого недавно спешно выехал Дейвис. Типа, ихний Белый Дом. Он бы и сам прошел, но он не знал, куда идти надо. Он до этого в Ричмонде не был никогда. Оказалось, майор тоже не знал толком, куда надо идти. Линкольн сказал – плевать, пойдемте, авось набредем на что-нибудь. Они пошли по улицам. Линкольн спрашивал местных негров. Те кланялись и охотно показывали, где стоит дом. Линкольн шел широким шагом, как всегда. А ноги у него были длиннющие.

Линкольн вошел в дом, озираясь по сторонам. Дом охраняли офицеры Союзной Армии. Узнали и пропустили. Он попросил проводить его в кабинет Дейвиса. Проводили. В кабинете Линкольн спросил, в каком именно кресле обычно сидел Дейвис. Ему показали. Он сел в это кресло и некоторое время молчал. По свидетельству очевидцев, «странная улыбка играла на его губах». О чем думал Линкольн?

Историки скажут – о! он думал о судьбах … об истории … о своем месте в истории … о горькой участи угнетенных … о свободе … о том, как все будет здорово и справедливо в самое ближайшее время…

На самом деле, конечно же, ни о чем он не думал. Вообще! Ему нравилось сидеть в кресле Дейвиса и странно улыбаться. Ему нравилось, что на него странно смотрят. Ему нравился комизм ситуации, глупость этих взглядов, недоумение этих лиц.

Затем ему в голову пришла новая идея.

«А где же экономка? У Дейвиса была экономка!» – сказал Линкольн.

«Сдала нам дела и ушла», – честно ответил офицер.

Линкольн тут же возбудился.

«Да? Ушла?» – спросил он недоверчиво, вскакивая с места. Кресло Дейвиса ему надоело. «Точно?»

«Совершенно точно, господин Президент».

«Замечательно! Пошли осмотрим весь дом!»

И, радостный, Линкольн быстро вышел, и действительно с большим любопытством осмотрел весь дом, гостиные, спальни, столовую, библиотеку, и так далее. Экономка-то не видит.

Есть фотография Линкольна в профиль, в Белом Доме. Та же странная улыбка на губах. В момент съемки он, да, думает (это в Ричмонде он не думал). Думает он приблизительно следующее – «Эка старается фотограф-то … ишь, брылами как встряхивает … небось, художником себя мнит … что бы такое ему сказать, эдакое … может, пощекотать его?»

Примерно так.

Глава двадцать восьмая. Аппотомакс Корт Хаус

Девятого апреля войска генерала Гранта окружили войско генерала Ли со всех сторон. Офицеры Ли, видя положение, предложили генералу рассредоточить солдат и малыми отрядами уходить в горы. Война вполне могла перейти в следующую стадию – партизанскую. Но Ли, осведомленный лучше всех о положении на фронтах, решил пощадить солдат. И сдался.

Капитуляция была подписана им в тут же разбитой для этой цели палатке. Есть фотография – за походным столом Грант и Ли.

Чуть ли не на следующий день после этого генерал Джонстон сдался генералу Шерману. Бои еще велись, но Конфедерации больше не было.

Последние сражение, у Палмито Ранч, в глубоко южной части Техаса, состоялось тринадцатого мая и закончилось полной победой южан (!). Но это уже никого не волновало.

Так называемая «Реконструкция» началась сразу. Были победители, и были побежденные. Были соответствующие отношения и поведение. В таких случаях главное – поведение не полководцев, но сержантов, конечно же. Южане чувствовали себя униженными. Северяне на южных территориях вели себя абсолютно бестактно (история не знает тактичных победителей). Тут же стали издаваться указы, тут же начала переписываться история, и было много-много всякого такого, что заставило Ли на собрании ветеранов, спустя несколько лет, сказать тихо, но отчетливо одному из присутствующих – (не помню, откуда цитата, передаю по памяти) – «Сэр, если бы я знал, что так будет … сдачи при Аппоттомаксе просто не было бы … мы бы дрались до последнего солдата, до последней капли крови».

Боевые генералы не отличаются прозорливостью. Знанием истории они тоже не отличаются. А *КАК ЕЩЕ МОГЛО БЫТЬ*? Неужто Ли не предполагал, что Джонни из Филадельфии *НЕ* скажет на улице случайно встреченному незнакомому Филу из Батон Ружа, идущему на рынок с женой и детьми – «Ну, ты … угнетатель сраный! Учись настоящим манерам, сука, а то мы вас, южан, били мало, наверное!» – или же какой-нибудь клерк из легислатуры, назначенный на место северянин, не посмотрит косо на пришедшую с прошением южанку, не выдаст ей тихо, но чтобы все слышали, «Но вы же понимаете, мадам, доверия к таким подлецам, как ваш муж-южанин, быть не может никакого

у порядочных людей, да и все южанки так или иначе стервы и убийцы по натуре, хотя это лично вас может быть и не касается…» Неужто Ли всего этого не предвидел? Получается, что не предвидел. Да и не было уже у Юга сил сопротивляться. Так что все это – красивые слова, по поводу дальнейшей драки. Хотя, конечно, Ли было очень плохо тогда.

Помимо этого, Ли подал прошение на амнистию. Чтобы в законном порядке быть оправданным. Чтобы на нем не висели никакие обвинения. Его не арестовывали, за ним не следили. Но амнистии ему не дали.

ПО БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ПРИЧИНЕ, о которой он, гордый воин, даже не подозревал.

Прошение попало на стол к Госсекретарю Уильяму Х. Сюарду (или Соарду), а тот решил, что дело уже разобрано и амнистия дана, а ему только *КОПИЮ* передали. И положил ее в папку, эту копию, а на самом деле оригинал. И обнаружено было прошение лишь тридцать лет спустя.

А собственно амнистию Роберту И. Ли дал лично Президент Форд, после чего Конгресс вернул Ли гражданство. Было это в 1975-м году, больше века прошло со времен военных действий и подачи петиции.

Дом и сад Ли, принадлежавшие изначально его жене и доставшиеся ему в виде приданого, были конфискованы. После смерти Ли какой-то суд постановил, что конфискация была незаконной, и владение вернули – сыну Ли. Впрочем, тут же федералы предложили купить у него права, и он согласился.

Бесстрастная энциклопедическая запись гласит —

«Несмотря на Президентское Прощение (Джеральд Форд, 1975), изображение Ли на Стене Наводнений на реке Джеймз оскорбляло чувства некоторых людей, в том числе афро-американцев, и было убрано в 1990-м году в интересах расовой гармонии».

Правильнее было бы – межрасовой.

Но остались конные статуи – в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния (родной штат Ли), и в Геттисбурге.

Глава двадцать девятая. Исторический контекст: сплетни и панорама

Исторический контекст важен хотя бы потому, что в отличие, например, от Троянской Войны, Гражданская Война в Америке (также известная, как Война за Независимость Юга, но – давать название тому или иному событию, всегда, прерогатива победителей) не происходила ведь в вакууме. Все события второй половины девятнадцатого века, и все последующие события тоже, связаны между собой неразрывно. Посему – исторический фон. Он такой —

Во время оно астрономы, дивясь отклонениям орбиты Меркурия, теоризировали по поводу некой планеты Вулкан, существующей между Меркурием и Солнцем. Отсутствие таковой и аберрации поведения Меркурия объяснила впоследствии (вроде бы) теория Альберта Эйнштейна.

Альберт Эйнштей, физик. Меркурий, планета.

В мае 1860-ого года во Второй Войне за Независимость Гарибальди разбил Неаполитанскую Армию.

В июле того же года основан на берегу далекого моря город Владивосток.

В октябре в Новой Зеландии происходит восстание маори.

В ноябре Линкольна избирают президентом США.

Двадцать девятого января рождается в России будущий

писатель Антон Чехов.

Антон Чехов, литератор

В следующем, 1861-м году —

В феврале отменено в России крепостное право.

В Варшаве происходит демонстрация против правления Российской Империи. Охрана открывает огонь, гибнут пять человек.

Первого июля в Москве открывается Русская Государственная (не путать с Национальной) Библиотека, бесплатная и открытая для всех.

В этом же году Эдуар Мане пишет девять картин. Но при этом картина Клода Моне, «Impression», с которой началось движение импрессионистов, закончена и вывешена в Салоне только в 1873-м году.

Опера Верди «Силы судьбы», заказанная ему Мариинским Театром, впервые исполняется в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербургская Консерватория основана Антоном Рубинштейном.

Иван Тургенев издает книгу «Отцы и дети».

Виктор Гюго издает книгу «Отверженные».

В шестидесятые годы также —

Лев Толстой пишет и издает литературную эпопею «Война и Мир» с многочисленными послесловиями и раздает большие

суммы уличным попрошайкам к большому неудовольствию своей жены.

Джеймз Максвелл публикует свои уравнения.

Грегор Мендель публикует свои изыскания по поводу наследственности (таким образом закладывая фундамент всех теорий о генетике).

Дмитрий Менделеев публикует свою таблицу элементов.

Франция оккупирует Мексику и создает там новое правительство.

В Англии создается первая в мире Ассоциация Футбола (!!) – поздравляю.

В 1864-м году в Париже – премьера оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена».

В 1867-м году Рихард Вагнер заканчивает оперу «Мейстерзингеры».

Также, по годам, следующие изобретения удивляют мир —

1860 – Фредерик Уолтон. Линолеум.

1860 – Оливер Ф. Винчестер. Многозарядное ружье.

1860 – Иван Лупис-Вукич. Самодвижущаяся торпеда.

1862. Наркис Монтуриоль и Эстарриоль. Механическая подводная лодка.

1864. Петер Миттерхофер. Первая действительно пишущая машинка.

1866. Альфред Нобель. Динамит.

1867. Кристофер Л. Шоулз. Практическая пишущая машинка.

1868. Карлос Глидден, Джеймз Денсмор и Самюэл Соул. Улучшенный вариант пишущей машинки.

1868. Джордж Вестинхауз. Тормоз Вестинхауза.

1869. И. В. МакГафферз. Пылесос.

Слово о польской заразе.

Говорят, что в четвертом еще веке, в Китае, подведя бамбуковые трубы с черной жиже, изобретательные изящные китайцы перегоняли жижу и выделяли из нее соль. Неизвестно, так ли это. Про изобретательность китайцев вообще принято говорить тепло и много, но доказательств, как правило, никаких.

Но точно известно, что в восьмом веке в новоотстроенном Багдаде улицы были мощены некой смесью, основным ингредиентом которой был мазут. Это отметил в своем репортаже Марко Поло.

Но все это, конечно же, ерунда.

А не ерунда – вот она.

В 1853-м году польский ученый Лукасевич нашел способ получать из нефти керосин путем дистилизации. Построено первое заведение в Бобрке, на юге Польши, этим занимающееся.

В 1859-м году, за год до избрания Линкольна президентом, Эдвин Дрейк нашел залежи нефти в Пенсильвании. И пошло-поехало. Какое-то время, правда, никто не знал, для чего эта жижа. Некоторые врачи даже прописывали прием внутрь, уверяя, что очень способствует чему-то. Но потом все-таки все поняли, что жижа хорошо горит, а после дистилизации очень хорошо горит. А в семидесятых годах за дело взялись Николаус Отто, Готтлиеб Дамлер, и Вильгельм Мейбах.

Глава тридцатая. Театр

Семья Бутов, или Буфов (Booth) была семья театрально-артистическая. Бут-отец сформировался как актер в Англии в начале девятнадцатого века, где, по слухам, соперничал с самим Эдмундом Кином (о котором вне Англии знают благодаря знаменитой в свое время пьесе Александра Дюма-отца). Тем не менее, в 1821-м году Джулиус Бут переезжает в Америку, селится в какой-то деревне в штате Мериленд, чтобы иметь базу, покупает ферму, чтобы на всякий случай иметь постоянный доход, женится, и начинает гастролировать, специализируясь на пьесах Шекспира.

Головокружительный успех вдоль всего Восточного Побережья. Бут играет в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне, и в Новом Орлеане (в этом последнем случае дополнительное умиление зрителей вызывает его вполне сносный французский – Бут играет Юлия Цезаря, возможно (предполагаю) в переводе Дюма. Что это за перевод, можно себе легко представить).

Некоторое время Шекспир был прочно забыт, как на родине, так и вне ее. Но в конце восемнадцатого века его каким-то образом обнаружили немецкие романтики (это такое литературное движение тех лет, а не свойство темперамента), пришли в восторг, и сделали ему мировую славу. Особенно Гете старался.

Уильям Шекспир Иоганн Вольфганг фон Гёте

Уильям Шекспир, литератор. Иоганн Вольфганг фон Гёте,

литератор.

Таким образом, чуть меньше, чем через полвека, пьесы Шекспира начали играть во Франции. Гастрольные театры. Эдмунд Кин, в частности. Французы, удивленные невиданной игрой, захотели узнать, что же в этих пьесах написано. Ну, хотя бы в общих чертах. Кто-то сделал подстрочник «Гамлета», и рукопись передали нескольким драматургам, в том числе Дюма.

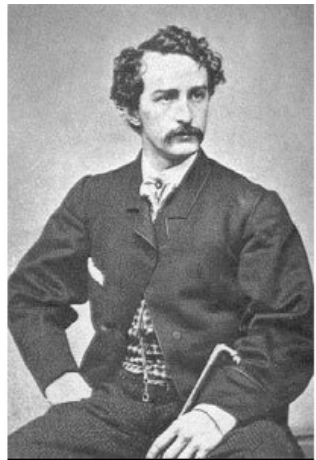
Дюма пьеса очень понравилась. Но, конечно же, некоторые особенности таланта и воображения Дюма не могли ему позволить оставить пьесу в том виде, в каком она была, оживив и переделав в авантюрной манере лишь диалоги. (Вообще отношение французских литераторов к Шекспиру двойственное. Может он и великий, и так далее, но все-таки англичанин. А англичане известно, что за люди. Живут на острове. Ни совести, ни чести). Намеренное бессюжетие «Гамлета», отсутствие интриги, задели Дюма за живое, и он тут же переписал все, как ему нравилось – добавив и интригу, и побочное действие, и еще много разного. Этот вариант «Гамлета» имел успех, и, возможно, Юлия Цезаря тоже доверили именно Дюма. Впрочем, не знаю.

Так или иначе, Джулиус Бут играл в Новом Орлеане по-французски. И все были в восторге неописуемом.

А меж тем родились у него дети. Три мальчика стали актерами – Эдвин, Джон Уилкс, и Джуниус.

Средний, Джон Уилкс, названный в честь британского революционера, получил вполне приличное (для актера) образование и, пойдя по стопам отца, стал не просто актером, но актером шекспировским.

Штат Мериленд – штат пограничный, как раз между Севером и Югом. Посему симпатии населения разделены. И в то время, как вся семья Бутов сочувствует северянам, симпатии именно Джона Уилкса – на стороне южан.



Джон Уиллис Бут, актер

Джон Уилкс Бут дебютирует в возрасте шестнадцати лет в труппе, созданной его отцом (отца уже не было в живых, он умер в 1852-м году). Критики отмечают некоторую скованность движений и недостаточную выразительность исполнения – и продолжают отмечать в течении последующих лет.

Это уже было, и не раз. Периоды мелодраматических жестов и завываний на сцене сменяются в истории театра периодами сдержанной игры – на короткое время. Иногда один-два человека играют сдержанно, в то время как остальной театральный мир продолжает скандировать и завывать. К примеру, в семнадцатом веке во Франции публика недоумевала, почему Мольер, играя, так хорош в комедиях и так плох в серьезных пьесах. А он вовсе не был плох. В комедиях Мольер оттягивался напропалую, возводил преувеличение в искусство, и немало в этом преуспел. В вещах трагических он играл сдержанно – но публика наотрез отказывалась привыкать к такой манере игры, поэтому оценить ее, манеру, так и не смогла при жизни Мольера.

В наше время манерничанье и завывание на сцене и в кино менее заметно, чем оно было в семнадцатом и девятнадцатом веках, поскольку искусственные усилители звука сделали возможным манерничанье тихое, вполголоса. Поэтому сегодняшнюю манеру игры, инспирированную еще Станиславским, распространенную по всему миру, манеру глупую, неестественную, дешевую, так часто путают со сдержанностью. Но это к слову.

Джон Уилкс Бут стал знаменитым актером. Да. Это действительно так. Но был он – знаменитость второго ранга.

Заядлые театралы помнили выступления Джулиуса Бута и ходили в театр посмотреть на сына. Старший и младший братья, Эдвин и Джуниус, были скромнее Джона Уилкса (и, возможно, менее талантливы), посему на их долю досталось меньше унижений.

Помимо собственно актерства, Бут занимался разного рода атлетическими упражнениями и хорошо фехтовал. Иногда, когда этого требовала пьеса, он использовал свои навыки на сцене. Кино тогда еще не было, а то бы про него говорили, что каскадеры ему не нужны.

Уже состоявший в заговоре против Линкольна, Джон Уилкс Бут дал в Нью-Йорке спектакль, и после занавеса, разгримировавшись, зашел в бар напротив театра, чтобы слегка выпить и расслабиться. Ему было двадцать три года. Он только что получил свою долю оваций, он был относительно счастлив, как любой актер после удачного представления. К нему подсел зажиточного вида и среднего возраста театрал, пожелавший с ним выпить. Бут согласился. Театрал заплатил бармену, принесли коньяк.

– И все-таки, – сказал театрал, – ты никогда не будешь так хорош на сцене, как твой отец.

И выпил.

Есть на свете люди, не упускающие случая безнаказанно кого-нибудь пнуть. Просто потому, что – можно. Это доставляет им удовольствие. И в такие моменты они чувствуют свое превосходство.

Эдуард Лимонов в своем блистательном, несмотря на чернушность и, местами, безграничную зашоренность, эссе «Дисциплинарный Санаторий» заявляет, что лозунг Французской Революции о равенстве был интерпретирован чернью в свою пользу, то есть неправильно. Мол, не «все равны в глазах закона», но «все равны вообще» и «Моцарт равен консьержу». Лимонов не совсем прав. Это полуправда.

Правда же выглядит следующим образом.

Это вовсе не лозунг Французской Революции. Это библейская догма. И не перед законом все равны, но в глазах Создателя. Как все революционеры, французы лишь воспользовались невежеством толпы, плохо знающей, или совсем не знающей, Библию.

Далее. Дело не в том, что, к примеру, индекс полезности, значимости и благожелательности консьержа равен индексу полезности, и так далее, Моцарта. Вовсе нет. Этот самый консьерж ведь не настолько идиот, чтобы не управиться приметить очевидное. И я вообще против такого определения – консьерж. В некоторых условиях (вот, к примеру, в сегодняшних)

Моцарт вполне рад бы был работе консьержа. Сегодня моцарты работают на много худших работах. Да и вообще – ничего плохого в труде консьержа нет. Как и вообще в любом виде труда во имя пропитания. Собственно труд – он труд и есть. С куплей-продажей сложнее, но не о том речь.

С некоторых пор класс мещан сделался на планете нашей настолько многочисленным, что с ним вынуждены считаться решительно все – и правители, и чиновники, и ученые, и литераторы. И даже армия. Во многом, безусловно, виновата именно та, первая, Французская Революция. Американская Революция была всего лишь войной за независимость от Англии (ее так часто и называют, кстати говоря). Французы же впервые в христианской истории использовали мещан, как основную, главную силу. А мещане, как известно, склонны к ханжеству и фарисейству. Ибо мещанин – это человек, чьи материальные возможности превышают его духовный и культурный уровень.

Мещанин прекрасно понимает (в глубине души), что он самодоволен, жаден, нагл, склонен к эксплуатации ближнего, жесток, и так далее. Он также прекрасно понимает (в глубине души), кто такой Моцарт. И он понимает, что ни физического, ни интеллектуального, ни духовного равенства на самом деле не бывает, а в Бога он, по большей части, не очень верит. Но он, мещанин, требует, чтобы равенство было. Равенство?

Вольфганг Амедей Моцарт, композитор

О том, чтобы он, мещанин, был как Моцарт, речи нет, естественно. Ибо дураков мало. Жизнь моцартов всегда сопряжена с определенными трудностями – опасность впасть в нищету, неустроенность, неприкаянность, да, кроме того, ведь и работать надо каждый день, композиторством заниматься, предварительно выучив теорию. А мещане напрягаться не любят. Кроме этого, моцартам свойственна, несмотря на явный эгоизм, некая степень щедрости по отношению к ближнему. Они часто за бесплатно готовы работать, лишь бы люди услышали их музыку (или увидели бы их картины, или прочли бы их стихи, романы, пьесы, или порадовались бы вместе с ними открытию новой звезды, и так далее). Для мещанина такая экстравагантность поведения неприемлема. У мещанина есть квартира, загородный дом, мобильник, жена, любовница, домашние животные, любимое блюдо, и все это самого лучшего качества, а если нет, то признаваться в этом нельзя. И так далее. Нет, мещанин не хочет быть как Моцарт. Не это равенство ему нужно.

Также, мещанин понимает (опять же в глубине души), что Моцарт не может быть, как он. То есть, у моцартов бывают и жены, и любовницы, и даже дома. Но жен и любовниц они

зачем-то воспринимают частенько, как ровню себе, а не как предмет роскоши, вызывающий зависть коллег, а к потере дома оказываются порой неожиданно равнодушны. У них главное – музыка.

Мещане не требуют физически невозможного. Они, повторяю, вовсе не идиоты. Разговоры мещан о равенстве, о том, что «о вкусах не спорят», о том, что «я не запрещаю тебе любить оперу, но я люблю эстраду», и «раньше я много читал, а сейчас времени нет» и так далее, сводятся более или менее к такому вот требованию —

Я – гадость, и я это знаю. Не вздумайте об этом говорить вслух. Я хочу, чтобы Моцарт открыто признал, что он такая же гадость, как я. Чтобы его заставили это сделать! В конституционном, блядь, порядке чтобы! Чтобы он каждый день признавался в этом публично! Более того, чтоб он при этом заискивающе улыбался – мне!

В общем – «чтоб служила мне золотая рыбка и была бы у меня на посылках». Такое вот равенство.

Предполагаю, что Джон Уилкс Бут решил отгородиться от мещанских наездов – деньгами. Самое надежное средство, наверное, и в наше время тоже. Он решил разбогатеть настолько, чтобы мещане просто не смели к нему подходить, не согнувшись трепетно пополам, глаза долу. Поскольку, когда речь идет о больших деньгах, все разговоры мещан о равенстве тут же сходят на нет. Деньги у мещан – бог. Ну, вы помните. Золотой телец. Глава «Исход».

И Джон Уилкс Бут временно уходит из театра и вкладывает сбережения (возможно, немалые, все-таки он знаменитый актер) – в нефтяную компанию, которую называет забавно – Драматическая Нефтяная Компания. Через полгода Драматическая прогорает полностью, остаются только долги.

В 1864-м году Джон Уилкс Бут в первый и последний раз выступает вместе с обоими своими братьями на сцене Зимнего Сада, в Нью-Йорке, в пьесе Шекспира «Юлий Цезарь». Был такой римский полководец, по хроникам – бисексуал. И Шекспир написал о нем пьесу, потому что в Англии в то время любили пьесы о полководцах-бисексуалах.

В Зимнем Саду – головокружительный успех. Весь сбор идет на сооружение и установление в Центральном Парке памятника Шекспиру. Памятник стоит там до сих пор.

В то же время, пользуясь славой и привлекательной внешностью, Джон Уилкс Бут заводит знакомства в разных приличных кругах и обществах. Он тайно обручен с дочерью американского посла в Испании, зовут ее Люси Хейл. Она

приводит его на инаугурационный бал в Белом Доме (после избрания Линкольна на второй срок), где Бут перебрасывается несколькими фразами с Президентом (а Линкольн – заядлый театрал и, конечно же, знает Бута и видел его несколько раз на сцене). Затем Бут уезжает на три месяца в Монреаль, где собираются беженцы-диссиденты с южных территорий, захваченных северянами.

Заговоры против Линкольна зреют, их много, и Бут примыкает (возможно) к нескольким сразу. Из всех этих заговоров (наличествующие в США тайные общества, которых было, напомним, множество – масоны, Рыцари Золотого Круга, Рыцари Колумба, иезуиты, и прочие, заговоры не поддерживают, по разным причинам) действительно вызревает только один. И Бут – в центре его. Линкольна решено похитить после спектакля в вашингтонском Театре Форда, перевезти через речку, запереть в тайном месте, и потребовать, чтобы отпустили пленных южан, и еще чего-то (требования в таких случаях почти всегда не очень вразумительны). Накануне, ночью, Бут, будучи в дружеских отношениях с дирекцией Театра Форда, множество раз там игравший (Линкольн присутствовал на нескольких его спектаклях), пользуясь ключами, данными ему дирекцией, чтобы он мог приходить когда ему будет угодно, заходит в театр и поднимается в третий ярус, в ложу, в которой любит сидеть Президент. Специально заготовленным сверлом он буравит дверь под замочной скважиной таким образом, что через отверстие это можно видеть – в ложе Линкольн или нет. Возможно, есть и еще какое-то назначение у этого отверстия. История по этому поводу молчит.

Вернувшись в окраинный отель (собственно, постоялый двор), Бут обнаруживает, что участники заговора решение свое отменили. Его любовница (имя варьируется от хроники к хронике, но, очевидно, это не Люси Хейл) пытается его утешить, но Бут в шоке.

Наступает вечер следующего дня. В Театре Форда идет пьеса модного британского драматурга под названием «Наша Американская Кузина». Пьеса как пьеса. С ужимками, водевильного типа. Бут знает ее наизусть.

Оставшиеся участники распавшегося заговора – Пауэлл, Херолд, Атцеродт – уведомлены Бутом о его намерениях. Более того, Бут приказывает им (!) действовать заодно и сообща. По задумке Бута, Пауэлл должен застрелить Госсекретаря Сюарда (или Соарда), а Атцеродт – вице-президента Андрю Джонсона. Таким образом, по плану Бута, правительство северян лишится верхушки, будет паника, и в этот момент правительство

конфедератов сумеет перегруппироваться и продолжить войну.

Бута не удерживают, но приказам его не подчиняются.

Театр Форда в Вашингтоне

Бут является в театр, где его все знают. Он беспрепятственно во время представления поднимается к ложе Линкольна, вооруженный старомодным однозарядным пистолетом сорок четвертого калибра. В ложе находятся, помимо Линкольна, его жена Мэри, некий полковник, и еще какие-то приближенные. Линкольн приглашал также генерала Гранта, но тот отказался, поскольку его жена, Джулия Грант, ненавидела жену Линкольна. Также Линкольн приглашал своего старшего сына Роберта, и тот тоже отказался. Также не присутствовал телохранитель Линкольна Уорд Хилл Лэймон (!) которому Линкольн ранее рассказал, как видел во сне, что его убивают (!!).

Зная текст наизусть, Бут ждет смешной реплики. Реплику произносят на сцене, зал взрывается хохотом. Воспользовавшись этим шумом, Бут распахивает дверь в ложу, делает шаг к Линкольну, и стреляет ему в затылок.

На него пытаются броситься, но мешают обитые бархатом тяжелые стулья. Бут прыгает на перила ложи и с них – вниз, на сцену, в газовый свет рампы, с восьмиметровой высоты. При приземлении он ломает ногу (так он пишет в сохранившемся (!!) до наших дней дневнике), но, пользуясь замешательством, умудряется выскользнуть из театра, вскочить на коня (!!!) и уйти от преследования. Он скрывается в доме доктора Самюэля Мадда, который чего-то там делает с его, Бута, ногой. Впоследствии Мадд будет арестован и приговорен к пожизненному заключению

во флоридской тюрьме за измену, но через три года выйдет на свободу за то, что содействовал ликвидации эпидемии желтой лихорадки в этом регионе (возможно, по системе Батлера …).

Двадцать шестого апреля преследователи догнали Бута в Вирджинии. Бут спрятался в амбаре, содержащем вирджинский табак, и отказался выходить. Амбар подожгли. Бут сунулся в двери с пистолетом, и сержант по имени Бостон Корбетт выстрелил в него несмотря на приказ брать живым, и попал в горло.

По некоторым теориям, Буту удалось бежать, а вместо него преследователи убили кого-то другого.

Раненного Линкольна перенесли в дом напротив, известный сегодня как Дом Петерсена. В сознание он не пришел, и смерть установили в семь утра следующего дня. Похоронили его в Спрингфилде, штат Иллиной, провезя в траурном поезде через несколько штатов.

Ростом шестнадцатый президент США был шести футов и четырех дюймов, то есть сто девяносто два сантиметра – самый высокий из всех президентов на сегодняшний день.

В 1862-м году Линкольн подписал указ о налоговом обложении в размере трех процентов любого нанятого, чей доход составляет от восьмисот до тысячи долларов в год. Это превышало обычный доход представителя среднего класса приблизительно в два раза.

На этом заканчивается часть первая этих художественных заметок об истории Америки.

Окончание Гражданской Войны привело к беспрецедентному взлету активности и мысли во всех областях человеческой деятельности на территории Соединенных Штатов. Люди творческие хлынули с оккупированного Юга на индустриальный Север, миграция продолжалась много лет, и начался расцвет американской культуры. Солдаты-ветераны, сохранившие в целости тела свои и здоровье, оказались не у дел, а к повседневности были совершенно не готовы – как любые другие ветераны. Поэтому многие из них, и северяне, и южане, устремились в необжитые территории на Западе, в пограничье, стали там как-то устраиваться, перестреливаясь между собой и с индейцами, дав начало легендам о Диком Западе. На Севере как из рога изобилия сыпались одно за другим изобретения. И повсюду шло строительство. Наметились первые пики золотодобычи и нефтедобычи. Прельстившись на активность, из Европы хлынула новая, небывалая волна эмигрантов. Многим из них удавалось быстро разбогатеть. А потом наступила в мире эра, известная историкам, как Бель-Эпокь. Но все это – темы

второй части этих заметок.

Часть вторая

Глава первая. Бурные семидесятые

Семидесятые годы девятнадцатого столетия переполнены событиями настолько, что очень трудно выделить главное и проигнорировать остальное.

В одном и том же году родились два интересных персонажа – Владимир Ульянов-Ленин и Франц Легар.

Владимир Ленин, политический деятель. Франц Лега, композитор

Легар доставил человечеству чрезвычайно много радости. Из сегодняшнего далека кажется совершенно логичным и единственно правильным, что именно пуччинист должен был возродить оперетту, поскольку парижский и венский варианты этого жанра всем надоели (появилось много бюрократов от музыки, писавших в парижском и венском стиле, и они обесценили жанр начисто). Возродил. И открыл дорогу другому пуччинисту – Эммериху Кальману. Благодаря последнему, жанр оперетты пережил в начале двадцатого века головокружительный взлет.

Опять же из сегодняшнего далека кажется, что появление Ульянова-Ленина на исторической сцене совершенно неизбежно. Обрадовавшись нефти и Дарвину, человечество просто напросилось. Типа, доигрались. Но это – дальше. А пока что —

Войска Наполеона Третьего разгромлены Пруссией. Во Франции в связи с этим уходит в прошлое Вторая Империя и возникает Третья Республика. В это же время (и в том же году) заканчивается эпопея с объединением Италии (далеко не мирная эпопея), столицей объявляется Рим. После чего всем на радость изобретаются лампочка (в современном виде, Томасом Эдисоном, использующим постоянный ток, правда), телефон (Алекзандером Беллом), звуковоспроизводящее устройство (Эдисоном), а в городе Нью-Йорке делается попытка изобрести и внедрить пневматическое метро. Попытка (и последующие) проваливается. С тех пор под Нью-Йорком наличествует несколько забытых тоннелей. Их постоянно обнаруживают, удивляются, а потом опять забывают.

В штатах бывшей Конфедерации продолжается Реконструкция, и штаты один за другим принимают обратно в Союз с правом голоса и обычным распределением представителей – по два сенатора, количество конгрессменов в зависимости от штата.

В семидесятом году принимается Пятнадцатая Поправка к Конституции Соединенных Штатов, запрещающая препятствовать праву на голосование людям по расовому признаку. Дабы с этой поправкой бороться, некоторые южные штаты вводят интересные законы, вроде письменных тестов. Все бы ничего, начинание хорошее, неплохо бы и сегодня его ввести во всех странах – но беда в том, что могущие доказать, что *ОДИН ИЗ ДВУХ ИХ ДЕДОВ* голосовал на выборах, от теста освобождаются. То бишь, под тест попадают все негры (на этом историки делают ударение), а также все поголовно иммигранты в первом, втором, иногда третьем поколении. Те же ирландцы и немцы, те же поляки и евреи из Европы, и так далее. Тесты везде разные, и кто ж теперь, издалека, разберет, все ли было несправедливо или не все. Историки приводят случай, когда негр, желавший пройти тест (и являвшийся профессором университета, какого именно – не уточняется, хотя данные все есть и любой может проверить, какого именно университета), должен был написать без ошибок по памяти весь текст Конституции.

В 1870-м году в одном из штатов голосует первая женщина. На федеральном уровне женщины под давлением движения суфражисток получат право голосовать в разгар Первой Мировой Войны.

Собственно, чего именно добивались суфражистки? Об этом сегодня трудно судить, это нелегко осмыслить. Каких-таких прав?

Упор делается именно на право голосования. Это, мол, включает женщин в управление судьбами страны. Возможно,

тогда это так и было. Вспомним, что институт выборов сильно изменился за последние сто лет. В девятнадцатом веке выборы не были еще целиком и полностью скучным полу-мистическим ритуалом, мессой атеистической бюрократии. В то время нет-нет да и проскакивал куда-нибудь интересный кандидат. Вот женщинам и хотелось участвовать.

Это было не главным, естественно. Собственно весь этот треп о равноправии с мужчинами имел совершенно конкретные основы, и право голоса и право трудиться на каких-то там мужских работах были просто предлогом. Еще раз доигралось человечество. Предлог поставлен был во главу угла, и поэтому символ женского равноправия сегодня – женщина, укладывающая шпалы. Поздравляю. А неча ханжить.

Суфражистки

На самом деле женщины, не родившиеся в обеспеченной семье, чувствовали себя обделенными по очевидной причине. Вот, к примеру, мужчина. Вот он чему-то учился в детстве, каким-то навыкам, а может ничему не учился. Вот он вступил во взрослый возраст и напился, как свинья. После этого ему можно следующие десять, двадцать, тридцать лет валять дурака и «искать себя», работая на подсобных работах или занимаясь ограблением

банков, кому что больше нравится. Живет себе один, трубку курит. А что делать женщине, достигшей того же возраста? Либо выходить срочно замуж, рожать детей, готовить обед и прибирать в доме, чтоб не было на свинарник похоже. Либо идти в старые девы и библиотекарши. В клерки тоже можно. В гувернантки, ежели умная. И – все. Ни отдохнуть, ни развеяться. Кроме того, мужчине почему-то можно нарушать седьмую заповедь, ему прощается, а женщине нельзя, как нарушила, так она сразу блядь, и все смотрят косо, и с работы в библиотеке гонят в шею. Несправедливо. И замуж никто не берет после такого! И это в то время, как мужики запросто женятся после двадцати и тридцати лет разврата, и это называется «остепенился».

И решили женщины, такое бытовало среди них мнение, что если им дадут право голосовать, все остальное просто приложится. И вот странное ведь дело – бывают, конечно, женщины-пожарники, но считается, что это как-то не очень. Не женское это занятие. И, удивительно – *ВСЕ* понимают, почему. А политика или предпринимательство – так нет. Раньше думали – не женское, а теперь даже не понимают, почему можно было так думать. В пылу феминизма недавно дошли даже до того, что женщин в цивилизованной Америке судят за изнасилование. Понятно, что бывают случаи, когда женщина действительно изнасиловала мужчину. Но давно я такого в прессе не видел. А изнасилование, за которое судят – это, стало быть, двадцатипятилетняя или тридцатилетняя учительница переспала с четырнадцатилетним школьником. Или пятнадцатилетним. Заметим – год они любовниками состоят. Год! И судят ее за изнасилование. Это примерно тоже самое, что женщина со шпалой, только круче, поскольку сюрреалистичнее. Женщина со шпалой – это, по крайней мере, физически возможно, хоть и стыдно. Но тридцатилетняя женщина, да еще и привлекательная, обвиняемая в изнасиловании пятнадцатилетнего засранца, не умеющего держать язык за зубами – это просто попытка феминизма доказать, что у женщины есть хуй. Ни больше, ни меньше. То есть, понятно, что нету. И понятно, что в обратном никого не убедишь. А это и не нужно! Это – как коммунизм, прогресс и рост производства. Нужно, чтобы все *ГОВОРИЛИ И СОГЛАШАЛИСЬ*, что это так. А собственно судьба женщин и их права никого, естественно, не волнуют в данном случае.

Феминизм в семидесятых цвел пышным цветом по всему миру, но особенно в Англии и в Америке.

Не забудем и еще кое-что интересное. Гражданская Война кончилась пять лет назад, и домой вернулись миллионы солдат.

На Юге – в упадочном настроении они вернулись. Вроде бы, солдатам Севера надлежит чувствовать себя победоносно и так далее. Но они не чувствуют. Солдаты после войны вообще редко чувствуют себя победителями. Просто потому, что есть война, и есть быт, и после длительной войны быт солдата не устраивает, все ему не так, все медленно и глупо. Не забудем также, что солдатам имеют привычку изменять жены, невесты и любовницы. И что работать на начальство многие солдаты не любят или не умеют.

В свете всего этого бывшим солдатам было неспокойно дома (тем, кому посчастливилось вернуться домой и найти дом в том же состоянии, в котором он был до ухода солдата на войну). В то же время на северо-западе и на юго-западе, т. е. на Диком Западе оставались нетронутыми и необжитыми огромные территории. И потянулись на Дикий Запад тысячи, десятки тысяч бывших солдат – некоторые с семьями, некоторые в одиночку. С оружием. Начались драки с индейцами, появились ковбои, начался беспредел – и стали строиться поселки и городки. Укрепилось в сознании людей понятие – фронтьер. Это – пограничье, по эту сторону цивилизация, по другую дикость.

Произошла (почти сразу же) романтизация всего этого, появились благородные ковбои, живущие по диким но справедливым законам, коварные (реже – благородные) индейцы, ромео и джульетты с обеих сторон, знание прерий, попадания из кольта в бутылку на расстоянии в пятнадцать миль, и так далее. Все это, конечно, ерунда. То есть, интересного было много, но что такое – среднестатистический человек с пистолетом, думаю, объяснять не надо.

Одновременно с этим тянули ветку трансконтинентальной железной дороги. Одну. Хозяева компании, занимавшейся этим делом с одобрения федерального правительства наталкивались на сопротивление живущих в центре страны. Вот, к примеру, кладут шпалы да рельсы, глядь – а на пути дом стоит. Казалось бы – такая большая страна, столько незаселенной земли – зачем нужно было именно в этом месте ставить дом? Хозяева дома резонно возражали – а зачем именно в этом месте нужно тянуть ветку? Обойдите вокруг. Страна, опять же, большая.

Первая трансконтинентальная железная дорога

Вокруг – это замечательно, но вокруг – поле, и поле тоже принадлежит, оказывается, хозяевам дома. Оно фермерское, это поле. Посему – сгинь цивилизация, нам не до вас. Компания предлагала хозяевам домов и полей деньги, чтобы они убрались оттуда к чертовой матери. Естественно, деньги предлагали по принципу чем-меньше-тем-лучше. А были ли когда-нибудь на земле люди или компании, действовавшие по-другому? Хозяева домов отвечали иногда на такие предложения пальбой из огнестрельного оружия по представителям компании. Тогда компания наняла себе для разных нужд некоего шотландца по имени Пинкертон.

Аллан Пинкертон прибыл в Новый Свет в возрасте двадцати трех лет, сбежав от британских властей с молодой женой. Британские власти его преследовали как революционера, желающего видеть Шотландию независимой, или что-то в этом роде, какая-то безумная блажь. В районе Ньюфаундленда, корабль, на котором молодая пара ехала через Атлантику, попал в шторм и налетел на рифы. Имущество пассажиров утонуло вместе с кораблем, а сами пассажиры, те, кто уцелел, добрались до берега в Нова Скотии и прилегли там, на берегу, чтобы отдышаться. Местные притесняемые индейцы тут же окружили потерпевших крушение и потребовали у них все, что блестит. Жене Пинкертона, Джоун, пришлось расстаться с обручальным кольцом. Пинкертон хотел сражаться, но капитан, тоже выживший, его отговорил.

После этого Пинкертоны поселились в Чикаго, и Аллан стал производить бочки. Вспомним, что в бочках в то время перевозили *ВСЕ* товары домашнего, фермерского и даже индустриального потребления. И бочки были всем нужны. Будучи напористым и предприимчивым, Аллан Пинкертон вскоре владел мини-заводом по производству бочек. Как-то, заехав на лодке на остров на середине реки, чтобы посмотреть, нельзя ли там напилить дерева за дарма и втихаря, он обнаружил методом дедукции, что на острове этом кто-то периодически появляется. Оказалось – фальшивомонетчики. А именно в то время в Чикаго

был бум этой профессии. Аллан убедил представителя полиции пойти с ним и сесть в засаде. Неделю целую они каждый вечер сидели в засаде и в конце концов поймали кого-то. После этого полиция предложила Пинкертону, парню с железными нервами, купить большое количество фальшивых банкнот, чтобы выявить агента фальшивомонетчиков. Вместо этого Пинкертон вывел полицию на всю банду. Всех повязали. Вдохновленный успехом и статьями в газетах, в 1850-м году Аллан Пинкертон основал Национальное Детективное Агентство Пинкертона – частную команду, существующую по сей день. Через шесть лет он нанял в качестве агента женщину по имени Кейт Уорн – возможно, первую женщину-детектива в истории. Об этой женщине можно написать роман. Наверное.

Пинкертон познакомился с Линкольном, когда тот был еще конгрессменом. Во время Гражданской Войны Линкольн сделал Пинкертона кем-то вроде начальника военной разведки в национальных масштабах. Агенты Пинкертона шпионили глубоко в тылу у Конфедерации. В частности, ими (одной из женщин, звали ее Элизабет) раскрыт был тайный проект – боевая подводная лодка. На ход войны это никак не повлияло, но интересно.

Также Пинкертон предотвратил покушения на Линкольна во время избрания и переизбрания последнего президентом. Когда Линкольна убили, Пинкертон был где-то в другом месте, занимаясь какими-то другими делами.

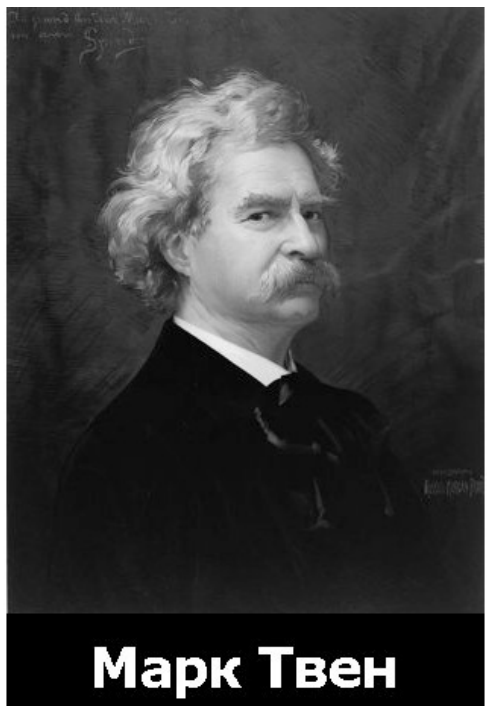
После войны Пинкертон вернулся в свое агентство и успешно продолжил деятельность. Написал что-то вроде устава для своих агентов, изобрел принципы, звучало все очень красиво. Правда, агенты его действительно отличались, как и он сам, абсолютной неподкупностью – он их выбирал лично, никому не доверяя (и этот опыт впоследствии перенял директор Федерального Бюро Расследования, именем Эдгар Хувер, и Бюро очень много из методов Пинкертона позаимствовало). Деятельность Пинкертона после Гражданской Войны связана с железными дорогами и банками. И те и другие грабили бывшие солдаты, совершенно нещадно. Пинкертон прекращал их деятельность в тех местах, где он появлялся со своими агентами. В частности, им была остановлена банда Джесси Джеймса, из которого в штатах бывшей Конфедерации делали Робин Гуда современности. Об этой истории снят был в 2001-м году совершенно дурацкий голливудский фильм. Что действительно правда – Джесси Джеймс частично снискал себе популярность защитой поселян, не желающих продавать свои владения железнодорожникам, от железнодорожников. Очень возможно,

что это было основной причиной его конфликта с Пинкертоном.

Так или иначе, под надзором Пинкертона трансконтинентальная железная дорога была достроена и пущена в действие, а от нее пошли ответвления, и какое-то время Соединенные Штаты лидировали среди цивилизованных стран по количеству и эффективности железных дорог на паровой тяге.

Но пойдем дальше.

В семидесятые годы приобретает известность писатель Самьюэл Клеменз, известный под псевдонимом Марк Твен (Mark twain – узел на веревке, означающий половину расстояния от поверхности до дна реки, на Миссиссиппи). Гражданская Война, в которой он слегка поучаствовал на стороне южан (этот период его биографии отмечен в его высказываниях двусмысленно и туманно) очень мешала его карьере журналиста и фельетониста, и он был счастлив, когда она наконец закончилась. После войны Марк Твен проживает на Севере, базируясь в основном в Нью-Йорке и наведываясь периодически, на пароходе, в Европу. Известен, помимо всего прочего, порой блистательного и великого, гениальной фразой – «Женщину невозможно убедить в том, что по телефону можно говорить и тихо».



Марк Твен, литератор

В то же время известность приходит к Брет-Харту, автору рассказов на ковбойские темы.

В семидесятых же годах происходит непонятное на Ирвинг-Плейс в Нью-Йорке. Оперный театр, базирующийся там, неожиданно разбавляет почти полностью итальянский репертуар большим количеством постановок опер Рихарда Вагнера и вопреки ожиданиям начинает *ПРИНОСИТЬ ДОХОД*. То есть, субсидии ему больше не нужны. Он коммерчески успешен! Частично это объясняется, наверное, большим наплывом эмигрантов с победоносных германских территорий. Но все-таки.

Отвлечемся на Европу.

В начале того же десятилетия композитор Джузеппе Верди сочиняет к открытию Суэцкого Канала оперу «Аида».

В России правит Александр Второй. Помимо эмансипации крепостных, его правление отмечено еще несколькими далеко идущими реформами – реформа армии и флота, реформа юриспруденции (более или менее копия с французских принципов), реформы, связанные с восстанием в Польше («Никаких мечтаний», белорусский и украинский языки запрещены в печати на территории Империи, польский язык запрещен и в печати и в официальном разговоре, и разрешен только в быту, то бишь дома и тихо – и запрещение действует после этого много лет), и еще что-то. В связи со всем вышеперечисленным и многим другим, в Александра стреляют чуть ли не залпами с близкого расстояния и взрывают рядом с ним, под ним, над ним, в карете и дома бомбы на протяжении всей его карьеры, и удивительно, что его не убили раньше – все шестидесятые и семидесятые продержался.

Александр Второй, император

Во Франции в связи с Третьей ли Республикой, горечью поражения, или еще чем-то, начинается очень бурный расцвет импрессионизма в живописи.

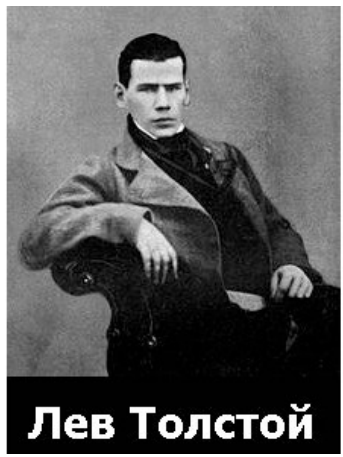
В разгар Гражданской Войны в Америке, Жак Оффенбах в Париже пишет «Прекрасную Елену», и с его легкой руки начинается первый расцвет оперетты, продолжающийся в семидесятые и восьмидесятые годы столетия.

Жак Оффенбах, композитор

В семидесятые же Рихард Вагнер заканчивает «Кольцо Нибелунгов» и планирует свой театр в Байрете (Байройте).

Тогда же, в побежденной униженной Франции, на парижской квартире Гюстава Флобера встречаются постоянно и рассуждают на отвлеченные темы и пьют кот-дю-рон сам Флобер, Ги де Мопассан, Иван Тургенев и Эмиль Золя.

Тогда же Лев Толстой пишет и издает «Анну Каренину».



Лев Толстой, литератор

Тогда же в Осло театральный сезон открывается премьерой пьесы Хайнрика Ибсена «Пер Гюнт», с музыкой Эдварда Грига, и вся Европа потом восхищается и пьесой и музыкой.

В общем, бурное было десятилетие.

Глава вторая. Нефтяной Маммон

Эпоха бурного развития индустрии во всем цивилизованном мире отмечена длительными интервалами политической и социальной скуки. Вот, вроде бы, и достижения интересные, и перспективы заманчивые, и любовь, и ревность, и театр, и драки, и даже войны – а скучно. Появились новые слова – экономика, массы, прогресс. Они и раньше существовали, но их не помещали на знамя. На знамя помещали то, о чем можно сочинять стихи – честь страны, свободу, и прочее. Иногда – Создателя, как крестоносцы, например, или имперские русские. Попытки писать об экономике стихи и оперы делались во всех странах, но ни к чему захватывающему не привели. Появился новый жанр – производственный роман. Изобрел его француз Эмиль Золя. Производство, какой-нибудь из его видов, служило в этом жанре антуражем, заменив собою войну, мир, политику и путешествия, использовавшиеся до этого в виде декораций. У Золя получилось, и многие решили, что производство и экономика вполне могут служить источником вдохновения и сладострастия.

Эмиль Золя, литератор

По всему миру стали появляться профессиональные союзы рабочих, и начались забастовки. Действовал закон – не Маркса, конечно же, и вообще не «экономический» закон, но закон Ньютона.

Общепринятый сегодня перевод формулировки этого закона на русский язык глуп и совершенно неадекватен. Да и собственно

фразеология Ньютона в данном случае – не вполне адекватна изначально, несмотря на правильность мысли.

В русском варианте всех (в том числе, думаю, и физиков тоже) сбивает с толку слово «противодействие», которого у Ньютона нет.

Суть этого закона (который, в отличие от других двух законов Ньютона, распространяется как на материальный, так и на духовный мир) в том, что любое действие порождает реакцию, равную по силе изначальному действию. При этом реакция совершенно не обязательно направлена на того, кто изначально действовал. Например, муж, которому нахамили на работе, срывает плохое свое настроение на жене. Жена, которой тоже нахамили, или обсчитали в супермаркете, оттягивается на муже и детях. Кому-то дали по морде, а он не может дать сдачи, поскольку давший – сильнее, больше, и вообще опасно – и получивший по морде идет искать более слабого, чтобы дать по морде ему. И так далее.

В модифицированном виде и применительно к экономическим реалиям, закон Ньютона звучит так. Ежели ты кого прижмешь покрепче, то и нет никаких оснований предполагать, что реакции не будет.

Глупость понятия «экономика» видна была задолго до восьмидесятых годов девятнадцатого века – тем, кто хотел видеть. Например, русскому поэту из негров Александру Пушкину. Экономические законы пытались вывести (в связи с зарождением Индустрии) еще в восемнадцатом веке – Адам Смит пытался, например. Если бы люди, имевшие отношение к производству, внимательнее читали бы стихи, они бы не наделали столько глупостей. Восьми строчек Пушкина —

> «… И был глубокий эконом.
> То есть, умел судить о том
> Как государство богатеет,
> И чем живет, и почему
> Не нужно золота ему
> Когда *ПРОСТОЙ ПРОДУКТ* имеет.
> Отец понять его не мог
> И земли отдавал в залог»

– вполне достаточно, чтобы увидеть простую истину. Нет никаких экономических законов на самом деле, и никогда не было. Есть соотношение количества людей в регионе, вероисповедания и воспитания их же, ресурсов и технологий. И все. Посему тем, кто может, умеет, и хочет, следует следить,

чтобы вероисповедание не попиралось, воспитание не прерывалось, а технологии не употреблялись бы для бездумного уничтожения ресурсов. Но, удивительно – дельцы этого не понимали и понимать не хотели. Появилось понятие производственной наживы, замечательное тем, что впервые в истории человечества возможность легко удовлетворить жадность заставила очень и очень многих забыть о Создателе и смысле жизни. Вообще.

Производственная нажива осуществляется следующим образом. Наличествует какое-то производство – ну, например, добывается где-то уголь. Добытый уголь продается – другим производствам или частным лицам. Вырученные деньги идут на починку оборудования, приобретение нового оборудования, и оплату труда. То, что осталось, берет себе хозяин производства. Хозяин смотрит, велики ли доходы – не потому, что ему не хватает, а потому, что доход уже стал главной целью. Это как наркотик, затягивает, и чем больше затягивает, тем меньше удовлетворения, тем больше беспокойства – точно по Екклесиасту, у которого сказано, «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того». Чем меньше удовлетворения, тем больше хочется иметь – в надежде, что оно, удовлетворение, все-таки настанет.

Нельзя поднять цены на уголь – покупатели пожмут плечами и будут жечь дерево, срубленное в ближайшем бесплатном лесу. Стало быть, для увеличения прибыли следует уменьшить расходы.

Нельзя чинить оборудование или покупать новое дешевле – сократится добыча. Но можно сократить зарплату добывающим. Посмотреть – выдержат ли. И тогда еще сократить.

Великие умы, стоящие у горнила «экономики» и «производства» во всем мире *НЕ ПОНЯЛИ*, что зарплаты нельзя сокращать бесконечно. Возможно потому, что не читали стихов, забыли закон Ньютона, который им преподавали в школе, но зато прочли Адама Смита и, возможно, Карла Маркса, и совершенно точно – Чарльза Дарвина.

Чарьлз Дарвин, исследователь. Карл Маркс, экономист.

И началась реакция.

В Америке, надо сказать, началась она с большим запозданием – лет на сорок. Рабочее движение в Англии, например, возникло еще в тридцатые годы. А Франция взбунтовалась аж в предыдущем веке. Но Америка держалась долго. И держалась бы еще – но в семидесятых и восьмидесятых годах Америка, никогда не знавшая голода, познала голод.

Нет, не массовый. А то тут, то там, в основном в индустриальных регионах. Но и это было неслыханно.

Также, это было глупо – нестерпимо глупо. Неприкрытый кретинизм. Голод – в Америке! Где все растет, где лучшие в мире фермы, где вне больших городов по старой доброй христианской традиции первый встречный оказывает любую помощь по первой просьбе, где стучащему в дверь открывают, где проголодавшегося кормят и радуются, что есть возможность сделать доброе дело!

Нужно было срочно что-то предпринимать, но поздно спохватились.

Все газеты были уже в руках соискателей производственной наживы. Кандидаты на ключевые посты поэтому выбирались ими же – кончилась эра вставания на бочку посреди сквера, кампании велись только с помощью прессы, и все претенденты учитывали интересы индустриалистов. В Англии. Во Франции. В России. В Германии. И в Соединенных Штатах.

Даже почти ничего не сделавший за два срока президентства пьяница Грант был – личность. И рабовладельцы были – личности, и вояки, и миссионеры. Индустрия привела к власти невиданное количество безликих бюрократов, и они заняли все

места – не только посты, но и места кандидатов – заняли собой.

Одним из таких бюрократов был Стивен Гровер Кливленд – единственный на сегодняшний день президент, президентствовавший с четырехлетним перерывом.

Родом он был из штата Нью-Джерзи, вырос на севере штата Нью-Йорк. Происходил из семьи пресбетарианского священника, был одним из девяти детей. Адвокатская практика. Выбран мэром Баффало (это такой город недалеко от Ниагары). Будучи мэром, одобрил смертный приговор по крайней мере двум преступникам, за что газеты с удовольствием величали его во время предвыборной кампании «палачом из Баффало». Стал президентом в сорок семь лет. В сорок девять женился на своей воспитаннице, которой шел двадцать второй год, и которую он знал с тех пор, как ей было одиннадцать, и которая до замужества называла его «дядя Стив». Этот факт его биографии, возможно – самое в ней, биографии, оригинальное. В остальном Кливленд прост, прямолинеен, скучен – типичный бюрократ.

В стране уже начались беспорядки, уже бастовали заводы и целые отрасли промышленности, а Кливленд – функционировал. Он очень любил свое право вето. Согласно Конституции, президентское вето на какой-то законопроект теряет силу, если против него голосуют две трети Конгресса и Сената. Но эти две трети не набирались – и большинство, и оппозиция были люди одного толка – бюрократы.

Федеральная помощь фермерам, пострадавшим от засухи, в размере десяти тысяч долларов? Вето.

Пенсии ветеранам Гражданской Войны? Вето.

Еще пенсии? Еще вето.

Пенсии калекам? Вето.

Бастуют железнодорожники в Чикаго? Послать войска.

Известны его высказывания на эти темы. Например, о пострадавших фермерах он сказал, «Федеральная помощь в таких случаях приучает людей к ожиданию отеческой заботы со стороны правительства и ослабит наш твердый национальный характер». О железнодорожниках, «Если для того, чтобы доставить почтовую открытку в Чикаго туда следует послать всю армию и флот Соединенных Штатов, открытка будет доставлена».

Забастовки, формирование профсоюзов, индустриализация, бюрократизация – все это происходило на фоне общемировой так называемой «Долгой Депрессии», которая началась в 1873-м году обвалом венской биржи, последующей паникой, и началом политики протекционизма (Англия и Франция почти одновременно отказались от свободной торговли). И следует

заметить, что в Америке забастовки были, и беспорядки были, и иногда кончались стрельбой в обе стороны, и все же, и все же … Пассионарии, направлявшие забастовки, к собственно профессиям забастовщиков имели малое отношение. Люди со стороны, часто (в Америке) иммигранты (правда, рабочие тоже были во многих случаях иммигранты). Самьюэл Голперз, к примеру, основатель одного из первых профсоюзов, родился в небогатой еврейской семье в Лондоне. В Америку прибыл взрослым. В 1872-м году стал гражданином США. И уже в 1877-м организовал профсоюз. Маркса читал, говорят, но марксистом не был.

А среди самих рабочих пассионариев, как всегда, было мало. Пассионарии не уживаются в коллективном производстве. Инертность рабочих была частично виной создавшемуся положению – во всяком случае в Америке. Ну, плохо тебе платят, ну, живешь ты впроголодь. Смени профессию. Не такая уж большая утрата – потеря угледобывательско-лопатных навыков. Иди к фермерам, или переезжай в большой город. Устраивайся моряком на судно. Но нет – копают уголь и плачут, что им мало платят. Ушла бы половина рабочих – глядишь и стал бы жадная сволочь хозяин платить больше.

А бацилла атеизма меж тем распространялась по миру.

«Коммунистический Манифест» опубликован был за три десятилетия до всех этих событий. Пролетарии всех стран – соединяйтесь, сказано было в нем. То бишь, соберемся вместе и дадим по башке. Кому-нибудь.

Человечество обожает принцип взятия чего-нибудь по праву сильного. Считалось, что пролетарии, соединившись, станут достаточно сильными, чтобы взять все, что им нужно, у тех, кто в данный момент сильнее. Уточнялось (в некоторых случаях) что им нужны персональные дворцы. О том, что на всех дворцов и дворецких не хватит, им не говорили. И многие, между прочим, *ОЧЕНЬ* долгое время думали, что хватит. И даже после того, как через двадцать лет «взятия» в одной отдельно взятой стране ни один пролетарий России не жил во дворце, многие пролетарии остальных стран считали, что это, наверное, у русских что-то не получилось (либо от нас скрывают, а на самом деле получилось), а у нас точно получится. Некоторым, наверное, все-таки приходило в голову посчитать, тыкая пальцем, дворцы вокруг, а потом, по головам, своих коллег в непосредственном окружении. Но может они думали, что в соседнем штате (в Кентукки, например) есть излишек дворцов, и они туда поедут после соединения и давания по башке. Не знаю.

В семидесятые годы француз с поэтическими наклонностями,

именем Эжен Потье, составил несколько не очень изящных станс под общим названием «Интернационал». В восьмидесятых другой француз, Пьер Дежете, изобрел для этих виршей оригинальную музыку (изначально использовали «Марсельезу»). Песенку перевели на все языки мира. На английский – три раза. Существуют лондонская, чикагская, и южноафриканская версии. Псалмы пролетарскому богу. Очень повлияло на многие умы.

В непосредственной зависимости от бациллы атеизма в мир пришло еще одно интересное понятие, до сих пор владеющее умами многих, а именно – большинство право. Почему оно право – никто до сих пор толком не знает. Все давно поняли, что большинство, оно же массы – безответственно, слегка дебильно, жестоко, безжалостно, трусливо и кровожадно. И все-таки – право. И нужно подстраиваться всем под желания большинства – безответственного, слегка дебильного, и так далее.

Старые классические демократии, включая американскую, старались в свое время эту правоту как-то ограничивать до поры до времени. И даже когда время пришло – совсем снять ограничения никто не пробовал. Попробовали расширить понятие большинства. Но не до отказа. До сих пор, к примеру, пятилетние дети не имеют права голоса. Почему? Не потому, что они не в состоянии проголосовать, или менее умны, чем многие избиратели, или у них меньше потребностей. Просто взрослые сильнее физически и могут выпороть или в угол поставить. Это не шутка, это так и есть.

Большинство право – прямой путь в бюрократию. Корпорациями владеет большинство – совет директоров и вкладчики. У корпораций нет хозяина. Любая корпорация по определению безответственна и слегка дебильна. И права. Бога нет, человек человеку волк, выживают приспосабливающиеся. Вот и все заветы бюрократической формы правления. Правления большинства.

Но, скажете вы, ведь кругом было столько умных и прозорливых – писателей, по крайней мере! Почему же никто не писал о том, что происходит *НА САМОМ ДЕЛЕ*? Почему мы читаем мнения той поры у тех же классиков, а там сплошная глупость? «Что делать?» Николая Чернышевского, святые крестьяне графа Толстого, социалистические измышления Джека Лондона и Золя, и прочая, и прочая – и ведь никто из них не вспомнил, что богатые и бедные были всегда, и нужно как-то ограничивать, а не поощрять, эгоизм и тех и других? Неужто никто из них не заметил *ГЛАВНОГО*? Что Индустрия, грозящая вот-вот перейти с угля на нефть, возжелала заменить собою Бога? Но нет – все они поддались пропаганде Индустрии. Все! И если

ранее христианские писатели-иконокласты восставали против христианства, т. е. являлись так или иначе сынами христианства, пусть и блудными – теперь они восставали против Индустрии, игнорируя христианство вообще и не понимая, что именно этого и добивалась Индустрия. Апологеты же существующего положения вещей лицемерно вздыхали, говоря всякие пошлости вроде «Такой у нас нынче век». Противники требовали крови, пятидневной недели, восьмичасового рабочего дня. И никто даже не подумал заметить возникновения корпораций-концернов, руководимых слегка дебильным большинством. Они как-то сами собою появились. Standard Oil, например. А когда посыпались вдруг как из бочки антитрестовские законы, было поздно – люди привыкли, что ненавидеть некого, ибо у корпорации *НЕТ ЛИЦА*. Главы корпорации – не гибкие, не знают реалий, не понимают долгосрочной выгоды, т. е. они вовсе не предприниматели, а просто – бюрократы. Самые настоящие. Они не живут – существуют. Они не работают – функционируют. Не принимают решений – приходят к консенсусу. И абсолютно безответственны – «решаю не я один». Сами-то главы советов директоров понимали ли, что они – ноль, ничего не значат, что деньги их – фикция, дела – тоже, благополучие – фальшивое?

Вот, предположим, есть страна с названием и историей, и живет в этой стране столько-то миллионов человек. Некоторые богатые, остальные бедны, где-то рядом бегает средний класс, корча из себя богатых. И вот заводы, производящие продукцию в громадных количествах. Кто ее, продукцию, покупает? Где потребитель? А потребитель – сами же производящие. Но у них нет денег. А продукция производится. И не продается. Замкнутый круг.

В то время, читатель, еще не было Призрачного Производства, еще не умели создать из ничего занятость и зарплату для миллионов. Поэтому все производство было повязано реальными фондами, и крах был неминуем. И он наступил.

Ну и черт с ним, честно говоря. Крах был – такой же бюрократический, как и правление. Кризис нисколько не был похож на романтическую Войну за Независимость, ни на жестокую, но тем не менее рыцарскую Гражданскую Войну. В крахе этом не было места чувствам и эмоциям – были лишь цифры. Гармонию заменили алгеброй. Не частично, но полностью. История учит и учит, что никогда ничего ни при каких обстоятельствах нельзя менять целиком, что в каждой данности есть что-то хорошее. А уж подменять Бога цифрами нельзя совсем. Вообще. Никогда.

А тут еще нефть.

Человечество порой встречается с феноменами, основного назначения которых оно не понимает несмотря на то, что *УЖЕ* ими пользуется. В свое время никто не знал, для чего нужен компьютер (может, и сегодня не знают). Для чего нужна нефть – тоже никто по началу не знал. Ее иногда даже прописывали как лекарство, а в Месопотамии еще (!!) ею мостили дороги, она тогда на поверхности лежала в некоторых местах. А тут вдруг какой-то поляк в своей Польше открыл, что она, нефть, легко дистиллизируется, и после этого очень хорошо горит. Но к нефти мы еще вернемся.

Наступил век беспощадного, скучного материализма – считать стали *ВСЕ*, и считать стали *ВСЁ*. В далекой снежной России, которую, по словам поэта, умом было не понять и которая всегда жила, якобы, какими-то совершенно мифическими идеалами, оказалось вдруг, уже в следующем веке, что главный идеал – нажраться от пуза. Этот идеал, существующий в России с 1905-ого года, сохранился до сих пор. Искусством интересуется меньше народу, чем интересовалось в девятнадцатом веке (несмотря на всеобщую якобы грамотность), проповедников не слушает никто (над ними смеются), но зато многие любопытствуют и высчитывают, как нужно устроить и переделать *ЭКОНОМИКУ*, что производить и кому продавать – многие, не имеющие отношения ни к производству, ни даже к купле-продаже его продуктов. Русских можно понять – производственная нажива в России привела к чудовищной волне голода в конце девятнадцатого века, и голод этот русских напугал очень – на поколения вперед. Голод, вызванный некомпетентностью материалистической советской власти в период между мировыми войнами страх этот только усилил. Добавила страху Вторая Мировая. И еще страху добавили плохое качество и частая недоступность еды и одежды после войны. Уже целый век большинство русских питается, по цивилизованным меркам, – странно, мягко говоря. Хотя индусы, конечно, позавидовали бы.

Но Америка-то тут при чем? Приходится признать, что вовсе не голод напугал Америку. Страна начала видоизменяться именно из-за бациллы атеизма. Не сразу, но постепенно. И в первую очередь бацилла повлияла на отрасли человеческой деятельности, не связанные напрямую (а лишь косвенно) с духовностью. На производство еды и одежды. Искусство поначалу незавидной этой участи – бюрократизации и цифиризации – избежало. Более того – расцвело.

Глава третья. Американский импрессионизм

Возьмем, к примеру, нищенствующего писателя, как его слегка автобиографично изобразил Джек Лондон. Вот он, Мартин Иден, живет в цивилизованном Сан Франциско в Бель Эпокь уже, в самом начале двадцатого века. Он уходит в море на три месяца матросом. После чего он почти девять месяцев живет *НЕ РАБОТАЯ*, снимает комнату, имеет газовую горелку, есть фруктовое пюре из банки, заедает овощами, иногда картошкой, раз в неделю готовит себе какое-то мясо. Впроголодь, согласен. Но можно уйти в море не через девять месяцев, а через шесть. Девять месяцев ему нужны для самообразования (бесплатные библиотеки) и встреч с любимой девушкой. Сегодня половина мировой богемы, включая американскую, убила бы за такие возможности. Бывает, конечно, что люди из богемы не работают на случайных работах годами, питаясь и проводя ночи у друзей. Дело хорошее, но нет возможности остаться одному, когда этого хочется.

Так что не такие уж плохие условия. Нет, конечно же – люди низшего класса болели, деформировались, губили себя на разных производствах, загибались к сорока годам или раньше от износа. Но это – привычка, она же вторая натура. Сегодня многие делают тоже самое неизвестно во имя чего. Уж давно – не для престижа. Торчащих в конторе по двадцать часов люди нормальные давно презирают, какой еще престиж!

Но – странно. В то время, как идет бюрократизация производства еды, текстиля и воспитания, искусство, включая даже архитектуру, вовсе не в упадке. Его тоже коснулась бюрократизация, и получился откат – невиданный!

Ни за один период истории на земле не построили столько добротного и красивого, сколько в конце девятнадцатого века. Градостроительство идет бурными темпами, по всему миру. Растет город Нью-Йорк. Растет Сан-Франциско. Растут в Европе Берлин, Лондон, Рим, Санкт-Петербург, Москва. И даже строятся новые города со старыми названиями. Петр Первый и его последователи обошли вниманием Новгород, к примеру. И был все это время Новгород, бывшая столица гордой купеческой республики – кремль да избы. Теперь он вдруг превращается в самый настоящий город – хоть конку пускай. И пустили.

С уходом из оперы Верди и со смертью Вагнера наметился было перерыв – но в пик Индустрии появляются веристы.

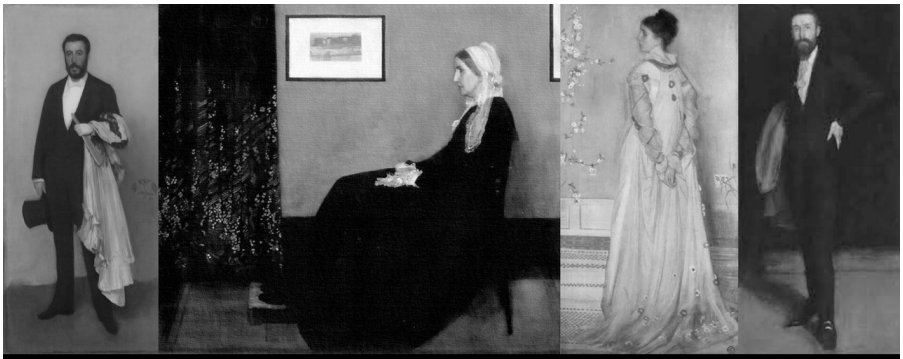
С запозданием, почти одновременно с веристами, восходит звезда Петра Чайковского. В литературе блистают небывалые писатели во всех традиционно литературных странах – и Америка там равная среди равных.

В живописи американцы совершают переворот! Его, правда, никто даже не заметил, этот переворот, поскольку центр живописи, Париж, не воспринимал американцев всерьез. И, как все остальные ценители живописи, американские ценители тоже прислушивались к Парижу. Имена теряются в пыльных каталогах – Слоун, Бенсон, Морер, Чейз. Правда, известен Джон Сингер Сарджент, но он не совсем американец. И помнят Джеймза МакНила Уистлера, но слабо. Это потому, что живопись уже почувствовала первое дыхание бюрократии.

Искусство Уистлера сильно пострадало от отсутствия профессиональной критики. Критика живописи коллапсировала в бюрократизацию первой. Уистлер – эстет, нахал, эпатажник ужасно любил покрасоваться и покривляться, и в работе тоже. Невозможно, неправдоподобно талантливый, в раннем возрасте поживший в России с железнодорожником-отцом, где выучил почему-то французский язык, Уистлер поступил в военную академию в Вест Пойнт, где изучал науки. Воспоминания об одном из экзаменов у него были такие: «Если бы силикон был газом, я бы сегодня был генералом». В Европе, будучи уже художником, он выдавал себя за обнищавшего южанина-аристократа, изгнанника, но действительно ли он симпатизировал побежденной Конфедерации оставалось неясным.

Смех смехом, но Уистлер, обосновавшись неожиданно в Париже, общался с художниками и вообще богемой столицы много, и рисовал портреты. И стал вдохновителем французского импрессионизма – между делом.

Ох уж эти портреты Уистлера! Они ни на что не похожи. У него уникальная манера, и любое подражание выдает подражателя с головой. Все эти его позы в пол-оборота, дамы в полный рост, мужчины в полный рост, небывалое число сеансов – под две сотни на портрет! Помимо этого, будучи близоруким, дэнди Уистлер не любил очки, и, рисуя портрет, ходил от мольберта к модели и обратно, и всматривался в детали (в плечо или щеку модели) с расстояния в пять дюймов, щурясь.



Портреты Джеймса МакНила Уистлера

Как-то в Париже устроили выставку под названием «Истоки Импрессионизма». Все импрессионисты были на ней представлены, но кто-то из администрации одолжил в музее Тейта в Англии очень скромных размеров картину Уистлера с глупым названием «Симфония в белом номер два» – девушка с зеркалом. Из всех импрессионистов Франции достойным соперником Уистлеру мог быть только зрелый Эдуар Мане, а как раз его-то зрелый период на выставке представлен не был. И, посмотрев на эту картину Уистлера, зрителю можно было смело идти домой. Остальное было куда менее интересно.

Но Уистлер – ранний, а расцвет начался в восьмидесятые годы. Сегодня некоторые из этих полотен висят в американских секциях американских музеев. Секции эти как правило пусты. Людей очень мало.

Произвести оперного гения Америка не успела – поздно спохватилась.

Приближалась Бель Эпокь.

Глава четвертая. Испанские страсти

Феномен Испании либо изучен историками безобразно плохо, либо либеральная бюрократия не позволяет высказать в реферате очевидное.

Некогда Иберия (так она ранее называлась) была частью Римской Империи. После развала последней прибыли арабы. Шли они с востока, завоевывая бывшие римские владения в Северной Африке. К римским постройкам арабы были совершенно равнодушны – не рушили их, а просто не обращали на них внимания. Таким образом вся североафриканская часть бывшей Империи пришла в запустение и развалилась, все колонны, мраморные лестницы, и водопроводы. Переплыв Гибралтар, Халифат вторгся в иберийские владения и пошел на север. Иберийцы сопротивлялись приблизительно также, как несколько веков спустя сопротивлялась монгольскому приходу Киевская Русь – стойко и неорганизованно, иногда героически отстаивая незначительные пункты, иногда в панике убегая из значительных пунктов. Так же, как Русь, Испания продолжала существовать в условиях частичной оккупации. В отличие от Руси, где иго продержалось два с половиной столетия, испанцы конфликтовали с оккупантами аж восемь веков. Это не могло не сказаться на национальном характере и внешнем виде испанцев. И сказалось. Типичный пост-халифатовый испанец – человек с козлиной бородкой, а испанская фолк-музыка страдает иногда чрезмерной азиатской заунывностью и примитивностью.

Арабы пошли бы и дальше на север, но франки несколько раз дали им серьезный отпор под Пуатье, и они ретировались обратно в Испанию. Для сравнения – когда монголы сунулись было западнее Руси (напугав венгров и поляков), они вдруг столкнулись (кажется, единожды) с чешскими рыцарями, которые, вместо того, чтобы защищаться, сами их атаковали с фланга, проявляя доблесть и ярость. Монголы ретировались – на Русь.

В Испании, как и на Руси, долгое время существовали «карманы», области, где арабов не было, и где росло все восемь веков испанское рыцарство и так далее. Сохранялась власть короля (современник Владимира Красное Солнышко, Санчо Третий, довольствовался несколькими акрами земли и при этом заключал союзы с Новой Римской Империей, Швецией и Норвегией, как полноправный король).

В конце концов, по марьяжному объединению Кастилии и Арагона, по арабам нанесен был последний серьезный удар –

в 1492-м году. В том же году Испания выперла со своих территорий всех некрещеных евреев и послала миссию через Атлантику в поисках новых торговых путей. Миссией управлял, ползая по вантам, итальянец из Генуи по имени Христофор Колумб. Вскоре Европа получила в пользование невиданные продукты потребления – картофель, какао, помидоры и табак.

После чего начался взлет испанской культуры и испанской экспансии. Испанский флот, великая Армада, долгое время была непобедима. Земли к северу от Мексики испанцам не очень нравились, их больше устраивала Южная Америка. Храбрая Конкиста прошлась по ней катком, пугая и уничтожая местное индейское население и переливая исторические письмена на золоте в легко транспортируемые слитки. Испанцы колонизировали все, что видели, включая все острова с очень добрым климатом. Им помогла европейская сталь, огнестрельное оружие и кавалерия (индейцы лошадей никогда в глаза не видели). Испания вошла в Европе в большую моду. Затем Испанией некоторое время правил красивый блондин Филипп Второй, отец дона Карлоса из пьесы Шиллера. Этот монарх не знал ни одного иностранного языка, говорил на жлобском кастильском наречии, но очень любил просвещение и благоволил литераторам. Испания и мировая литература обязаны ему появлением на международной арене драматурга Лопе де Вега. Помимо Лопе, в Испании в эпоху пост-мавританского расцвета писал Сервантес. Также в Испании рисовали маслом Веласкес, Гоя, эль Греко, и еще кто-то. Также, там строили слегка – в «мавританском» стиле. К моменту начала развития в Европе красивой музыки Испания уже более или менее спеклась в культурном смысле и к славной плеяде оперопроизводящих стран (Италии, Германии, Франции и России) не присоединилась, ну, разве что частично в опере Жоржа Бизе «Кармен», которая, несмотря на испанские мотивы, все-таки вполне французская. Была еще легенда о Дон Хуане, «достигли мы ворот Мадрита» и так далее, но даже она, сермяжно-испанская, написана была почему-то итальянцем, а популяризирована французами и, в специальном издании для российского потребления, великим русским негром. Пиэса последнего не является собственно драматургическим произведением – это театральный всплеск, состоящий из непрерывных кульминаций. Уникальная вещь. Но не испанская – франко-русская. О приключениях молодого испанца с хлыстом в колониях, где он в черной маске ездил под псевдонимом Зорро на лошади, грабил богатых и раздавал награбленное бедным местным, написан был роман – французом Александром Дюма-старшим, и снято было несколько фильмов –

американских и французских.

На этом культура Испании кончилась. Не то она, Испания, растеряла потенциал в бурных водах колонизации, не то арабы все-таки на пассионарности испанцев сказались, выпили из Испании все культурные соки к свиньям, но приуныла Испания. И к концу девятнадцатого века гордая Армада жила деяниями великого прошлого. Южноамериканские колонии попросили испанцев удалиться в пределы бывшего Халифата. Теперь Испания держалась за Кубу и Филиппины, не желая верить в окончательное падение, угрожающе щелкая кастаньетами по адресу Гаваны.

Где, к слову сказать, в бурные семидесятые состоялась десятилетняя Война за Независимость, перешедшая в партизанскую войну.

А тут вдруг президентом США избиратели сделали некоего Уильяма МакКинли.

Происхождение у МакКинли было ирландско-шотландское. Происходил он из относительно большой семьи (шесть сестер и братьев), недоучился из-за недостатка средств, участвовал в Гражданской Войне на стороне северян и там геройствовал (доставляя под огнем провиант и оружие со своей командой). До больших чинов не дослужился. Стал конгрессменом. И неожиданно избрался в Белый Дом, куда переехал вместе с любимым попугаем по имени Вашингтон Поуст (так называлась и называется по сей день газета, известная либеральной истеричностью – такая у нее, газеты, бюрократическая функция).

Умница Шерман, прозорливый Шерман, тот самый зловещий генерал, именем которого до сих пор пугают младенцев на территориях бывшей Конфедерации, переживший и повидавший многое, будучи сенатором от штата Огайо написал и выдвинул «Акт Шермана», самый первый антитрестовский законопроект. МакКинли ознакомился с законопроектом и понял его важность. Было уже поздновато, но по ратификации нового закона правительству Соединенных Штатов удалось разбить Standard Oil. Эта корпорация, тем не менее, перегруппировалась, и многие ее обломки стали впоследствии отдельными большими корпорациями. Закон был применен еще раз и еще раз, но корпорации были сильны. Увы.

Затем появилось кубинское дело. Оказывается, в Кубу были вложены некоторыми предприимчивыми американцами немалые средства, а с дивидендами оказалось туго – из-за партизанской войны. Тогда главе кубинских повстанцев было выдано сто пятьдесят миллионов долларов, чтобы он передал их Испании, с тем, чтобы она шла домой. Не то деньги до Испании не дошли,

не то глава повстанцев взял их себе и купил на них сигары для своих соратников, не то Испания оскорбилась – кто ж разберет. Вкладчики науськивали газетчиков, газетчики объясняли американскому народу, что нужно Испанию с Кубы выбить, и что это будет легко. Армия, недавно покончившая с остатками индейского сопротивления, сидела без дела и желала проявить себя. К тому ж недавно переоснащенный военный флот ни разу не побывал в сражении, а попробовать хотелось. Все были за интервенцию.

Кроме МакКинли. Бывший вояка сопротивлялся и уверял всех подряд, что все это ерунда, что незачем начинать войну по таким пустякам, как пропажа инвестиций каких-то авантюристов. И войны бы не было никакой, если бы не случай.

Глупость человеческая не знает пределов. Посол Испании в Вашингтоне переписывался с кем-то из своих, наследники Пинкертона за перепиской в связи с кубинскими конфликтами следили, и некоторые письма вскрывали. И одно из писем показали МакКинли.

Сперва он отказывался читать, поскольку чужие письма читать неприлично. Но ему объяснили, что это вовсе не частное письмо, а политическое. Он прочел. Письмо как письмо, вполне враждебное, но мало ли какие у кого враги бывают. И опять никакой войны не было бы, если бы не один аспект, а именно – в письме этом испанский посол имел глупость презрительно отозваться об американском президенте. Мол, что он понимает, этот МакКинли, деревенщина, чего с ним считаться, что ему скажут, то он и сделает, поскольку туп и малокультурен.

МакКинли помрачнел, поразмышлял, и принял решение. Испании была объявлена война.

Война эта длилась с перерывами, но общее количество действий и их продолжительность были смехотворны. Было несколько сражений – за Кубу, за Филиппины, за Гоам. Грозная Армада оказалась ни на что не способна – старая и дряхлая, она была разгромлена, потоплена, окружена, взята в плен, взорвана – все это одновременно. Затем по старой американской традиции в Париже был подписан мирный договор и испанцы удалились с Кубы, из Венесуэлы, и еще откуда-то. Испанская Империя перестала существовать. Все это произошло в 1898-м году, на заре Бель Эпокь.

Раз уж к слову пришлось —

Бель Эпокь, также известная как Париж-1900, была действительно блистательной эпохой. Слава французских импрессионистов еще не потускнела. Веристы в лице Джакомо Пуччини написали «Тоску» и были на пике популярности. Вскоре

последовало второе рождение венской оперетты. Английский театр переживал очередной ренессанс.

Джакомо Пуччини, композитор

Весь этот блеск свободно умещался в нескольких центральных кварталах Парижа. Кварталы эти тонули в океане повальной, частично спровоцированной Индустрией, нищеты. Нищета начиналась в километре от Лувра и распространялась дальше сферически. Тут и там светили оазисы блистательности, парижские отголоски – тоже по нескольку кварталов – в Берлине, в Лондоне, в Санкт-Петербурге, в Нью-Йорке, в Сан-Франциско. Очаги респектабельности в кучах индустриального мусора, в столпотворении трущоб, в упадке морали. Мусор давал о себе знать – беспорядками, огнестрелом, бомбами, демонстрациями.

Леон Чолгош, двадцати семи лет от роду, сын русско-польских иммигрантов, недоучился – как и президент МакКинли – работал на заводе, заводил долги, и так далее, и почитывал соответствующую литературу. Более всего его интересовала концепция анархии. Особенно большое впечатление произвела на него лекция некой Эммы Голдман, одной

из главных феминистических анархисток эпохи. Он встретился с нею лично один раз и она его окончательно убедила.

На фоне индустриальной нищеты в городе Баффало, у самой Ниагары, решено было провести Всеамериканскую Экспозицию – нечто вроде выставки достижений. В частности, на этой выставке демонстрировался первый в мире рентгеновский аппарат. Президент МакКинли прибыл на выставку, надев красивый костюм. Чолгош приблизился к президенту, прикрывая револьвер носовым платком, и выстрелил два раза.

МакКинли стал первым американским президентом, прокатившимся на авто – мотор скорой помощи. Пули искали хирурги, одну просмотрели почему-то, рентгеновский аппарат стоял невостребованный. Вскоре начался сепсис, после чего наступил паралич и президент умер.

На суде Чолгош выразил, что, мол, ни о чем не жалеет, и сделал бы все тоже самое еще раз. Его казнили, посадив на электрический стул и три раза подав напряжение в 1700 вольт.

Несколько лет спустя английский драматург Джордж Бернард Шоу в предисловии к одной из своих пьес описал эти события таким образом —

«Леон Чолгош сделал Президента МакКинли героем и мучеником, убив его. Соединенные Штаты сделали Чолгоша героем и мучеником. Тем же способом».

Глава пятая. Позолоченный век

Еще в бурные семидесятые Марк Твен (по традиции в России из возможных вариантов произношения этого псевдонима выбрали галлицизированный) написал, в соавторстве с Чарльзом Дадли Уорнером, сатирическую повесть «Позолоченный Век». В повести этой рассказывается о городе, который с большого расстояния выглядит так, будто сделан из золота. А на самом деле он просто покрашен дешевой краской, имитирующей золотой цвет. Сатира в представлении современников Марка Твена изображала Вашингтон и его политику, но, как водится, суть ее была гораздо шире и относилась к эпохе вообще.

Двойственность творчества Марка Твена из сегодняшнего далека представляется неизбежной. Южанин Самьюэл Клеменз не мог не симпатизировать разгромленной Конфедерации. Журналиста-странника Клеменза не могла не раздражать повсеместность отголосков недавнего конфликта Севера и Юга. Писатель Марк Твен не мог не тяготеть к Северу, где ему предоставлялись любые возможности, и не презирать Юг, где не было ни издателей, ни типографий, способных создать кому бы то ни было мировую известность.

Поэтому главный герой романа «Янки при дворе Короля Артура» конечно же северянин. Из Коннектикута. Точнее, из Хартфорда, штат Коннектикут.

Янки этот, идеальный Янки, собирательный образ, символ американской предприимчивости и энергии тех лет, в реальной жизни, конечно же, совершенно невозможен. Напомню, что согласно сюжету, прибывает он в раннее средневековье, в Англию, которую не посетили еще не только викинги, но даже саксы – валяется себе неприкаянный обломок Римской Империи, населенный неизвестно кем. В этой артуровой Англии у Марка Твена уже наличествуют железные доспехи, закрывающие целиком тело воина и его лошадь (очевидно, писать о совершенных дикарях, какими и были воины Артура и окрестное население, Марку Твену было скучно, и он перенес Камелот в более позднюю эпоху). В короткий срок (несколько лет) энергичный и предприимчивый Янки создает в средневековой Англии индустриальный мир конца девятнадцатого века, включающий в себя заводы, электростанции, разветвленную сеть железных дорог, биржу, телефон, и прочая и прочая – все это без справочников, без достойных коллег, без заготовок, в одиночку, обучая по ходу дела самых молодых и горячих премудростям индустриального общества. Подразумевается, что он достаточно

знает для всего этого физику, химию, геологию, кузнечное дело, строительное дело, агрикультуру, архитектуру, машиностроение, текстиль, и так далее. Подразумевается также, что все это он может создать собственными руками. И также подразумевается, и даже говориться открытым текстом, что он не особенный, но рядовой, Янки.

Одновременно с Позолоченным Веком и индустриальной нищетой, в мире, и в Америке, родилась легенда об этом типе американца – предприимчивого, сметливого, практичного, прагматично гуманного, веселого, полного энергии. Марк Твен всего лишь эту легенду зафиксировал в литературе. Легенда имела основания, конечно. Америка – очень большая страна, а во время бума Индустрии возможности для белых людей типа перекати-поле действительно были в Америке неограниченные.

Есть и еще одна особенность у этого образа Янки. Сегодня она выглядит не очень понятно, либо ее предпочитают не замечать. Дело в том, что (приглядитесь) этот самый Янки – более или менее бескорыстен. Деньги как таковые его не интересуют, жажда наживы его не обуревает. Деньги ему нужны как одно из подручных средств.

Образ понравился всему миру. Для этого в образе было достаточно правдоподобия. Именно янки ассоциировались в цивилизованном мире с таким образом. Невозможно представить себе в этой роли немца, француза, русского, англичанина или испанца.

Но предприимчивые рубахи-парни – одно дело, а были дела и покруче.

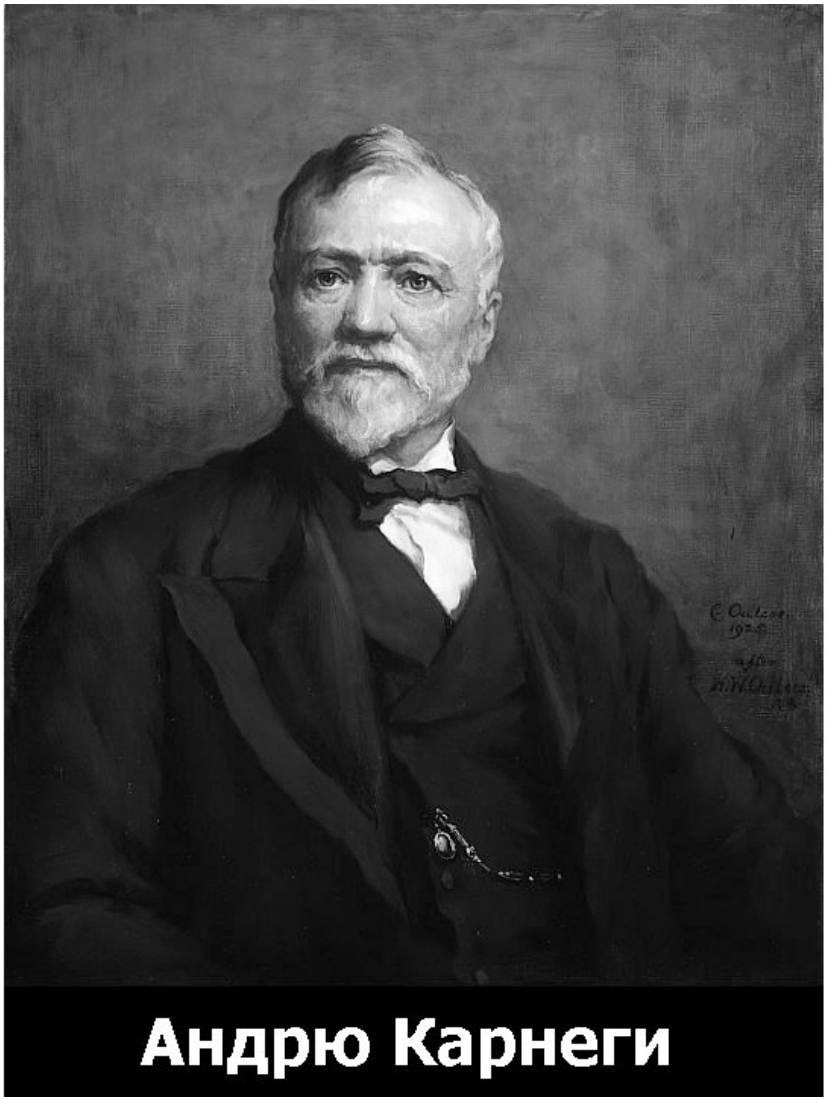
Андрю Карнеги объявился в Америке в возрасте тринадцати лет. Бедная шотландская семья. Хорошие лидерские качества. Работал на хлопковой фабрике (за доллар двадцать в неделю), затем телеграфистом на железной дороге. Замечен как способный работник одним из владельцев Пеннсильванской Линии Томасом А. Скоттом и назначен на место интенданта. В Гражданскую Войну Скотт сделался помощником военного министра северян, и Карнеги отправился с ним на фронт. В конце войны познакомился с изобретателем спального вагона Джорджем Пульманом и вошел с ним в долю. Быстро разбогател. Уже в тридцать три года проявил оригинальность, написав самому себе письмо, в котором обещал, что через два года оставит предпринимательство ради денег и посвятит себя учению и познанию мира.

Не оставил. Начались нефтяные дела, сталелитейные дела, железнодорожные дела. В пятьдесят два года Карнеги женился на Луизе Уитфилд, богатой наследнице. Через десять лет у них

родилась дочь Маргарет.

«Оставить» получилось лишь к шестидесяти пяти. Тем не менее, «лишние» деньги у Карнеги не залеживались. И во время занятий бизнесом, и по уходе в отставку, Карнеги развлекался филантропией так, как ею, возможно, не развлекался ни один человек в истории. Вот, например —

На свои деньги построил и оснастил три тысячи библиотек (из них тысячу шестьсот в Америке, остальные – в Англии, Шотландии, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Вест-Индиях и на Фиджи). Строил всегда с условием, что ему бесплатно предоставят землю для строительства, затем он на ней, на этой земле, построит здание и оснастит его книгами и меблировкой, а дальнейшую заботу о библиотеке возьмет на себя правление местности.



Андрю Карнеги, предприниматель, филантроп

Финансировал бесчисленное количество университетов по всему миру. Также, бесчисленное количество больниц.

Основал фонды для пенсий учителям.

Заплатил за постройку семи тысяч церковных органов (сказалась, помимо всего прочего, слабость к музыке).

Основал в Алабаме университет для негров.

Основал два Фонда Героев – один в Америке и один в Англии. Награды за героизм – не обязательно военный.

На углу Седьмой Авеню, в двух кварталах от Центрального Парка, красуется сооружение функционального толка, но не двадцатого века, а конца девятнадцатого. Называется –

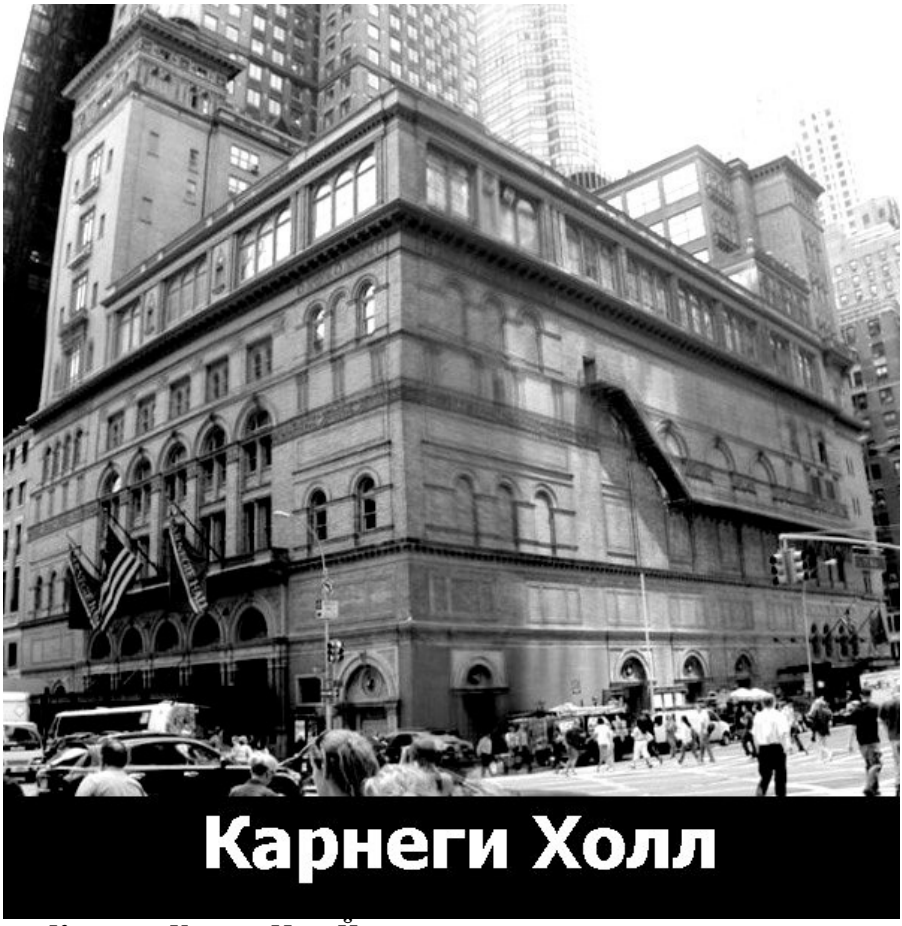
Карнеги Холл. Построен в стиле псевдо-ренессанса по проекту Уильяма Бернета Татхилла. Колонны и арки украшают лишь вход и часть фасада. Вестибюль без претензий на роскошь, хоть и мраморный. Сам зал (основной, есть еще два малых зала) в акустическом отношении решен интересно и безупречно – в высоту он больше, чем в длину и в ширину, и известен «теплотой» звука. Знал Карнеги, кого пригласить дирижировать концертом в первый вечер новой этой филармонии. Верди ничего интересного давно не писал, Вагнер умер, Пуччини не успел еще стать мастером. Поэтому на открытие прибыл лучший в тот момент из живущих и действующих композиторов цивилизации – Петр Чайковский.

С Карнеги Холлом связано несколько забавных инцидентов. Так, к примеру, во время исполнения концерта Сергея Рахманинова для двух роялей, Рахманинов и его партнер играли себе, играли (с роялями, поставленными крест-накрест), и вдруг партнер потерял линию и, не зная, что делать, остановился. И смотрит на Рахманинова. Рахманинов тоже остановился. Не забудем очень хорошую, «теплую» акустику.

– Где мы, а? – спросил партнер.

На что Рахманинов невозмутимо и четко ответил —

– В Карнеги Холле.



Карнеги Холл в Нью-Йорке

В 1901-м году, полностью продав все свои предприятия, Карнеги стал самым богатым человеком в мире. Когда в 1919-м году он умер, по его завещанию розданы были (на филантропические цели) последние деньги, остававшиеся на его счету – тридцать тысяч долларов.

Его некогда партнер Хенри Фрик отписал американскому народу свой особняк, содержащий коллекцию живописи, которой позавидовал бы иной столичный музей. Будете в Нью-Йорке – зайдите в Коллекцию Фрика.

Интересные были тогда предприниматели, не так ли. И не только в Америке. Некто Третьяков, к примеру, купеческого сословия, тоже ведь подарил свою коллекцию народу.

Единственный соблазн, с которым Карнеги не мог бороться был – ставить свое имя на всех своих благотворительных начинаниях.

Ну и, конечно же, поговаривали (и сегодня поговаривают) что

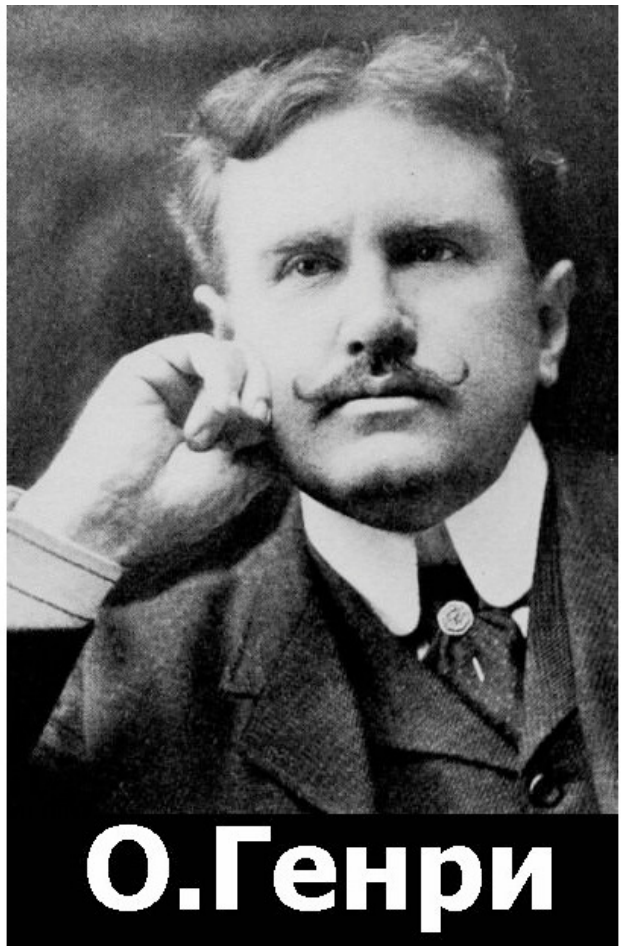
филантропией своей Карнеги компенсировал свою обычную безжалостность по отношению к людям, на него работавшим. То бишь, обирал рабочих. Возможно, было такое. Но обирали рабочих многие. И очень немногие из тех, кто обирал, строили на свои средства библиотеки публичного пользования.

В восьмидесятых еще годах был построен, а в Бель-Эпокь достроен и надстроен, Метрополитан-Музей в Нью-Йорке. Прелестное это здание в стиле, предшествующем так называемому «академическому классицизму» было первым в мире, построенным собственно для развешивания картинок. Все остальные были до этого – дворцы да особняки, пусть и бывшие. Фасад здания отличается величественной простотой и так же узнаваем, как фасад Лувра.

Метрополитан Музей в Нью-Йорке

Американской богеме в то время жилось, как всегда, не сладко. Но выбившимся – особенно писателям – платили солидные, лучшие в мире, гонорары. Более того. В то время, как русская литература взяла тайм-аут, решив погрязнуть в алгебраическом «модернизме» (а русская поэзия жеманилась напропалую, все глубже утопая в неимоверной пошлости), в то время, как литературная Франция была на исходе, Германия

писала неубедительно, Англия могла похвастать только Уэллсом и Шоу и ревниво делила Киплинга с Новым Светом и Индией, в Америке начался неожиданный подъем – именно литературы. Помимо Джека Лондона, по-своему эпохального, проявился вдруг будущий король сентименталистов О. Генри. Был ли он великим? Кто знает. Работал он в очень легкомысленном жанре. Но попробуйте мысленно убрать из истории литературы – ну, скажем, Золя. Ощутимая потеря. А теперь попробуйте убрать О. Генри. Катастрофа!



О. Генри, литератор

И, надо сказать, что американская литература, основателем которой считается Вашингтон Ирвинг, литература, дававшая о себе знать редкими вспышками весь девятнадцатый век, в двадцатом превратилась в течение, и течение это стало единственным за весь век литературным течением. Остальной

мир перешел на отдельные редкие вспышки.

Современник Джека Лондона, Франк Бом, выходец из зажиточной немецкого происхождения семьи, занимался предпринимательством, адвокатской деятельностью, и еще многим разным, и весьма успешно. Его тяготила беззаветная любовь к театру. Время от времени он ставил на свои деньги спектакли и участвовал в них сам. Спектакли проваливались (в основном, кроме одного, который принес кратковременный денежный успех театральным начинаниям Бома). Будучи уже женатым, вступившим в средний возраст, после очередной неудачи и потери всех средств, Бом решил написать романной длины сказку для детей. По мысли Бома, время поучительных сказок с моралью прошло, и теперь (в Бель Эпокь) следовало писать сказки исключительно приключенческо-волшебные. (С легкой руки Вагнера все творческие люди увлекались теориями о том, как надо и как не надо). И Бом написал такую сказку. Успех «Волшебника из страны Оз» получился беспрецедентный – о штате Канзас, девочке Дороти и дороге из желтого кирпича заговорил весь мир. Время от времени Бом пытался писать другие вещи – и серьезные, и волшебные – вопреки просьбам издателя. Но он не мог и не умел отказывать детям, а они заваливали его письмами с просьбами о продолжении. И время от времени Бом возвращался к стране Оз, и написал в общей сложности четырнадцать романов на эту тему.

Появились Дос Пассос и Фитцджеральд, модные, слегка манерные, но тут же возник Деймон Раньон, и сразу вслед за ним Генри Каттнер, основатель литературной фантастики (Уэллсу до него узаконить жанр не удалось). И если учесть, что все это привело к появлению Уильяма Фолкнера – игра стоила свеч.

Но Теодор Рузвельт, въехавший на правах хозяина в Белый Дом после убийства МакКинли, а затем переизбранный на второй срок, ничего об этом не знал. Возможно, ему забыли доложить.

Во время его правления Соединенные Штаты вели войну на Филиппинах. Не совсем это была война, а больше – отстрел партизан.

История Филиппин забавна и трагична одновременно.

Климат этого архипелага – типично тихоокеанско-островной, уютный. То есть, приятный и удобный для безбедного существования.

Возможно изначально на архипелаге жили обыкновенные маори – самая безобидная раса из всех, хотя и они при определенных обстоятельствах склонны повоевать. Но затем архипелагом заинтересовались азиаты, благо от Азии там рукой

подать. Возможно, на первых стадиях имело место смешение рас. А может азиаты сразу вырезали все местное население. Так или иначе, сегодня филиппинец – монголоид, но с темной кожей.

Первый белый человек, ступивший на землю архипелага, был португалец по имени Фердинанд Магеллан. За Магелланом прибыли испанцы, посланники того самого отца Дона Карлоса, блондинистого Филиппа Второго. Они назвали архипелаг в его честь, водрузили на пригорке испанский стяг, и приступили к постройке церквей в мавританско-испанском стиле и к разборкам с населением. За три века католичество укрепилось на архипелаге прочно.

Архипелаг то и дело атаковали пираты, в основном китайские, и с ними велась борьба, в основном испанцами, и при этом не только островные гарнизоны, но и славная Армада приходила на помощь колонии. Возможно, китайцы и раньше досаждали архипелагу, и возможно именно поэтому население долгое время охотно мирилось с испанским присутствием, взявшим его, население, под защиту.

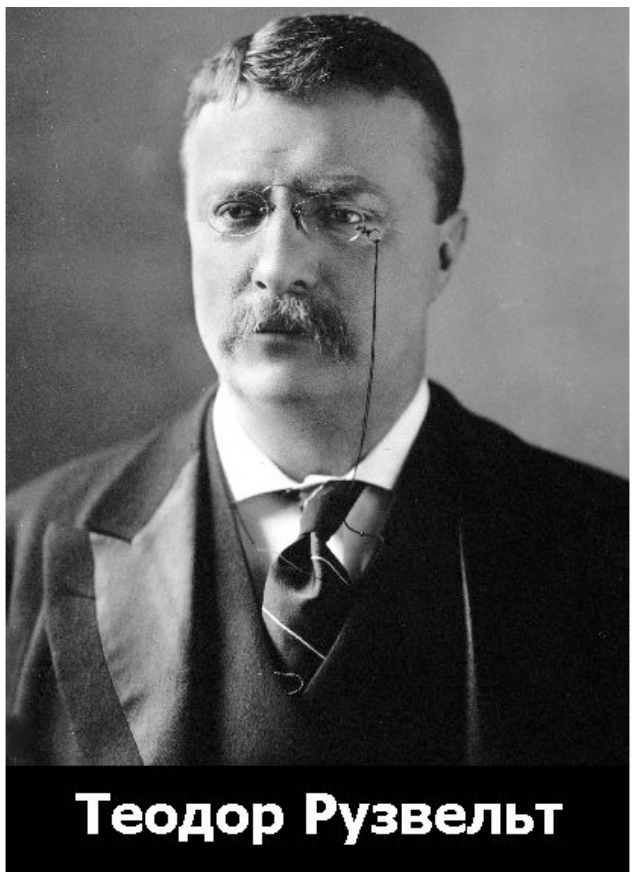
Но, поддавшись общей моде, испанские владельцы начали в конце девятнадцатого века производить эксперименты над местными по линии производственной наживы, а население, тоже поддавшись моде, объявило испанцам войну за независимость. Началась страшнейшая пальба в обе стороны. При этом испанцев было в десятки раз меньше, чем филиппинцев, а авиацию еще не изобрели. Тем не менее, испанцы власть удерживали, и даже приступили к частичному геноциду, но тут как раз Америка решила с ними повоевать, и гордые идальго отвлеклись. Филиппинцы взяли тайм-аут и стали следить за событиями из партера. Увидев, что Куба получила с помощью Америки независимость, они решили, что и им будет дано все тоже самое. И ошиблись.

Куба и Пуэрто-Рико – неплохие курорты, а на Кубе еще и табак растет. Это, конечно, хорошо. Но Филиппины – это возможность укрепиться в Тихом Океане, своего рода форпост, который американское правительство во главе с МакКинли (а затем во главе с Рузвельтом) *ПОКА ЧТО* отдавать не собиралось. Поэтому война за независимость продолжилась. Партизаны подобрали оброненные ружья и ножи и поднялись – на этот раз против американцев.

Началась бойня, продолжавшаяся десять лет. Когда повстанцы сложили, наконец, оружие, Америка, а с нею и весь мир, не озаботились посчитать потери у побежденных. Произведенные позже подсчеты выглядят, тем не менее, внушительно – от двухсот тысяч до миллиона (а правда, как

водится, наверняка где-то по середине). Американские потери едва превысили шесть тысяч. Американцы контролировали Филиппины вплоть до Второй Мировой Войны, во время которой архипелаг радостно оккупировала Япония. После войны Филиппины получили независимость. Такое настало время.

За всеми этими событиями, не очень радуясь, но и не очень огорчаясь, следил из Белого Дома душка Теодор Рузвельт, не любивший, когда его фамилиарно называли Тедди, и предпочитавший в виде ласкательного прозвища аббревиатуру Ти-Ар.



Президент Теодор Рузвельт с моноклем

Своеобразный парадокс – на фоне индустриальной грязи и нищеты, военных неразберих и общемирового беспокойства (в России произошло даже нечто, названное впоследствии «Революцией 1905-ого года»), на фоне русско-японской войны, в которой беспощадные самураи, римляне Азии, потопили ведомый успевшим разжиреть и бюрократизироваться дурным командованием русский флот (шокировав этим весь мир –

значительных поражений от Азии Европа не знала в течении многих веков, а собственно Россия со времен татарского нашествия) – на фоне стачек, забастовок, и стрельбы по пролетариату в Ливерпуле и Огайо, Рузвельт спокойно занимался бумагами и речами, а в свободное время спортом – ездил верхом, бегал на дистанцию и боксировал. Да, он несколько раз применил антитрестовский закон. Да, он придумал «Честный Договор», стараясь примирить корпорации и профсоюзы (ничего толком не вышло). Да, он олицетворял собою американский оптимизм эпохи, и этот оптимизм радовал многих по всему миру – молодой жизнерадостный Рузвельт (стал президентом в сорок два года) очень контрастировал с унылыми, туповатыми лицами тогдашних правителей других стран. Рузвельта любили (действительно любили) в Германии, в России, во Франции, в Италии, и даже в Англии. Свойский, улыбчивый, добрый. И все? За это и любили? Не совсем.

А за что?

Некоторый свет на это проливает американская литература той эпохи. В частности, в рассказе Марка Твена упоминается, как автор с помощью хорошего знакомого составил неожиданно предъявленную ему для заполнения налоговую декларацию. Смешной по сегодняшним меркам налог, который правительство хотело у него урвать (годовой доход, честно представленный писателем в рассказе – за статьи, книги, и лекции составил в тот год двести четырнадцать тысяч) был всего-ничего – десять тысяч шестьсот пятьдесят долларов – чуть меньше пяти процентов. Знакомый показал автору, как нужно управляться с графой «Списания», где перечисляются потери и кораблекрушения. В конечном итоге автор не платит ничего. И спрашивает знакомого – а вы сами часто этой графой пользуетесь? И знакомый отвечает следующим образом —

– Ну а как же! Если бы не эти одиннадцать разделов в графе «Списания», я бы каждый год оставался нищим во имя поддержания этого ненавистного, злобного, этого вымогательского и тиранического правительства.

У того же Марка Твена есть длинное эссе под названием «Церковь Христианской Науки». Такая церковь действительно есть, и существует с середины девятнадцатого века. Но дело не в ней. В заключении к эссе Марк Твен пишет, что средний американец нынче – добрый христианин, и в быту, и в деле ему можно доверится, и его честное слово – золото, он не обманывает, любит ближнего, и так далее. Но стоит такому американцу занять какой-то государственный пост, как тут же начинается ложь, коррупция, воровство, интриги и прочее. Автор надеется, что

доктрина Церкви Христианской Науки в конце концов сделает политиков страны такими же добрыми христианами, какими являются большинство ее граждан.

Дело не в том, правда это или нет. Дело в общем отношении к правительству.

Теодор Рузвельт, он же Ти-Ар, был, на фоне коррумпированной бюрократии – действительно просто душка, успевший поучаствовать в звании командира в войне с испанцами. И во время своего президентства перестроивший и укрепивший военный флот.

Участвовал в качестве посредника в переговорах России и Японии. Возможно, это ускорило заключение мира между этими двумя странами. За это получил Нобелевскую Премию мира.

Вооруженный одним ножом, дрался с пантерой в 1901-м году. Первый и пока что единственный американский президент, на такое решившийся. Душка Рузвельт.

Первый президент, прокатившийся на самолете, автомобиле, и подводной лодке.

Первый президент, назначивший еврея одним из секретарей кабинета.

Первый президент, пригласивший негра на обед в Белый Дом (один раз, больше не повторилось в его случае).

Был женат два раза. Первая жена умерла вскоре после рождения дочери. Дочь звали Алиса, и была она девушка темпераментная и буйная, и многих этим смешила, а некоторых раздражала. Когда кто-то из приближенных сделал Рузвельту по этому поводу замечание, Рузвельт сказал – «Я могу управлять либо страной, либо Алисой, но совместить эти две обязанности не представляется возможным». Про обожающую общество и вечеринки Алису он говорил, что она «на каждой свадьбе невеста и на каждых похоронах покойник». Алиса отвечала, что он все тоже самое, и еще «младенец на всяком крещении». Курила на публике, шокируя этим публику. После того, как Рузвельт запретил ей курить в Белом Доме, она стала забираться на крышу и курила там, у флага. Вышла замуж за политика, дочь родила от другого политика, с которым состояла в связи. Дружила впоследствии с Первой Леди Элеонор Рузвельт (дальней родственницей, а мачеху свою терпеть не могла). Пережила дочь, воспитала и взрастила внучку, умерла в возрасте девяносто шести лет. Президенту Джонсону, в шестидесятых, сказала, «Ношу широкополые шляпы специально, чтобы вы не могли меня поцеловать». В общем, ничего особенного, но остальные пятеро детей Рузвельта, от второго брака, ничем особенно себя не проявили, а Алису Америка обожала, называя ее во время

правления Рузвельта «Принцесса Алис».

За Рузвельтом последовал Тафт, о котором уже говорилось ранее. Собственно, Рузвельт сам продвигал Тафта, не желая переизбираться на третий срок, дабы не нарушать традицию (закона, ограничивающего количество президентских сроков, тогда еще не было). Но затем Тафт пошел вразрез с какими-то пожеланиями Рузвельта, Рузвельт обиделся и в 1912-м году баллотировался от третьей, «Прогрессивной» партии. На выборах победил Вудроу Уильсон. Через два года Позолоченный Век кончился, но именно в этом коротком промежутке, под занавес, Генри Форд успел запустить первый конвейер.

Глава шестая. Лирическое интермеццо

Тепловую энергию человечество использует для защиты от зверей, обогрева, и производства пищи с незапамятных времен. Для получения тепловой энергии, как известно, нужно взять нечто, чья структура легко поддается возгоранию, и уничтожить эту структуру. При уничтожении выделяется тепло.

Преобразовывать энергию, полученную путем уничтожения структуры веществ, научились тоже давно. Ракеты запускали еще в древнем Китае.

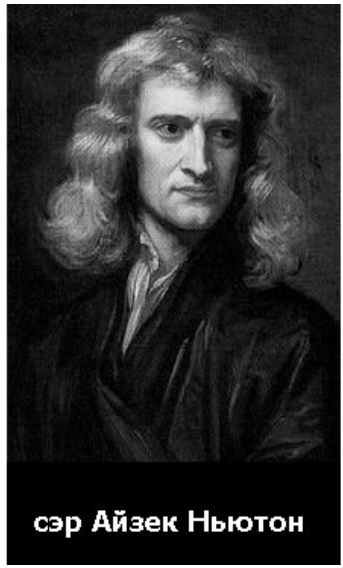
Мысль коммерческая шла, как всегда, впереди всех, а мысль военная – сразу за нею, далеко позади оставив мысль гражданскую.

Средневековые ломбардцы придумали способ преобразования полученной тепловой энергии, который позволял метать тяжелые предметы с большой скоростью на относительно большие расстояния с целью пробивания стен и смертоубийства прячущихся за стенами. Первый заказ ломбардцы получили от командования Людовика Десятого, сына Филиппа Красивого, и изделие их успешно применено было «на поле брани».

Легко возгоралась серная смесь. При уничтожении структуры помимо тепла выделялось много газа, и газ этот в естественном состоянии занимал гораздо больше места, чем то, из чего получался. Уничтожение структуры смеси давало таким образом эффект мгновенного расширения вещества. И вот ломбардцы придумали, что если вещество это с целой еще структурой натолкать поплотнее в чугунный цилиндр, подвести через малых размеров отверстие фитиль, а через открытую сторону цилиндра запихать в него чугунный шар, плотно прилегающий к стенкам, а фитиль поджечь, эффект мгновенного расширения вытолкнет шар очень быстро, и шар полетит и во что-нибудь врежется.

Мысль совершенствовалась – на пользу, опять же, воякам. Шар уменьшили, цилиндр сузили и удлинили, вместо фитиля придумали кремневое ударное приспособление, высекающее искру – получился мушкет. Шарики, вылетающие из мушкета, пробивали любые доспехи, и доспехи стали не нужны.

На этом мысль остановилась на три столетия.



Сэр Айзек Ньютон, физик

Затем, уже в эпоху Ньютона, население Англии выросло значительно, и для разных нужд на территории всего острова вырубили все леса. Подход этот не представляется целесообразным сегодня, а тогда представлялся еще менее целесообразным, но леса все равно были вырублены. Древесина использовалась так, как сегодня нефть – бездумно и безответственно.

Начали топить углем. Уголь густо коптит, но горит лучше, чем дерево, воспламеняется резвее, тепла дает больше. Беда в том, что на поверхности его мало – нужно копать. Стали копать.

(Безобразное отношение человечества к лесам просматривается через всю историю. Неплохо отражено в пьесах Александра Островского – «Лес», «Волки и Овцы». Купцы и дворяне перепродают друг другу лесные участки, которые называют просто – лес – за смехотворные какие-то суммы, явно от фонаря взятые. Акры и акры леса продаются и покупаются – спрашивается, для чего? Почему лес – товар? Ответ прост и весьма неприятен. Не для гуляний и знакомства с местной фауной переходит лес из рук в руки, не для разведения ягод, грибов или разбойников. Лес *ВСЕГДА* продается для вырубки и только для вырубки. Можно было бы предположить, что когда для вырубки продадут последний акр, леса не останется вообще. О выращивании новых лесов в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках не думали. А в России, к примеру, вообще казалось, что лес никогда не кончится – вон его сколько. И даже когда теория Дарвина и статьи Маркса уже владели умами

и прочее, а вера была прогрессивным человечеством осмеяна, большинство специалистов религиозно верило в фотосинтез, как основной источник кислорода на земле. Я, автор этих строк, человек относительно молодой, прекрасно помню, как в начальных классах мне объясняли про фотосинтез учителя, и как, будучи уже взрослым, слышал я часто выражение «легкие планеты» – применительно к южноамериканским джунглям и сибирской тайге. Предполагалось, стало быть, что без лесов на планете нечем будет дышать. Сегодня, когда людей и некоторых других видов животных, потребляющих кислород, гораздо больше, чем когда-либо, а лесов значительно меньше (и за джунгли и Сибирь основательно взялись лесорубы), оказалось (!), что, по самым точным научным данным кислород дают миру болота. Или океаны. То есть, научная бюрократия вдруг поняла, что просто не знает, откуда он, кислород, берется в атмосфере, и каким именно образом поддерживается на планете нужное для дыхания сочетание его с другими газами).

Но пойдем дальше. Мысль о преобразовании энергии, полученной от разрушения структуры вещества, возродилась при добывании угля из-под земли. Один из проектов парового двигателя приписывается Ньютону. Ход мысли здесь такой —

Эффект расширения при уничтожении структуры вещества в военной технике используется одноразово. Если ядру не дать улететь, но вернуть его каким-нибудь способом в исходное положение, а потом еще раз уничтожить между ним и задней стенкой цилиндра какое-то количество структуры вещества, и все это повторять непрерывно – получится движение ядра туда-сюда. К ядру нужно приделать рычаг. А к рычагу лопату. И пусть копает.

Серная смесь для этого не подходила – получалось слишком много энергии, слишком быстрое расширение. Тогда в процесс добавили еще одно звено. Поскольку при уничтожении структуры помимо расширения получается еще и тепло – нужно нагреть этим теплом воду! Вода превратится в пар. Пар занимает больше места, чем вода, из которой он получается, но при этом он не меняет структуру и, поскольку расширяется мягче, медленнее, более *ПЛАВНО* – именно пар как раз и есть то, что нужно.

Так ядро превратилось в поршень, который возвращался на место после расширения просто по инерции – с помощью системы рычагов.

Прошло еще несколько десятилетий, и мысль еще раз развилась.

Рассудили так. Если конверсия энергии, получаемой при уничтожении, годится для приведения в движение лопаты, она

также годится для приведения в движение колеса. Идея! Сжигаем дерево (или уголь) – получаем тепло, тепло нагревает воду, вода превращается в пар, пар двигает поршень, поршень двигает рычаги, рычаги двигают колеса – получается безлошадная повозка.

Идея водрузить такую повозку на чугунные рельсы, позволяющие повозке ехать по ровной поверхности в нужном направлении, появилась не случайно. Позаимствовали ее, опять же, из угледобывательных методов. Паровые машины ездили по железным рельсам. (Задолго до этого, в шестнадцатом веке, по деревянным рельсам ездили в Германии груженые телеги на конной тяге).

Сперва один изобретатель-англичанин перевез сколько-то тонн на спор на пятнадцать километров за сколько-то минут.

Англичанин Джордж Стивенсон изобрел колесо с флангом.

Затем в начале девятнадцатого века в Америке кто-то додумался до свободно вертящейся четырехколесной каретки (трак). На две такие каретки помещали вагон или паровоз, что позволило поездам плавно поворачивать и не очень при поворотах скрежетать. И дело пошло на лад.

Преимущество поезда перед дилижансом было совершенно очевидным.

Во-первых, содержание железных дорог в христианском состоянии легче и дешевле, чем постоянные ремонты на обычных дорогах (асфальта и бетона еще не было, мостили только в городах и только булыжником, римско-имерская традиция мощения известкой почему-то забылась). Во-вторых, паровоз сильнее лошади. И даже сильнее, чем двадцать лошадей. Паровоз – это целый табун лошадей, только его запрягать проще. И бежит он намного быстрее лошади на гораздо бульшие расстояния. А уголь в конечном счете дешевле овса. Овес растить надо, а уголь – вон его сколько, лежит себе.

Ранний паровоз

Ну и так далее.

Честно говоря, даже если все предыдущие эксперименты человечества с получением энергии путем уничтожения структуры производились только для того, чтобы появились железные дороги – дело того стоило. Железная дорога, рейлроуд, шмен-де-фер – логическая кульминация процесса.

Некоторое время речные корабли на паровом ходу пытались составить конкуренцию поездам, но это было смешно.

Не обошлось, естественно, без эксцессов – прокладка первых серьезных трасс стоила жизни многим. Но тут можно сказать, без всякого цинизма, что все-таки это лучше, чем просто бессмысленное уничтожение носителей разума на войне или, как любило и любит высокопарно выражаться человечество, «на поле брани».

Затем поезда стали совершенствоваться. И в этот момент неожиданно проявилась страсть человечества к высоким скоростям.

С чисто практической точки зрения никакой особой нужды в высоких скоростях у человека никогда не было. Подавляющее

большинство людей не знает, как и чем занять свободное время. Люди, которым есть чем заняться в этой жизни как правило равнодушны к игрушкам и аттракционам. В середине девятнадцатого века кто-то высказал теорию о том, что мол передвижение со скоростью, превышающей сорок миль в час (шестьдесят четыре километра) может отрицательно сказаться на человеческой психике. Посмеялись. Действительно ли это так, или нет – никто не знает по сей день.

Прикинем расстояния – хотя бы для Америки. Нью-Йорк и Сан-Франциско, от океана до океана, разделяют три тысячи шестьсот миль. При сорока милях в час, даже учитывая остановки, расстояние это преодолевается в четыре дня. Все остальные американские расстояния меньше. В Западной Европе – еще меньше. Есть, правда, Россия, но в России живут в основном (во всяком случае, жили тогда) к западу от Урала, а там расстояния вполне сравнимы с американскими. Тем, кому непременно нужно попасть во Владивосток из Петербурга, что ж, две недели по железке не такая уж большая плата за непременную нужность, не так ли.

То есть, железная дорога со скоростями сорок миль в час – идеал, к которому стоило стремиться и который не стоило преодолевать. Не стоило, как говорили в свое время американцы, «покрывать лилию позолотой».

Но очень хотелось. Дабы оправдать детское это хотение, инженеры и компании, их подзадоривающие, стали за уши притягивать разнообразные предлоги для дальнейших разработок по линии скорости.

Ну, во-первых, «экономика».

Какая экономика? Где экономика?

Ну как же. Если ты едешь быстрее, стало быть и на место прибываешь вместе с грузом или товаром быстрее конкурента.

Но, позвольте. Ведь не идут же десять веток параллельно из одного города в другой. Ветка одна. Поэтому конкурент едет в том же поезде и, стало быть, прибудет в пункт назначения в одно время с тобой!

А если он, конкурент, в другом городе живет? Ты едешь в Нью-Йорк из Чикаго, а он из Нового Орлеана?

Ага. А если бараны летать научатся, тогда что делать прикажете?

Ну, хорошо. Это если товар возить. Но ведь есть пассажирские поезда. Ту-ту. И что же? А то, что если паровоз будет быстрее ходить, то и пассажиров он перевезет больше!

Это как же?

Ну вот допустим ходит поезд из Нью-Йорка в Бостон. Двести

миль. Сорок миль в час – пять часов езды. Перевез двести пассажиров. Едет обратно, везет еще двести. Так?

Ну, допустим.

Оборачивается, стало быть, за десять часов, перевозя в общей сложности четыреста человек. Так?

Да. Ну и что?

А если бы он ехал со скоростью восемьдесят миль в час, он бы сделал не один оборот, а два. И перевез бы таким образом не четыреста, а восемьсот человек. В два раза больше билетов продано. Стало быть, если сделать паровоз, идущий со скоростью восемьдесят миль в час…

А если сделать еще один, обычный, паровоз и пустить два поезда один за другим?

Это дороже.

Ну да? А ты уверен?

Не очень.

Возьмем сегодняшний день. Сегодняшние поезда на электрической тяге способны на линии Нью-Йорк-Бостон развить скорость до восьмидесяти миль в час. Путь, тем не менее (если точно по расписанию, что редко бывает) составляет обычно шесть часов. Стоила ли игра свеч? Может нужно было, вместо того, чтобы гнаться за скоростями, совершенствовать пути?

Хорошо, тогда так – экономится время! Чем быстрее поезд, тем больше экономии. Чье время? Время пассажиров.

Что тут сказать. Во-первых, совершенно незачем рассматривать время, проведенное в путешествии, как потраченное впустую. Глупо. Пульман ведь не даром спальные вагоны изобретал. И все остальные тоже – бар, ресторан, чуть ли не театр в поезде (планировалось и такое). Помимо этого, есть у человечества старая традиция – общение в путешествии. Новые люди, новые лица. А в третьих, понятие «экономия времени» появилось в связи с появлением индустриального (и в корне порочного) понятия ежедневной и круглогодичной занятости *ВСЕГО* населения. Минус нищие и очень богатые. Это понятие живо до сих пор и прочно вошло в обиход каждого. Понятие это – мерзко, постыдно, унизительно. В России к нему лепят старую поговорку – «Кто не работает, тот не ест» – совершенно не соответствующую индустриальной действительности. Если уж выражать понятия поговорочно, то нужно быть честным – поговоркам ханжество не идет. Сегодняшняя поговорка должна звучать так – «Как ни дико и ни странно, кто не занят постоянно, каждый день и круглый год, тот подлец и обормот». «Занятость» – это потому, что то, чем занято сегодня большинство цивилизованного мира назвать работой язык не поворачивается.

Далее – в истории человечества такой «занятости» до индустриальной эпохи не было никогда. Рабы в Египте и Риме заняты были гораздо меньше (а полезного делали больше).

Увлеченные зрелищем монотонной работы паровых машин те, кто дирижировал производством, увидели в этих примитивных агрегатах идеал и решили, что неплохо бы и людям на эти машины походить. Таким образом для погони за скоростями появился еще один предлог – экономия времени. Ведь люди в поездах ничем не *ЗАНЯТЫ*. Они ведь там, чего доброго, общаются между собой, еще небось и развлекаются, а как же производство? Ну и так далее.

Все это было смехотворно, ибо суть погони за скоростями сводилась (всего лишь) к знаменитому гоголевскому «Какой же русский не любит быстрой езды?» И в этом смысле весь цивилизованный мир за редкими исключениями состоял в девятнадцатом веке из русских. А барин в троечке *ПРОМЧАЛСЯ*. Вот *МЧИТСЯ* тройка почтовая. Эффект. Или, как говорят американцы, thrill, что на русский язык переводится (приблизительно) словом кайф.

Почему большинство людей получают от скорости кайф – тема для отдельной статьи, если не книги.

Меж тем мысль развивалась дальше.

Для получения скоростного кайфа нужно было идти на вокзал и делить кайф еще с сотней обормотов. А вот бы кайф – прямо рядом с домом и твой личный, получай в любое время, а?

Эх, хорошо бы!

Но увы, увы. Отдача энергии дерева и угля была для *ТАКОГО* кайфа слишком мала.

И вдруг, как по волшебству упомянутый ранее поляк нашел способ перегонки нефти в бензин – вещество с невиданной отдачей энергии при уничтожении структуры! Через жалких пятнадцать лет двигатель внутреннего сгорания был построен.

И человечество даже не подумало прислушаться к некоему муромцу по прозвищу Дмитрий Менделеев (вовсе не последний в деле науки был человек), сказавшему – «Жечь нефть – все равно, что печь ассигнациями топить».

Не знаю, как давно существуют в мире забавные фразы вроде «покорение природы», «борьба с природой» и так далее. Но именно тогда, под влиянием Маркса, Дарвина и сжигаемых в печи ассигнаций они стали приобретать невиданную популярность.

Прогрессивное человечество очень скоро забыло, что гордость – порок. Оно гордилось *ДОСТИЖЕНИЯМИ*. Оно гордилось *ПОБЕДАМИ*, нынешними и будущими, над природой.

Многие решили, что человечество – это и есть Бог. Мы все можем! На основании чего это, спрашивается, делались (до *ОЧЕНЬ* недавнего времени) такие далеко идущие выводы?

Если задуматься – ничего *ОСОБЕННОГО,* извещающего о великой «победе над природой» изобретено не было. Радио и телефон делают возможными разговоры на большом расстоянии, но от этого разговоры эти не становятся умнее или даже интереснее. Частный автомобиль дает возможность индивидууму при наличии соответствующего ландшафта и хорошем состоянии дорог перемещаться из одного места в другое быстрее, чем пешком или на лошади, но эти перемещения не прибавляют людям ни духовности, ни счастья, ни даже денег. Холодильник позволяет летом дольше сохранять продукты питания – они не становятся от этого вкуснее. Водопровод и канализация известны были еще в древнем Риме.

Действительными серьезными достижениями стали – вечернее освещение домов и улиц с помощью электричества, газовое отопление, переворот в текстильной промышленности, и пластмасса. И – железная дорога, действительно великое изобретение, рядом с которым полеты в космос в керосиновых жестянках кажутся отчаянно глупой и пустой тратой энергии и ресурсов.

Мечта человечества – персональный личный конь со всеми удобствами – обессмыслил все *ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ* достижения одним махом. Зачем освещать улицы, по которым никто не ходит? Зачем поезд (или трамвай), если есть драндулет? Но мы забегаем вперед.

Сперва автомобиль был предметом роскоши (как в свое время конный экипаж, кстати сказать). Затем, когда конвейер Форда сделал его массовым явлением, с улиц исчезли лошади и навоз. Зато появился едкий дым от выхлопа.

Фразу «спрос рождает предложение» сегодня твердят повсюду. Какой такой спрос родил ширпотребный автомобиль в 1912-м году? Для чего обычному гражданину автомобиль?

Вот живет человек в городе. Вот купил он себе автомобиль. Куда он на нем поедет со скоростью от тридцати до семидесяти пяти миль в час? В магазин за покупками? Но магазин через улицу стоит. В центр, развлекаться? Есть метро. Если человек живет далеко от центра, то чаще чем раз в неделю он все равно туда не поедет, особенно если *ЗАНЯТ* каждый день и круглый год. А если он работает в центре? Тогда зачем ему жить на далекой окраине? А в центре дороже. Ну, это сейчас, причем с помощью того же автомобиля, окраины разрослись. И то, кстати сказать, стоимость содержания автомобиля как раз и составляет разницу

в плате за квартиру в центре и на окраине. А в 1912-м году дешевую квартиру можно было снять в получасе (максимум) ходьбы от *ЛЮБОГО* фешенебельного квартала в *ЛЮБОМ* городе мира. За город? Что же, каждый день за город мотаться? Глупо. Раз в неделю? Но раз в неделю можно взять машину напрокат, или ехать поездом, или идти пешком, поскольку окраины пока что малы.

А сельские жители?

Нужно вспомнить, что во время оно сельские жители были действительно *СЕЛЬСКИЕ*. Т. е. они там жили, в своих селах и на своих фермах. У них были свои сельские центры, церква, салун, публичный дом, магазин пирожных. В получасе ходьбы опять же. А для обработки больших полей строились тракторы. На Форде-Т с красивыми, на спицах, колесами поля обрабатывать не рекомендовалось.

То есть, собственно практического применения ширпотребному частному автомобилю в 1912-м году не было ни в Америке, ни где-то еще. Но Форду хотелось их продавать, а публике хотелось на них кататься. Следовало *ПРИДУМАТЬ* применение. И его придумали. Именно в Америке. Об этом расскажем позже.

В физике того времени уже наличествовало (и наличествует по сей день) порочное понятие коэффициента полезного действия.

Коэффициент полезного действия (кпд) есть «характеристика эффективности системы (устройства, машины) в отношении преобразования или передачи энергии; определяется отношением полезно использованной энергии к суммарному количеству энергии, полученному системой; обозначается обычно h = Wпол/Wсум».

«В электрических двигателях кпд – отношение совершаемой (полезной) механической работы к электрической энергии, получаемой от источника; в тепловых двигателях – отношение полезной механической работы к затрачиваемому количеству теплоты; в электрических трансформаторах – отношение электромагнитной энергии, получаемой во вторичной обмотке, к энергии, потребляемой первичной обмоткой».

В детстве еще, в начальной школе, учили нас, помню, что кпд паровоза – семь процентов, кпд автомобиля – от сорока до шестидесяти, кпд троллейбуса – восемьдесят!

И только много лет спустя я понял, что этот самый кпд – ненужная, обманчивая и обманывающая цифра, скрывающая, а не проясняющая, суть.

Все зависит от того, как определять полезное действие.

Официальное определение, как видим, учитывает *ТОЛЬКО* энергию, получаемую при работе двигателя. При этом *НЕ* учитываются следующие факторы (из чисто физических) —

Собственно добыча нефти – вплоть до изначальной разведки, сборки бурильных аппаратов и доставки их на место бурения.

Транспортировка нефти на место перегонки ее в разные формы, включая основную – бензин.

Доставка бензина на АЗС.

Также следует, наверное, вспомнить, что единственная *ПРАКТИЧЕСКАЯ* функция автомобиля – перевозка пассажиров. В виду этого энергия, которую тратит мотор на транспортирование себя и корпуса машины никак не может быть «полезным» действием. Если же учесть, что, помимо физического, есть также социальный фактор (медленная но неуклонная дебилизация, духовная и телесная, автомобилистов), геологический фактор (говорят, пик добычи нефти на планете сегодня пройден), гражданский фактор (каждый автомобилист, поворачивая ключ зажигания, приближает момент доведения экологии планеты до степени невозможности существования на ней органической жизни), и прочая и прочая, то жалкие 3—4 процента, которые оставила автомобилисту чистая физика, не сходят на ноль – нет, уходят глубоко в минус.

Форд и влюбленное в автомобиль человечество занялось придумыванием предлогов для объявления его, автомобиля, предметом первой необходимости – но тут неожиданно началась Первая Мировая Война.

Глава седьмая. Всемирная драка

О причинах Первой Мировой написано и сказано очень много глупостей. Особенно умиляют сторонники патриотических версий, в каждой стране свои. Если им верить, то получается, что чуть ли не все страны мира поднялись защищать себя от врагов.

Люди более или менее здравомыслящие приводят на первый взгляд объективную причину – борьба за ресурсы. Правильно это лишь отчасти. Это, знаете ли, как в байке про актера, которому перепала в постановке роль дворецкого, состоящая из трех строк и вноса двух бокалов во время ссоры супругов. Когда его жена спросила, о чем плеса, актер сказал – ну, знаешь, это про одного дворецкого … и так далее.

Ничто не конспектируется и не анализируется историками с такой тщательностью и педантичностью, как войны. Бывает, копаешься в хрониках и рефератах по поводу какой-нибудь эпохи и страны – ни черта не разобрать! Что это были за люди, чем они интересовались, во что одевались, о чем мечтали, как выглядели, в какое время спать ложились, сколько стоило пиво на базаре – ничего не известно! Зато с большой точностью указано, когда и с кем они воевали, кто был их военачальник, покрыл ли он себя славой или, наоборот, позором.

В виду изобилия информации о войнах выводы о том, что такое война вообще, делать стало удивительно легко.

Есть несколько истин о войне, которые в официальных речах не упоминаются. Например —

1. Все без исключений страны являются странами агрессивными. Суть любой власти – насилие, и цель любой власти – укрепление и, по возможности, увеличение и расширение власти за счет любых возможностей.

2. Ни одна страна не начнет войну, заведомо зная, что никаких шансов на успех у нее нет.

3. Ни одна страна не упустит случая начать войну, если победа гарантирована, а последствия не очень болезненны.

4. Любая территория, если ее завоевать, может служить источником ресурсов.

5. Война решает многие проблемы, в том числе экономические, политические и продовольственные, но не так, как хотелось бы многим.

6. Большинство населения, вне зависимости от степени агрессивности данной (любой) страны, чувствует себя оскорбленными в самых лучших и благородных чувствах, если война вдруг приходит на их территорию, даже в тех случаях,

когда они осведомлены, что именно их страна начала войну.

7. Те, кто думает, что на войне часто проявляются стойкость, героизм и благородство, а также что какая-либо война имеет какое-то отношение к установлению где-либо справедливости, никогда сами не воевали.

Когда историки говорят о причинах, приведших мир к Первой Мировой, обычно упоминаются —

Ярый бескомпромиссный национализм.

Это глупо, поскольку национализм – явление народное, инспирируется властями в каких-то определенных политических или социальных целях. А войну начинают власти, а не инспирированный народ.

2. Неразрешенные прошлые конфликты.

Такие конфликты есть всегда, во все времена, между всеми странами. Поэтому тоже глупо.

3. Запутанная система союзничества.

Это когда же система союзничества между странами была простая и честная?

4. Слишком сложное, фрагментированное правление внутри стран.

То есть, черт его знает, кто этой страной управляет нынче, не то я, не то не я, так что давайте пойдем лучше воевать.

5. Задержки и неправильное понимание на дипломатическом уровне.

То есть, по ошибке начали драться. Не разобрались.

6. Гонка вооружений прошлых лет.

Может быть. Хотелось испытать новое оружие, но не представляли себе масштабов.

7. Застой в военном планировании.

Не знаю, что это такое. Ну да ладно. После таких перечислений автор-историк как правило добавляет – «и многие другие причины». Но никогда не перечисляет эти другие причины в дальнейшем тексте. То есть, это для красного словца сказано.

В общем, все эти «причины» – конспирация. Так изъясняется бюрократия, когда ей, бюрократии, не хочется говорить «не знаю».

К 1914-му году закончилась мировая экспансия, длившаяся не одну тысячу лет. Одновременно закончилась эпоха Индустрии, поскольку Индустрия подразумевает экспансию. Этого во время оно никто не понимал. Некоторые подозревали, но без особой уверенности.

Белых пятен на планете не осталось. Основные силы планеты владели всеми территориями и океанами. Экспансироваться было некуда, но оставалась тысячелетняя инерция – экспансии,

и двухсотлетняя – индустрии, и, подталкиваемые инерцией, основные силы, пытаясь экспансироваться, столкнулись друг с другом.

Индустриальное общество подразумевает постоянный рост производства. Любое увеличение производства в 1914-м году означало – перепроизводство. Это касалось *ВСЕХ* сфер индустрии, включая агрикультуру. (В России, например, по всем данным 1913-й год считается самым удачным во всех экономических смыслах за долгое время).

Да, в 1914-м году в мире наличествует бедность (в огромных количествах), нищета (тоже), голод (кое-где), недовольство (много), но собственно *НЕХВАТКИ* чего-либо не было нигде.

Для удобства понимания предположим, что существует некий индекс количества произведенного на планете, и что если бы еда, одежда, жилье, транспорт, горячая вода, отопление и так далее распределены были бы среди населения таким образом, что физические потребности каждого человека на планете были бы удовлетворены, но не с лихвой, а удовлетворены просто, то индекс этот был бы равен единице.

Заметим, что за всю историю человечества случаев, когда этот индекс был бы *НИЖЕ* единицы, почти не было. Во всяком случае, на цивилизованных территориях. Исключения всегда связаны с аварийными ситуациями, вроде природных катастроф. В основном же индекс этот колеблется между двойкой и четверкой, если на глаз. Накладки получаются из-за глупости, жадности, лени и зависти человеческой во всех слоях общества. В двадцатом веке с помощью угля и нефти некоторые страны несколько раз переживали периоды, в течении которых перепроизводство и закупка товаров в других странах достигали степени, позволявшей быть обеспеченным *ВСЕМ* гражданам, несмотря на жадность и глупость богатых и не очень богатых. В эти периоды индекс в этих странах поднимался на чудовищную высоту – не то двадцать, не то сорок единиц. Точность здесь не важна. Важно, что в условиях неограниченности ресурсов следует произвести в сорок раз больше *ВСЕГО*, чем логически требуется, чтобы хватило всем.

Во всех странах, которые участвовали в Первой Мировой, индекс достаточности превышал единицу – где в два раза, где в пять. Так какие ресурсы, что за ресурсы, за которые нужно было воевать? Еще упоминают рынки сбыта. Ну это, типа, Германия хотела у Англии отобрать Австралию, чтобы там продавать кофеварки. Так, что ли? Если речь о нефтяных месторождениях, то *ВСЕ* страны должны были воевать тогда с Соединенными Штатами – в то время на территории Америки нефти находили

больше всего. И уж самой Америке точно не нужны были никакие ресурсы. Обе периферийные империи – Россия и Америка – были во время оно совершенно самодостаточны в смысле ресурсов и экспортировали излишки.

Перевыборы прошли успешно. Пообещав народу, что Соединенные Штаты не будут принимать участия в европейской драке, Уилсон заработал себе еще четыре года в Белом Доме. Обещание свое он не сдержал. Тогда началась такая мода – не сдерживать предвыборные обещания. Впоследствии стало традицией.

События протекали следующим образом.

1914-й год.

23 июня. Австро-Венгрия предъявляет Сербии ультиматум по поводу убийства в этой стране наследника трона Франсиса Фердинанда. Сербия не знает, что с этим ультиматумом делать.

28 июля. Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

31 июля. Россия начинает мобилизацию.

1 августа. Германия объявляет войну России, обидевшись на мобилизацию.

2 августа. Немецкие подразделения оккупируют Люксембург, не объявляя ему войны.

3 августа. Германия объявляет войну Франции.

4 августа. Германия вторгается в пределы нейтральной Бельгии, не объявляя ей войны. Просматривается тенденция – объявлять войну одной стране, а нападать на другую. То есть, объявление войны – это для отвода глаз. А то, может, не объяви Германия войну Франции, Бельгия была бы настороже. А так – расслабилась.

6 августа. Монтенегро (Черногорье) присоединяется к традиционному союзнику Сербии и объявляет войну Австро-Венгрии.

10 августа. Австро-Венгрия объявляет войну России. Возможно, дошла телеграмма о мобилизации, и австро-венгры тоже обиделись.

12 августа. Англия объявляет войну Австро-Венгрии.

23 августа. Япония объявляет войну Германии.

Сентябрь. Подписывается договор о формировании Антанты (Entente) – Францией, Англией и Россией.

9 октября. Бельгия капитулирует после осады Анверпа.

29 октября. Оттоманская Империя присоединяется к Германии и Австро-Венгрии.

2 ноября. Россия наконец-то, после долгих недель мобилизации, объявляет кому-то войну. А именно – Оттоманской Империи.

5 ноября. Франция и Англия объявляют войну Оттоманской Империи.

25 декабря. Рождественское перемирие в окопах.

1815-й год.

25 апреля. Галлипольская кампания, в которой турки громят Антанту.

26 апреля. Италия тайно подписывает (в Лондоне) договор с Антантой.

23 мая. Италия объявляет войну Австро-Венгрии.

14 октября. Болгария объявляет войну Сербии и включается в действия на стороне Германии и Австро-Венгрии.

1916-й год.

9 марта. Германия объявляет войну Португалии.

27 августа. Румыния объявляет войну Австро-Венгрии.

28 августа. Италия объявляет войну Германии.

1917-й год.

16 января. Германия шлет телеграмму в Мексику, предлагая союз против Соединенных Штатов.

6 Апреля. Соединенные Штаты, очевидно обидевшись, объявляют войну Германии.

27 июня. Греция подключается к действиям на стороне Антанты.

6 июля. Лоренц Арабский, повстанец, и его арабы, занимают Акабу, один из главных портов Турецкой Империи.

14 августа. Китай объявляет войну Германии.

26 октября. Бразилия, отвлекшись от футбола, объявляет войну Германии.

7 декабря. Соединенные Штаты объявляют войну Австро-Венгрии.

1918-й год.

Президент Вудроу Уилсон произносит речь о «четырнадцати пунктах», в которой предлагает создать Лигу Наций.

3 марта. Россия и Центральные Силы (Австро-Венгрия, Германия, Оттоманская Империя) подписывают мирный договор в Брест-Литовске. Россия выходит из Первой Мировой Войны.

30 октября. Мудрос-Турецкое Перемирие подписано, что открывает турецкие территории для Антанты.

11 ноября. Подписано перемирие, означающее конец Первой Мировой.

1919-й год.

28 июня. Подписывается договор в Версале, означающий официальный конец действий Антанты против Германии и наоборот.

1920-й год.

4 июня. В Трианоне подписывается договор, отделяющий Венгерское Королевство от Австро-Венгрии.

1923-й год.

24 июля. Договор в Лозанне означает мир с Турцией.

29 октября. Турция зачем-то объявляет себя республикой.

Это – самые известные даты и события. Менее известно, например, что восьмого августа 1914-ого года британско-французская флотилия вторглась в Тоголанд, в Западной Африке – местность, состоявшая протекторатом Германии. Нахватали себе колоний, сказала Германия, а теперь у нас последнее отнимают. И через два дня атаковала Южную Африку.

Тридцатого августа Новая Зеландия без всяких объявлений войны скромно заняла немецкую Самою. В сентябре австралийский экспедиционный корпус высадился на немецком острове Нье Поммем, части немецкой Новой Гвинеи.

Насчет ошибки в масштабах. Лихая кавалерия гарцевала и радовалась, играли духовые оркестры. Но телеграф работал исправно, и многие воинственно настроенные слегка поостыли, когда узнали, что в первой же битве, продолжавшейся менее трех дней, погибло сорок тысяч человек.

Начали копать окопы, всю Европу перекопали.

А театры все равно работали, и рестораны были открыты, и народ бродил по городам туда-сюда, и даже балы устраивались. И, конечно же (об этом часто забывают) работали фермеры. Потому что война – дело благородное, но жрать все-таки надо. Так что в боевом сентябре 1914-ого года, под стрекотню пулеметов, косящую кавалерию, пришлось приступить к сбору урожая.

А в Америке тем временем шли дебаты.

Глава восьмая. Уилсон, Симбирск и новый мир

Грандиозная стройка Панамского Канала закончилась в год начала Первой Мировой. Уилсон унаследовал ее от Рузвельта. Разговоры о канале, соединяющем Атлантику с Тихим Океаном, велись с шестнадцатого века. К постройке канала в Панаме (тогда части Колумбии) приступила в конце девятнадцатого века Франция. Планировалось построить плоский, на уровне океанов, канал. Начали. А потом собирались бросить. Тут люди Рузвельта перекупили строительство и поменяли общий план проекта, решив делать канал со шлюзами, через перевал. Для этого соорудили дамбу на горной реке, создали резервуар, попросили еще денег у частных вкладчиков.

В конечном счете, после нудной борьбы с бюрократией и вмешательства американского флота в колумбийские дела (панамские повстанцы сражались за независимость, Колумбию поддерживала Мексика, флот приехал бряцать оружием, бряцал некоторое время, потом открыл огонь, в результате чего Панама получила гарантированную Америкой независимость в обмен на все права по обслуживанию и защите канала) … в результате всего этого, канал открылся. Стоил он, когда посчитали все расходы, триста пятьдесят миллионов долларов, или около того. Для начала двадцатого века сумма диковатая. Но канал был действительно – чудо. Европейцы очень хотели на него посмотреть и чуть не отменили из-за этого Первую Мировую. Увы – не отменили. Это было бы слишком умным для мировой политики поступком.

Панамсий Канал

Некоторое время администрация Уилсона смотрела сквозь пальцы на то, как немецкие субмарины топят суда в Атлантике. Но затем потопили, возможно по ошибке, пассажирскую Лузитанию, на борту которой присутствовали многие влиятельные люди, а тут еще мексиканская телеграмма – пришлось объявлять войну Германии, бросать южноамериканские дела, плюнуть на разборки в Никарагуа (Уилсон хотел установить там устраивавшее его правительство с не очень демократическими убеждениями и методами) и заняться Европой. Вторая периферийная империя заняла в войне место выбывшей из войны первой периферийной империи.

Почему выбыла Россия? Это вскоре выяснится.

В 1914-м году, под первые пулеметные очереди, Эммерих Кальман закончил оркестровку первого своего шедевра, «Королева Чардаша», и очень раздражался по поводу войны. Война, по его мысли, мешала ему реализовывать проекты. И все же, несмотря на пальбу, «Королева Чардаша», она же «Сильва», уже в следующем году поставлена была в Вене, Берлине, Лондоне, Варшаве и Санкт-Петербурге, а еще год спустя на Бродвее. Успех был грандиозный, неправдоподобный. Весь мир

распевал очень запоминающиеся мелодии. Они зазвучали в окопах – с противоположных сторон. Кроме, правда, французской стороны – чтобы поставить в Париже «Сильву», Франция ждала еще целых пятнадцать лет.

Через год после премьеры в Петербурге, в России началась якобы революция. Это только так говорится, конечно же. Революций в России не бывает. (Кстати, в Америке тоже не бывает, периферийные империи в этом схожи).

Был такой некто Сергей Витте, который, занимая видный пост в правительстве, строил в России железные дороги. Но сделались беспорядки в 1905-м году, и Витте не обрадовался им, за что его и выперли в отставку. Затем был первый министр Петр Столыпин, продолживший с железными дорогами и начавший аграрные реформы, чтобы крестьяне собирали урожай не как негры луизианский хлопок, но как фермеры Айовы огурцы, редиску, и пшеницу. Но потом он поехал в Киев, и его там застрелили.

Все это очень нервировало и возбуждало многочисленные политические партии России и Украины.

Что за человек был Николай Второй – понятно из истории с Матильдой Кшесинской. Великая балерина, единственная в мире, умевшая делать тридцать два оборота fouettйe, в жизни была худенькая, небольшого роста, не очень красивая польская женщина, безгранично добрая, но тщеславная. Весь театр ее ненавидел, а она ко всем подлизывалась, как умела, и делала подарки. Ничего не помогало.

Некоторое время, по науськиванию, кажется, царской семьи, будущий царь без особого энтузиазма состоял ее любовником. Она очень хотела выйти за него замуж, но врожденная посредственность Николая не позволила ему понять, с кем он, собственно говоря, спит. Величие Кшесинской, которую он неоднократно видел в театре на выступлении, совершенно его не впечатляло, а жениться он мечтал на такой же посредственности, какою был сам – на Аликс, англичанке датско-королевского происхождения, большого росту, с гемофилией в роду. И, действительно женившись на ней, Кшесинскую бросил после ненужной, долгой лекции у нее на квартире по поводу того, у кого какие в жизни стезя и предназначение.

Впоследствии Кшесинская все-таки породнилась с Романовыми – уже после отречений и огорчений, в Париже. Читала в газетах об аресте и расстреле Николая с семьей. И прожила еще очень долго, скончавшись в 1970-м году в возрасте 99-и лет.

Наследник Николая болел гемофилией, и в помощь ему

англо-датчанка, обожавшая все русское, пригласила ко двору сибирское чудо-юдо по имени Гришка Распутин. Вудроу Уилсон старательно выговаривал, «Greesh … kah … Rahs … pew … tin». Европу Распутин шокировал. Просвещенная Россия, родина мыслителей, единственная в прошлом веке сверхдержава, и вдруг – на тебе. Сидит Григорий в какой-то робе, в бороде яичница застряла, патлы на прямой пробор, лапает блистательных дам. Толстой, правда, тоже в робе ходил и дам лапал – но не одновременно. И все-таки. Может, Распутин пишет новую «Анну Каренину»? Оказалось, что он не только писать, но и говорить толком не умеет. Возможно, это импонировало Аликс – она тоже не очень умела. Не по-русски, а вообще. Нескладно у нее получалось. В общем, послы стали сторониться двора, а война пришлась Николаю очень кстати – он надевал мундир и уезжал на фронт от всех своих кошмаров, от дочерей, томящихся от скуки, от больного сына, от Аликс с мигренями, и от Гришки с яичницей в бороде. Уезжал командовать, хотя связисты были у всех генералов и с любым из них, генералов, можно было связаться по телефону. Но Николай оправдывался тем, что видом своим в мундире и при усах вдохновляет пехоту. Продукты уходили на фронт, в столице начались нехватки, и как-то в феврале все партии одновременно собрались и, опрокинув охрану, принесли Николаю на подпись отречение от престола. Оказалось, его нет дома. Послали на фронт. А потом, по его прибытии, посадили под домашний арест. То есть, сначала посватали его в Англию, и король хотел было кузена принять, но, возможно, вмешался Уинстон Черчилль.

Партии организовали Думу и по всей территории империи началась чудовищная, неслыханная экспроприация имущества. Она не была еще узаконена, но это было не важно.

Всей оппозиции объявили амнистию, все революционеры вернулись из ссылок и эмиграции и сразу заняли места в Советах, а также квартиры и особняки в городе, ибо каждая партия должна же иметь штаб.

А почему, кстати говоря? Что за экспроприация вдруг?

Вот, к примеру, в Америке тоже была, типа, революция, и тоже власть взяли те, кто уже частично ее имел выборным путем. И тоже были всякие разные лоялисты – половина населения! – и у них тоже были особняки и средства. Я не говорю, что обошлось в Америке без грабежа и кровопролития. И такое было. Всякое было. Но далеко не повсеместно. И в дальнейшем те же лоялисты продолжали жить в своих имениях, и экспроприировать эти имения указом свыше никому бы и в голову не пришло. А в аналогичном положении в России

частную собственность никто и не думал защищать. И спешащая на вокзал, чтобы убежать от кошмара этого, тоненькая, маленькая, уже сорокапятилетняя Матильда Кшесинская не удержалась – прошла мимо отобранного у нее городского особняка. В котором расположился штаб большевиков и меньшевиков. И увидела, как по саду, куря папиросу, ходит Александра Коллонтай – в ее, Кшесинской, шубе, накинутой на плечи небрежно. Цок, цок – застучали по тротуару каблуки великой балерины. На вокзал. В Париж.

Матильда Кшесинская, балерина

Почему?

Потому, что англосаксы чтят законы … или там, не знаю, уважают частную собственность…

Да, как же. Да и какие законы во время Войны за Независимость? Законы потом писали, новые.

А потому, что Война за Независимость в Америке происходила в семидесятые годы восемнадцатого века. Голодающему с войском в Валли Фордже генералу Вашингтону и в голову бы не пришло пойти и взять деньги, продовольствие, продукты у каких-нибудь местных землевладельцев, осведомившись предварительно, кто из них лоялист. Генерал требовал денег от Конгресса – и только. И поступал так не только он, но большинство его подчиненных. Поскольку сказано —

«Thou shalt not covet thy neighbour's house, thou shalt not covet thy neighbour's wife, nor his manservant, nor his maidservant, nor his ox, nor his ass, nor any thing that is thy neighbour's». Что в переводе с церковнославянского означает «Не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего, ни слуги его, ни

служанки его, ни вола его, ни осла его, и ничего из того, что принадлежит ближнему твоему».

Сказано было навеки, но в начале двадцатого века прогрессивные люди свято верили, что это все сказки поповские, наивный фольклор, неприменимый к ситуации, а на самом деле все произошли от обезьяны, а выживают приспосабливающиеся путем естественного отбора. Это называлось естествознание.

Сформировалось Временное Правительство и после долгих дебатов и апрельских тезисов главой его выбран был уроженец города Симбирска. Был ли он честен, порядочен, или умен – судить трудно. Неплохо образован – да, наивен – совершенно точно. Возможно, начитался проповедей Толстого о святости простого народа, не знаю. И, будучи человеком с принципами, посчитал нужным

а) держать данное союзникам слово, а именно – вести войну до победного конца

б) рассказать об этой своей идее широким массам.

Широкие массы, ратовавшие в свое время за помощь братьям-славянам в Сербии, за давание нехорошим немцам по башке, и прочая, и прочая, не оценили поступок Александра Керенского по достоинству. В образовании премьера обнаружился серьезный пробел. А именно, те, кто его учил уму-разуму и латыни, забыли объяснить ему заодно, что

– найдется всегда кто-нибудь, кто попытается списать голод, экономическую неразбериху и прочее на войну, даже если война эта ведется где-то не очень близко. Мол, все продовольствие и одежду отправили на фронт. Поскольку солдаты едят больше гражданских и быстрее снашивают одежду, не так ли.

– бывают честные и порядочные индивидуумы, но собственно народ всегда беспринципен и продаст кого угодно кому угодно с потрохами, лишь бы была возможность патриотически гордиться собою, жрать от пуза, и не ходить в виноватых.

И когда обе фракции Социал-Демократической Рабочей Парии сорвали выборы и узурпировали власть, народ не возражал. Тем более, что СДРП обещала ему капитуляцию, землю, воду, хлеб, и луну с неба, а народ не менее глуп, чем продажен, и всему поверил.

Занявши власть, СДРП действительно подписала капитуляцию и объявила роспуск Империи, оставив Украину (в частности) на произвол судьбы до поры до времени. О Польше и говорить нечего. Русские части, стоявшие на Украине, слегка растерялись. Немецкие части, стоявшие там же, сперва ничего толком даже не поняли.

И тогда некоторые украинцы решили взять дело в свои руки.

Некто Симон Петлюра, член одной из революционных партий и редактор революционной газеты «Слово», объявил Украину независимой а себя ее премьером. Совершенно неожиданно к нему присоединилось много лиц с персональным оружием на руках. И война, приостановившаяся было на территории Украины, снова пришла в действие.

Петлюра воевал со всеми подряд – с немцами, с большевиками, с белыми, со ставленником кайзера гетманом Скоропадским. И, удивительное дело, добивался успехов и даже занял Киев!

Уже после ухода с территорий немцев, которых подвела собственная революционнообразная драка внутри Германии, большевики, гнавшие белых все дальше на юг, заодно выбили из Киева Петлюру. Он бежал с оставшимся войском в Польшу, заключил с новым польским правительством союз, обещал ему большие территории, и ровно, или почти ровно через девять веков после занятия Киева Святополком в союзе с королем Польши Болеславом, снова взял Киев.

Война – подлое и грязное дело, по большей части невыносимо скучное, но страстные одиночки, противостоящие с малочисленными отрядами половине войск континента, вызывают невольное восхищение.

Генерал Николай Юденич с малочисленным войском в 1920-м году дважды, прорвав фронт, подходил к Петрограду и чуть не взял его.

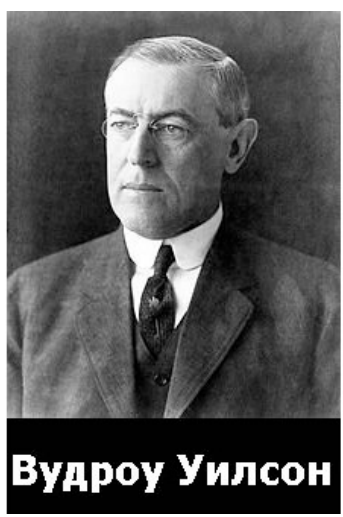
Позорный инцидент, связанный с убийством царской семьи, имел место в Екатеринбурге. Белые взяли город в кольцо и, при полном превосходстве сил, просто ждали, маясь, пока красные прикончат Романовых.

За всеми этими событиями очень внимательно следила администрация Вудроу Уилсона, а также те американские предприниматели, у которых были владения в России, а так же вообще многие властьимущие американцы. Уже воюя в Европе, чтобы не начался без них дележ территорий, что могло негативно сказаться на роли Соединенных Штатов в послевоенном мире, правительство Уилсона присматривалось, высчитывало и ждало.

Уже вышел федеральный закон о шпионах, явно под влиянием Уилсона, который говорил, что не бывает американцев через дефис (немец-американец, ирландец-американец), что либо ты американец, либо мерзавец и шпион. И, возможно, на этом все закончилось бы, если бы не дополнительная заваруха – на этот раз в самой Германии. Переворот – черт с ним, это внутренние немецкие дела, они не хотят больше кайзера, а хотят республику – пусть. Но совершенно неожиданно Бавария вдруг

объявляет себя независимой *СОВЕТСКОЙ* республикой под предводительством Курта Айзнера! Затем Айзнер собирается подавать в отставку, но его убивают. После этого страной шесть дней правит союз независимых социалистов (Эрнст Толлер, Густав Ландауэр) и анархистов (Эрих Мюхсам). Толлер, по профессии драматург, назначает своего знакомого министром иностранных дел, и этот министр, в виду того, что Швейцария отказалась поставить новой республике шестьдесят паровозов, самолично объявляет Швейцарии войну. Союз смещают, к власти приходят немецкие коммунисты во главе с Югеном Левином («потенциальным немецким Лениным»). Левин отказывается от услуг армии столицы, и собирает свою собственную армию в короткий срок, под командованием Рудольфа Эгельхофера. Эти «красные гвардейцы» тут же начинают аресты подозреваемых контрреволюционеров.

Через несколько дней (события в Германии развиваются гораздо быстрее, чем в России) две немецкие армейские группировки («Свободный Корпус» и «Белые Рыцари Капитализма») вторгаются в Баварию и после очень жестоких боев на улицах смещают коммунистов и арестовывают и казнят восемьсот человек, включая Югена Левина.



Президент Вудроу Уилсон

И Вудроу Уилсон испугался не на шутку, и его администрация тоже. Термин «red scare», неправильно переведенный на русский язык как «красная опасность», тут же вошел в Америке в обиход. Радовались американские социалисты и коммунисты, посмеивались фермеры, но Конгресс вдруг одобрил закон, названный «Актом Смутообразования» («Sedition

Act»), который впервые в истории Америки запрещал (правда, только в военное время) ругать правительство, флаг и вооруженные силы.

Через три года закон отменили, признав противоречащим Конституции. Ругать правительство – национальное развлечение американцев. Мало ли о чем *ЕЩЕ* они станут думать, и до чего додумаются, если у них это развлечение отобрать. А так, по крайней мере, все знают, кто во всем виноват. То бишь, сами ругающие, раз сами выбрали. Очень удобная позиция для властьимущих.

Забавно, что разговоры о революции шли в Америке в то время очень интенсивно – Уилсон не зря боялся.

Война в Европе кончилась неизвестно чем, договоры подписывались в Версале, страны одна за другой признавали легитимность Советской России и устанавливали с нею дипломатические отношения – кроме Америки. У Уилсона сделался инсульт, его заменил вице-президент, затем выбрали Хардинга, а после него Кулиджа, а затем и Хувера, но только в 1933-м году, уже при Франклине Делано Рузвельте, Соединенные Штаты признали Советский Союз. Американское правительство привыкло видеть в России монархию и очень не хотело в этом смысле никаких перемен. После того, как нетронутая революциями часть Антанты (без американцев, считавшихся не членом, но сотрудником) высадилась в России и на Украине, а американцы в Мурманске и Владивостоке – спасать союзника от большевизма – а потом без боев снова погрузилась на корабли, стало ясно, что произошедшие от обезьяны большевики – это не игра, а серьезно и прочно, но Америка не желала в это верить.

Глава девятая. Ревущие двадцатые

Сухой закон в Америке не с неба свалился, конечно же. До того, как федеральное правительство во главе с Хардингом, поджав бюрократические губы, решило запретить народу пить, сухой закон действовал уже на территории нескольких штатов. По-английски закон этот назывался одним словом – Prohibition, т. е. Запрещение, с большой буквы и без артикля.

Законы, касающиеся алкоголя, вообще популярны на территории Америки. Многие из них связаны так или иначе с американцами ирландского происхождения, особенно на Восточном Побережье, хотя Америка – страна изначально пьющая, и пьющая крепко – исторически. Сегодня, правда, об этом сразу не догадаешься – остальные страны прибавили в этом смысле. Поскольку духовность находится под непрерывным обстрелом средств массовой информации и под давлением со всех сторон, большинству людей жить на свете все скучнее. По сравнению с Парижем и Лондоном город Нью-Йорк сегодня выглядит аскетическим. В Нью-Йорке сегодня пьют столько же, сколько пили двадцать и пятьдесят лет назад. На эстетский взгляд автора – много. (Я много лет уже отдаю предпочтение сухому красному, в основном из провинции Бордо, реже из Калифорнии, отказался три года назад от пива, не понимаю водку и виски абсолютно, и очень редко потребляю коньяк, а собственно вино я пью от раза к разу, бывает три-четыре раза в неделю, а бывает раз в месяц, и могу не пить месяцами). Много пьют в Нью-Йорке. Но меньше, чем в Лондоне и Париже. Намного меньше, чем в любом большом городе России. Так вот, всего два года прошло с тех пор, как отменили закон в штате Нью-Йорк, который отменять не следовало – не потому, что он хорош был, полезен кому-то, или еще чего, а как исторический курьез. По этому закону запрещено было на территории штата продавать спиртные напитки в воскресенье. С исключениями. Закон распространялся только на магазины, специализирующиеся на спиртных напитках.

Закон этот появился в свое время потому, что в воскресенье ирландцу положено быть в церкви на службе, а не дома с бутылкой виски. Но бары, тем не менее, в воскресенье открывались в обычное время – в полдень.

Далее – вот какие законы действуют на территории штата —

Никто не может продавать спиртные напитки с четырех утра до полудня. (В этой связи, конечно же, была и есть целая сеть баров без вывесок, специализирующаяся именно на веселии после

четырех утра).

Магазины, не специализирующиеся на продаже спиртного (супермаркеты, например) не имеют права продавать напитки, содержащие больше шести градусов алкоголя. То бишь – только сильно разбавленное вино (для латиноамериканцев) и пиво.

В соседнем Нью-Джерзи, через речку, вино можно купить хоть в восемь утра в воскресенье на автозаправочной станции. Не говоря уж о супермаркетах. А винные магазины имеют внутри стойку, и продавец по совместительству является барменом (в Нью-Йорке такое немыслимо).

И так далее.

Есть непреложный социальный закон, действующий всю историю человечества. Запрещение любого товара ведет к возникновению черного рынка. Второй непреложный закон, сопутствующий первому – за исключением продажи книг, черным рынком на всех уровнях правят вычурно одевающиеся уголовники.

Как только федеральный сухой закон вступил в силу, импортом и продажей алкоголя тут же занялись все без исключения преступные группировки на территории страны. Бары ушли в подполье, но настолько неглубокое, что похоже было на водевиль. Все знали, где эти бары находятся (многие рестораны также имели «заднюю комнату», достаточно просторную для танцев, а танцевали тогда все и везде).

Цены на алкоголь, конечно же, взлетели. Также, появилось много напитков, потреблять которые даже в малых количествах было опасно для здоровья. Самым распространенным агрегатом для домашнего производства некоторых сортов виски и джина сделалась ванна. Появилось огромное количество искусных подделывателей этикеток.

А также огромную популярность завоевали себе коктейли – мода на них не прошла по сей день. Понятно, что если залить клюквенным соком или сельтерской на три четверти хоть бензин, хоть спирт для растирания утомленных суставов, – пить будет приятнее. Особенно если предварительно наполнить стакан льдом до краев.

Поставщики-бутлеггеры доставляли алкоголь на дом, каждый имел клиентуру.

Это не значит, что нигде в Америке не было в двадцатые годы хорошего пива или доброго вина. Виноградники работали на экспорт, и часть экспорта застревала на территории. Канадскую и мексиканскую границы, кроме того, можно перейти в тысячах никем не охраняемых мест. Ввозом алкоголя в Америку занялись также многие европейцы. И, конечно же, богатые как

пили лафит да экстра-олд коньяк, так и продолжали, не скрываясь. Был запрет на торговлю. На потребление запрета не было.

Иные таксисты держали в потайных местах в машине дюжину бутылок.

Итальянская мафия усилилась и обрела широкую известность благодаря, в частности, торговле алкоголем.

И было в связи с этим много пальбы. В основном стреляли в конкурентов.

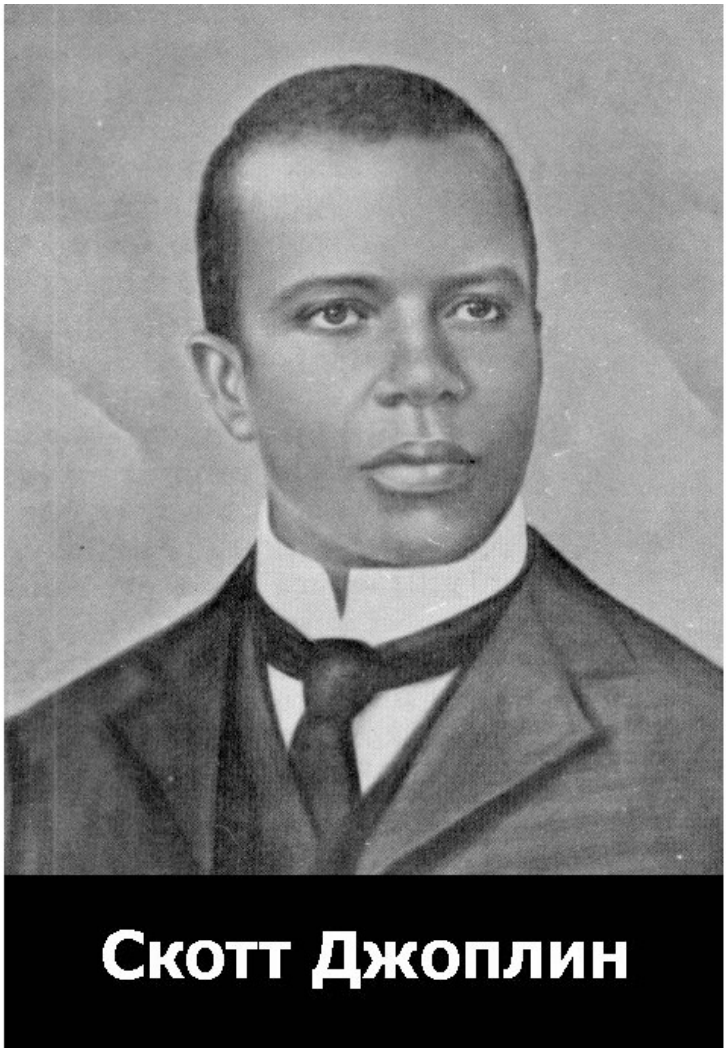
Полиция была, во-первых, куплена, а во-вторых, ирландцы составляют в полиции большинство. Закончив смену, полицейский снимал форму и шел пить в спик-изи (speak-easy).

И было, не смотря ни на что, очень весело. Бесшабашно как-то. Джаз, Кальман, фокстрот, первые мюзиклы, расцвет Великого Белого Пути (так называли из-за круглосуточной яркой освещенности театральную часть Бродвея), очень витиеватый, порой очень забавный, уличный сленг, увековеченный, в частности, именно тогда снискавшим популярность Деймоном Раньоном, пришедшим в литературу по одной из американских традиций из журналистики и отстреливающим двумя пальцами (!) семьдесят пять слов в минуту на машинке («Утро холодное, как сердце блондинки») – и никаких войн! В это очень верили. Считалось, что войны всегда ведутся в Европе, поскольку европейцы – милитаристы по натуре. А нам войны не нужны. Мы лучше будем веселиться.

В 1924-м году умер последний великий оперный композитор – Джакомо Пуччини, почти успев закончить последний свой шедевр – оперу «Турандот». Незадолго до смерти он написал кому-то, что опера закончилась, как жанр, поскольку «аудитории согласны терпеть музыкальные опусы без мелодий». Так ему казалось в Италии. Он был прав и не прав. Да, итальянцы, австрийцы и даже немцы, составлявшие большинство «ценителей серьезной музыки», действительно слушали всякое формалистское и атональное говно – бесконечных бюрократов от музыки, большинство чьих фамилий сегодня прочно забыто, некоторые остались, поскольку имели больше полезных знакомств в музыкальном мире – Малер, Барток, Берг, Шонберг, Шостакович, Ивз, Копланд, Нильсен, Бриттен. И все же, и все же…

Обычный снобизм, нахальный эстетизм – явления в общем полезные. Но бюрократический снобизм – это очень тоскливо и уныло. Бюрократ не действует, но функционирует, не чувствует, но реагирует, не выражает, но включается, как звуковоспроизводящее устройство. Вся эта шушера, «ценители серьезной музыки» по бюрократической традиции презирали

легкие жанры, а именно там, в легких жанрах, музыка продолжала жить – в двадцатые, тридцатые, сороковые годы. Механизировалась она только в середине пятидесятых.



Скотт Джоплин, композитор

Скотту Джоплину сегодня помогает происхождение – он был негр. Тем не менее, несколько его фортепианных вещей, несмотря на джазовую зацикленность, шедевральны. Начал писать музыку Джордж Гершвин – последователь одновременно Кальмана и Чайковского, плюс джазовые формы времен Бель-Эпокь, такое вот странное сочетание. Чарли Чаплин к своим фильмам музыку писал сам, и писал неплохо.

К сожалению, уже тогда возникла порочная практика музыкальной импровизации в концерте, и тогда же начали путать

исполнителей с композиторами. К примеру, все известные вещи Луи Армстронга написаны вовсе не им.

Тем не менее – музыка звучала повсюду, и большинство этой музыки было – живое. Т. е. было уже тогда радио, и не первое десятилетие существовала звукозапись – но в кафе, в ресторане, в нелегальных барах играли живые, не усиленные электричеством, инструменты.

Кругом была, поспешим заметить, если не нищета, то, по крайней мере, бедность. Но на нее не обращали внимания! Продовольствия почти всем хватало. Веселились. Говорят, переломным стал год обвала биржи, но это не так. Когда рухнули акции, никто, кроме самих акционеров, не стал беднее. Бедных и так было очень много – в то время, и по всему миру, и в Америке тоже. Обвал был просто сигналом. В доказательство того, что обвал этот был – чистая символика, а вовсе не реальная экономическая данность – вот вам забавный факт. Биржа грохнулась в 1929-м году. Пиком последующей Великой Депрессии считается 1933-й год. Эти два года являются также годами начала и завершения постройки самого красивого небоскреба на земле – Эмпайр Стейт, на Тридцать Четвертой Улице. Откуда-то ведь взялись деньги на его постройку, не так ли.

Никто и не заметил, как иммигрант из России, именем Владимир Зворыкин, запатентовал «иконоскоп». Массовая промышленность еще целых тридцать лет возилась с этим его изобретением, пока наконец не вычислила, как лучше всего запустить новшество на рынок.

Меж тем Генри Форд продолжал штамповать автомобили. Наметилась первая волна субурбанизации – слабая, медленная, но неприятно масштабная.

Пришло время сказать несколько слов об интеллигенции.

Американская интеллигенция, вместе со всеми интеллигенциями всех цивилизованных стран, влюблена была – сперва в естествознание и равноправие женщин, в Дарвина, в Маркса, в идею существования без Бога. Затем вся она, за исключением русской интеллигенции, влюбилась в Русскую Революцию (русская интеллигенция в ней, революции, быстро разочаровалась – но у нее выхода не было, по ней открыли огонь).

Это несерьезно, скажут мне. Уж прямо *ВСЯ* интеллигенция. Были ведь и думающие люди тоже.

Были. Но у них, думающих, тоже выхода не было, как только влюбиться в эту самую Революцию. В идею Коммунизма. Им с отрочества внушали, что Бога нет. А некоторые евангельские истины им помнились. Вот они и поверили – в Новый Завет без

Бога. Как раз образ Советской России очень подходил к этому понятию.

Все это было, конечно, не просто наивно – чудовищно. Позицию интеллигенции вне России, в том числе американской, очень красноречиво выразил в нескольких своих предисловиях к пьесам английский драматург Джордж Бернард Шоу. Привожу здесь несколько фрагментов из его предисловия к пьесе «На Мели». Прошу простить за погрешности перевода. В некоторых местах я, правда, намеренно перевел дословно, вместо того, чтобы искать русский эквивалент. Для доходчивости.

***

Дж. Б. Шоу. Из авторского предисловия к пьесе «На Мели».

Мнение, что общество должно быть устроено таким образом, чтобы человек не боялся физического уничтожения если он не убивает, не воюет против Короны, не похищает людей, не кидается серной жидкостью – не только ненужно лимитирует гражданскую ответственность, но и отвлекает внимание от основного оправдания уничтожения, кое оправдание есть – неистребимая социальная несовместимость…. Единственная страна, которая проснулась и увидела действительное положение вещей – Россия. Когда Советское Правительство занялось переходом от Капитализма к Коммунизму, оно обнаружило, что у него нет инструментов для поддержания порядка кроме списка преступлений и наказаний, входящих в ритуал уголовного кодекса. В этом списке не было места самым худшим преступлениям против Коммунистического Общества – наоборот, такие преступления традиционно чтились и награждались … Бездельник, самый распространенный враг человечества, грабящий всех и всегда, и чей собственный карман всегда тщательно охраняется, не заслужил в соответствии с уголовным кодексом никакого наказания и даже, в прошлом, ввел суровые законы против тех, кто мешает его безделью. Делом Советов стало сделать все дела общественными и всех граждан – слугами общества. Но на взгляд обычного русского гражданина любой общественный пост был подарком судьбы, возможностью ничего не делать, иметь привилегии, нагло вести себя с публикой и брать у нее взятки. Например, когда русские железные дороги коммунизировались, некоторые начальники станций поняли это в том смысле, что отныне они могут быть так ленивы и безответственны, как пожелают, в то время как на самом деле им следовало, и это было жизненно важно, удвоить свою

активность и напрячь каждый нерв, чтобы сделать железнодорожный сервис более эффективным. Бедный комиссар, будучи Министром Транспорта, оказался перед необходимостью носить в кармане пистолет и расстреливать собственноручно тех начальников станций, которые выкидывали его телеграммы в мусорное ведро, вместо того, чтобы следовать приказам, в них содержащимся, расстреливать для того, чтобы иметь возможность убедительно спросить остальных служащих станции, хорошо ли они поняли, что приказы даются для того, чтобы им следовали.

Министр Транспорта, или министр любого другого общественного сервиса – работа с полной загрузкой. Ее нельзя перманентно совмещать с любительским палачеством, и заодно зарабатывать себе во всех капиталистических газетах Запада репутацию ужасного и хладнокровного убийцы. В то же время никакие дополнения к уголовному кодексу не могут включать в себя списки такого рода преступлений, заслуживающих наглядного уничтожения в назидание другим, даже при наличии растущей необходимости избавляться от людей, которые не могут или не хотят найти себе место в новом порядке и подчиниться новой морали. Можно было бы легко отметить некоторые преступления, и назначить наказания, старым методом – например, если ты занимаешься накоплением денег, тебя расстреляют, если ты спекулируешь на разнице между покупательной способностью рубля в Москве и Берлине, тебя расстреляют, если ты покупаешь в кооперативе, чтобы продать в частном магазине, тебя расстреляют, если ты берешь взятки, тебя расстреляют, если ты подделываешь расчетные книги фермы или фабрики, тебя расстреляют, если ты эксплуатируешь работающих на тебя, тебя расстреляют – и было бы бесполезно уверять, что тебя воспитали таким образом, что ты воспринимаешь все эти действия как совершено нормальные, и что все лучшее общество вне границ России с тобой согласно. Но самый тщательно продуманный кодекс такого сорта все равно не учел бы сотни вещей, к которым прибегли бы враги Коммунизма, избежав основных вопросов – а ты оправдываешь ли свое пребывание на общественном корабле? А ты не мешаешь ли больше, чем приносишь пользы кораблю? А заслужил ли ты привилегию жить в цивилизованном обществе? Вот почему русские не имели другого выхода, как только создать свою Инквизицию, или Звездную Комнату, которая сперва называлась Че-Ка, а теперь ГПУ. Эта организация и занялась вышеуказанными вопросами и «ликвидацией» персон, не могущих адекватно на них ответить. Гарантией непревышения полномочий

для Че-Ка был факт, что в интересы этой организации не входило ликвидирование людей, которые могли приносить общественную пользу. Их интересы были как раз противоположные.

Новшество это нас ужасно пугает. Мы все еще работаем над системой лимитированного морального бремени. Наши «свободные» британские граждане совершенно точно знают что им можно, а что нельзя, делать, чтобы не попасть в руки полиции. Наши бизнесмены знают, что нельзя подделывать акции или увеличивать сумму прибылей, когда посылаешь отчеты акционерам. Но, если они следуют нескольким условиям этого толка, им никто не запретит заниматься вполне легитимными, но не менее преступными, операциями. Например, придерживать пшеницу или медь или любой другой продукт, чтобы взвинтить цены для получения огромной прибыли для себя, или заниматься науськиванием стран друг на друга в прессе, чтобы стимулировать частную торговлю оружием. Такое лимитированное моральное бремя не существует более в России, и вряд ли в будущем будет существовать в любой высокоцивилизованной стране…. Придерживателя продуктов невозможно обвинить ни в чем, руководствуясь уголовным кодексом, но легко убедить скольких угодно разумных людей, что он «не прав». В России результатом такого убеждения разумных явилось бы исчезновение этого человека и получение его семьей письма, в котором бы говорилось, чтоб они его не ждали, домой он больше не возвратится. У нас у него и слава и персональная безопасность, и он благодарит свою звезду, что живет в «свободной стране», а не в Коммунистической России. Заметим, однако, что обвиняемый не должен быть настолько убежден, что получит приговор к уничтожению, чтобы пытаться избежать ареста, убив своих преследователей. Но поскольку новый трибунал был навязан России обстоятельствами, а не спланирован неспешно в свободное время, два института, ГПУ и обычная полиция, руководствующаяся уголовным кодексом, работают плечо к плечу, и в результате получается, что лучший способ убежать от ГПУ – совершить обычное преступление и найти убежище в руках полиции и магистрата, которые не могут тебя уничтожить, поскольку смертная казнь в России отменена (ликвидация от рук ГПУ – не наказание, но «очистка сада от сорняков»). И тюремное заключение будет не очень долгим и вскоре, если преступник ведет себя хорошо, будет ему амнистия. Поскольку несколько лет заключения считаются достаточным наказанием за обычное убийство, придерживатель продуктов, найдя, что его скоро вычислит

и ликвидирует ГПУ, скорее выйдет из себя и убьет свою тещу, заработав себе по крайней мере несколько спокойных лет жизни, в тюрьме. Рано или поздно это положение дел будет изучено и продумано до логического заключения во всех цивилизованных странах.

Когда Шарлемань основал Священную Римскую Империю (во всяком случае, он ее основал больше, чем кто-либо), он настаивал, чтобы все подданные Империи были католики, и предпринял дилетантскую попытку утвердить социальную стабильность, убив всех, кто был в его власти но не желал креститься. Но далеко он пойти в этом направлении не мог, поскольку есть птица, которую нельзя убивать ни под каким предлогом, а именно – гусыня, несущая золотые яйца. В России Советское Правительство начало с шарлеманьской попытки уничтожения всей буржуазии, классифицируя ее как интеллигенцию, лимитируя ей рацион, и ставя ее детей в самый низ переполненного списка стремящихся получить образование. Так же прописали кулака (способного, упрямого фермера с крепкими кулаками, который был богаче своих соседей и хотел, чтобы они, соседи, продолжали быть беднее его). Его власть грубо взяла за плечи и выкинула нищим в переулок. Причины для такого отбора были достаточно веские, поскольку моральный кругозор буржуазии и кулаков был опасно антиобщественным. Но результаты оказались катастрофическими. Буржуазия содержала в себе класс профессионалов и класс производственных организаторов. Без профессионалов и организаторов промышленность перестала работать. А надежда, что отборные члены пролетарского класса могли бы выполнять эти обязанности, движимые лишь врожденными способностями, чудовищно не оправдалась. Когда кулака выкинули с фермы, и его фермерские способности были парализованы, начались перебои с едой. Очень скоро кулака закинули обратно на его ферму и велели продолжать работать, пока не пробил его час. И была создана приятная условность, согласно которой все образованные люди, желающие убедить власти в том, что их отцы «своими руками возделывали землю», какими бы очевидно ледями и джентльменами не были, были приняты в общество как настоящие пролетарии и переведены из позорной категории интеллигенции в почетный «интеллектуальный пролетариат». Даже Ленин и его коллеги, все как один ультра-буржуа (иначе они не переоценили бы так абсурдно интеллектуальный потенциал пролетариата, и не презирали бы так отчаянно веру собственного класса в его, класса, незаменимость) позволили,

чтобы об их собственных родителях отзывались как о возделывателях почвы с мозолистыми руками. Сегодня эта шарада звучит, как забавный анекдот, но вы тем не менее услышите ее всякий раз, если обвините русского или русскую в том, что он джентльмен или леди.

Тем не менее, все это – переходный период. Русский пролетариат сегодня растит свой собственный профессиональный и организаторский класс. Экс-буржуа вымирают, видя, как дети их получают коммунистическое образование и читают им, их родителям, лекции об их старомодных предрассудках. А у планирующих Советское Государство нет времени, чтобы заниматься дурными вопросами. Они стоят перед лицом новой и огромной необходимости истребления крестьян, которые до сих пор существуют в больших количествах. Мнение, что цивилизованное государство может быть создано из любого материала есть просто старое заблуждение радикалов. Построить Коммунизм из того мусора, что производит капиталистическая система – невозможно. Для Коммунистической Утопии нам нужно население, состоящее из Утопистов. Утописты не растут на кустах и их не подберешь в трущобах. Их следует культивировать осторожно и дорого. Крестьяне не подходят – а ведь без крестьян коммунисты никогда не завладели бы Русской Революцией. Номинально, именно Советы крестьян и солдат поддержали Ленина и спасли Коммунизм, когда вся Западная Европа накинулась на него, как свора гончих на лису. Но все солдаты были те же крестьяне, а все крестьяне хотят собственности, и военный элемент лишь прибавил к крестьянскому кличу «Дай нам землю!» клич «Дай нам мир!» Ленин, в общем, сказал, «Возьмите землю, а если кто-то с феодальным складом ума вам мешает, уничтожьте их, но не жгите их дома, поскольку они вам понадобятся для жилья». И в результате получившиеся легионы малых землевладельцев сделали позицию Ленина неприступной и дали Троцкому и Сталину красных солдат, которые победили контрреволюционеров в 1918-м году. Ибо контрреволюция, в которой мы, к нашему несмываемому стыду, приняли участие (Англия подает пример революции и потом нападает на все страны, которые имеют наглость этому примеру следовать) имела в виду привести обратно предыдущих землевладельцев, и крестьяне сражались против этого так яростно, как наемники и призывники капиталистических армий не могли и не хотели сражаться за.

Это помогло Ленину. Но война против контрреволюционеров,

окончившись победой крестян-собственников, оказалось победной именно для частной собственности, и поэтому уступила место еще более яростному конфликту между фанатично коммунистическим правительством и яростно индивидуалистским крестьянином-собственником, которых хотел производить на своем уделе для себя и не понимал, что это такое – работать совместно с другими, да еще делиться с городскими пролетариями, которые казались ему какими-то нелюдями-пришельцами. Предоставленные самим себе, мужики воспроизвели бы капиталистическую цивилизацию в самом американском, самом худшем виде, через десять лет. Поэтому самым неотложным делом победившего коммунистического правительства было – уничтожение мужика. А меж тем мужик, все еще та самая гусыня, кладущая золотые яйца, не мог быть уничтожен на корню – уничтожилась бы вся русская нация вообще. Выход из тупика был очевиден, но дорог и трудоемок. Любой класс можно уничтожить не насилием, но воспитанием его детей в духе, отличном от воспитания родителей. В случае русского крестьянства отец живет в паршивом зверинце, и нет у него хозяина, и добывает он средства к существованию примитивными методами на том клочке земли, на котором трактору было бы не повернутся, даже если бы он его имел, но который принадлежит ему лично. Книга его – Книга Природы, содержащая премудрости, доступные тем, кто может ее прочесть. Но сам он не может ее прочесть, и по всем культурным признакам он невежда, хоть и знает вещи, о которых профессура университета даже не догадывается. Он брутален из-за чрезмерной физической работы. Его свобода от контроля цивилизации оставляет его беззащитным от тирании Природы – настолько, что его детям хорошо видно, что хорошо организованные люди на соседней коллективной ферме, где тысячи акров обрабатываются дюжинами тракторов, и никто не может поставить ногу на один из акров или положить руку на один из тракторов и сказать «Это мое, что хочу, то с этим и делаю» – лучше накормлены, лучше устроены в жилищном плане, больше отдыхают, и гораздо более свободны, чем их отец.

Конец цитаты.

Глава десятая. Начало странного десятилетия

Тридцатые годы двадцатого века не поддаются осмыслению, не определяются, не складываются в единую картину. Правда, и раньше, и впоследствии, дичайшая глупость сочеталась в мире с мудростью, жестокость с милосердием, пошлость с шедеврами, и так далее. Но сочетания эти были как-то, не знаю, проще, что ли.

Русский певец-бас Федор Шаляпин, красивого телосложения, которым он любил хвастать со сцены (посему, например, любил петь партию Мефистофеля именно в опере Бойто, отчетливо вагнеристской, но без вагнеровского блеска и величия, праверисткой, поскольку там нужно ему было быть по пояс голому … «Спешите в Мариинку!» кричали мальчики-продавцы билетов, «там Шаляпин в чем мать родила!»), вполне покладистого характера, посмотрев, что к чему в Советской России, уехал из нее и стал колесить по миру, то концертируя, то принимая участие в оперных постановках, пользуясь прочной репутацией.

(Успев сказать много остроумного, и некоторые высказывания помнятся до сих пор. Например, когда его спросили, как он относится к переименованию Невского Проспекта в Проспект 25-ого Октября, он согласился, что это прекрасная идея и добавил, что неплохо бы также было бы переименовать произведения Александра Пушкина в произведения Демьяна Бедного).

Федор Шаляпин, певец

Голос у Шаляпина был не очень сильный, но несказанно красивого тембра. К тембру прибавились со временем невиданные актерские данные. На репетициях Шаляпин, когда дирижер не мог придержать оркестр достаточно, чтобы не заглушать певца, кидался в дирижера стулом. Затем голос у Шаляпина стал сходить на нет, и вторая половина его карьеры интересна именно его усилиями скрыть этот грустный факт. Шаляпин играл голосом, лицом, телом, изощрялся. Ноты, которые он уже не мог брать в полную силу, он приглушал таким образом, чтобы они казались частью его актерской интерпретации. Ноты, которые он мог брать легко, особенно в средних регистрах, он усиливал и вытягивал, чтобы показать, что голос у него все еще мощный. И так далее. И очень любил деньги – такая у него была слабость – а также драгоценности. «Люблю камешки», говорил Шаляпин.

Был он щедр, раздавал на благотворительные цели тысячи долларов.

И, хитрый русский мужик, с лукавинкой во взгляде водянисто-голубых глаз, придерживая франтоватый блондинистый кок надо лбом, вложил свои средства в акции. Акции, которые он себе выбирал, стремительно росли, и доходы от акций вскоре превысили доходы от выступлений. Шаляпин намеревался вскоре отойти от оперно-концертных дел. К несчастью именно в этот момент настал 1929-й год, и все акции Шаляпина превратились в ничто.

Певец, посчитав оставшееся, понял, что он не то, чтобы нищий, но около. Пришлось начинать все сначала.

Он стал раздражаться, огрызаться, чудить. Какой-то нью-йоркский миллионер пригласил его к себе на вечеринку в качестве исполнителя, и Шаляпин запросил у него десять тысяч. На вопрос, почему так много, Шаляпин ответил, «Бесплатно только птички поют». И был при этом безусловно прав, но перемена в характере была налицо.

При всем при этом, когда кто-то (кажется, композитор Сергей Прокофьев, бывавший в России («Большевизии», как он ее называл) наездами, и собиравшийся там остаться, позвал Шаляпина с собой, Шаляпин ответил мрачно и твердо, «Я к этой сволочи не поеду». (Прокофьев отмечает в своем дневнике, что в лучшем отеле Москвы нет водопровода и вода для умывания стоит в кувшинах. Также, женатый на испанской певице Лине Ллубера, Прокофьев переезжает в Советский Союз в тридцатые годы. Вскоре у него возникает роман с двадцатипятилетней Мирой Мендельсон. Через семь лет после начала этого романа (Мира стала его женой впоследствии) испанскую певицу арестовывают за шпионаж (она пыталась переправить родным в Испании какие-то деньги через посольство) и отправляют в лагеря. Из лагерей она выходит после смерти Сталина. Живет в России, рассказывая друзьям (с восторгом) о Париже. Уже в восьмидесятых годах (кажется) выбирается за границу и живет неплохо благодаря денежным поступлениям, которые ей полагаются, как вдове Прокофьева при исполнении его музыки. Умирает в 1989-м году. Сам Прокофьев, мыкаясь в России, написав «Кантату к 20-летию Октября», знаменитую Седьмую Симфонию, и еще кое-что, умирает в один день со Сталиным).

Но, да, настал 1929-й год. Поскольку те, кто стоял во главе средств массовой информации, имели непосредственное отношение к банкам, биржам, акциям, и так далее – пресса забила тревогу и раздула обвал биржи в небывалое событие. Перепугалась Америка, и перепугалась Европа. Англии пришлось также туго, как Америке, а Германии еще хуже. Дело в том, что благодаря истерике в прессе, напугалось и американское правительство, и американские банкиры. Стали отзывать немецкие задолженности. Германия заплатила, но тут оказалось, что теперь ей нечем платить репарации по Первой Мировой, которых требовала Франция. А Франция с бюрократическим правительством не поняла опасности положения и продолжала требовать, требовать, требовать (и поддерживала неплохой для времени Великой Депрессии уровень жизни в стране, пока пришедший к власти Адольф Гитлер не положил этому конец,

и дура Франция моментально скатилась в ту же самую Великую Депрессию). В России творилось черт знает что – был голод в городах, голод в деревнях, неурожаи, коллективизация, расстрелы, репрессии, и Михаил Зощенко, весело проведший полуголодные двадцатые годы, приуныл основательно. Особенно после того случая, когда на политбюро Сталину прочли один его смешной рассказ, Сталин смеялся, а к концу сказал, «А в этом месте товарищ Зощенко вспомнил о существовании ГПУ».

В том же 1929-м году сын Джона Рокефеллера (того самого, который Standard Oil), Джон Рокефеллер-младший, взял у Колумбийского Университета в ренту участок между Пятой и Шестой Авеню в Нью-Йорке, в районе Пятидесятой Стрит, как раз напротив Собора Святого Патрика.

(Слово о Соборе. Сегодня он – главная католическая церковь Нью-Йорка, более известен, чем собственно главная церковь, Троицкая. Приход был повышен в ранге Папой Пием Девятым в 1850-м году, и архиепископ Джон Джозеф Хьюз объявил о намерении строить на этой земле новый кафедральный собор. Проект собора был создан Джеймсом Ренником (или Ренвиком) Младшим, работы начались в 1858-м году, прервались на время Гражданской Войны, снова начались, и были закончены в 1878-м году. Собор освящен был через год. Стиль – нео-готика. Большой, красивый и величественный).

Джон Рокефеллер Младший хотел было в купе с Метрополитан-Оперой построить на этом месте новый оперный театр, но оперная компания испугалась обвала акций и из проекта вышла. Тогда Рокефеллер решил построить на этом месте центр в честь себя. И приступил. Центр предполагал девять зданий в стиле арт-деко.

Термин арт-деко – американский, придуман франкофилом, выведен из названия французской выставки «Exposition Internationale des Arts Dйcoratifs et Industriels Modernes», и обозначает много разного, пересекаясь с евро-американским архитектурным стилем под названием модйрн, с треугольными бокалами для мартини, с нарочито стилизованными плоскими жанровыми картинками тридцатых годов – в общем, охватывает чуть ли не сорок лет артистических усилий. Упомянутые плоские картинки – отчаянная дрянь, и архитектура Рокефеллер-Центра – тоже безликая дрянь, кстати сказать, очень индустриальная, такая, о которой мечтали Татлин и компания в революционной России. Типа – поклонение науке-технике-индустрии вместо духовности. Но тот же упомянутый Эмпайр Стейт, необыкновенной красоты – тоже считается вполне арт-деко. Поди разберись.

Следить за тем, как идут дела с постройкой и меблировкой нового комплекса зданий, Рокефеллер-младший посылал своего … а вот не помню! да и не суть важно … в общем, не то сына, не то племянника. Молодого и очень вежливого. В частности, когда для вестибюля главного здания понадобилась фреска во всю стену, молодому человеку было поручено найти художника попрестижнее.

Великий Джон Сингер Сарджент уже умер, и было решено, что собственно американских художников, подходящих, в этот момент нет. Ну, нет и нет – пойдем поищем по миру.

В 1886-м году в Гуанахуато в Мексике родился некто Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Естанислао де ла Ривьера и Барриентос Акоста и Родригес. Люблю испанские имена и фамилии. Родился этот самый Акоста и Родригес в семье еврейских выкрестов, вполне приличной, и получил очень приличное католическое образование и воспитание. Но времена были интересные, и, ставши известным художником под именем Диего Ривьера, большеглазый толстячок провозглашал, что Бога нет – на весь мир. И, между прочим, рисовал фрески во множестве.

В 1907 году, в возрасте двадцати трех лет, Ривьера прибыл в Европу и сперва учился живописи в Барселоне, но потом переехал в Париж (это город такой во Франции), чтобы жить и работать с другими художниками и художницами на Монпарнассе. Друг его, Амедео Модильяни, нарисовал там его портрет в своем обычном стиле. Круг художников и друзей художников включал Илью Эренбурга, Макса Жакоба, хозяина галереи Леопольда Зборовского, и Моиса Кислинга. В книге «Париж Кики» (Кики была дама такая, богемная, тех лет, позировала и рисовала, и пела под гитару, на том же Монпарнассе) приведено множество фотографий того времени, и особенно меня поразили фотографии художника Кислинга в его студии. Стало быть, кругом краски, краски, холсты, кисти – все в порядке вещей. И вот две обнаженные натурщицы – одна очень молодая, вторая средних лет, с очень красивыми, очень женственными телами, такими телами, о которых Рембрандт мог только мечтать. Кислинг в комбинезоне, с палитрой в руке, чего-то им там объясняет, в спокойном тоне, показывая на рисунки, а они слушают. И тут же приведены фотографии его картин, а рисовал Кислинг так, как он рисовал. Был он немного кубист и немного формалист и еще чего-то, это не важно. Так рисуют дети, но не потому, что они таким видят окружающий мир, а потому, что они рисовать не умеют. Меня слегка покоробило от всего этого.

И вот Ривьера туда прибыл, атеист к атеистам. И долго там с ними гулял, ходил на вечеринки, рисовал (рисовал он неплохо, лучше остальных в этом кружке, те просто не умели, а Ривьера умел). В 1917-м году случилось в России упомянутая уже псевдо-революция, и в Париж прибыла Мари Воробьев-Стебельска, тоже своего рода художница. Получила в Париже кличку Маревна, сошлась с Ривьерой, и родила ему ребенка, девочку, нареченную Марика. Не она первая и не она последняя. Мало помалу Ривьера стал приобретать известность, особенно когда стал баловаться кубизмом. Будучи более профессионалом, чем Пикассо, Брак, Сезанн и прочая компания мошенников, он, похоже, слегка издевался над остальными кубистами в своих произведениях. Поскольку линия у него все-таки была, при этом была она индивидуальная.

В 1920-м году, через Италию, Ривьера прибыл в Мексику, где продолжал рисовать. В Мексике в то время художники увлекались именно фресками, причем на больших пространствах. Стиль фресок Ривьеры – упрощенные линии и яркие цвета. Политические взгляды Ривьеры и его постоянные наезды на церковь и церковников сделали ему славу скандальной личности.

В 1927-м году Ривьера, приняв приглашение на празднование десятилетия Октябрьской Революции, отправился в Москву (такой есть город в России). И чуть там не прижился, но уже в следующем году власти выперли его из страны ко всем чертям, поскольку, как было сказано, он занимался антисоветской политикой. И он вернулся в Мексику, но затем переехал в Соединенные Штаты, предварительно женившись на Фриде Кахло, мексиканской художнице, прославившейся своими автопортретами, где она изображена в примитивной манере, но запоминаются сросшиеся брови.

И вот молодой Рокефеллер, следуя инструкциям старшего Рокефеллера, встречается с Ривьерой и заказывает ему фреску во всю стену в вестибюле Центра.

Устанавливаются леса, приходят рабочие, приносятся лучшие кисти и краски, и свежий цементный раствор. Ривьера вдохновенно рисует.

Есть здесь одна странность. Вроде бы скандал можно было бы предотвратить в самом начале, если бы Рокефеллер попросил, а Ривьера показал, эскиз будущей фрески. Не то бывшему кубисту эскизы вообще были не нужны (на композицию ему было плевать, на гармонию тем более), не то так думали в то время – мол, Ривьера сегодня это как Микель Анджело в свежепобеленных стенах Сикстинской Капеллы – вот стены, рисуй, чего хочешь,

на твое усмотрение. Так или иначе, но Ривьера на три четверти закончил работу, когда вдруг молодому Рокефеллеру донесли, что там что-то не так.

Рокефеллер причесался, пригубил запрещенный сухим законом коньяк, надел костюм, и прибыл на Пятидесятую Стрит в сопровождении двух охранников. Окинув взглядом фреску, (много метров на много метров), он сперва не понял, что именно не так. Обычная фреска в стиле Ривьеры. Неуклюжие фигуры, вычурные цвета, упрощенные линии, упрощенные лица людей. Индустрия, трубы заводов, люди всякие – богатые и бедные, толпы. Некрасиво, но так нынче принято. Что же не так?

А! Оказывается, на юго-запад от логического центра фрески нарисован упрощенный, некрасивый, плоский, но вполне узнаваемый Ленин.

Рокефеллер поискал глазами Ривьеру и нашел его на лесах под самым потолком.

«Мистер Ривьера!» – крикнул он. «Сеньор Ривьера! Спуститесь, пожалуйста, вниз, будьте добры!»

Ривьера бросил кисть, посмотрел вниз, поморщился, и стал спускаться. В комбинезоне, заляпанном красками, он подошел к Рокефеллеру.

«Добрый день».

«Добрый день, Мистер Ривьера. Мне очень нравится ваше произведение».

Ривьера потеплел.

«Да, ничего получается» – согласился он.

«Вот только», – добавил Рокефеллер, – «чей это там … э … портрет? Не Ленина ли?»

Ривьера на всякий случай оглянулся в указанном кивком головы направлении.

«Ленина», – подтвердил он.

«Это нехорошо» – сказал Рокефеллер.

«Почему же?» спросил Ривьера.

«Потому что Ленин является … ну, скажем, философским оппонентом моей семьи» – нашелся Рокефеллер. «А поскольку заказ вам дан именно моей семьей, и данный комплекс зданий тоже принадлежит именно ей, я бы посоветовал вам, Мистер Ривьера, переделать эту часть фрески. Вы прекрасный художник, и я уверен, что вы сделаете все так, что станет еще лучше, чем есть сейчас».

«Нет, я ничего переделывать не буду» сказал Ривьера.

«Почему же? Это просто просьба такая, Мистер Ривьера. Ну, сделайте одолжение лично мне».

«Нет» – сказал Ривьера. «Я художник, и это часть моего

замысла. Мне лучше знать, что хорошо, а что нет. Не нужно мне ваших советов. Вы мне платите деньги, а я рисую. На этом суть нашего творческого сотрудничества заканчивается, и прошу советами мне не досаждать».

Молодой Рокефеллер, очень хорошо воспитанный и очень вежливый, кивнул, сказал «Хорошо, благодарю вас» и вышел.

На следующий день он не послал кого-то вместо себя, но вернулся сам. Снова позвал Ривьеру, и тот, уже основательно раздраженный, слез с лесов. Рокефеллер протянул ему конверт с чеком.

«Благодарю вас, Мистер Ривьера. После некоторых размышлений, и посоветовавшись с Джоном Рокефеллером Младшим, я пришел к заключению, что наш с вами контракт следует расторгнуть».

Ривьера взял чек и перешел на очень темпераментный испанский. Рокефеллер испанский знал, но спорить и огрызаться не стал.

Фрезка авторства Диего Ривьеры

Впоследствии именно в доме Ривьеры и жены его Фриды Кохла, в Мексике, устроился на жительство Лев Троцкий, персона нон-грата, с женой. Завел роман с Фридой. Ривьера терпел. Именно в доме Ривьеры, тем не менее, Троцкого убили. Но речь не об этом.

В вестибюль пришли строители, которых Рокефеллер попросил убрать фреску. Но фреску просто так не уберешь. Нельзя ее смыть – фрески делаются по мокрому цементу и засыхают вместе с ним. Красить цемент глупо. Поэтому фреску пришлось сбить отбойными молотками.

В это же время, параллельно с кубизмом и прочей гадостью, существовала Нью-Йоркская Академия Изящных Искусств. Она существует по сей день. В этой Академии за сравнительно небольшую плату вас при желании научат писать картины хоть с нуля. Хоть с прямых линий и кругов, постепенно переходя на кубы, шары и тени. Научат строить перспективу, научат композиции, научат искусству рисовать портрет, схватывая основное. Научат рисовать ткани, деревья, улицы и переулки. Научат использовать палитру по назначению. Во время постройки Рокефеллер-Центра, в пик Великой Депрессии, в нью-йоркских трущобах прозябали сотни художников. Может, они не были гениями или просто людьми с воображением, не знаю. Но рисовать они умели. И если их собственные творения (предположим) были убогими и глупыми, или мещанскими – что ж, в мировой живописи к тому времени, в том числе в американской живописи, наличествовало несколько сотен шедевров, с которых можно было сделать на стене вестибюля точную копию-фреску. Например, у Джона Слоуна есть прелестное импрессионистское полотно, написанное в 1912-м году, в год пуска автомобильного конвейера – «Женская Работа». Задворки в Гринвич Вилледже, пожарные лестницы, стена дома. На пожарной лестнице женщина прилаживает бельевую веревку (от стены к стене, через двор), а на веревке болтается белье. Ослепительный солнечный свет. Почему бы не…

Позвольте, Слоун еще жив! Да не просто жив – только что избран президентом Лиги Студентов Искусства – именно в городе Нью-Йорке! Известен своим интересом к людям (в живописи). Рисует улицы и голых баб. Почему бы Рокефеллерам не обратиться к нему? У Слоуна прекрасный вкус! Безошибочный взгляд! Он ровня французским импрессионистам, чьи полотна вроде бы до сих пор не обесценены наплывом кубизма. А?

Джон Слоун. Портрет Катерины Шон. Джон Слоун. Солнце и ветер.

Картины Джона Слоуна

Но – нет. Рокефеллеры следуют моде, а не хорошему вкусу. А мода нынче – на алгебраическую индустриальную бездуховность. Люди здесь не при чем, нужны идеи и мысли, а не люди.

Пошло-поехало. Безработица взлетела до двадцати пяти процентов. На подсобных работах вроде уборки мусора появились, как водится, интеллигентные лица.

Одновременно начался расцвет Голливуда. Серьезные темы не приветствовались. Основатели голливудской индустрии (в основном бежавшие из Старого Света евреи, Венгрия и Польша) прислушивались к мнениям масс, поскольку за кино платят именно массы, и делали легкомысленное кино, но почему-то некоторые фильмы получались шедевральными. Особенно комедии. Но бродвейским театрам конкуренции эти фильмы все равно не составили.

И пела, пела опера. Над несчастьями героев пуччиниевской «Богемы» плакали разодетые богачи и аристократы в партере, сверкая строгим, очень умеренным количеством очень дорогих бриллиантов. На галерке присутствовала та же богема, что и на сцене, но партеру не хотелось оборачиваться и смотреть вверх. Многие богатые, правда, присоединились к своим женам в Париже – наблюдать за Великой Депрессией в Париже было удобнее, она представлялась из парижских особняков менее

наглядной, а в бедные кварталы можно не ходить. А то в Нью-Йорке бедноте палец в рот не клади – шляются где хотят, по Пятой Авеню бродят, скоты.

Зимой по всей стране настала новая мода – мальчики и взрослые дяди в поисках заработков ходили с лопатами от дома к дому, предлагая расчистить снег у подъезда. За доллар. Пышным цветом в больших городах цвела уличная проституция. В то же время понятия о гигиене разграничены были по классам.

Богатые пристрастились к ежедневному принятию ванн еще во второй половине девятнадцатого века. У среднего класса ванны все еще не вошли в привычку, а о бедных и говорить нечего. Туалетная бумага фабричного производства, изобретенная американцем Джозефом Кайетти в 1857-м году, не использовалась широко. На Юге по прежнему употребляли огрызки кукурузы в этом плане, на Севере страницы телефонной книги, страницы каталога Сирз, реже газеты. Два или три раза в неделю мыли ноги. Ванну принимали в неделю раз. То же самое было во Франции, в Германии, в Англии. В России, где богатых после 1917-го года официально не стало, некоторые ходили, как у Александра Пушкина отмечено, «в баню по субботам». Если учесть, что гигиенические эти традиции установились задолго до эпохи Индустрии, а эпоха эта добавила в общий колорит городов задымленность и загазованность, остальное легко себе представить.

В то же время, Америка, в отличие, например, от Франции, оставалась вполне пуританской страной – несмотря на Бродвей, фривольные стихи И. И. Каммингза и компании, и проституцию. И суровый мат Селина, французского культового писателя, приводил американских редакторов в шок.

Наступило время выборов, и президентом сделался Франклин Делано Рузвельт.

Данная ветвь Рузвельтов была исконно нью-йоркская и очень богатая. Их предок, Клаес ван Розенвельт, прибыл из Хаарлема (голландского) в Новый Свет в 1650-м году. В 1788-м году другой предок, Айзек Рузвельт, был одним из членов совета, ратифицировавшего в Покипси Конституцию Соединенных Штатов (чем Франклин Делано несказанно гордился). Затем клан Рузвельтов разделился на две ветви – Хайд-Парк и Ойстер Бей (по названиям местностей в Лонг Айленде, земле, намытой уходящим ледником на восток от Манхеттена, включающей в себя районы Нью-Йорка Квинс и Бруклин, а также графства Насса и Саффолк, олицетворение современной субурбии, со знаменитыми Хамптонами на юге, где собираются очень богатые нувориши, и менее знаменитым, но более

респектабельным, Золотым Берегом на севере, где некоторые представители старой американской аристократии до сих пор имеют особняки). Хайд-Паркские Рузвельты были Демократы, а Ойстер-Бейские – Республиканцы (из них вышел Теодор Рузвельт). Франклин Делано женился на своей родственнице, очень дальней, племяннице Теодора Рузвельта.

Мать Рузвельта была выходцем из франко-гугенотской семьи, прибывшей в Новый Свет в 1621-м году. Собственно, прибыл только Филипп де ла Нойе, основатель клана. Отцу Рузвельта, когда он родился, было пятьдесят четыре года. В этом нет ничего особенного, но почему-то воспитанием сына занималась в основном мать.

Рузвельт закончил адвокатский курс в Колумбийском Университете, но писать диссертацию и получать диплом не стал. Несмотря на это, его приняли на работу в престижную фирму в 1907-м году. За два года до этого он женился на своей Элеонор, и у них стали подряд рождаться дети – шесть штук, в общей сложности. Из них выжило пятеро.

В политику Рузвельт пришел рано, и во время Первой Мировой отвечал за американский флот. Он вообще любил корабли.

В год запуска конвейера или чуть ранее Элеонор уличила Рузвельта в шашнях с секретаршей и устроила ему грандиозный скандал.

Сара Рузвельт, мать будущего президента, содержащая на свои деньги молодую чету (она была против этого брака, кстати говоря), вмешалась. Как многие матери, воспитывающие сыновей в условиях равнодушия со стороны отца, она считала сына своей собственностью. Сара посчитала, что скандал и развод повредят дальнейшей карьере Рузвельта. В том, что ее сын станет когда-нибудь Президентом, она не сомневалась. Составили устный договор. Элеонор получала отдельный дом, обязана была сопровождать Франклина Делано во всех официальных поездках и в отпуске, а также могла распоряжаться в благотворительных целях (она любила благотворительность со страстью, в несколько раз превышающей страсть Татьяны Лариной, которая забыла о помощи бедным, встретив блистательного петербуржца) специальным фондом, для нее основанным – той же Сарой. На том и порешили. Рузвельт заводил романы, Элеонор благотворительствовала. В 1921-м году Рузвельт, купаясь в озере, заболел полиомиелитом.

Вышло из строя тело ниже пояса. Остались физиологические и сексуальные функции, но ноги отказывались ходить. Рузвельт терпеть не мог кресло-каталку и старался не появляться

на публике, сидя в таковой. С помощью специальных железных креплений он научился стоять, а также ходить, двигая торсом. Когда нужно было произносить речь, он пользовался услугами одного из своих сыновей, или услугами помощника, чтобы поддерживали под локоть. Он искал врачей, читал по этому поводу книги, распускал о себе слухи (мол, болезнь отступает) – ничего не помогало.

В конце двадцатых годов он вернулся к политической жизни и стал губернатором штата Нью-Йорк. Тут и произошла его первая стычка со зловещей личностью по имени Роберт Моузес, деятельности которого придется посвятить, увы, много строк в этой эпопее. Рузвельту удалось убрать Моузеса с поста Секретаря Штата. Но он вынужден был оставить его на посту Комиссионера Парков. Впрочем, с Моузесом дело такое – какие *ОФИЦИАЛЬНЫЕ* посты он занимал – совершенно не важно. Моузес изобрел для своих нужд идеальную позицию – он позиционировал себя, как главу *ЧАСТНОЙ* компании, коя компания имела влияние на политику … да что на политику! На весь мир повлияла эта компания. На сегодняшний день. На все и вся. Беда Рузвельта была в том, что он этого не понимал до конца.

Уже будучи избранным, но еще не вошедшим в должность президента, Рузвельт пережил первое на него покушение.

Итальянец Джузеппе Зангара, года рождения 1900-ого, прибыл в Америку в возрасте двадцати трех лет. Поселился в штате Нью-Джерзи со своим дядей. Говорят, был не совсем вменяем, но это спорно. И был болен. В частности, его донимали боли в животе, и вскоре он пришел к выводу, что в них, болях, виноваты капиталисты. Италия всегда благожелательно относилась к коммунистическому движению.

На работах Джузеппе долго не задерживался, ни с кем не уживался, женщин в его жизни не было.

В феврале 1933-его года в Бейфронт Парке, в городе Майами, штат Флорида, Рузвельт произносил речь. Вооружившись пистолетом тридцать второго калибра, который он приобрел тут же в ломбарде (лицензия в то время не требовалась), Джузеппе прицелился и сделал шесть выстрелов. Мэр города Чикаго Антон Сермак (Чермак, если по чешски, сын чешских родителей, прибыл в Америку в возрасте одного года) был убит наповал, четверо стоящих рядом ранены, Рузвельт цел и невредим.

Джузеппе тут же арестовали и судили, приговорив к казни на электрическом стуле. Его речь перед стулом, в присутствии судьи, была такая (по-английски он говорил плохо) —

«You give me electric chair. I no afraid of that chair! You one of capitalists. You is crook man too. Put me in electric chair. I no care! Get to hell out of here, you son of a bitch [spoken to the attending minister] … I go sit down all by myself … Viva Italia! Goodbye to all poor peoples everywhere! … Lousy capitalists! No picture! Capitalists! No one here to take my picture. All capitalists lousy bunch of crooks. Go ahead. Pusha da button!»

Приблизительный перевод —

«Ты даешь мне электрический стул. Я не бояться этот стул! Ты есть капиталисты. Ты жулик человек тоже. Посади меня в электрический стул. Я все равно! (Входящему священнику) Идти вон отсюдова вон, сукин сын! … Я пошел сесть сам туда. Вива Италия! Досвиданья все бедные народы везде! … Поганые капиталисты! Никакая фотография! Капиталисты! Никто здесь не делать моя фотография! Все капиталисты паршивый куча жулик! Давай, давай! Нажми кнопка!»

Были сплетни, что Зангару нанял Ал Капоне, но это, конечно же, глупости. Капоне еще не знал, кто такой Рузвельт. Ну, выбрали президентом – теперь надо посмотреть, что он будет делать, не так ли.

Об «экономике» Рузвельт не имел ни малейшего понятия. Возможно, это было к лучшему.

Глава одиннадцатая. Анти-Османн

Когда в 1848-м году во Франции выборным путем пришел к власти, а затем совершил переворот и стал самодержцем, Наполеон Третий, Париж, несмотря на свою репутацию, необычность, самобытность и архитектурно-природно-духовную красоту, был грязным средневековым городом. Властителю это не нравилось, и он решил столицу свою модернизировать. Для этого следовало устроить в Париже то, что в последствии назвали Большими Бульварами. Помимо эстетического эффекта, Большие Бульвары делали невозможными баррикады, которых властитель, сам однажды ими воспользовавшись, боялся. Префект Парижа барон Усманн получил приказ заняться этим делом. И он действительно занялся, всерьез. Люди Усманна и он сам составляли планы, но не в конторе, а пешествуя по городу и всматриваясь.

Трепетная бережность Усманна вызывает восхищение. Эх! Дамы и господа, можно сколько угодно рассуждать об остроумии Черчилля, насмешливости Рузвельта, зловещем величии Сталина, истеричности Гитлера, а также вспомнить всех планировщиков, строителей от политики всех времен и народов, писать о них рефераты, печатать их биографии, и так далее, и так далее. Ни один из них, ни даже все они вместе, не ровня Усманну. Оно правда, что Усманн имел дело с Парижем, а не всякий город ровня Парижу середины девятнадцатого века. И все же, и все же…

Проходя по иному бульвару в Париже, вдруг обнаруживаешь ход мыслей Усманна. Вот он сам, или кто-то из его людей, которых он сам себе набирал, прошел по этому месту, где вскоре нужно было валить здания, чтобы проложить бульвар. Вот стоит какая-то средневековая хибара, или церква. Вот Усманн пригляделся, отошел подальше, еще раз пригляделся, подошел ближе, потрогал рукой стену. Сооружение находится под углом градусов в двадцать к предполагаемому бульвару. По идее его нужно убрать. Но очень красиво, а потому жалко. Значит, убирать не будем, а будем делать островок на бульваре, а то и сам бульвар повернем в этом месте, а то оставим просто так, как есть, только тротуар пошире. Реконструктор Парижа очень любил Париж, и это очень заметно – бульвары сделаны *БЕРЕЖНО*, с *ЛЮБОВЬЮ*. Уже существовал капитал Маркса, но еще не вышло «Происхождение Видов» Дарвина, мы были все еще божественного происхождения и оценивали себя, город и вселенную как части одной большой картины, и если в этой картине нужно было что-то менять, следовало учитывать *ВСЕ* остальное в ней. Безусловно,

повалены были некоторые здания, которые валить не следовало – никто не без греха. Но поднаторевший в таких делах обыватель (например) посмотрит на какое-нибудь сооружение парижское, поймет (например) что это красиво, а расскажешь ему про Усманна – скажет, ну, естественно, конечно же, такое валить нельзя было, это же и дураку ясно…

Нет, не ясно. Никому это не было ясно тогда, а сегодня и совсем мутно стало.

В 1936-м году открылась линия Санта Фе, экспресс Чикаго-Лос-Анжелес, с дизельным локомотивом и пульмановскими вагонами. То бишь, спальными. На некоторых участках дороги поезд шел со скоростью сто миль в час (сто шестьдесят километров). В поезде наличествовал ресторан. Спальные купе были совершенно роскошные! Пробег занимал сорок часов.

То есть как!

А так.

Из Чикаго в Лос Анжелес на поезде сорок часов?! Сегодня, да с пересадками и ожиданиями, да с неувязками на линиях, дня четыре бы добирались. Да и не ездит никто из Чикаго в Калифорнию на поезде. На автомобиле – ездят. На самолете – летают. А на поезде – да разве поезда предназначены в *НАШЕ ВРЕМЯ* для таких поездок? Да и спальных вагонов давно нет.

Ага. Было дело. Выезжаешь рано утром, прибываешь на следующий день к вечеру. Голливудская шушера очень любила. Тридцатые годы. Это сегодня дура Франция гордится очень – у нас скоростные поезда из Парижа в Марсель и в Женеву, очень современно, это шаг в будущее.

Какое еще будущее. Это уже было. И сделано было на славу.

Но в 1888-м году родился в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, некто Роберт Моузес.

Человечество любит порой искать виноватых. Найдут кого-нибудь и объявят воплощением зла. То Сталин, то Гитлер, а у малой пассионарной ватаги в Америке во всем Моузес виноват. Вот ведь он гад какой, сколько всего наделал, до сих пор расхлебываем, и мир от этого скоро рухнет. Во всех этих обвинениях звучит одна неприятная нота – «*МЫ* не виноваты! *МЫ* безвинные, *МЫ* хорошие, это все он!»

Помимо этого, абсолютного зла не бывает, такое зло само себя уничтожит моментально. Не было ни разу на земле диктатора, который бы делал все, что делал, из чистого садизма и сам бы себе в этом признавался. Нет. Все диктаторы, все деятели, все кесари думают, что прилагают усилия для улучшения и совершенствования страны, иногда народа. Так

лучше.

Абсурдно было бы предполагать, что Моузес видел миссией своей жизни сделать как можно больше гадостей в национальном масштабе. Вовсе нет. Моузес с энтузиазмом верил в прогрессивность и конечную позитивность своих дел. Он считал, что работает на благо – и, кстати говоря, благо общественное. Если бы он просто хотел славы и денег, он бы чем-нибудь другим в жизни занялся, энергии у него было через край. Он считал себя суровым, но добрым человеком. А то, что ему приписывают сегодня расизм и презрение к бедноте – глупости. Да, он не любил негров. Евреев, этническую группу, из которой он сам происходил, он тоже не шибко жаловал. Но сам же считал это предрассудком, странностью эстетического толка. Он никого не расстреливал из автомата, не жег в печах и не заключал в тюрьму. Не люблю – и точка, и пусть себе живут, мною нелюбимые. А бедные были всегда и всегда будут, и если (считал Моузес) заниматься их проблемами, как он страстно желал в юности, так жизнь пройдет, а сделано все равно ничего не будет.

А что же благодарное человечество? Дамы и господа, приходится признать, что человечество, и в частности население Соединенных Штатов, *ХОТЕЛО* Роберта Моузеса. Не будь его – был бы другой! Настроения были такие, что Моузес не мог не придти.

Все верили в прогресс, в величие человека. Все президенты, короли и диктаторы упорно обзывали народы свои великими и справедливыми. Величие человека, человек – это звучит гордо (Максим Горький), человек сам всего добьется. Это заклинание было ни чем иным, как вызовом Создателю, вот только скандировавшим массам об этом забыли сообщить. То есть, подразумевалось, конечно же. Но не афишировалось. Поскольку противостояние – не означает ли, что Бог все-таки есть? А если просто – человек велик, и все тут, то Его, Бога, как бы и нет. Философы, просиживающие брюки на факультетах, должны были, казалось, задуматься – понятие «великий» – относительное, стало быть, великим можно быть *ТОЛЬКО* по отношению к кому-то или чему-то. Но не задумывались.

Тогда же входил в моду так называемый экзистенциализм. Такое течение, с такой, примерно, раскладкой —

Вселенная существует без всяких причин, без Бога, без Замысла, и никаких непреложных законов у нее и в ней нет. Все основывается на том, что есть вокруг, все на этом строится, все следует воспринимать таким, как оно есть, и не пытаться создавать логические базы вселенских размеров.

Главным вдохновителем этой роскошной концепции был француз Жан Поль Сартр. Человек он был бесконечно наивный, с полным отсутствием чувства юмора, но современники этого не замечали. Он написал несколько пьес и эссе. Пьесы у него скучные и претенциозные, а эссе показательны. Помню, на первом курсе в Хантер-Колледже мне пришлось разбираться с одним из них. Называлось оно «Нью-Йорк – Колониальный Город». Оригинальное такое название. Написано эссе было точнехонько в тридцатые годы.

Сартр описывает не то, чтобы сам город, но себя в нем. Он приехал погостить, остановился в Плазе … незаметный такой турист…

Плаза-Отель находится на углу Пятой Авеню и Сентрал-Парк-Саут. Перед отелем роскошный сквер с фонтаном. Сразу на север от отеля Пятая Авеню одной своей стороной граничит с Центральным Парком, а на противоположной от парка стороне Пятой располагаются самые дорогие в мире жилые дома. Не потому, что они роскошные (в Нью-Йорке есть роскошнее), не потому, что они очень красивые (есть красивее), но потому, что за каждый квадратный фут пола там платят больше, чем за … не буду говорить, за что, а то революция случится, причем не обязательно в Америке. Достаточно сказать, что три квадратные мили, в юго-западном углу которых находится Плаза, содержат в себе население, чей ежегодный персональный подоходный налог составляет четверть ежегодного персонального подоходного налога Соединенных Штатов Америки, страны с населением под триста миллионов душ. И никаким сраным техасским магнатам рядом не стоять. Впрочем, некоторые из этих магнатов там и живут, на этих трех квадратных милях.

Сам Плаза-Отель – неприлично красивое, монументальное здание, сооруженное в Бель-Эпокь, с французской мансардной крышей. Возможно, некоторые читатели знакомы с этим зданием по фильму «Крокодайл Данди». Он там в номере биде обнаружил и носки в ванной стирает.

И вот в этом отеле поселяется незаметный турист Жан Поль Сартр. Скромен. Тих. И знакомится с городом. Знакомство это, мягко говоря, странное. Например, он уверяет читателя, что все улицы Нью-Йорка – перпендикулярны друг другу и пронумерованы. Из этого можно сделать вывод, что никакие достопримечательности вне мидтауновой сетки его не заинтересовали, даже старый Даунтаун. (Мелькает мысль – Бродвей диагонально пересекает эту сетку … Сартр за время пребывания в Нью-Йорке заметил ли Бродвей? …) Далее он пишет, что таксисты в Нью-Йорке согласны ехать с севера на юг

и с юга на север, но не поперек города – отказываются. (Еще мысль – дальше Четырнадцатой Стрит Сартр, возможно, не опускался, и на север от Плаза-Отель, выше Пятьдесят Девятой, не ходил … И еще мысль – а Сартр знал ли, что в Нью-Йорке наличествует очень разветвленная сеть метрополитена? Это, типа, поезда под землей такие, на электрическом ходу – ту-тууу по тоннелю! А? …) И, говорит Сартр, очень продувает все время, поскольку улицы прямые, а с двух сторон острова Манхаттан – водные просторы. От берега до берега ветер гоняет пешеходов. Ну, во-первых, такое случается не очень часто. Безветренные дни в Нью-Йорке вовсе не редкость, и их не меньше, чем ветреных. Во-вторых – опять эти его прямые улицы. Дались ему прямые улицы, перпендикулярно друг к другу расположенные! Судя по этому, Гарлем его тоже не заинтересовал (в те времена в Гарлеме было безопасно, а район этот – неповторимой красоты, улицы карабкаются через парки по скалам в некоторых местах, архитектура, опять же в некоторых местах, очень добротная и очень оригинальная).

В общем, штудируя это его эссе, пришел я к выводу, что глава экзистенционалистов ходил себе вверх-вниз по Пятой и иногда, для разнообразия, вдоль Сентрал-Парк-Саут к Кругу Колумба, посмотреть на колонну, и на основании увиденного сделал выводы обо всем городе и его населении. Добротный такой экзистенционализм. Выразил мнение, что небоскребы в Нью-Йорке больше никогда не будут строить, все, закончили (в 1935-м году).

К чему я все это. Дело не в экзистенционализме, а в общем мировоззрении прогрессивного человечества – и сегодняшнего, и тех лет. Взгляды у произошедших от обезьяны оказались бесконечно наивными, замкнутыми на наборах несущественных деталей.

И была вера в прогресс, и в технику, и в величие человека. По духу и глубине она ничем не отличалась от мировоззрений наивного Сартра. Считалось, что человек – не то царь природы, не то должен природу победить, как киевляне печенегов. И нужно все делать наперекор природе.

В представлении Роберта Моузеса главным двигателем прогресса был частный автомобиль. Автомобиль возвышал человека над природой. Роберт Моузес понимал, что в окружающем его мире далеко не все благоприятствует автовождению. В конце концов, города ведь строились, в большинстве своем, задолго до появления автомобиля. А окружающий города ландшафт создавался эволюционным путем еще до происхождения человека от обезьяны, посему дура

природа не могла ведь предвидеть, что главное в жизни – автомобиль. Не рассчитала. И природу, и города следует подправить.

И он приступил. Он закончил Йейльский Университет и Колумбийский Университет, стал доктором наук. Родители его были не просто евреи, но евреи, родившиеся в Германии, и привили сыну немецкую обстоятельность и педантичность. Вспомним, что немалой степенью немецкой обстоятельности и педантичности обладал, судя хотя бы по его фамилии, Усманн. Но Усманн был человек верующий.

Его (Моузеса) познакомили с будущим большим политиком по имени Ал Смит. Ал Смит, по мере продвижения по служебной лестнице, давал Роберту Моузесу контракты и подряды. Моузес переустроил Джоунз Бич в Лонг-Айленде в прекрасный, как все уверяли всех, парк – в короткие сроки. Это понравилось. У Моузеса появилась такая, стало быть, репутация – если ему поручено, он сделает, и сделает хорошо и быстро.

Потом были парки и бассейны в близлежащих районах. Потом появились дороги. Трассы. Шоссе. Моузес обожал шоссе.

(Кстати о бассейнах. Я не очень понимаю, для чего нужны бассейны под открытым небом, от них пахнет хлоркой, а вода все равно не проточная, но люди почему-то очень любят, даже те, кто живет в двух шагах от моря. Моузес любил строить публичные бассейны возле жилых комплексов. Ему ставят в упрек, что в Гарлеме он построил только один бассейн, потому что не любил негров. По другим сведениям, он делал так, чтобы вода, подававшаяся в бассейны его постройки была охлажденная, поскольку, по его теории, негры боятся холодной воды).

Тут президентом выбрали Франклина Делано Рузвельта, который стал думать, что ему делать с Великой Депрессией, и придумал. Оказывается, Депрессия была не на полях и не на заводах, но в головах (это было правдой). Посему государству нужно было срочно начать несколько грандиозных проектов, которые дали бы многим работу и достаток, а там по инерции остальное придет в движение, весь дурной и буйный частный сектор.

И Моузес пришелся очень кстати. Он ведь делал все быстро и хорошо. И, в соответствии с Новым Договором (так назвали новую политику), ему выделились огромные суммы для постройки всякого разного, парков там, и прочего, но в основном дорог. И мостов. Частная компания Моузеса завладела вдруг грандиозным проектом – постройкой моста Трайборо.

Мост этот должен был соединять (и соединил, по окончании работ, и по сей день соединяет) Квинс, Бронкс, и Манхаттан.

Собственно, это не мост, но три моста, хотя главный пролет, из Квинса в Манхаттан, доминирует. На мосту этом не было и нет места пешеходам. Ага, догадались вы. Стало быть, это был транспортный мост.

Был бы транспортный, если бы не вкусы Роберта Моузеса. Моузес не любил поезда и трамваи. По мосту Трайборо ходят только автомобили. Общая протяженность моста, вспомогательных мостов, и развязок составляет семнадцать миль (умножьте на 1.6, если желаете видеть цифру в километрах). Мост не очень красивый – подвесной, но индустриального типа, без излишеств. И с помощью этого проекта у Моузеса появилось очень много власти. *ОЧЕНЬ* много. Неуязвимость его позиции обуславливалась тем, что компания Моузеса была абсолютно частной и не подчинялась никаким государственным структурам. После Второй Мировой (которая не нарушила, но приостановила, его планы) Моузес *САМ* назначал себе проекты, получал деньги от государства и частных вкладчиков, и строил – что, как и где хотел.

И что же, спросите вы. Чем это плохо?

Тем, что Моузес в плане личных вкусов и пристрастий был полной противоположностью Усманна. Идеал Моузеса был – шоссе, а по нему на большой скорости едут красивые автомобили. Все остальное было второстепенно, включая архитектуру и природный ландшафт. То, что архитектурный ансамбль Манхаттана сохранился, хоть и не без потерь – это просто чудо. Проектов по поводу великого города у Моузеса было много, и два изначальных проекта врагам Моузеса удалось похерить – не без титанических усилий. За этими двумя безусловно последовали бы другие.

Первый проект был – экспресс-шоссе через весь Даунтаун и Гринвич-Вилледж. Старые здания, уютные маленькие улочки, браунстоуны, кафе, церкви, библиотеки, бывшие богемные кварталы, деревья – все это подлежало сносу и вырубке ко всем чертям, чтобы проложить, в некоторых местах подняв на эстакаду, шесть скоростных автомобильных линий.

Второй проект был – дополнительная связь между нижним Манхаттаном и Бруклином. Автомобильная, естественно (никаких трамваев и пешеходов). Моузес хотел мост. По плану, манхаттанское основание этого моста должно было расположиться в Баттери-Парке, уничтожив его (естественно). Бруклинское основание предполагало частичный снос единственного красивого района Бруклина – Бруклин-Хайтс. Власти настаивали на тоннеле. В конце концов Моузес согласился и построил этот самый тоннель – самый длинный в Нью-Йорке.

Почти две мили (три километра). Разумеется, ни о каких пешеходных хождениях по тоннелю речи быть не может.

Кстати говоря, заволновался лично уроженец Нью-Йорка Рузвельт! Услышав о том, что в Баттери-Парке будет скоро автомобильная развязка, железо, бетон, и так далее, он, перебрав все возможные планы препятствования, выбрал самый надежный – обратился в подчиненный ему военно-морской флот. (По Конституции, Президент становится главнокомандующим только во время военных действий, но на всякий случай вояки и моряки к просьбам Президента прислушиваются даже в мирное время).

«Да, господин Президент?»

«Про новый мост через Ист-Ривер слышали?»

«Сейчас, минутку. Эй, Джек, тут Президент интересуется, слышали ли мы про мост? Через Ист-Ривер?»

«Это который? Их несколько. Бруклинский, Манхаттанский, Уильямсбургский, Квинсборо, и который Моузес недавно построил, Трайборо».

«Новый».

«Нет, не слышали».

«Не слышали, господин Президент».

«Моузес собирается строить еще один мост. Там, где он собирается его строить, строить мост нельзя. Остановите проект, будьте так добры».

«Посмотрим, что можно сделать, господин Президент. Как жена, как дети?»

«Замечательно. Так посмотрите?»

«В кратчайшие сроки, господин Президент».

В случаях любого строительства, так или иначе касающегося водных пространств, последнее слово всегда имеет военно-морской флот. Подогнали линкор, поездили на нем по Ист-Ривер, перекурили, расправили тельняшки и написали заключение, что в случае бомбардировки этого моста, разрушенные его блоки перекроют вход в реку с океана, или выход из реки в океан. При этом, очевидно, моряки с большим трудом делали серьезные лица. Моузес очень злился и писал гневные письма во все правительственные инстанции, ездил сам и шумел, но моряки стояли на своем. Он сдался и построил тоннель.

Но городом Нью-Йорком Моузес не ограничился. Началась уже упомянутая первая, слабая волна субурбизации, и он принял в этом деле горячее участие, лихо тратя деньги Нового Договора.

Вид железнодорожных путей вызывал в Моузесе приливы ненависти. Везде на территории страны, где строились под его командованием шоссе, рельсы вырывались с корнем (трамвайные

тоже). Железнодорожные компании выкупались и распродавались как металлолом вместе с поездами. Рубили безжалостно лес.

Появились первые субурбические поселения. Впервые в истории человечества был нарушен непреходящий социальный закон – распределение населения города и деревни по профессиям. В городе живут представители городских профессий, а в деревне живут фермеры. Теперь, с благословения Форда и Моузеса, городскому жителю предлагалось «убежать от городской толчеи и шума», от загазованности, от дыма, от суеты – «на природу», с которой одновременно боролись. Стали строиться первые субурбические дома и поселки – нового, невиданного типа. Улицы в них делались непомерно широкими, рассчитанными на передвижение на большой скорости на четырех колесах, и совершенно не рассчитанными на передвижение пешком. Деревенские дома должны сочетаться с природой и с психологией человека. До Моузеса по всему миру люди об этом прекрасно знали, и фасады на деревенской улице ставили друг напротив друга на таком расстоянии, чтобы было уютно, и чтобы все чувствовали себя соседями. В субурбии такое невозможно – субурбия признает только шоссе и автомобиль. Дома через улицу нужно в бинокль разглядывать.

(Помню, ездил я на какие-то совершенно безумные курсы в Северную Каролину, в город Ралей. Компания, на которую я тогда работал, устроила мне номер в отеле – на окраине, естественно. Приехал я на такси из аэропорта, поздно, голодный. Спросил у девушки за конторкой – где тут чего открыто, помимо отеля, где можно пожрать. Она сказала – есть несколько заведений «через улицу, напротив». Улица оказалась – шоссе с развязками, и маршрут для пешехода, *БЕЗ ТРОТУАРА*, по индустриальному бетону и грязи, по чахлой траве, путь растянулся на полторы мили! Поскольку в субурбии через улицу не ходят, а переезжают на драндулете, и девушка эта сама *НИКОГДА* не ходила «через» эту улицу «напротив»).

Появились типовые дома без учета региональных особенностей – на севере, в морозных Дакотах и Миннесоте, и на юге, в жарких Техасе и Луизиане, жилища строились из одинаковых материалов, с одинаковой толщиной стен. Нефть стоила дешево, поэтому никто не обращал внимания на то, что стенки этих домов слишком тонки для севера – сколько надо, столько и будем топить – а на юге дома плохо продуваются из-за стандартного расположения окон и дверей – вскоре изобрели кондиционер. Субурбия разрасталась. Выкупались и рушились фермы, снабжающие города продовольствием – с помощью дешевой нефти (Америка лидировала по добыче на своей

территории) продовольствие стало легко доставлять из любой точки континента. Широкие унылые полосы асфальтовых и бетонных дорог начали наползать на всю страну. Старые поселки, исторические маленькие городки, неповторимое (с тех пор полностью исчезнувшее) колониальное барокко, – сносились безжалостно, их заменяли стандартные, с непомерно широкими, унылыми улицами, субурбические поселения с прямоугольными газонами, все на одно лицо, все скучные. Улицы без тротуаров. Средний класс, из тех, кто побогаче, потянулся в эти поселения из городов, субурбия крепла, понадобились электростанции, водонапорные башни, и так далее – субурбия окружала себя индустриальным ландшафтом.

Да, мир хотел Роберта Моузеса. Поскольку по примеру Нью-Йорка, остальные города Америки тоже стали расползаться в субурбию (Западная Европа *ТОЖЕ* очень хотела, но у Европы было намного меньше своей нефти). В центрах городов оставалось только бедное, часто преступное, население, которое жгло дома, в которых обиталось. Исчез с американской земли город Детройт – старая часть пришла в негодность, ее никто не думал восстанавливать, остались прямоугольные фабрики, трущобы, и шоссе над всем этим, на эстакадах. Старый Бостон насквозь прорезало скоростное шоссе. Несколько витков и разделительных щупалец шоссе охватили и накрыли Новый Орлеан. Все это способствовало спешной постройке прямоугольных, «функциональных» зданий.

Но масштаб был все еще не тот. Все это можно было безболезненно обратить вспять. (Никто, правда, не хотел этого делать, напротив, все радовались достижениям «прогресса»). Великая Депрессия приостановилась, вышла «из голов». В Германии у власти был Гитлер, и прогрессивная американская пресса осторожно, но очень упорно, похваливала его прогрессивную политику. Считалось, что он хороший лидер, и что его следует поддерживать. Вывешенный в окно флаг со свастикой был обычным делом в Америке – типа, такой курьез. Туристы ездили и привозили, да и в Америке их делали. Мировоззрение Гитлера подозрительно напоминало мировоззрение Моузеса. Идеалом для Германии Гитлер объявил частный дом для каждой семьи с фольксвагеном на пригаражном подъезде. Есть свидетельства, что Гитлер очень любил музыку Вагнера и дружил с его потомками. С потомками может и дружил. А вот с музыкой не очень. Не вяжется музыка автора «Лоэнгрина» с домиком и фольксвагеном. Не та лига. Не те масштабы. Не те вкусы.

К Моузесу мы еще вернемся. Влияние свое он потерял – но, к сожалению, только в шестидесятые годы. Умер он в 1981-м

году, в возрасте девяносто трех лет, в здравом уме. За всю свою долгую жизнь он так и не научился водить автомобиль.

Глава двенадцатая. Падение журнализма

Точной даты назвать нельзя.

Первая Поправка Американской Конституции, она же первая статья Билля о Правах, гласит —

«Конгресс не имеет права создавать законы, касающиеся религии или запрещающие свободное вероисповедание; или ущемляющие свободу слова, или прессы; или право народа собираться в мирных целях и составлять петиции Правительству, дабы оно рассмотрело жалобы».

Тогда, во время принятия этой поправки, в конце восемнадцатого века, еще не догадались – не могли догадаться шпагоносящие рыцари Джефферсон, Мэдисон и Хамилтон, что ущемлять свободу прессы можно без всякого Конгресса. Им казалось, что Конгресс никогда и ни с кем властью не поделиться. Им казалось, что для того, чтобы что-то в Америке запретить, нужен закон. Запрещение казалось им наивысшим проявлением законодательного зла.

Они не предвидели, что в двадцатом веке запрещения выйдут из моды, станут непопулярны. Что человечество найдет себе другие способы развлекаться. Что бюрократизировавшиеся правительства мира окажутся не в состоянии поддерживать должный уровень гражданских свобод.

Были, конечно, исключения. И Сталин, и Гитлер старомодно запрещали до тех пор, пока запрещать стало нечего.

Американский журнализм в девятнадцатом веке умел развлечь публику. Собственно, любой журнализм умел (вспомните скандальные события, неуемных Гюго и Золя, и прочее). Но у американцев получалось лучше – скандальнее, сенсационнее.

У Марка Твена есть рассказ, в котором автор приезжает в городок в Теннесси (это на Юге), чтобы заступить на должность заместителя редактора местной газеты. Справившись о местных новостях, он приносит образец своего журнализма главному редактору, и тот исправляет принесенное, а то скучно. Исправленный вариант выглядит так —

«Закоренелые вруны из Полуеженедельного Землетрясения совершенно очевидно пытаются навязать благородному и щедрому населению еще одну грязную и наглую ложь – в этот раз по поводу этой славнейшей концепции девятнадцатого столетия – железной дороги Дурнолошадника.

Мнение, что Стервятникова Деревня должна была остаться в стороне от прокладываемой дороги, родилось в их собственных

дурных мозгах, вернее, в том помете, который они называют своими мозгами. Им следовало бы взять эту ложь назад и съесть ее, если они хотят, чтобы их бренные подлые шкуры не выпороли, как они заслуживают.

Этот осел Блоссом, из хиггинсвилльского Молния и Боевой Клич Свободы, опять прибыл к нам и попрошайничает в баре Ван Берен.

Мы заметили, что гнусный проходимец из грязеручьевской газеты Утренний Вой, распускает слухи, подчиняясь своей обычной склонности к вранью, что Ван Вертер не будет избран. Высокая миссия журнализма состоит в сеянии правды, в исправлении ошибок, а также в образовании, улучшении и возвышении тона общественной морали и манер, дабы все люди стали добрее, благодетельнее, щедрее и лучше во всех смыслах, и святее, и счастливее. А тем временем этот подлец с черным сердцем упрямо оскверняет наш священный долг сеянием лжи, клеветы, брани и вульгарности.

Треплоселение хочет мостить свои дороги – лучше бы они себе построили тюрьму и приют для неимущих. Вообразите – мощеные улицы в этой дыре, состоящей из двух пивных, кузни, и горчичника, который они называют газетой – Ежедневное Ура. Это насекомое ползучее, Бакнер, редактирующий Ура, ревет ослом по поводу мощения дорог с обычной своей тупостью, воображая, что говорит разумные вещи».

Это преувеличение, конечно же. Но – очень показательно.

Падение журнализма свершилось приблизительно в тридцатые годы двадцатого века. И от Конгресса (законодательной власти) и от Белого Дома (исполнительной власти) оно никак не зависело.

А зависело все от решений, принимаемых вовсе не на «высшем уровне».

Есть в Америке старая классическая детская считалка (в оригинале в рифму) —

Ини-мини-майни-моу,
Поймай тигра за палец ноги,
Если он заорет – отпусти его,
Ини-мини-майни-моу,
Мама мне сказала выбрать лучшего,
И он – не ты.

Понятно, что у тигров нет пальцев на ногах, поскольку нет ног, но есть лапы. Тигр прибежал в эту считалку, дабы заместить присутствовавшего там до окончательной победы равноправия

ниггера. Но это в данном случае не важно.

Судя по абсурдности некоторых решений, принимаемых правителями, странами, предприятиями, Нобелевским Комитетом, сторожами склада шин в Покипси, и так далее – люди, когда их ставят перед необходимостью сделать выбор, пользуются именно этой считалкой – всю историю человечества.

Некогда свободная и независимая пресса, вместо того, чтобы ориентироваться собственно на интересы читателей, сделала ставку на рекламодателя, и рекламодателю это понравилось.

Следовало тут же издать, кстати говоря, федеральный закон, запрещающий под страхом наказания печатать в газете *ЧТО-ЛИБО* за деньги, взимаемые с тех, чей материал печатается. Поскольку во всех других отраслях человеческой деятельности деньги, уплаченные за продвижение конкретных интересов в ущерб другим интересам называются – взятка.

С тех пор, как это случилось, пресса в Америке (и всех других странах, вне зависимости от режима) существует исключительно за счет взяток, получаемых от рекламодателя. С появлением других средств массовой информации (Первая Поправка не предвидела появления радио и телевидения) положение не исправилось – все СМИ живут сегодня только на взятки. Абсурдно низкие цены на газеты красноречиво об этом говорят. Либерально-диссидентский (!!) якобы еженедельник Вилледж Войс, известный своим фрондерством и, как все диссидентствующие издания, атеизмом гораздо худшим, гораздо более наглым, чем обычная пресса, недавно сделался *БЕСПЛАТНЫМ*. Лежит себе в специальных таких тумбах-ящиках с дверцей. На улицах. Открывай и бери экземпляр.

Есть, правда, в Америке закон о ложной рекламе. Если ты купил рекламируемый товар, а он оказался вовсе не тем, что в рекламе было сказано, ты имеешь право подать в суд на производителя. В случае удачного для истца исхода дела и в зависимости от требований и убытков, суд может заставить завравшегося рекламно производителя —

возместить денежные убытки (т. е. вернуть плату за товар, плюс, если речь идет о значительной сумме, побочные расходы – поездка за товаром, перевозка, и так далее)

возместить сопутствующие убытки, буде таковые сделались из-за свойств товара, не указанных в рекламе. Ну, например, вы купили себе моющее средство для ванны, а оно, средство, прожгло в ванне дырку – производителя обяжут оплатить покупку и установку новой ванны

возместить моральные убытки (человек хотел подарить девушке флакон духов, а ему продали флакон бензина,

и с огорчения он третий месяц пьет запоем, потерял работу, девушка его бросила, душиться бензином не желает, артачится

В случае особой злостности ущерба (кто-то умер или стал увечным) против производителя можно завести уголовное дело.

Можно, конечно же, обставить дело так, что не подберешься, поскольку в век повального атеизма уважают не дух закона, но букву. Ну, например, дается в газете объявление – «Покупайте Секс в Бутылке! Семь долларов и два за пересылку». И все. Заказчик получает в посылке бутылку из-под пива, в ней бумажка, на бумажке готическим шрифтом написано «секс». Прицепиться не к чему. Что обещано, то и доставлено.

Закон этот (о липовой рекламе) по логике очень подходит любому периодическому изданию. Поскольку газеты и журналы обещают читателям честное и объективное освещение новостей политики, биржи, искусства, спорта, и телевидения, а дают известно что. Подходить-то подходит, но не может быть применим – как и в случае с сексом в бутылке.

Рекламодатель, дающий прессе взятку – это не кустарь-сапожник какой-нибудь с Ладлоу Стрит, не уличный певец, не предприниматель-одиночка. С того времени, как антитрестовские законы перестали действовать, главным рекламодателем, дающим взятки, сделались корпорации. И цены на газетную рекламу взлетели настолько, что если вы частный антрепренер, вам и думать нечего соваться в газету, рекламу давать. Одноразовая реклама на пол-листа в любой из широкопродающихся газет будет стоить столько же, сколько все ваши остальные капиталовложения в рекламируемый товар, вместе взятые. Конкурировать с корпорациями по части давания взяток невозможно. Вообще.

Нет, можно, конечно, воспользоваться малыми изданиями – никаких *ЗАПРЕТОВ* нет, естественно. Но о ежедневной, и о еженедельной, периодике следует забыть. Можете дать объявление в размере двух квадратных дюймов. Долларов за пятьсот. На один день. Это сегодня. Соответственно стоило в тридцатых годах, если пересчитать и сделать скидку на зарплаты, товары, и инфляцию. Реклама на развороте стоит многие тысячи. И это не все. Газета может отказать рекламодателю-частнику, если он желает поместить единоразовую рекламу. Газеты предпочитают долгосрочные контракты и не любят, когда кустари занимают место, которое можно продать выгоднее.

У дающего взятку прессе рекламодателя-корпорации есть своя команда, занимающаяся рекламой. Собираются две дюжины бюрократов и думают, в какую газету чего дать. Смотрят, какой

у газеты тираж.

И вот какая-то газета вдруг обнаруживает, что тираж у нее скромный, и поэтому Сирз или там Белл Атлантик (в тридцатых годах) что-то не дают ей, газете, взятку! Нужно увеличить тираж. Собирается совет редакции.

– Дают взятки следующие компании, – говорит издатель. – Аукцион Кристи, Зеленая Тропа, разводная фирма Кац, Розенфелд и Шапиро, Ливай Страус, Тимберланд. А Форд, Дженерал Моторз, Дженерал Электрик, Метрополитан Опера и Делта Эйрлайнз нас в упор не видят. Что нужно сделать для увеличения тиража, дабы они нами заинтересовались?

– Нужно вернуть тех читателей, которые перестали нас читать после статьи Х. Н. Уолтерза. В ней он одновременно обидел любителей кастрированных котов, старых дев, и Дженерал Моторз.

– Так и сделаем.

Уолтерза с помпой увольняют. Обиженные читатели возвращаются. Правда, уходят те читатели, которые читали газету собственно из-за статей Уолтерза, но их мало – обычный двухпроцентный пассионарный контингент.

Известно, что основная масса читателей газет делится обычно на две, примерно равные, части, а именно – те, кто за, и те, кто против. Не важно, чего именно, но, в основном, каких-то устремлений властьимущих.

Традиционно властьимущие в Америке разделены на Демократов и Республиканцев. Существует еще партий двадцать, но они большой роли не играют. Газета не может рассчитывать угодить одновременно и про-Демократам, и про-Республиканцам. Поскольку большинство верит вместо Бога в идеологию, во всяком случае большинство тех, кто покупает газеты, считается, что Демократы стоят за права меньшинств и помощь бедным, а Республиканцы против всего этого, и против гомосексуалистов, и за сильную Америку. На самом деле все это, конечно же, ерунда, но так считается. Поэтому тот, кто сердцем Демократ, хочет читать о том, какие гады Республиканцы, и наоборот, убежденный Республиканец ненавидит либеральных Демократов. Посему после увольнения Уолтерза газета должна определить – кто нас читает? Демократы или Республиканцы? После чего уволить всех сотрудников, пишущих про-Республиканские (или про-Демократические) статьи, и нанять новых, пишущих то, что нужно.

Затем следует постараться не обидеть меньшинства, поскольку они подают иски, а иски отпугивают рекламодателя, дающего взятки. Не обидеть никого по религиозному признаку.

По этническому или расовому признаку (исключение составляют мексиканцы и поляки, иногда ирландцы). Текстовое наполнение становится все беззубее и беззубее.

И тираж ползет вверх.

Но, позвольте, скажете вы. Плохо это или хорошо – дело десятое, но ведь цель издания как раз и есть – сделать тираж максимальным? Ведь это и есть – прибыль?

Нет, вы не поняли, либо я плохо объяснил. Прибыль – от взяток рекламодателей. От тиража – только убыток. Тираж нужно печатать, доставлять на места, и так далее. Сотрудники, журналисты, репортеры, фотографы – все это стоит неимоверных денег! А рекламодатели просто приходят и приносят чек.

Нет, нет, скажете вы, мы не об этом. Все равно ведь – чем больше тираж, тем популярнее газета, не так ли? Если газета продается (шестьсот тысяч экземпляров, полтора миллиона экземпляров) – значит, читать ее интересно тем, кто покупает!

Не смешите меня, скажу я. Покупать-то покупают. А читать – это вряд ли. Ну, заголовки прочтут, ну по четверти одной статьи из каждой секции в лучшем случае. Фотографии порассматривают. А чтобы читать подряд – это нет.

Но зачем же покупают тогда?

А потому что дешево.

Нью-Йорк Таймз, традиционно либерально-розовая, бывшая прокоммунистическая (в городе Нью-Йорке про-Демократы заодно еще и немножко коммунисты, особенно те, кто с достатком) стоит доллар. Дейли-Ньюз – пятьдесят центов. Нью-Йорк Поуст – двадцать пять центов по будним дням. Это не деньги.

Но это, наверное, хорошо?

А как сказать.

Я скажу так.

Для того, чтобы газете жить только за счет тиражей, без рекламных взяток-вливаний, т. е. продавать собственно себя, свои тексты, оплачивать штат сотрудников, типографию, бухгалтерию, контору, доставку и почту, и при этом не терпеть убытки, каждый экземпляр газеты должен в розничной продаже стоить от семи до двенадцати долларов. И ее уже, такую, не купит полмиллиона человек! Чтобы такую газету покупали, она должна содержать *ОЧЕНЬ* интересную информацию. То есть, печатать статьи без оглядки на того, кого они могут обидеть. Таких газет сегодня в мире нет. А копеечные газеты ничего, кроме копеечной информации и рекламы содержать не могут.

Крах журналистики наступил, по приблизительным данным, в тридцатых годах. И если газетная индустрия хотя бы

НАЧИНАЛАСЬ по-другому, телевидение, в пятидесятых, начало со взяток от рекламодателей *СРАЗУ*. Здесь мне возразят, лукаво подмигивая – не везде. Вот, к примеру, в Советском Союзе рекламодатели взяток телевикам не давали – поскольку не было рекламодателей.

Это, конечно же, тоже ошибка. Рекламодатель в СССР был. С той разницей, что был он один, и газеты он содержал за свой счет, не заботясь о читаемости и прибылях. Все корпорации имеют так называемые ньюз-леттер, листок-переодику, выпускаемую в честь корпорации, в котором расхваливаются достижения корпорации и подаются новости, каким-то образом влияющие на корпорацию – всегда в лестном для корпорации ключе. Все это пишется суконным языком и, естественно, корпорация не заинтересована в том, чтобы листок приносил прибыль как *ИЗДАНИЕ*. Вся советская пресса как раз и состояла из таких листков.

По совершеннейшему недоразумению, французская пресса тридцатых годов (и сегодняшняя тоже) брала взятки не только у корпораций, но и у правительства. По традиции, правительство Франции действует, как одна из наиболее могущественных корпораций.

В Германии в тридцатых годах пресса перешла под контроль главной корпорации – правительства.

Одновременно (в основном синематографом) создавался миф о бесстрашных репортерах, которые готовы идти в огонь и в воду в погоне за сенсацией. В это очень верили аж до недавнего времени. Сегодня миф изменил окраску. Считается, что репортеры все – просто сволочи и негодяи, им бы только кого-нибудь обругать и облить грязью.

Все это, естественно, не так.

Многие репортеры сегодня – профессионалы очень высокого класса, и работа таких профессионалов оплачивается очень хорошо. Каждая газета имеет одного-двух, по крайней мере.

Сенсационный материал газете может предоставить кто угодно. Для этого профессионализм не нужен. Сенсация оправдает любые дилетантские недочеты. Сенсацию не нужно долго искать – мир сенсациями полон.

Профессионализм репортеров состоит в их умении отобрать из потока незначительных и скучных событий какую-нибудь глупость и представить ее таким образом, чтобы все поверили (за двадцать пять центов, поскольку за семь долларов не поверят), что это сенсация – и при этом никого не обидеть.

Но это невозможно, скажете вы. За семь или двенадцать

долларов газету никто не купит. Новости, которые стоят таких денег, не случаются *КАЖДЫЙ ДЕНЬ*.

Правильно. Поэтому ежедневные газеты – вообще абсурд. Еженедельного обозрения вполне достаточно – с элементарной экономической точки зрения, по всем законам частного предпринимательства. И оно, еженедельное, вполне может себя окупать. То же самое относится к телевидению, кстати говоря. Если бы телевидение перешло бы на хозрасчет, не было бы пятисот каналов, по которым нечего смотреть, и двадцатичетырехчасовой трансляции.

А если я проснулся в три часа ночи и желаю посмотреть что-нибудь по телику?

А у тебя видео-плейера нет, что ли?

А если случается какое-то событие посредине недели, как его осветить журналистам?

Очень просто. Это называется – экстренный выпуск. Почтенное, древнее понятие.

В общем, в тридцатых годах пресса не то, чтобы потеряла – продала за взятки свою независимость.

Глава тринадцатая. Воздушные корабли

Переход через Атлантику интригует человечество со времен Колумба. Можно сколько угодно шляться и ездить по земле, плавать по морям, рекам и озерам, но в чисто психологическом смысле Атлантика – это то, для чего существует кораблестроение и воздухоплавание. Разделенная океаном цивилизация поддерживает внутреннюю связь.

Казалось бы – почему? Две периферийные империи в наше время разделяет лишь Берингов Пролив, не так ли – вот и связь?

Нет.

А потому что —

Центральная ось цивилизации – это все-таки Лондон-Париж-Берлин-Рим. Ну что? А то, что объекты на восток от Урала в цивилизацию не входят. Все эти искусственные русские форпосты расположены в основном там, где человеку вообще жить не положено. Туда редко приезжают на поселение по собственному желанию. Зауральским буфером – мерзлой Сибирью – цивилизация защищается от Востока. Исключение составляет город Владивосток, но, взглянув на карту, поражаешься, как его до сих пор удалось удержать. Любое ослабление военных мощностей в любой момент может привести к тому, что окружающие этот форпост восточные люди просто придут туда – без оружия – в достаточном количестве, чтобы цивилизованное население почувствовало себя неуютно и с тоской воззрилось бы в сторону – сказать Урала нельзя, поскольку по прямой из Владивостока к Уралу путь лежит через Китай.

Атлантика же – это наше, цивилизованное. Востоку там делать нечего, он туда и не суется особенно.

Моряки восемнадцатого века пришли бы в ужас, увидев, на чем *НА САМОМ ДЕЛЕ* их вдохновитель Христофор Колумб переплыл Атлантику. Отчаянная рухлядь.

В начале девятнадцатого века начался расцвет клиперов – изящных, длинных, с высокими мачтами, краса и гордость тогдашнего американского флота. Клиппер очень сильно подвержен качке, но Атлантику преодолевал за две недели вместо колумбовых шести. На смену клиперу пришли гибриды – паровики с парусами.

На этом следовало остановиться и совершенствовать конструкцию. Три тысячи миль такой парусник-паровик преодолевал за вполне приличные пять-шесть дней. Но, как и в случае со шмен-де-фер, сказалось увлечение человечества

большими скоростями, и связь между Европой и Америкой постепенно превратилась в аттракцион. Деревянные палубы заменили железом. Уголь был дешев. Переход сократился с шести дней до четырех. Ни в духовном, ни в практическом смысле это не принесло никому никакой пользы. На этом не остановились – нужно было «победить» природу. В 1911-м году в ливерпульском порту ждал сигнала к отправлению «непотопляемый» лайнер. Лайнер, который не мог утонуть. Вообще. А ведь совсем недавно, семьдесят лет назад, опера Рихарда Вагнера «Летучий Голландец» предупредила человечество о вреде чрезмерной заносчивости. Капитан корабля в этой опере бросил вызов одновременно Богу и дьяволу. Мол, настолько я умел и сметлив, а посудина моя настолько хороша да устойчива, что ничего мне не страшно – я непотопляем и неостановим. Бог, по задумке, просто пожал плечами, а дьявол обиделся и заставил капитана скитаться по морям лет семьсот, позволяя раз в столетие причалить на три дня. Но мы ведь, как произошедшие от обезьяны, в сказки не верим. Поди расскажи обезьяне сказку. И непотопляемый лайнер благополучно затонул на первом же переходе, в районе Ньюфаундленда. При этом во время самоспасательной операции потомки обезьяны вели себя так подло, трусливо, глупо и противно, что никакие фильмы на эту тему позор человечества не скроют. Началось выживание точно по Дарвину, как положено. Мужчин спаслось чуть ли не втрое больше женщин. Поскольку мужчины сильнее физически. За спасательные жилеты дрались и убивали. Были, конечно, и случаи героизма и жертвенности, но так мало их было, что пришлось впоследствии их додумывать, дополнительные. И только музыканты – вечно ворчащая, но всегда носящая в себе свет духовности, богема – вели себя достойно. Оркестрантам Титаника капитан дал приказ – играть на палубе, да повеселее, *ДО КОНЦА*. И они играли. Их было восемь человек. Интеллектуальные алгебраические изыски не годились – в ход пошли Легар и, конечно же, Оффенбах. На палубе тонущего лайнера зазвучал в полную силу канкан. Музыканты прекрасно понимали, что если играть *ДО КОНЦА*, то жилетов и мест в спасательных шлюпках им не хватит. Поскольку лайнер был непотопляемый, шлюпок было в пять раз меньше чем нужно. Но они играли, и играли вдохновенно. И только когда палуба накренилась так, что невозможно стало удерживать некоторые из инструментов, музыканты умолкли, положили смычки, кларнеты и трубы, церемонно встали, оправили фраки, и в гуще паники, трусости, подлости, позора, срама, истошных криков – зазвучала много раз повторенная спокойная фраза —

Для меня было честью играть с вами в этот вечер.

Музыканты пожимали друг другу руки.

И что же, убедило это человечество хоть в чем-нибудь? Рекорд скорости пересечения Атлантики по воде был установлен. Может хотя бы после этого следовало озаботиться эффективностью транспортных средств? Не озаботились. Вместо этого в моду вошла расточительность. Совсем недавно, год или два назад, с заводского ковша в Англии сошел лайнер Королева Мэри Два. Размеры – эдак десять нью-йоркских кварталов в длину, и как десятиэтажный дом в высоту. Две с половиной тысячи (что ли) пассажиров, почти столько же – команды. Капитан *ХВАСТАЛСЯ* невиданным расходом топлива. Оказывается, эта гора бесполезного металла тратит галлон горючего, чтобы пройти четырнадцать дюймов – ежели на полном ходу в спокойной воде. На старте и при замедлении, и в шторм, конечно же больше. Четырнадцать дюймов – это длина, ну, приблизительно, ботинка сорок пятого размера. Галлон – три с половиной литра. Я сделал несколько простых подсчетов.

Оказывается, один переход этого бронекорыта через Атлантику съедает столько топлива, сколько съедает *ВСЁ* автомобильное и грузовое движение – в Нью-Йорке за три дня … в Париже за четыре-пять … в Москве за пять-семь…

Это городское поглощение бензина – безусловно, преступление (вспомним слова Дмитрия Менделеева). Но посудина – символ. Как вершина айсберга, говорящая о чудовищности цены, которую цивилизованное эволюционирующее человечество платит за свои аттракционы.

Но переключимся на воздухоплавание.

В восемнадцатом веке некто Монгольфьер, веселый французский дворянин, придумал такую штуку. Берем много брезента, обмазываем его чем-нибудь, чтобы воздух не пропускал, делаем из брезента огромный шар с одним отверстием. К отверстию приспосабливаем горелку. Огонь нагревает воздух в шаре, а поскольку теплый воздух легче холодного, и, таким образом, меньше подвержен влиянию гравитации, шар поднимается вверх. Снизу приделывается гондола. Садимся и летим вверх. Очень высоко. Выше гор.

Как средство передвижения воздушный шар, конечно, же, не стоил затрат. Ну, можно ловить воздушные течения и следовать им, то поднимаясь выше, то опускаясь. Но глупо. Полтора столетия воздушные шары были откровенным аттракционом, а аттракциону место – в луна-парке. Именно там ими в основном и пользовались (типа). Хотите полетать, аки птички небесные, бесплатно поющие? За определенную мзду – извольте.

Но вот появился двигатель внутреннего уничтожения нефтепродуктов, и полторы декады спустя братья Райт взлетели и полетели – на аппарате, который, в отличие от шара, был тяжелее воздуха. Понравилось. А передвигались эти этажерки не то, чтобы намного быстрее поездов. Но все равно понравилось. Кайф!

Тут же, конечно, подсуетилась мысль военная – с самолетов удобно сбрасывать бомбы. И скорости стали расти.

Казалось бы – увлечение скоростями не позволит никому и ничему с самолетами конкурировать. Они летали все быстрее. А то, что баком керосина можно две недели улицу освещать или дом отапливать – никого не волновало.

И все-таки конкуренция появилась.

Изобрели дирижабль, и совершенствовали его до самого конца тридцатых годов.

Первые попытки построить что-то дельное в этом плане делались еще в восемнадцатом веке. Воздушный шар с пропеллером на ручной тяге, например. Затем, в середине девятнадцатого века, Анри Гифар пролетел двадцать семь километров на дирижабле с паровым двигателем.

Немецкая фирма графа фон Цеппелина стала выпускать цеппелины массово в Бель Эпокь. Затем, во время Первой Мировой, много дирижаблей рухнуло, англичане и американцы некоторые из них собрали и скопировали. И начали строить, в основном в военных целях. Пассажирские же дирижабли почему-то строила в основном нацистская Германия при Гитлере.

Преимущества дирижабля перед всеми остальными воздушными средствами передвижения совершенно очевидны. В дирижабль закачивается водород или гелий. И дирижабль поднимается в воздух и там удерживается, *НЕ ТРАТЯ БОЛЬШЕ НА ЭТО НИКАКОЙ ЭНЕРГИИ*. Вообще. Висит себе и висит, и кушать не просит.

Нужно привести его в движение – опять выгода, на этот раз перед кораблем. И даже перед поездом. Дирижаблю нужно преодолевать *ТОЛЬКО* сопротивление воздуха. Нет сопротивления воды, как у корабля. Нет лишнего веса для устойчивости, и нет трения, как у поезда.

Правда, есть ветер, а ветер там, наверху – серьезный. Но, во-первых, не постоянный. Во-вторых, иногда попутный. И в третьих, опытному пилоту положено знать, где какие ветры есть и по возможности самые беспокойные пространства обходить.

Трансатлантический цеппелин Хинденбург имел четыре мотора, продолговатое тело, и гондолу, вделанную внутрь тела. Размером он был раза в три больше сегодняшнего Боинга,

но весил намного меньше. Пассажиров – пятьдесят человек. Команды – шестьдесят (это, конечно же, свинство – понятно, что большинство команды просто работало лакеями и являлось лишним грузом).

Просуществовал этот, самый известный, цеппелин около года, сделал около семнадцати перелетов через Атлантику в оба конца – из Германии в Нью-Йорк и в Рио. В гондоле наличествовали спальные купе, общие гостиные, концертный рояль, ресторан, курительная комната, и так далее. Максимальная скорость – сто тридцать четыре километра в час.

В роковой для воздушных кораблей день цеппелин с названием Хинденбург, уже перемахнувший Атлантику, пошел на юг вдоль Восточного Побережья. По радио сообщили, что над посадочным полем в Нью-Джерзи разразился шторм. Тогда пилот повел корабль южнее и некоторое время кружился над Пенсильванией. Но вот шторм прекратился. Корабль прибыл в Нью-Джерзи, приблизился к шесту, за который должен был зацепиться для остановки, и взорвался.

Теорий по поводу того, что могло послужить причиной взрыва, появилось множество. Самая популярная – бомба. Затем выдвигались предположения, что будь цеппелин наполнен не водородом, но менее взрывчатым гелием, все бы обошлось. Против гелия были американские правительственные бюрократы, заведующие воздухоплаванием и установившие стандарты. Все это не имеет решительно никакого значения. После инцидента, человечество отказалось от дальнейшего развития и коммерческого использования цеппелинов.

Вместо них небо нынче кишит неуклюжими железными корытами, до отказа напичканными керосином – летающими бензобаками, с топливом даже в крыльях и в хвосте. Конструкция современного реактивного самолета настолько безбожно примитивна, настолько варварски плохо рассчитана, а перерасход топлива настолько чудовищен, что остается только удивляться наглости политиков, ученых, и просто рядовых граждан, рассуждающих о «прогрессе». Конструкция летающего корыта не меняется уже полвека.

Любая неисправность в элементарной, казалось бы, системе грозит немедленной катастрофой – многотонные корыта не могут из-за своей тяжести планировать, не могут в случае неисправности зависнуть в воздухе, не могут мягко приземлиться. Для взлета и посадки им требуются длинные полосы. Пассажиры и команда корыт не обеспечиваются парашютами, поскольку в корыте *МАЛО ДВЕРЕЙ*, всем не успеть выпрыгнуть. Самое смешное – на этих жутких корытах каждый год – каждый год,

читатель – летают умные дяди в очках и без, дабы получить Нобелевскую Премию по физике. Ученый без чувства юмора не может быть человеком творческим. Какие такие великие открытия или изобретения, заслуживающие Нобелевской – или любой другой – премии были сделаны за последние полвека?

Но, возразят мне, физика существует вовсе не для того, чтобы модифицировать транспортные средства, вне зависимости от того, нравятся они тебе в их сегодняшнем виде или нет.

Ага, скажу я. А для чего же?

Глава четырнадцатая. Драка с препятствиями

А тем временем…

Еще до взрыва Хинденбурга, в 1936-м году, прошла в Мюнхене (такой город в Баварии) Олимпиада. Спортсмены всех стран съехались, чтобы показать свое спортивное умение администрации Гитлера. По огромному стадиону промаршировали национальные команды, каждая с флагом. Проходя мимо трибуны, каждый флагоносец приопускал флаг в знак приветствия, а Гитлер делал ручкой.

А американцы флаг не приопустили.

Гитлер было решил, что это знак неуважения. Он вообще был, как многие диктаторы, из обидчивых.

В 1923-м году издан был так называемый «Кодекс Флага Соединенных Штатов». Законом для Армии и Флота кодекс этот стал в 1942-м году. Первый пункт кодекса гласит —

Флаг не должен быть опускаем (на древке) в честь кого-нибудь или чего-нибудь, кроме как в случае ответа на салют с иностранного судна

Поскольку Гитлер не был иностранным судном, флаг не опустили.

За несколько лет до этого, в самом начале тридцатых годов, началось восстание арабов в Палестине против Британского Мандата. Восстание длилось до самого вступления Британии во Вторую Мировую Войну.

Вторая Мировая началась через год после Олимпиады, только об этом никто еще не знал. Маленькая, но очень суровая Япония атаковала Китай. И с ним всю Азию. И даже России умудрилась объявить войну, и выстрелами обменялись, но затем Иосиф Сталин каким-то образом умудрился заключить с императором *ПЕРЕМИРИЕ* (не мир) – чтобы не воевать в самом скором времени на два фронта.

Марлен Дитрих, киноактриса с низким, бархатным голосом, которую так любил Гитлер, снялась в нескольких голливудских фильмах, не маскируя немецкий акцент, и решила в Германию не возвращаться. Гитлер погоревал, но вскоре Геббельс нашел ей замену – Зару Леандр, актрису и профессиональную (в отличие от Дитрих) певицу, женщину, о которой с тех пор сложили много легенд. По самой интересной версии, она получила от правительства статус почетной арийки, сводивший на нет ее еврейское происхождение. В течении периода преследования

евреев Гитлером, она спасала, кого и как могла. Уже в восьмидесятых (кажется) годах двадцатого века открылось, что вовсе она не еврейка была. А еврейкой заделалась именно для двусмысленной конспиративности.

Геббельс, меж тем, обладал неплохим для атеиста вкусом и безошибочно вытаскивал из богемной шушеры таланты, которых заставлял работать на себя. Снято было множество блистательных фильмов – на сколько кинематограф вообще может быть блистательным – составивших конкуренцию голливудской «фабрике грез». Все эти фильмы работали так или иначе на пропаганду. Особенно умилительным был фильм об ирландском сопротивлении английскому владычеству.

И играла по всему миру музыка. Танцы тридцатых годов, включая модернизированное, очень элегантное танго, отличались необыкновенной красотой.

Потом была Кристальная Ночь в Германии. Это, стало быть, правительство отдало приказ бить всех евреев без разбору.

За что обиделся на евреев Гитлер? Об этом сказано и написано много, в том числе им самим. И все это якобы сложно и запутанно. На самом деле все гораздо проще. Он попросил у евреев денег. А ему не дали!

Те, кто действительно мог дать, к тому времени уже покинули страну, в основном. Как водится, под раздачу попали остальные – которым особенно *ДАВАТЬ* было нечего.

Началось неимоверное свинство по всему миру. Корабли с еврейскими беженцами плыли во всех направлениях кроме, разве что, Советского Союза (беженцы, даже красные и розовые, когда дело доходило до собственно спасения жизней, как-то не очень жаловали страну-идеал в этом плане, не без причин). Никакие страны не хотели их к себе принимать. Даже Америка, не желавшая портить и так напряженные отношения с Гитлером. Уж ту тысячу душ, прибывшую к берегам Флориды – могли бы не разворачивать назад? (Все впоследствии погибли в концлагерях). Даже Англия и Франция.

Тому есть, возможно, несколько важных и веских причин.

Так или иначе, но сегодняшний цивилизованный мир, обвиняющий Германию в садизме и Холокосте, как-то не слишком часто упоминает о роли остальных стран в этом деле. Поскольку виноватых нашли, *МЫ*, естественно, негодуем. Вот они какие сволочи, эти немцы.

Ученик Артуро Тосканини, Георг Шолти, только начинал карьеру – и приехал в родной Будапешт дирижировать «Женитьбой Фигаро». Сыграли первый акт. Шолти вышел покурить, а когда вернулся, обнаружил, что зал пуст.

Что, так плохо? – удивился Шолти.

Нет, – сказали ему. – Аншлюс.

Кабинет Гитлера испытывал силы на малом – присоединил сперва Австрию. Вход немецких войск в Чехословакию никого ни в чем не убедил. Но по поводу Польши заволновалась Англия, и заволновалась серьезно. Тогда ее стали бомбить.

Первые бомбардировки Лондона были чудовищны и перепугали англичан дико. Жертв было немерянно. Собственно, это была совершенно новая тактика – бомбежка городов с воздуха. Это сподвигло избранного премьером Уинстона Черчилля на патриотическую речь.

«Мы пойдем до конца, мы будем воевать во Франции, мы будем воевать в морях и океанах, мы будем воевать с растущей уверенностью и силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров любой ценой, мы будем воевать на пляжах, мы будем воевать в портах, мы будем воевать на улицах, мы будем воевать на холмах. Мы никогда не сдадимся, и даже если случится то, во что я не верю – даже если этот Остров или большая его часть окажется оккупированной и поразит ее голод, тогда наша Империя за морями, вооруженная и охраняемая Британским Флотом, продолжит борьбу до тех пор пока, во время, угодное Богу, Новый Свет, со всей его силой и мощью, не придет на помощь и не освободит Свет Старый».

(Англичане вскоре нашли остроумный, но совершенно бесчеловечный способ борьбы с паникой. После очередной бомбежки в поврежденный район приезжали колонны бульдозеров, сравнивали с землей все подряд, и клали сверху асфальт. Образовывались сюрреалистические площади).

Франция, готовившаяся к войне с Германией все предыдущие двадцать лет, построившая Линию Мажино, неприступную и так далее, совершенно не ожидала нападения. Немецкая армия линию аккуратно обошла, через Бельгию, и вторглась в пределы главной страны цивилизации. Франция капитулировала через две недели. Вскоре после этого в Париж прибыл сам Адольф Гитлер. В пять утра, в рассветных лучах, автомобильная кавалькада проследовала по основным туристским точкам Парижа. Гитлер выходил из автомобиля и некоторое время рассматривал – то Нотр Дам, то Оперу, то Елисейские Поля, то Латинский Квартал. С очень умным видом. Ему объясняли, чего и где тут стоит, и сколько лет, он кивал.

Из Франции бомбить Англию было значительно легче – ближе. Но случилось то, чего Гитлер не предвидел. Поскольку такое всегда случается. Англия стала сопротивляться.

К войне 1914-ого года Англия, благодаря тому же Уинстону

Черчиллю, чья мама была уроженкой Бруклина, готова была лучше всех. Будучи министром флота, Черчилль переоснастил его, переведя с угля на нефть. За английскими линкорами никто не мог угнаться.

В начале Второй Мировой английская авиация оказалась странным образом лучше немецкой, и непрерывное производство новых самолетов не отставало от немецкого. Это было немыслимо. Но это было так. Ни о каких высадках на «Драгоценном камне, обрамленном серебряными волнами» речи не было. Планы были, но вялые. Любые попытки в этом направлении встречались такой плотной стеной огня, что даже у прагматичных немецких полководцев дух захватывало. К сороковому году случилось вовсе непредставимое – англичане бомбили Берлин!

Правда, Англия воевала на износ. Силы истощались очень быстро. Настолько быстро, что Черчилль счел нужным дать Рузвельту секретную телеграмму (а может это было письмо), весьма наивного содержания. Говорилось в депеше примерно следующее (за дословность не ручаюсь) —

«Нам необходимо оказать помощь, Господин Президент! Ваша страна должна принять участие в этой войне. В противном случае все это может означать *КОНЕЦ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ*».

Наивность Черчилля иногда бывает умилительна. Как какой-нибудь горе-патриот из провинциального города, Черчилль полагал, что словосочетание «Британская Империя» имеет тот же смысл во всех уголках мира, что и в Англии. И что американцу эта Империя так же дорога, как патриотически настроенному англичанину.

У Рузвельта было *ОЧЕНЬ* много своих дел в это время, но, если принять во внимание его, Рузвельта, характер – он наверняка улыбнулся, когда ему это воззвание прочли. Черчилль Рузвельту импонировал, но большого ума человеком он его не считал. Как и Сталин, кстати говоря – по другим причинам.

Отметим здесь один нюанс, который всегда проходит мимо внимания историков.

Франклин Делано Рузвельт был плоть от плоти старой американской аристократии. По натуре он был весьма доброжелательный человек с хорошим чувством юмора, обожающий остроумные светские беседы. Это ничего не меняет. Представитель аристократии не может не ощущать некоего отеческого превосходства над коллегой, чья мать родилась в рабоче-мелко-торгашеском районе Нью-Йорка под названием Бруклин.

Черчилль, меж тем, очень хотел союза со Сталиным

и оказывал ему разные забавные услуги – английская разведка делилась информацией с советскими коллегами по поводу намерений Германии.

Здесь следует отвлечься от описания событий и проанализировать отношение Рузвельта и его кабинета к Советскому Союзу.

До сравнительно недавнего времени президенты Соединенных Штатов выбирались в основном из властьимущего класса, либо аристократия, либо около. Возмутители спокойствия Джексон и Линкольн были исключениями, подтверждающими правило.

Отношений «между странами» не бывает, это просто красивая фраза. Бывают отношения между правительствами стран, и в этом смысле очень важно кого какое правительство считает своими.

Вот, к примеру, после Войны За Независимость, Америка установила с Англией (собственно, и не разрывала) дипломатические отношения, вполне враждебные, но с взаимным пониманием. На Революцию во Франции Америка некоторое, очень короткое время, смотрела благосклонно – пока не наладились первые дипломатические контакты. Американцы в Конгрессе поняли, что данные революционеры – вовсе не «свои». Все эти Дантоны, Мараты и компания были люди *ИНОГО СОСЛОВИЯ*, типичные выходцы из среды буржуа, лавочники, торговцы, мастеровые и так далее. Они не понимали языка дипломатии, на котором привыкли говорить между собой цивилизованные правительства. Они были слишком эмоциональны, нерассудительны, фатоваты. И американское правительство во главе с Вашингтоном отвернулось от революционной Франции. (Остальные европейские страны отвернулись еще раньше, Англия и Россия чуть ли не первые).

Но Революция пожрала своих детей, и к власти пришел, пусть провинциальный, но дворянин. Он был диктатор и завоеватель, но он говорил на одном дипломатическом языке с остальными правительствами цивилизации. Англия с ним воевала, но признавала его, как равного. Россия с ним воевала и чуть ли не культ из него сделала, почти одновременно. Америка с ним не воевала, но относилась с уважением.

Россия служила весь девятнадцатый век символом самодержавия, тирании, диктатуры, и так далее. Но все это были «свои» виды тирании и диктатуры. Их понимали англичане, американцы, французы и немцы. И когда представители российского самодержавия садились за стол каких-нибудь переговоров с любым из цивилизованных правительств, они были равные среди равных и всем понятные. Они прекрасно носили

фраки, разбирались в искусстве, понимали с полуслова, обращались к французскому языку в нужный момент, имели понятия о хорошем тоне, знали толк в хороших винах.

Захват власти в России большевиками выплеснул на международную дипломатическую арену неотесанных мещан, желавших открыть всем глаза, резавшим правду-матку, или хитрившим примитивно, на купеческом уровне. При первых же контактах правительства Англии, Франции и Америки поняли, что имеют дело с другим *СОСЛОВИЕМ*, которому совершенно нечего делать в управлении страной. Между Советским Правительством и остальными цивилизованными правительствами встала классовая стена. Россия оказалась, с точки зрения Америки, под властью дикарей. Америка очень долго, дольше всех, ждала, что русские одумаются. Со времен переворота, рассудил Рузвельт, прошло шестнадцать лет – дальше ждать просто неприлично. И Америка признала Советский Союз, но ни о каких разговорах *НА РАВНЫХ* речи быть не могло. Особенно если вспомнить риторику Советского Правительства тех лет. Про то, как будет мировая революция и мы вас всех удавим на хуй.

Представьте себе, скажем, светскую вечеринку в особняке. Элегантно одетые мужчины, женщины в вечерних платьях, в углу играет квартет. Все переговариваются, хихикают, обмениваются банальными мнениями о каком-то скандале с каким-то оригиналом Рафаэля, в частной коллекции, сплетничают, интригуют друг против друга. Ссорятся великосветски. И вдруг в дом вваливается такой рубаха-парень в дешевом неуклюжем костюме. Говорит очень громко какие-то пошлые глупости. На всех презрительно фыркает. Некоторым делает страшные глаза, обещает придушить в углу. Пивом от него разит. Может, он нувориш какой-нибудь, посему просто выставить его нельзя. Но задушевные беседы тем не менее исключаются.

И когда Черчилль плел Рузвельту о том, какой дальновидный политик этот Иосиф Сталин, Рузвельт только плечами пожимал. Мол, у нас тоже были такие, из грязи в князи, но их всегда окружали образованные советники и помощники. А кто окружает Сталина? Какие-то полуграмотные индейцы.

Совсем другое отношение к Советскому Союзу было у правительства Франции. Оно хоть и состояло в основном из людей интеллигентных, многие из этих интеллигентов были либо коммунисты, либо симпатизирующие коммунистам – после того, как кончились немецкие репарации и страна стала стремительно нищать.

К Гитлеру и его кабинету и американское, и английское

правительство относились еще хуже, чем к Сталину и компании, не очень это поначалу афишируя. Администрация Гитлера *ТОЖЕ* была из другого сословия, сплошные бюргеры. Только двое (кажется) членов правительства Германии имели высшее образование.

По всем политическим канонам и законам либо Сталина, либо Гитлера – одного из двух дикарей – следовало не очень гласно поддержать – по принципу «разделяй и властвуй». Возможно, кабинет Рузвельта сделал ставку именно на Сталина когда под газетный вой о том, что Красная Армия вторглась в Финляндию, в Россию один за другим шли баржи с нефтью. Из Америки. У Сталина своей нефти оказалось мало на данный момент.

Это вызвало реакцию в среде американской интеллигенции. Многие были в шоке – и коммунисты, и антикоммунисты. Коммунисты – потому, что между мировой революцией и вторжением есть все-таки разница. Антикоммунисты – потому, что обиделись за нефть по адресу захватчиков.

Ситуация же в глазах американского правящего класса выглядела следующим образом.

Русские сами себя вывели из драчливого но теплого цивилизованного содружества – что ж, они так захотели, это их выбор, и так далее. Цивилизованная часть планеты сократилась, потеряв территории от Урала до Бреста.

Гитлер – явление, возможно, временное. Либо он сам свалится, либо мы ему поможем. Но он покусился на главное и основное – на центральную ось. Англия еще держится, но Гитлеру принадлежит Германия, он захватил Францию. Ему же подчиняется Италия, где, в колыбели цивилизации, правит такой же мещанин-недоучка Муссолини. Посему он – враг.

Что два дикаря будут делать друг с другом – не очень важно. Но пока Франция оккупирована Гитлером, цивилизация находится в опасности.

Очень много сказано и написано о планах разных стран в начале Второй Мировой. Так много, что становится совершенно очевидно – планов толком не было никаких. Каждый день составлялись новые, а к вечеру они же видоизменялись.

Торжество арийской расы – это из той же категории, что и «пролетарии всех стран». Всерьез в это никто не верил. Чего добивалась Германия? Нужны ресурсы? Какие ресурсы в Чехословакии – пиво? Нужно отодвинуть границу подальше от Берлина? Так хоть бы решили сперва, в какую сторону. А то кидались в разные все время. Цель атаки на Советский Союз – предупредительный удар, захват ресурсов? Если

предупредительный, то зачем нужно было растягивать фронт на тысячи километров? А если захват ресурсов, почему нельзя было сразу идти к Каспию, не занимаясь Москвой и Питером? Вся немецкая сторона кампании похожа на идейную войну – что ни день, то новая идея по поводу того, что нужно делать и как воевать. И если так нужна была нефть (а она Германии была очень нужна, но об этом позже), почему так слабо сопротивлялся Роммель в Северной Африке?

Планы Сталина до войны, и первое время войны, были примерно такого же толка. Можно ждать нападения от Гитлера, можно не ждать, но атаковать. Отобрать для начала всю Польшу. Или еще чего-нибудь. Посмотрим, что донесет разведка завтра. И послезавтра. Попередвигаем армейские части с места на место.

Вот с Англией понятнее. Англия хотела выстоять. Этим определялись ее стратегия и даже тактика.

Япония просто хотела земли. Поскольку у японцев земли мало. Был даже план захвата Австралии в недалеком будущем.

Правительство Рузвельта наложило на Японию эмбарго по этому поводу, тихоокеанские поставки блокировались американским флотом. Возможно, император Японии рассчитывал найти нефть в Китае, но ее оказалось там совсем немного.

Меж тем в январе 1941-ого года Президент Рузвельт, первый из американских президентов, избранный на третий срок, произнес перед Конгрессом речь, в которой упомянул поразительную вещь. Совершенно поразительную. Оказывается, для каждого человека на планете правительствам мира следует обеспечить четыре основных свободы. А именно —

Свободу слова и выражения.

Свободу поклоняться Создателю таким способом, какой он (человек) считает нужным.

Свободу от нужды.

Свободу от страха.

Поясняя пункты третий и четвертый, Рузвельт сказал, что каждый человек, кто бы он ни был, чем бы он не занимался, должен быть обеспечен экономически, и никакой человек не должен бояться, что завтра какая-нибудь страна нападет на его страну и всем будет плохо.

Такого донкихотского идеализма не знала политика – ни до, ни после Рузвельта.

В Германии нефти не было совсем. Немецкая промышленность работала на угле, из которого также, химическим, очень дорогим, путем, изготовляли топливо для танков и самолетов. Часть Румынии, где нефть была, отхватил

себе по договору Сталин. Из Северной Африки Гитлера вытеснили англичане и американцы. Про Ближний Восток тогда думали мало.

Англия получала нефть – из Америки. В любых количествах. Это начало раздражать Гитлера. Немецкие подводные лодки зачастили в Атлантику – топить суда с поставками. Не очень понятно, на что рассчитывал Гитлер. Что он потопит сто судов, и Америка объявит о капитуляции, что ли.

Меж тем, когда речь идет о военных планах Рузвельта, Черчилля, Гитлера и Сталина, следует вспомнить, что все четверо —

– стояли во главе правительств республиканского типа

– опирались на соратников

– выслушивали доклады этих соратников

– принимали решения на основе данных этих докладов.

Что такое доклад – известно. Докладывающий, будучи в какой-то мере ответственен за то, о чем докладывает, старается по мере сил и возможностей выставить себя в определенном (хорошем) свете. О неприятном докладывать не любят во избежание потери места или головы. Рузвельту докладывали, что Соединенные Штаты вот-вот свалятся опять в депрессию, и что военный бюджет очень тяготит развитие экономики. Черчиллю докладывали, что Гитлер вот-вот нападет на Советский Союз и наступит наконец желанная передышка. Гитлеру докладывали, что в армии Сталина людей втрое больше, чем винтовок, танки – никакие, самолетов мало, а стратеги и тактики – никудышные. Сталину докладывали, что Гитлер не решиться нападать СЕЙЧАС, а также, что в армии у него – триста танковых дивизий, или что-то в этом роде. Преувеличивали в несколько раз. А политикам, особенно во время конфликтов и кризисов, очень хочется верить докладчикам, которые оперируют всех устраивающими цифрами.

Не разобравшись с Англией, держа оккупационные войска во Франции, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Польше и еще черт знает где, воюя с теми же англичанами в Южной Африке, Гитлер тем не менее пошел в атаку на восток. И через четыре месяца прочно завяз в России. Фронт растянулся, танки останавливались от недостатка топлива, солдаты мерзли. Меж тем Советская Армия начала вдруг крепнуть, заводы начали производить автоматы, шлемы, пушки, танки и самолеты, нефти в Баку было немерянно, Америка снабжала союзника консервами. А своих солдат Сталин жалел еще меньше, чем Гитлер своих.

В этот момент изнуренная необходимостью контролировать огромные территории при постоянной нехватке топлива, Япония

решилась на отчаянную меру. В декабре 1941-ого года был нанесен удар по Перл Харбору.

Может, император надеялся, что Рузвельт снимет эмбарго после этого? Может, Гитлер надеялся, что самая большая армия в мире не будет воевать, а сдастся в плен на третий день?

Все это по самой меньшей мере странно. Можно предположить, что вошедшие в моду за несколько лет до этого супер-разведчики всех стран запутали решительно всех лидеров шквалом противоречащих друг другу данных.

Жемчужный Залив на острове О'аху – очень неплохое место для тех, кто служит в американских вооруженных силах. Гавайи – прелестная гряда островов в Тихом Океане, все там ходят загорелые круглый год. Японцы выбрали для атаки именно Гавайи, но не из-за климата, а просто потому, что острова эти – в пределах досягаемости, более или менее. Велик Тихий Океан. До Калифорнии им было просто не доплыть и не долететь, если с боеприпасами.

Вся база была уничтожена вместе с персоналом, и Рузвельт растерялся не меньше, чем Сталин незадолго до этого. Но собрался с мыслями. Началась изнурительная драка на островах, которая продолжалась до самого конца Второй Мировой. Очень медленно, очень натужно, американцы отбирали у японцев остров за островом, подходя все ближе и ближе к Японии. Учитывая количество участников, потери были огромны с обеих сторон. Тут надо вспомнить, что Америка и Япония были в общемировом конфликте единственными странами, не подписавшими конвенцию по поводу неиспользования отравляющих газов. Замечательная перспектива.

И тем не менее, эта драка в Тихом Океане не ощущалась дома, как реальная. Война в Европе была куда реальней, особенно после вступления в нее американских частей. Прибывающие с европейского фронта на побывку солдаты в некоторых случаях даже удивлялись – как? разве идет война с Японией? а я и забыл.

Через пять дней после атаки на Перл Харбор, Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

Во второй половине 1942-ого года немецкое командование наконец сообразило, чего именно ему не хватает. Бестолковая Операция Барбаросса, не разгромленная в самом начале просто потому, что оборона была не менее бестолковой, переосмыслилась. Советской Армии все еще не хватало боеприпасов и одежды. Немцы рванулись к Сталинграду.

Рузвельт, возможно, не очень хорошо себе представлял, чем грозит балансу власти в мире проход немцев через Сталинград и обладание ими вследствие этого каспийской нефтью. Черчилль

представлял гораздо лучше. Легкомысленное с виду отношение Рузвельта к этому вопросу пугало британского премьера.

Возможно, Сталин также хорошо понимал положение вещей. Под Сталинградом полегло в общей сложности около двух миллионов солдат. К нефти Гитлера не пустили.

По официальному радио сообщали о грандиозных потерях врага после каждой значительной битвы, а о своих потерях умалчивали. Во всех странах. Выбрав самый драматический, самый напряженный момент, Бразилия, дабы продолжить традицию, объявила Германии войну. Американцы к тому времени уже высадились в Италии и брали город за городом – по слухам, не без помощи американского филиала итальянской мафии, с коим достигнута была договоренность. Во всяком случае, осведомленность американского контингента по поводу того, где чего в Италии лежит и каким лесом идти, и полная растерянность пытавшихся удерживать территорию немецких подразделений наводят на подозрения.

Глава пятнадцатая. К вопросу о двусмысленностях

К середине двадцатого века пропаганда бюрократизировалась не меньше, чем остальные отрасли деятельности. Появилось очень много смысловых слоев, и выводить из них четкие формулы, понятные массам, дабы направлять энергию этих масс в нужное русло, становилось все труднее. И все труднее было извлекать из этих формул выгоду, поскольку редкий пропагандистский лозунг не состоял в противоречии с десятком других лозунгов.

Как объяснить массам, например, почему идет война с Германией? Можно сказать, что есть немцы, а есть нацисты (в России тогда говорили – фашисты), и нацисты плохие, а немцы хорошие. Но хорошие немцы вынуждены поддерживать плохих нацистов. И вот нацисты объявили войну всем и вся, и мы с ними благородно сражаемся, а хорошие немцы вынужденно подчиняются коварным приказам.

Далее пропагандистская линия, для масс, развивалась таким образом —

Рука об руку с братским русским народом мы сражаемся с нацистами. У этого братского народа есть лидер, которого русский народ сам себе выбрал – Джозеф Сталин (Дядя Джо). О его прошлых проказах, в том числе о его союзе с Гитлером, вспоминать не нужно – всем свойственно ошибаться, даже лидерам. Нацистскую гидру мы задушим вместе, а потом будем дружить крепко.

Массы на такое не очень-то покупались, поскольку это слишком сложно для масс – нацисты отдельно, немцы отдельно.

Массы поняли это так, что все немцы – нацисты. Их не очень разубеждали в этом. Идет война с немцами, и немцы сволочи все. Посему никого не удивило в России, например, когда всех немцев Поволжья отправили за Урал на всякий случай. Правда, в России не только в Поволжье немцы, а вообще везде, и каждый десятый в некоторых регионах. Но это детали.

В Америке все это оказалось более сложным делом.

(С японцами было проще. Сто двадцать тысяч японцев определили в зоны удержания и задержания, где они и жили до конца войны. Зоны обнесены были проволокой, не всегда колючей. Стояла вооруженная охрана. Были случаи, поначалу, когда в передвигающихся вне зоны японцев стреляли. К концу войны все зоны за исключением одной (Тюль) жили мягким

режимом. Большинству населения зон было позволено работать и ходить вне заграждений. Приблизительно две трети этих японцев были гражданами США, многие из них родились в Америке. Правда и то, что многие из них получили образование в Японии, непременной частью которого было привитие учащемуся почтения к Императору. Указ о создании таких зон подписал сам Ф. Д. Рузвельт. Когда протестующие подали апелляцию, Верховный Суд поддержал решение Конгресса и Президента.

Частичные компенсации были выплачены японцам в 1948-м году. В восьмидесятых годах правительство США принесло извинения пострадавшим).

А с немцами случился казус.

На сегодняшний день, к примеру, немцы составляют самую большую этническую группу Америки – впереди англосаксов. Во времена Второй Мировой немцев тоже было очень, очень много, и своих, живших в Америке поколениями, и новоприбывших – большое их количество переехало в Новый Свет между двумя мировыми войнами, по разным причинам. Йорквилл – часть нью-йоркского Ист-Сайда – стал НЕМЕЦКИМ районом. Работали рестораны, бары и магазины с немецкими названиями. В витринах висели знаменитые на весь мир колбасы. Лилось рекой пиво. Гремела немецкая музыка (не Вагнер, разумеется, но простонародная, фокстроты под губную гармошку, Лили Марлен, и прочая). Этих немцев нельзя было изолировать, арестовать, отправить куда-нибудь подальше от источников массовой информации, им нельзя было заткнуть рот – родственные и дружеские связи немцев охватывали всю территорию Соединенных Штатов. Этнические немцы составляли немалую часть американских фермеров. Немало этнических немцев было в Военном Департаменте. Немалая часть американских войск в Европе состояла понятно из кого. И, наконец, главнокомандующим союзных сил назначен был американец по фамилии Айзенхауэр. Предки его прибыли в Новый Свет в далеком восемнадцатом веке. И все же … и все же…

Кто-то где-то вспоминал историю, а также восторженное эссе Марка Твена о Берлине, в коем сказано следующее —

«Улицы очень чистые. Их поддерживают в этом состоянии – не молитвами, разговорами, и прочими нью-йоркскими методами, но ежедневной и ежечасной работой скребком и шваброй».

Немцы – строители и фермеры. Немцы – инженеры. Немцы – работники.

Прогрессивно мыслящие дарвинисты, пожинающие плоды своих «идей» по поводу происхождения человека от обезьяны и соответствующих социальных отношений, ужаснувшись тому, на что способен человек, предоставленный самому себе, стали искать замену христианской доктрине. А что? Раз человека создал вовсе не Бог, но эволюция и случай, стало быть, все дело в происхождении и естественном отборе – и теории о превосходстве немецкой расы над всеми остальными *ЛОГИЧЕСКИ* абсолютно верны. А как же! Вон фермы в Южной Дакоте – ежели хорошая ферма, добротная, эффективно работает, содержится в порядке – значит хозяин немец. Если где в мире стоит здание, на славу построенное – строил немец. Ежели какой-то регион где-то на планете живет сытно в то время, как вокруг – недоедание и расхлябанность – значит, в регионе доминируют немцы. Да, тысячу раз да, но нельзя же так … Они, немцы, действительно – люди дела и люди работы, но зачем же пальба и порабощение и расстрелы, и прочая, и прочая – страшно ведь! Больно ведь!

А вы, дамы и господа, думали, что «естественный отбор» – это слова такие красивые просто, да?

Сегодня принято валить на Ницше и даже на Вагнера. Мол, это Ницше придумал, что арийцы – это да, а все остальные погулять вышли.

На самом деле правда, если быть честным до конца, в дарвинистском мировосприятии выглядит именно так, как ее представляли себе недоучки из Гестапо. Увы и еще раз увы. А именно —

Арийцы – это немцы и их родственники. Самая деловая, самая работящая, самая мыслящая этническая группа на земле. Спорить с этим можно, но глупо.

Евреи – это люди с внутриэтнической спайкой, думающие только о своих, и так далее. Евреи предприимчивы, пассионарны, и все время всех путают. Рабы из них получаются плохие. В печку.

Цыгане – эти вообще никому не нужны. Попрошайки. В печку.

Негры – рабы получаются из них с трудом. Вон посмотрите, чего в США получилось. Дойдут руки – разберемся.

Славяне и прочая шваль. Рабы выйдут из них сносные, если выявить и уничтожить пассионарную часть. Ленивы – нужно пороть. Мы не дадим им пить, всего и делов.

Средиземноморцы – э … неплохо поют. Пусть поют.

Азия – пока у нас не дошли руки, но понятно, что азиатские арийцы – это японцы, остальные азиаты – примерно тоже самое, что наши славяне, евреи, цыгане, и прочая.

Все очень логично. Все «по науке». Именно поэтому многие

перепугались.

Дарвинисты из испугавшихся вспомнили, что есть такая вещь – гуманизм. Вроде бы не имеющая отношение к собственно Библии. (Имеющая, и прямое, но об этом постарались не вспомнить). Но тут оказалось, что понятие это придумали … опять же немцы.

Замкнутый круг какой-то.

И это было только – полбеды.

Антинемецкие настроения, поддерживаемые пропагандой, могли оказаться в конечном счете опасными – и в Европе, и в Америке.

За дело взялась американская армия, уже в то время – самый деловой, самый прагматичный институт на планете. Наставляемый Дуайтом Айзенхауэром.

Появился социальный заказ, который армия готова была оплатить. Нужно было издать что-нибудь, не явно пропагандистское, но доказывающее неопровержимо, что немцы на самом деле – вовсе не принципиально милитаристский народ, что они не монстры, но люди как люди. И хорошие тоже бывают. Выбор армейцев пал на сценариста с социалистическими тенденциями по имени Алберт Молтс (в России известен как Альберт Мальц). Молтс был выходцем из еврейской семьи, посему его можно было упрекнуть лишь в беспринципности, но не в предвзятости – по мысли заказчиков, очевидно. И с заказом он, сценарист, справился блистательно, написав роскошный роман «Крест и Стрела».

Глава шестнадцатя. Мужество и патриотизм

Всю историю человечества основную часть солдат в любом большом военном конфликте составляют сопляки возрастом от позднего отроческого до позднего юношеского – скажем, до двадцати двух лет. Традиция эта удобна по нескольким причинам. Сопляков легче учить подчиняться командам. Лозунги для них внове. Они меньше, в массе, склонны к состраданию, чем люди с опытом. Они здоровее и выносливее. У них по большей части нет семьи и детей, посему им не мешают в исполнении функций пушечного мяса обыкновенные человеческие соображения.

Высадка союзных сил в Нормандии была плохо подготовлена, плохо спланирована, плохо проведена, и окончилась более или менее катастрофой. Прикрывавшая высадку авиация нанесла несколько ошибочных ударов по своим. Сопляки, прибывшие драться с закаленными пятью годами войны немцами познали вагнеровский ужас.

Американские пилоты, взлетающие из Англии, знали статистику. Норма – двадцать четыре боевых вылета. Средняя выживаемость – двенадцать вылетов. Поэтому некоторая часть летного состава предпочитала после нескольких вылетов садиться в Швейцарии и там сдаваться под домашний арест до окончания войны, ссылаясь на неисправности в моторе.

На первых порах у американцев в Европе ничего не получалось. Рузвельт вел яростные беседы с Айзенхауэром. «Почему вы отступаете!», возмущался Президент. «Мы не отступаем», яростно отвечал генерал, злясь на штабных крыс в Вашингтоне. «Мы бежим».

Говорят, Черчилль, наблюдая за провалом высадки, даже связался со Сталиным и потребовал, чтобы тот усилил боевые действия на своем фронте, дабы отвлечь немцев. И, говорят, Сталин согласился.

Это логично. Сталин помнил провал своей армии в первый год конфликта с Гитлером. А в 1944-м году Советская Армия казалась непобедимой всему миру. На войне быстро учатся. Нужно было оказать союзникам услугу.

Понемногу американские части освоились, окрепли, поднаторели, попривыкли к потерям, получили подкрепления, амуницию, продовольствие, и перешли в наступление.

По одной из похожих на правду легенд, Гитлер, удрученный

событиями во Франции, все спрашивал соратников – горит ли Париж? По его задумке, перед тем, как сдать Город Света американцам, его следовало сжечь. Впрочем, таких легенд о Гитлере много. По другой легенде он хотел «стереть с лица земли» Ленинград. Ни в первом, ни во втором случае ничего технически сложного не было. Казалось бы – если хотел бы, то сжег бы и стер бы. Но, может, соратники отговорили.

У пляжей Флориды всплывали трупы – жертвы немецких субмарин в Атлантике, но вскоре и с субмаринами научились бороться.

Воюя на два фронта, немецкая армия стремительно выдыхалась. Все острее ощущалась нехватка топлива.

Осенью 1944-ого года фермеры на полях собрали неплохой урожай. Уничтожение миллионов людей, невозникновение новых семей из-за того, что потенциальные отцы были на фронте, ослабление немецкой военной машины – все это способствовало производству излишка. Излишком воспользоваться не сумели – по всему миру развелось неимоверное количество мошенников, спекулировавших на излишках. Снимали фильмы о войне, в которых не было ни одного правдивого кадра – по всему миру. В фильмах этих средних лет актеры играли сопляков.

Германия насквозь пропиталась цинизмом и двусмысленностью. В уютном некогда католическом Мюнстерланде слагали песенки-обращения к летчикам-союзникам, вроде «Милый Томми, не надо здесь бомбить, враг в Берлине». Вся Германия понимала, конечно же, что война скоро кончится не в пользу Германии, но говорить об этом вслух было все еще опасно.

Прохладным октябрьским вечером 1944-ого года в берлинской опере с огромным успехом шел четырехактный веристский шедевр итальянца Джакомо Пуччини «Богема», на французский сюжет. Пели, конечно же, по-немецки. По соседству падали бомбы.

Меж тем Рузвельт, Сталин и Черчилль решили собраться и обсудить создавшееся положение. Для переговоров выбрали дворец в Ливадии, близ Ялты, поскольку там в феврале-марте было тепло, сухо, и приятно во всех отношениях. Рузвельт хотел было пустить в ход свой безотказный шарм, но Черчилль в благородном порыве предупредил его – «Сталин не любит светский треп». Тем не менее, жизнерадостность и насмешливость Рузвельта требовали выхода. На многих фотографиях, сделанных на этой встрече, видны усилия Президента скрыть улыбку.

Исторический курьез —

Расчувствовавшийся Черчилль с бокалом шампанского в руке

предложил выпить за здоровье короля Великобритании. Рузвельта заинтересовало, что на это скажет «дальновидный и умный», по мнению самого Черчилля, Сталин. Сталин, большой дипломат и любитель хорошего тона, сказал, что, как республиканец, не может пить за здоровье монарха. Рузвельту перевели. Глядя на слегка растерянного Черчилля и посуровевшего дальновидного Сталина, аристократ из Хайд-Парка, делая серьезное лицо, предложил —

Ну тогда давайте выпьем за здоровье Калинина.

Неизвестно, оценил ли Сталин водевильную шутку. Чувство юмора у него, как и у Черчилля, было примитивно-мещанское. Возможно, Черчилль тоже не понял. К тому ж пренебрегли королем.

Американские войска на подходе к Парижу расступились и из дипломатических соображений позволили французскому контингенту, наскоро составленному из сил Сопротивления и военных в изгнании, взять столицу.

Это только из сегодняшнего далека кажется, что любой нормальный француз предпочел бы, чтобы от немцев Париж освободил бы Рузвельт, а не Сталин. А тогда, в конце войны, далеко не все выглядело так гладко. Советский Союз все еще был светлой мечтой прогрессивно-эволюционной части человечества, даже в Америке – о Франции и говорить нечего, она всегда прогрессивнее всех.

Как-то попав, полвека спустя, на празднование освобождения Парижа, я поймал себя на том, что глупо улыбаюсь. Величественный Отель де Вилль, тот самый, где Людовик и Анна принимали когда-то участие в Марлезонском Балете, затянут был в огромный флаг Французской Республики. На площади перед зданием присутствовали в большом количестве немецкие туристы с фотоаппаратами. Ни американских, ни английских флагов нигде не было видно. И молчали в Нормандии десятки тысяч могил с лежащими в них американскими сопляками, отдавшими в далеком 1944-м году жизнь – вот уж трудно сказать, за что именно. Теперь уже – трудно.

Все эти громкие события политического и военного характера заслонили главное, а именно – в 1940-м году хоккейная команда Нью-Йорк Рейнджерз выиграла Кубок Стенли. В финале ньюйоркцы играли с Торонто. По крайней мере три матча из семи должны были состояться в нью-йоркском Мэдисон Сквер Гарден – в то время, до переезда, совершенно роскошном здании. Но не состоялись – арену занял гастролирующий цирк. Дирекция арены, видимо, не рассчитывала на такое резвое продвижение городской команды в кубковом турнире. И пришлось все матчи

играть в Торонто. Болельщики следили за играми по радио.

Следующий кубок Рейнджеры выиграли только пятьдесят четыре года спустя. В восьмидесятых болельщики соседних Айлендерз, суперкоманды, команды-династии, скандировали на матчах с Рейнджерами – «1940! 1940!»

Рузвельт не дожил до окончания войны. Отдыхая в Уорм Спрингс и собираясь на конференцию в Сан-Франциско, где он должен был благословить свое детище – Организацию Объединенных Наций – он сидел в кресле и подписывал какие-то депеши, в то время как художница Элизабет Шуматофф рисовала его портрет. Его хватил удар, он потерял сознание и умер, спустя несколько часов.

Харри Труман, вице-президент, заступил на новую должность.

Этот человек был очередным исключением в американской политике – недоучился в свое время. И хотя за время общения с людьми образованными он много познал и многим воспользовался, своим простым происхождением и отсутствием достойного диплома он любил бравировать. Тем более что это было очень даже модно в то время (Русский Эксперимент не прошел для мира даром).

Была встреча американского и русского контингентов на реке Эльбе, бомбежка Дрездена (чтобы русским не достался), взятие Советской Армией, понесшей дикие потери при этом, того, что осталось от Берлина, фотография страстного матроса, целующего восхищенную медсестру в Таймз Сквер в Нью-Йорке, символизирующая окончание войны, затем, уже после этого, взятие скромным канадским контингентом Голландии (об этом почти никто почему-то не знает), взятие армией Маршала Конева Праги, парады Победы, чествования, счастье – а война тем временем продолжалась. Но было это где-то там (неопределенный жест рукой), далеко. Вне цивилизации.

Сталин решил повоевать с Японией. Оказалось, что американские силы в Тихом Океане как начали брать в 1941-м году остров за островом, так и по сей день берут. Со все увеличивающимися потерями. Но и там дело явно близилось к концу. Поворотным моментом в тихоокеанском конфликте считается битва за атолл Мидвей в 1942-м году (!). Уже американские бомбардировщики бомбили Токио, уже в Пентагоне строились планы высадки.

В Неваде прошли первые испытания атомной бомбы.

Глава семнадцатая. Эволюционная романтика

В самом начале сороковых годов Металлургическая Лаборатория Чикагского Университета, Лаборатория Радиации Калифорнийского Университета и Факультет Физики Колумбийского Университета в Нью-Йорке начали работы над совместным проектом, который частично финансировали государственные структуры.

В сорок втором году Лесли Гроувз, начальник армейских строителей, руководивший постройкой Пентагона, назначен был главой разработок нового оружия. Сам он был против этого назначения. Директором научной части он назначил Дж. Роберта Оппенхаймера, человека радикальных взглядов (разведка была против, ФБР было против, но Гроувз настоял). К делу было привлечено немалое количество физиков со всего света, включая беглых немцев, естественно. Альберта Эйнштейна наняли в качестве консультанта.

Теория Эйнштейна, равно как и последующие выкладки квантовой механики, представляет некоторый романтический интерес для людей, склонных к размышлениям об особенностях устройства Вселенной. В чисто практическом смысле опубликование этой теории привело лишь к созданию атомной бомбы и атомных электростанций. Польза от этих двух изобретений в высшей степени сомнительная.

Расщепление атома есть не что иное, как следующая ступень уничтожения структуры вещества. Уничтожение более полное, происходящее на атомарном, а не молекулярном, уровне – и поэтому получаемой энергии гораздо больше, чем при обычном сжигании. Способы применения полученной таким образом энергии малочисленны и катастрофически опасны. Поддерживание атомных электростанций в рабочем состоянии в отсутствие обслуживающих мощностей, работающих на нефти, возможным не представляется.

Две атомные бомбы, сброшенные на два японских города в 1945-м году, произвели неизгладимое впечатление на весь мир.

Дело было вовсе не в реальных данных. Вторая Мировая известна куда бОльшими разрушениями и количеством жертв, хоть мирных, хоть военных, при атаке на города – взять тот же Сталинград или Дрезден или Берлин. Касательно же тех кто находился близко и впоследствии умер, хватив дозу радиации – по миру в то время ходили несметные толпы медленно

умирающих калек. То бишь в собственно гуманитарном смысле ничего особенно выдающегося в хиросимском инферно не было. Бывало лучше и бывало хуже.

Всех поразил именно драматический аспект ситуации – бомб было всего две штуки.

При таком раскладе *ВОЕВАТЬ* было совершенно бессмысленно. Японцы сдались сразу.

Что было бы, если бы эти две бомбы не состоялись – во всяком случае, тогда?

Много разного. Неизвестно, больше или меньше было бы человеческих жертв. Император настроен был сопротивляться до конца, как Гитлер, только еще упорнее. Имелся ядовитый военный газ, наверняка ждавший американцев по высадке (и наверняка американцы имели на этот случай свои запасы всего того же самого). Собственно, количество возможных жертв во время вторжения и было основным аргументом в пользу атомной атаки.

Но, несомненно, военный авантюризм в своем все еще классическом виде продолжался бы без этих бомб еще какое-то время. И, безусловно, рано или поздно кто-нибудь попробовал бы атомную бомбу в действии. Возможно более мощную.

Побежденные сидели во Дворце Справедливости в городе мейстерзингеров Нюрнберге. Их судили, применяя законы, о существовании которых мир ранее не слышал. Удивительно, но *НИЧЕГО* толкового и интересного не было сказано ни со стороны победителей, ни со стороны побежденных. Ну разве что Иона Никитченко, судья из Советского Союза, мещанского сословия и с плохим воспитанием (к этому стали привыкать во всем мире, что, мол, Советским Союзом правят агрессивные мещане) говорил вещи, от которых у остальных участников краснели уши (не у немцев – эти, побежденные, сами были того же сословия). К примеру, такая фраза – «Если мы тут будем объективничать, это замедлит процесс». Одним из пикантных аспектов биографии Никитченко было его участие в показательном суде в 1937-м и 1938-м году в Москве. В частности, именно он вынес приговор Зиновьеву.

Собственно на процессе этом настоял именно Сталин, любивший политическую драматургию, на той самой конференции в Ялте. Черчилль хотел просто сослать побежденных куда-нибудь, где бы их заставляли трудиться (!!), или расстрелять по-тихому, и Рузвельт был не против такого оборота дел. Но Сталин, развлекавшийся показательными процессами сам, решил поделиться опытом с союзниками и убедил их, что процесс будет весьма поучительный (то бишь,

будет, чем поразвлечься).

Прогрессивный мир согласно кивал отупевшими идеологическими лицами. После этого процесса борьба с нацистами и фашистами приняла наконец-то общемировой характер. Пресса и телевидение смело борются с ними до сих пор. Это очень удобно – бороться с несуществующим противником – победа гарантированна.

Вступил в силу План Маршалла, согласно которому Европу нужно было отстроить на американские деньги. Других денег в мире тогда просто не было. Как и ожидалось, Сталин отказался от этих денег, и разруха и голод на территориях, где он имел влияние, от Урала до Восточного Берлина, продолжались еще многие годы. Через восемь лет после войны в Дрездене немки любого возраста отдавались русским солдатам за буханку хлеба.

Снимались один за другим все новые и новые фильмы о войне. Писались книги и рефераты. Во всей этой пошлой говорильне война представлялась трагическим, значительным, щемяще-романтическим явлением. Сопляки-мальчишки по всему миру гонялись друг за другом с игрушечными ружьями, играя «в войну». Первая честная книга о Второй Мировой, насколько мне известно, вышла только в конце шестидесятых годов. Написал ее американец с немецкими корнями по имени Курт Воннегут, бывший сопляк-участник этой войны. Называлась книга «Бойня Номер Пять, или Крестовый Поход Детей» и рассказывала она в основном о неимоверной, чудовищной глупости организованного истребления людей с помощью современной техники – и о том, что бывает, в основном, когда люди вдруг начинают таковым истреблением заниматься.

Глава восемнадцатая. После драки: запреты и искусство

В 1948-м году Харри Труман подписал закон, отменяющий расовую сегрегацию в американских вооруженных силах. Белые и негры стали служить вместе, отдельные дивизии, так шокировавшие в свое время французов и немцев, прекратили существование.

Примерно в это же время началась серия скандалов, связанных со шпионажем. Разведывательные структуры не сумели само распуститься по окончании Второй Мировой и, не имея конкретного военного применения, стали совершенствоваться и усиливаться. Возникло дело супругов Розенберг, продававших секреты Манхаттанского Проекта советским шпионам (на самом деле продавали другие люди, список длинный, но Розенберги, очевидно, активно участвовали в этом деле). Федеральное Бюро Расследования, возглавляемое бессменным Эдгаром Хувером, переключилось с ограбления банков, борьбы с мафией и наркотиками, и прочего на ловлю шпионов. Части Советской Армии целый год блокировали точки допуска в Берлин. Начиналась так называемая Холодная Война, многолетнее противостояние двух периферийных империй, глядящих друг на друга поверх голов выдохшихся но хорохорящихся европейцев.

Сенатор МакКарти, неоднозначная личность, вписал свое имя в историю, самолично начиная расследования во всех направлениях. Помимо шпионажа, целью МакКарти была борьба с коммунистической пропагандой. Он занимался голлидвудскими звездами и писателями, поэтами и певцами. Некоторые из них *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО* имели связи с Москвой. Остальные просто возмущались. Появились черные списки (в один из них на некоторое время попал тот самый Алберт Молтс, автор «Креста и Стрелы». В отличие от многих других он, похоже, от попадания в черный список так до конца и не оправился. В большинстве случаев список не означал ничего особенного кроме того, что данному индивидууму переставали предлагать контракты по принципу «можно, но лучше не надо». Артур Миллер, драматург, сам попавший под раздачу, написал пьесу «Испытание» (или «Тигель», как угодно), о салемских колдуньях и охоте на ведьм, содержащую аллегорию и пр.

Параллельно с этим возникло движение битников, от «beat generation» – фраза, популяризированная писателем Джеком Керуаком, автором популярного в среде наркоманов и тех, кто

восхищался романтикой жизни наркоманов, романа «В пути». Многие тысячи подростков повторили описанный в романе маршрут – автостопом от Атлантики до Тихого Океана. Битники, предшественники хиппи, состояли в основном из модифицированной богемы. Нечто вроде дозволенной фронды.

В то же время на литературной арене появляется новое имя – Владимир Набоков.

Набоков, ровесник века, происходил из старой русской дворянской семьи. Отец его был либерал-фрондер. После революции семья перебралась в Берлин, где отца Набокова убил радикал из враждебной партии (русские в иммиграции разделились на множество партий). Набоков, с детства знавший благодаря воспитанию и гувернанткам, три языка и запоем читавший на всех трех, поступил в Оксфордский Университет, окончил его, перебрался снова в Берлин, и двадцать лет печатал романы на русском языке, зарабатывая на жизнь переводами и уроками тенниса. Затем, уже семейный, перебрался по приходу к власти партии Гитлера, во Францию, а в 1940-м году в Америку.

В Америке он легко вошел в университетскую среду и стал преподавать русскую и европейскую литературу в Калифорнии и в Нью-Йорке, в элитных университетах. Тогда же написал свой первый роман по-английски. После войны написал второй роман. Оба романа были изданы, но ни больших тиражей, ни большой славы не было.

К чтению лекций у Набокова не было ни склонности, ни таланта. Он писал свои лекции карандашом, затем давал жене перепечатывать, и читал их аудитории, не отрываясь от листа (об этом он весьма красноречиво впоследствии написал сам). Был он по натуре, тем не менее, типичный профессор, супер-эрудит, влюбленный в литературные течения, наметившиеся в эпоху между двумя мировыми войнами.

А надо сказать, что бюрократическое надувательство, уже полностью освоившее музыку и живопись, добралось тогда и до литературы. В мире появилось большое количество якобы «глубоких» и «не всем понятных» писателей, пишущих фальшивые книги ни о чем. Набокову импонировали изощренные эксперименты в этой области – Джойса, Пруста и Кафки. Тем не менее, Набоков был действительно художник – весьма наблюдательный. По счастливому стечению обстоятельств ему пришла в голову идея написать роман о сексуальной перверсии – о любви человека среднего возраста к девочке, едва вступившей в возраст полового созревания. Антуражем Набоков выбрал провинциальную, вне-Нью-Йорка, Америку, основным составом героев сделал самый распространенный в мире класс – мещан,

главным героем взял профессорского типа иммигранта с личным доходом из какой-то центральной Европы, придумал ему забавное имя, и дело пошло. Повествовательный стиль выбран был насмешливо-пародийный, и оказалось, что с антуражем этот стиль очень хорошо сочетается. Законченный роман он, используя свои профессорские связи, разослал знакомым издателям. Все они ему отказали, причем некоторые заявили, что если такой роман напечатать, издателя и автора посадят в тюрьму за пропаганду перверсии.

Через несколько пар рук экземпляр романа попал в Париж к издателю, специализировавшемуся на порнографической литературе. Англоязычные посетители Парижа знали эту серию по обложкам с зеленой каймой. Роман издали. В этом виде, с каймой, несколько экземпляров романа попало в Америку, после чего неожиданно роман похвалили известные писатели – в прессе. И роман напечатали в приличном американском издательстве.

Он произвел сенсацию. Было очень много шума – и за, и против. Роман хвалили и роман клеймили.

На самом деле «Лолита» – действительно блистательный роман. Все остальные английские романы Набокова нестерпимо скучны, функциональны, ориентированны на форму. Русские романы Набокова еще хуже – манерные.

Набоков стал богат и известен во всем мире. После успеха «Лолиты» он сочинил и издал еще несколько романов – плохих. Издал пушкинского «Евгения Онегина» в своем подстрочном, без рифмы и размера, переводе с четырьмя томами комментариев. Долго и забавно сражался с критиками. В шестидесятом году переехал в Швейцарию с женой (сын, оперный бас, гастролировал в Европе). В Америку больше не возвращался, но исправно платил налоги и проявлял политическую лояльность фантастического толка – поддерживая гласно любые действия американских властей, твердя о справедливости и так далее.

В то же время продолжает деятельность блистательный, неповторимый Уильям Фолкнер (или Фокнер, как кому больше нравится), затворник из Миссиссиппи. Основная часть его произведений написана в тридцатых годах, но после войны он пишет «Город», «Особняк», «Басню», и еще несколько вещей, навсегда поссорившись с Голливудом, где, к его удивлению, он обнаружил, что каждый начинающий сценарист и режиссер знает лучше его, Фолкнера, как лучше. Чего ж было звать, спрашивается.

Меж тем подающий надежды драматург, работавший на подсобных работах, именем Эдвард Олби, выбрал себе

предметом подражания Ионеско и Бекета. Это такие французские драматурги, писавшие, опять же, между войнами, и специализировавшиеся на псевдо-глубоких сюрреалистических, а на самом деле просто фальшивых пьесах ни о чем. Олби был талантливее предшественников, лучше чувствовал сцену, обладал недюжинным чувством юмора. После того, как его одноактная пьеса поставлена была в Германии, его трехактную пьесу принял к постановке один из бродвейских театров, и успех опуса «Кто Боится Вирджинии Вульф» превзошел все ожидания.

Незадолго до этого на Бродвее показывали две действительно шедевральные пьесы Теннесси Уильямса, уроженца Нового Орлеана – «Ночь Игуаны» и «Трамвай Желание».

Фредерик Лоу, композитор с вполне приличным дарованием, написал полу-мюзикл, полу-оперетту «Моя Прекрасная Леди» по пьесе упомянутого ранее Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион». Оперетта имеет успех до сих пор.

Вернемся чуть назад, поскольку нельзя в данном контексте обойти вниманием напевал (крунеров).

Напевалы появились в Америке сразу по внедрению электрических агрегатов в популярную музыку. До этого популярный певец мог рассчитывать только на свои собственные силы, и, чтобы его было слышно в дальних рядах концертного зала, брал специальные уроки (у оперных специалистов, в основном) постановки голоса и подачи звука. С приходом усилителей профессиональная подача звука стала менее необходима, микрофон и колонки дали возможность популярным певцам петь «открытым» голосом, *НАПЕВАТЬ*, не усиливая звук. В тридцатых годах произошел качественный скачок, а в сороковых появились знаменитые певцы и певицы, отбросившие всякие претензии на профессионально поставленный голос. Необходим был только красивый тембр. Несколько звезд того времени, специализировавшихся на таком напевании, стали вдруг чрезвычайно популярны – Бинг Косби, Франк Синатра, Дорис Дей, Тони Беннет.

Для них писали специальную музыку, в которой вокальная линия делалась намеренно упрощенной. Собственно, мелодии держались на нескольких опорных звуках (на которых строятся аккорды), а *МЕЖДУ* этими нотами крунер мог петь все, что угодно – по желанию, и даже не петь, но проговаривать речитативом. То есть, не всякий крунер мог бы легко исполнить мелодию с традиционным распределением нот, с заранее задуманным композитором четким рисунком, где нужно прыгать голосом вверх-вниз, или, во всяком случае, спеть ее профессионально и красиво.

(Отступление. Сегодняшние рэпперы, например, честно признаются, что просто *ПЕСНЮ* им не спеть – я не певец, я рэппер. В России, начиная с семидесятых, примерно, годов, пользовался широкой популярностью термин «драматическое пение». В принципе, это тот же крунинг. Помню, случилось мне посмотреть в записи вечер памяти Исаака Дунаевского. В вечере участвовали популярные певцы старшего поколения – Михаил Боярский и Алиса Фрейндлих. Зачем для исполнения песен профессионального композитора, писавшего в традиционной манере, уходящей корнями в русские народные песни (многие из которых по сложности приближаются к оперным мелодиям – и «По Дону Гуляет», и «Славное Море», и прочие) нужно было привлекать сегодняшних крунеров – не очень понятно. Песенку из фильма «Волга-Волга», так в свое время потешавшую Сталина, Боярский просто проговорил речитативом, даже не пытаясь попасть в основные ноты. Песню «Как много девушек хороших» он пропел нота в ноту, не сбившись, но таким слабым, неуверенным голосом, что за него было стыдно. Фрейндлих исполнила «По бульвару чинно шел прохожий» из «Весны» – чтобы она не села в лужу, ритм замедлили раза в два. Песня эта по сложности приблизительно соответствует опереточной арии. В фильме ее легко пела актриса с оперным голосом Любовь Орлова, но крунеру Фрейндлих такие интервалы, такой ритм, и такое музыкальное напряжение не осилить).

Тем не менее, музыка, написанная специально для крунеров, совершенствовалась, приобретала свои уникальные особенности. Многие композиторы навострились, вагнеровским путем, давать основную мелодию с помощью контрапункта, предоставляя голосу роль аккомпанимента, и получалось красиво.

Песни в исполнении крунеров проникли в кинематографию. Появилось много мюзиклов, написанных под напевал (и сопутствующих напевалам чечеточников, которые тоже баловались крунингом – почему нет? и Фред Эстэйр, и Джин Келли, гениальные чечеточники, оба в фильмах крунят напропалую).

Франк Синатра родился в благоустроенной сицилианской семье в Нью-Джерзи и напеванием увлекся очень рано, до Второй Мировой, услышав по радио, как поет Бинг Кросби. После нескольких лет пения в ньюждерзийских клубах, у него получилось спеть с оркестром Томми Дорси и неожиданно привлечь совершенно новую аудиторию – девочек, не достигших совершеннолетия. До Синатры индустрия развлечений не принимала эту демографическую данность всерьез. Это позволило ему сняться в нескольких фильмах и подписать

индивидуальный контракт с Колумбиа Рекордз.

В конце сороковых годов в карьере Синатры произошел спад, но в середине пятидесятых звезда его снова взошла – возможно в связи с его дружбой с некоторыми влиятельными представителями итальянской мафии, для которых он был «свой» – наш собственный певец. В конце пятидесятых Синатра дружил со всем Голливудом и с видными политиками эпохи, включая будущего президента Джона Ф. Кеннеди. Участие его в мафиозных делах – предмет многочисленных сплетен, но доказательств никаких нет, несмотря на то, что с некоторыми своими недоброжелателями Синатра обходился сурово – двое журналистов были избиты «почитателями» крунера.

В конце шестидесятых годов Синатра исполнил песню французского сочинителя и исполнителя Клода Франсуа «Моим путем» (смысловой перевод – «Так, как хотел я сам»). Эту же песню пел Элвис, но с меньшим успехом. Подстрочный перевод для доходчивости привожу здесь —

«А теперь конец близок.
И занавес скоро опустится.
Друг мой, скажу тебе ясно,
Выскажу, что думаю, и в чем я уверен.
Я прожил жизнь полную.
Я прошел по всем большим дорогам.
Но главное, самое главное —
Я поступал всегда так, как сам хотел.
Есть несколько вещей, о которых жалею.
Впрочем, их слишком мало, чтобы их упоминать.
Я делал то, что я должен был делать,
И следил за тем, чтобы оно выполнялось.
Я планировал все свои маршруты,
Каждый свой осторожный шаг на тропе,
Но главное, самое главное —
Я делал это так, как сам хотел.
Да, были случаи, уверен, ты знаешь —
Когда я откусывал больше, чем мог прожевать.
Но всегда, когда приходили сомнения,
Я ел и проглатывал, и выплевывал.
Я смотрел всем трудностям в лицо, и стоял прямо,
И делал это так, как сам хотел.
Я любил, я смеялся и плакал.
И получил свою долю потерь.
И теперь, когда слез больше нет,
Мне все это кажется забавным.

Подумать только, сколько я всего сделал —
И, позволь заметить, не стесняясь —
Нет, стесняться – не по мне.
Я делал все так, как сам хотел.
Ибо что есть человек, что есть у человека?
Если он не сам себе хозяин, он – ничто.
Нужно говорить то, что чувствуешь,
А не слова того, кто готов стать на колени.
Все знают – я принимал удары.
И делал это так, как сам хотел».

Пятидесятичетырехлетний Синатра дал себе этой песней новую жизнь, завоевав популярность среди определенного количества людей нового поколения. Не многим эстрадным певцам это удавалось. Песня в его исполнении понравилась – во-первых, молодым американцам итальянского происхождения из низшего сословия, мечтавшим стать богатыми и бесстрашными членами какой-нибудь элитарной мафии. А так же многим, росто находившимся в затруднительном положении.

Десять лет спустя, в 1979-м году, Синатра *ЕЩЕ РАЗ* всех удивил, вернув себе тускнеющую популярность исполнением песни из фильма двухлетней давности «Нью-Йорк, Нью-Йорк». В фильме эту песню исполняла Лайза Минелли, дочь Джуди Гарланд, звезда крунинга. Песенка действительно залихватская, с залихватскими словами («Хочу проснуться в городе, что никогда не спит», «то, что я смогу сделать здесь – я смогу сделать где угодно»), льстящими самолюбию основной аудитории страны – ньюйоркцев.

Но вернемся в пятидесятые годы.

Тогда же возник популярной культуре Америки образ Элвиса Пресли. Пресли исполнял под гитару известные баллады и песни в особом, полу-кантри, полу-рок-н-рольном ключе, пританцовывая. Он понравился подросткам, не достигшим двадцатилетнего возраста – они им заболели поголовно. Затем они выросли, но своего кумира продолжали боготворить. Пресли концертировал, ездил по стране, издавал пластинки. Затем снялся в нескольких фильмах. После этого его забрали в армию (призыв не был еще отменен). Из армии он вернулся через положенные два года. И продолжил концертную деятельность.

Каштановые свои волосы Пресли красил в черный цвет и одевался всегда очень экстравагантно, подчеркнуто-вульгарно, в дикую смесь королевских и милитаристких тряпок – специально, чтобы запоминали.

С его легкой руки в Америке стал популяризироваться видоизмененный рок-н-ролл. Изначально рок-н-ролл – просто танец, недалеко ушедший от кантри. Эпигоны Пресли и подростки, выражающие протест родителям, которые были, конечно же «консервативны» и «тупы», подхватили течение. Зазвучали повсюду электрогитары с раздражающим, тренькающим и завывающим звуком. Для создания музыкальных шедевров эти инструменты не очень подходили. Зато они приводили в ужас и неистовство предыдущее поколение.

Армяно-советский композитор Хачатурян написал для своего балета «Спартак» «Танец с саблями». Было это еще во время Второй Мировой. Дмитрий Шостакович использовал (такое появилось интересное слово, вместо обычного, проверенного временем «украл») тему этого танца в своей Седьмой Симфонии. На заре рок-н-ролла черный исполнитель Чак Берри использовал эту же тему как заставку-вступление к своей песне, ставшей впоследствии олицетворением рок-н-ролла «Джонни Би Гуд». Затем заставка варьировалась еще во многих песнях.

И наконец в 1960-м году началось «Британское Нашествие» – в Америку с гастролями прибыли популярные исполнители, они же авторы собственных песен (в отличие от Пресли) – парни из мещанского сословия, родом из индустриального Ливерпуля, Битлз. И были приняты подростками на ура.

Образования у участников группы Битлз не было никакого. Говорили они с жутким простонародным акцентом кокни, читали в своей жизни мало, писали стихи на уровне шестого класса провинциальной средней школы, с многочисленными грамматическими несуразностями, и, в основном, ни о чем. Ну, о любви, может быть, но это так – с натяжкой. Мелодии Битлз (написанные, в основном, двумя участниками – Джоном Ленноном и Полом МакКартни) были все как на подбор примитивные, но не совершенно бездарные – легко запоминались. Одевались Битлз сперва парадно, но вскоре поменяли стиль одежды на фрондерско-простонародный. Оркестровали они свои опусы не пользуясь нотной грамотой, для двух гитар, электронного клавишного инструмента, и упрощенной ударной секции – то бишь, это было не композиторство, но частичная импровизация одного из членов с самодеятельным подыгрыванием остальных. Баловались наркотиками. Их лидер, Джон Леннон, высказался об истории музыки (объединив ее всю в единое целое, от барокко до веризма) следующим образом – «До Элвиса не было ничего».

То есть как это ничего? Даже Люлли не было? Хмм. А вот, например, Джордано – был? Нет, не было никакого Джордано.

И Форе не было. И Скрябина не было. Ничего не было.

Битлз оказались удобными – всем. Подростки, слушающие Битлз, ощущали себя протестующими революционерами. Импресарио, устраивающие концерты и записи, получали колоссальные дивиденды. Правительства мира радовались полному отсутствию в песнях Битлз какой-либо опасности для себя. Многочисленные подражатели находили, что для исполнения песен Битлз не нужно заканчивать консерваторию по классу фортепиано. Было легко и весело. Битломания охватила не только Америку – весь мир.

Через четыреста лет после Шекспира английские исполнители пели песни такого содержания —

«Ты говоришь да, я говорю нет.
Ты говоришь стой, я говорю, иди, иди, иди
Ох, нет.
Ты говоришь до свидания. Я говорю привет.
Привет, привет.
Я не знаю почему ты говоришь до свидания.
Я говорю привет.
Ты говоришь – высоко. Я говорю – низко.
Ты говоришь – зачем? Я говорю – не знаю.
Ох, нет.
Ты говоришь до свидания. Я говорю привет.
Привет, привет.
Я не знаю почему ты говоришь до свидания.
Я говорю привет.
Привет, привет.
Зачем, зачем, зачем, зачем, зачем, зачем
Ты говоришь до свидания
До свидания, до свидания, до свидания
Ох нет.
Хела, хеба, хеллоу
Хела, хеба, хеллоу».

Все это было бы просто скучно, если бы посетителям концертов и слушателям дисков не предлагалось подспудно – заводить самих себя, участвуя в происходящем, часто под воздействием алкоголя и наркотиков. Предлагалось подпевать, мычать, пританцовывать – заниматься самогипнозом. Понятно, что при таком раскладе слова не очень важны, а мелодии чем непритязательнее, тем лучше. Через двадцать лет после возникновения феномена Джона Леннона индустриальные критики сравнивали с Шубертом.

Еще один неприятный аспект всего этого – открыто декларированный атеизм. Песня, написанная Ленноном для исполнения под рояль, уже в среднем возрасте, когда ему было под сорок, и возведенная в культ, имеет такие слова (я постарался в переводе найти русские эквиваленты неуклюжестям фразеологии) —

«Вообрази что нет небес.
Это легко, если постараться.
Нет ада под нами.
Наверху только небо.
Вообрази, что все люди
Живут ради сегодня.
Вообрази, что нету государств,
Это не тяжело.
Ничего, за что нужно убивать или умирать,
И религии тожа нет.
Вообрази что все люди
Живут свою жизнь в мире.
Вообрази, что нет собственностей.
Можешь ли ты это вообразить.
Нет нужды в жадности или голоде,
Братство человека.
Вообрази что все люди
Делят весь мир.
Можешь сказать, что я мечтатель.
Но я не один такой.
Надеюсь, когда-нибудь ты к нам присоединишься
И весь мир будет жить, как один».

Джону Леннону в заслугу ставится «борьба с организованной религией».

Возможно, из рок-н-ролла получился бы интересный музыкальный жанр, останься он американским. Но «Британское Нашествие», Битлз, а за ними Роллинг Стоунз, Би-Джиз, и прочие британцы, люди из страны, чья музыкальная традиция находилась и находится на уровне Албании, лишили этот стиль национальных корней, сделав совершенно механическим. В этом виде рок-н-ролл занял все позиции, монополизировав популярную музыку, и существует до сих пор. Это неслыханно и беспрецедентно – давно устаревший жанр существует уже полвека. Все новые и новые поколения дилетантов дергают струны и стучат в барабаны, подражая предыдущим поколениям, не придумывая ничего нового. Оглушающие децибелы, все

мощнее с каждым годом, превращают музыку в монотонный шум. Собственно наполнение – нотное ли, словесное ли – давно уже никого не интересует. Четыре четверти, непрерывный ритм, задающийся примитивным барабаном, перемежающимся ударами тарелок и басовой гитарой. Самое распространенное слово в текстах песен – бейби.

На те же пятидесятые годы, время президенства генерала Айзенхауэра, приходится начало эры телевидения.

Появляется первый сериал – «Молодожены», повествующий о паре, живущей вместе уже полтора десятка лет, он – водитель автобуса, прожектер, желающий авантюрным способом заработать много денег, толстый, она – домашняя хозяйка с практическим складом ума. Живут они в маленькой квартирке в Бруклине. Все еще в Бруклине.

Глава девятнадцатая. Субурбия, Луна и хиппи

Первый послевоенный удар по вьетнамским объектам нанесли французы, снабженные американской техникой. Почти век Вьетнам состоял французской колонией, но во время Второй Мировой был захвачен Японией и использован как база для атак на Индию и Индокитай.

Затем в 1950-м году Северная Корея, снабженная советской техникой, атаковала Южную Корею, снабженную американской техникой. В этот конфликт вмешались все, кому не лень, включая ООН. Американский контингент вместе с контингентами еще нескольких стран принял участие. Со стороны Советского Союза участие принимали советники, пилоты, и спецназ. Со стороны Китая участие принимали многие. Конфликт продолжался три года и не кончился ничем.

А в конце пятидесятых годов начало налаживаться транспортное воздушное сообщение через Атлантику с помощью реактивных самолетов. Тогда же Советский Союз запустил первый Спутник (Спатник, как произносили в Америке в соответствии с англицизированным написанием). Это вдохновило фантастов всех стран на произведения, описывающие путешествия к далеким мирам в глубинах Вселенной во имя установления там демократических принципов необходимо насильственным путем. Появились формулы, по которым писались такие произведения. Например, взлетает космический корабль, рассчитав трехлетний, или десятилетний маршрут. Члены экипажа понятия не имеют о принципах действия корабля. Наличествующий на корабле профессор по ходу дела объясняет им эти принципы, заодно сообщая, что, в соответствии с эйнштейновским парадоксом близнецов, своих родных они уже никогда не увидят, ибо вернутся на землю лет через восемьсот. По этим произведениям снимались фильмы и ставились пьесы. А уж когда на околоземную орбиту вышла первая канистра с керосином, несущая в себе человека (это был Юрий Гагарин – Советский Союз «вышел вперед» в «космической гонке») – предположения стали строиться самые радужные. Человек, оказывается, вышел на главный рубеж – покорения Вселенной. Землю он уже покорил. Человек стал равным несуществующему Создателю. И так далее. Все это звучало очень романтично, с оговорками.

Предполагалось (фантастами) что в будущем еду и одежду можно будет синтезировать, и все будут носить обтягивающее

космическое и есть эскарго из тюбиков (с тюбиками этими просто беда – человечество влюблено в тюбики). Одежду в пятидесятые-шестидесятые *УЖЕ* синтезировали – из нефтепродуктов. Результаты выглядели обнадеживающе только на первый взгляд. Еду же производили, применяя все бульшие и бульшие дозы промышленной нефтяной химии – в виде удобрений и пестицидов. Еда, производимая таким способом в огромных количествах (поля посыпали пестицидами с самолетов) отличалась отсутствием вкусовых качеств и нужных витаминов. Традиционная еда произрастала в тех же что и раньше, а то и меньших, количествах. Выглядела она на прилавке хуже, чем индустриальная, а стоила много дороже. Это положение вещей сохраняется до сих пор. От синтетической одежды стали постепенно отказываться. Сегодня люди относительно разумные пользуются синтетическими элементами в одежде в разумных пределах, в практической (а не романтической) степени. К примеру, синтетика незаменима, как водонепроницаемое покрытие. С синтетической спортивной обувью не сравниться никакая кожа. И так далее. Во всем остальном же, начиная с нижнего белья и кончая одеждой элегантного покроя, по прежнему, и к счастью, доминируют хлопок, лен, и шерсть. Пожалуй, именно в одежде американцы, и с ними остальное цивилизованное человечество, достигло нужной пропорции в сочетании натурального и искусственного. Если бы эта же пропорция соблюдалась в … впрочем, об этом речь впереди.

По случайному стечению обстоятельств, послевоенная цивилизация не скатилась обратно в депрессию но, наоборот, зарядилась оптимизмом. Начался невиданный экономический бум – во многих странах. По всем показателям Америка шла в этом буме первой.

Роберт Моузес продолжил частично замедленную мировой войной деятельность. Дороги расширялись, удлинялись, переплетались. Автомобилей становилось все больше, и в шестидесятых годах они начали приобретать сходство с «ракетами» – космическими кораблями, как они виделись фантастам и ученым, с помощью которых человечество должно было вскоре начать космическую экспансию в поисках новых индейцев.

Неприятная особенность в общих тенденциях автомобилестроения того времени – если передок автомобиля – его лицо, с двумя глазами-фарами, носом, и ртом, то контраст между автомобилями вплоть до пятидесятых годов и последующими – до наших дней – разительный. Автомобили первой половины века смотрят умилительно, по-детски.

С шестидесятых годов в мордах авто намечается злобный, хищный оскал, глаза сузились, смотрят мрачно.

Также, «футуристически», изменилась архитектура. Железо, бетон, и индустриальные прямоугольные и треугольные формы перестали дополнять формы традиционные – они их просто вытеснили. Нефтяная промышленность все увеличивала разрыв между человеком и естественной средой обитания. Здания становились все бездушнее, все уродливее. Небоскреб телефонной компании в Манхаттане построили – *ВООБЩЕ БЕЗ ОКОН*. Искусственный свет! Искусственный воздух! Всё, всё – искусственное.

И всё – одноразовое. Чем скорее предмет потребления выходит из строя – тем лучше. Покупать нужно больше, и, раз попользовавшись, выбрасывать, чтобы купить еще раз. И еще раз.

А было ли сопротивление?

Да. Было.

Оно было двух видов. Первый – урбанического толка, та же хиппи-контркультура. Наиболее деятельные выпускали свои газеты и журналы, в которых клеймили все и вся, связанное с официальной идеологией. На самом деле, они эту идеологию просто поддерживали – протестуя лишь против конкретных мер и убеждений, но охотно печатая рекламу, например. Все они были открыто атеистические (эстаблишмент использовал, парадоксально, эту их особенность против них же, отвращая от них консервативные массы).

Второй – глубинка, которую просто так не своротить. От субурбии глубинка отличалась тем, что была *ЕСТЕСТВЕННЫМ* географическим и демографическим образованием. Там, в провинции, все еще доминировали суровые, упрямые устои, там проявлял себя твердый американский характер. Он проявляет себя, иногда, до сих пор. Неиндустриальные, традиционные фермеры (те самые, чья продукция стоит дороже), кустари-строители, мастеровые, весь этот мрачноватый, но очень крепкий костяк нации живет тут и там, на Среднем Западе, на Юге, на севере в Дакотах, так, как будто никаких псевдо-революций технического плана не было. Их теснят индустриальные фермеры и индустриальные строители. Костяк сопротивляется, мрачнея – в поношенной одежке, к которой до сих пор культивируется у них бережное отношение, на старых пикапах, используемых только для обслуживания земель, забытые средствами массовой информации, живут они, люди эти, все больше и больше раздражаясь, расхаживая по своим деревням (а не пригородам) с двустволками-дробовиками. Сколько их? Кто знает. Наверное, много. Если нефтяная цивилизация вдруг кончится в одночасье,

надеяться, кроме как на них, будет не на кого. Они хорошо понимают природу, они дружат с землей. Они не отравляют реки, не рубят почем зря лес. Их ряды пополняются время от времени за счет разочаровавшихся – из городов и из той же субурбии.

В городах росла преступность среди меньшинств, в основном негров. Белый средний класс углядел в сочетании новых дорог и доступных автомобилей заманчивую перспективу – загородную жизнь. Телевизионные шоу шестидесятых резко отличались от сериалов предыдущего десятилетия антуражем. Не менее эпохальный, чем «Молодожены», сериал-комедия «Заколдованный» показал Америке новый идеал, который тут же окрестили «американской мечтой» – загородный дом с автомобилем на въезде, в окружении таких же домов. Субурбия крепла с каждым днем. Мещане, основная составляющая среднего класса, потянулись в пригород – там было больше свежего воздуха (на первых порах), больше земли, в домах было (опять же на первых порах) просторнее, чем в городских квартирах. Дома эти, как уже было сказано ранее, строились без учета региональных особенностей – дешевая нефть оправдывала все – холод, жару, влажность, отсутствие влаги – со всем этим можно было бороться не архитектурно, но технически. Строители навострились строить такие дома в кратчайшие сроки по всей стране.

В 1960-м году Президентом Соединенных Штатов был избран Джон Ф. Кеннеди – олицетворение молодой силы страны. Бывший фронтовик, выходец из ирландской, очень богатой (не аристократической, несмотря на потуги патриарха клана считаться таковой) семьи, спортивный, улыбчивый, он понравился всему миру. Уже тогда политики перестали сами писать свои речи и даже просто участвовать в подготовке речей – за них это делали специально нанятые профессионалы. Курьезное изречение Кеннеди в инаугурационной речи («Не спрашивай, что твоя страна может для тебя сделать, но спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны»), коммунистическое и по духу, и по фразеологии, принадлежит перу одного из таких писак. Об этом знали, но этому не придавали значения.

Неожиданно начался откат. Послевоенное поколение, не воевавшее, привезенное в подростковом возрасте в субурбию, повзрослело и нашло эту самую субурбию невыносимо скучной. Многие потянулись обратно в город – к богеме. Возненавидели официальную идеологию – как всегда, скучную. Хотели протестовать, бунтовать, презирать предыдущее поколение. Хотели делать все наоборот.

Если старшее поколение стремится к обособленности –

значит, нужно жить коммуной. Если старшее поколение чопорно, нужно быть развязными. Старшие пьют виски – нужно курить марихуану. И так далее. Им очень по душе пришелся новый, видоизмененный рок-н-ролл. Они обожали Битлз. Они спорили о сравнительных достоинствах Битлз и Роллинг Стоунз. Они распевали полуфрондерские песни Боба Дилана, псевдо-фолковые, и качеством своим ничем не отличающиеся от песен Битлз – та же мещанская безграмотность, тот же уровень шестого класса средней школы. Они ненавидели и презирали войну и военных. Мужчины стали отращивать длинные волосы, всерьез полагая, что консервативные мужчины всю историю носили короткие.

Началась так называемая «сексуальная революция» – молодежь из мещан открыла для себя разврат.

Некоторая часть хиппи застряла в этом способе существования навсегда, но очень многие, попредававшись псевдо-бродяжничеству несколько лет, возвращались в лоно среднеклассовой цивилизации, заканчивали образование, устраивались на работы. Их презирали, как отступников.

Бродяжничество было именно псевдо. Хиппи не отказывались от автомобиля – он стал настолько повсеместным явлением, что жизнь без него стало трудно себе представить. Выбирались машины попроще или постарше. Появились даже теории о том, какой маркой автомобиля пользовался бы Иисус Христос, если бы он жил в наше время.

Хотя, конечно же, к христианству движение хиппи относилось с большим подозрением, ибо оно, христианство, ассоциировалось у них с убеждениями предыдущего поколения. Практиковался поверхностный интерес к «культуре востока», к буддизму, индуизму, и еще всякому разному, о чем у хиппи, как и обо всем остальном, имелись лишь весьма смутные, марихуанным дымом подернутые, представления. Культ наркомании вскоре проник в массовую культуру, в кинематографию, в прессу, в литературу, на телевидение. Появилось неимоверное количество организаций борьбы с наркотиками, центров лечения от наркомании, и так далее. После Кубинского Кризиса и убийства Кеннеди началась война во Вьетнаме – второе, на этот раз более серьезное, противостояние периферийных империй во имя некоторых аспектов идеологии. Объявлен был призыв, от которого бежали в Канаду или увиливали другими способами. Появились песни «протеста» против войны, псевдо-пацифисткие теории. Жизненный уклад хиппи противопоставлялся военщине. Все это было ужасно несерьезно, смешно, и глупо. Некоторые голливудские звезды (Джейн Фонда, например) делали себе

на этом рекламу – громкими голосами протестуя против войны во Вьетнаме, и даже посещая Вьетнам и снимаясь там среди орудий, направленных на американские части (при полной гарантии безопасности, разумеется).

Субурбанизация шла полным ходом несмотря на все это. Города один за другим впадали в депрессию благодаря оттоку. В середине шестидесятых случился последний серьезный всплеск борьбы негров за равные права. Кривая преступности, связанная с этой борьбой, наркоманией, протестами и прочим, пошла круто вверх, что только усилило субурбанизацию.

Удивительно, но собственно культурного слоя Америки все это касалось мало. В начале шестидесятых начала оперную карьеру блистательная, неповторимая Анна Моффо. Хенри Манчини, уроженец славного индустриального Синсинатти, штат Огайо, писал весьма приятную музыку к фильмам. В 1966-м году вышел фильм «Большие Гонки» – увлекательная пародия на историко-приключенческие сюжеты. Писал новые и новые романы Курт Воннегут.

Уже во время президенства Ричарда Никсона, оправившегося от поражения от Кеннеди, канистра с керосином, состоящая из нескольких отделяющихся (и после отделения ни на что не годных) ступеней полетела с экипажем к Луне и там приземлилась. Хорошо бы было, если бы на Луне нашли остатки древних цивилизаций, новые формы ископаемого топлива, подземные гроты с атмосферой, пригодной для существования человека, и прочее. Но нет – мерзлый камень и все. Установили отражатели, затем еще несколько раз высаживались, потом забыли.

Глава двадцатая. Свобода в клешах

Конец шестидесятых годов отмечен был большим количеством тривиальных в историческом плане событий с искусственно повышенным индексом сенсационности. Истерические студенческие буйствования представлены были газетчиками и телевизионщиками как революционные. Первая в мире атеистическая империя натужно, бюрократически косно двинула вооруженные силы усмирять зарвавшегося вассала – об этом непрерывно писали газеты, возмущаясь «несправедливостью» и «беззаконием». В 1971-м году в Соединенных Штатах вышел федеральный закон, запрещающий показ по телевидению рекламы сигарет. Тогда же появились первые почти-массовые персональные компьютеры, которые стоили очень дорого. Появились первые разработки всемирной информационной сети, финансируемые американскими университетами и вооруженными силами.

Тогда же случилось то, что пресса вообще не заметила – пройден был пик добычи нефти на территории Соединенных Штатов.

В девятнадцатом веке начали с Пенсильвании, где запасы, весьма скромные, быстро истощились. В двадцатом веке пошли на запад и обнаружили «несметные» залежи, огромные поля-монстры. О драках и конфликтах по поводу этих полей писались романы и снимались дурацкие фильмы. Затем были Техас, Калифорния и Аляска. После чего оказалось, что, в отличие от глупости, жадности и безответственности, география и геология вовсе не бесконечны.

Некто Хаббард, геофизик, разработал в пятидесятых годах теорию, согласно которой пику нефтедобычи сопутствуют несколько не очень приятных явлений. По прохождении пика, утверждал Хаббард, цены начинают лихорадить, прыгая то вверх, то вниз, а затем начинается неуклонный их рост при неуклонном сокращении запасов. После этого наступает момент, когда для того, чтобы вынуть из-под земли баррель нефти следует потратить энергию, на получение которой уходит та же баррель. В следствие чего добыча прекращается. Хаббард предсказывал, что пик добычи в США придется на 1970-й год, а пик добычи в мире – на 2000-й.

Паники не получилось – нефтяные компании темнили по поводу добычи, правительства всего мира их поддерживали весьма охотно. В 1973-м году ОПЕК, нефтяное содружество арабских и околоарабских стран и Венесуэлы, наложило эмбарго

на экспорт нефти, дабы отомстить Западной Европе и США за поддержку Израиля в войне против арабов и мусульман.

К бензоколонкам в США выстроились длинные очереди. Вашингтон принял незамедлительные меры, оказавшиеся не очень эффективными. Владельцы драндулетов с номерами, кончающимися на нечетное число, могли покупать бензин только по нечетным числам. Четные владельцы по четным. На всей территории страны ввели лимит скорости – 55 миль в час (90 километров). Также ввели временной сдвиг – весной и осенью – на один час, чтобы использовать как можно эффективнее дневной свет.

Одновременно с этим федеральное правительство отменило связь между деньгами и золотом. Доллар упал в цене, что сказалось на всех странах и рынках – и по нескольким причинам неожиданно обогатило на какое-то время огромное количество населения Соединенных Штатов. Эмбарго вскоре кончилось, билеты на трансатлантические и транстихоокеанские перелеты подешевели до кретинизма, и люди низкооплачиваемых профессий, а так же весь средний класс, все мещане – ринулись в отпуск за границу, сорить деньгами. Именно тогда в некоторых европейских странах сложилось неверное представление о народе Соединенных Штатов. Мещане говорили громко, вели себя нагло и заносчиво – в Париже, Лондоне, Риме и Берлине, были намного заметнее американцев, в течении двух веков посещавших эти города и не вызывавших никаких нареканий. Справедливости ради следует сказать, что такое поведение мещан из Америки замечали и клеймили в основном местные мещане же, узнававшие в этой заносчивости свои собственные привычки – это первое. Второе —благодаря наплыву американских мещан в некоторые европейские регионы Европа не свалилась в очередную депрессию, связанную все с тем же эмбарго.

Правительства Франции и Германии поменяли ориентиры и заняли про-арабские позиции, поскольку своей нефти ни у них, ни у Израиля не было, а на драндулетах кататься хотелось.

Скандал, связанный с подслушиваниями конкурентов, заставил президента Ричарда Никсона уйти в отставку. Его место занял вице-президент Джеральд Форд. Американские войска покинули Вьетнам. На околоземной орбите произошла экспериментальная стыковка американской и советской ракет, и газетчики захлебнулись в сентиментальном восторге.

В то же время на улицах американских городов, несмотря на все усугубляющуюся урбанистическую депрессию и стремительно растущую преступность, царила какая-то совершенно непонятная свобода. Люди вели себя очень

раскованно, очень по-свойски, очень приветливо. Сидели на приступках, заговаривали каждый с каждым, пили и курили. Носили длинные волосы и неформального, необязательного вида одежду, чем легкомысленнее, тем лучше. Такое было ощущение, что цивилизованный мир устал и решил отдохнуть и расслабиться. Необязательность, ирония, добрый юмор присутствовали во всем – включая массовую культуру. Снимались необязательные фильмы, писались необязательные книги.

У этой расслабленности были и негативные аспекты, естественно. Помимо высокой преступности, в городах накапливалось неимоверное количество мусора. На стенах рисовали граффити. Система метрополитена в Нью-Йорке пришла в почти полную негодность – грохотали по тоннелям расхлябанные, размалеванные вандалами старые поезда, часто ломаясь. В поездах этих запросто курили и пили все, кому не лень.

Квартиры в самом центре Манхаттана сдавались по баснословно низким ценам. На аристократические кварталы волнами наступала беднота. Полиция, сменившая черную форму на голубую, чтобы не раздражать тех, кто радостно сравнивал полицейских с нацистами, работала из рук вон плохо – ее лишили всех мыслимых прав.

(Дополнение. Россия, судя по подсчетам, прошла пик нефтедобычи в конце восьмидесятых годов. Большое количество залежей природного газа, возможно, смягчило эффект на некоторое время. Газ кончается также, как нефть. В отличие от нефти, предсказать, когда в какой-то конкретной скважине кончится газ, практически невозможно. Нефть сперва идет на убыль – и можно рассчитать, что, вот, столько-то времени мы качаем из этой скважины, вчера качали больше, чем сегодня, стало быть, столько-то времени еще можно качать. Газ кончается сразу. Вчера качали, сегодня не качаем. Великобритании в восьмидесятых годах повезло – в Северном Море открыли залежи нефти. Это резко подняло «экономику» страны, и на какое-то время Великобритания стала нефтенезависимой страной. Продолжалось это два десятилетия. Пик был пройден в последние годы тысячелетия. Сегодня нефть в Северном Море стремительно убывает).

Глава двадцать первая. Кони Айленд

Когда-то Кони-Айленд действительно был островом – продолговатой косой с пещаным побережьем, как все острова и полуострова с южной стороны Лонг-Айленда – земли, намытой наступавшим, и затем отступавшим, ледником. Какое-то время на земле этой жили бесхозно неэлегантные индейские племена. Затем голландские и английские переселенцы потеснили индейцев вглубь земли, на восток, дальше от материка, а сами основали поселение вдоль Восточной Реки, на другом берегу которой рельефно возвышались скалы Манхаттана, а также вдоль побережья. В восемнадцатом веке землю эту обильно полили кровью столкнувшиеся на ней Континентальная и Королевская армии. Юго-западная оконечность Лонг-Айленда, называемая Бруклин, состояла некоторое время отдельным городом. В 1886-м году ее соединили с Нью-Йорком неповторимым шедевром архитектуры и инженерии – Бруклинским Мостом. Уже тогда Кони Айленд был модным курортным местом.

Его соединили с Бруклином, построив изящный, узкий мост. Расположившийся по соседству на территории самого Бруклина пляж назвали в честь аристократического курорта в Англии – Брайтон Бич. По Бруклинскому Мосту, и затем через весь Бруклин по эффектному, залитому солнцем, бульвару следовали каждое лето изящные экипажи – нью-йоркцы «выезжали» к Атлантике – походить по песку, полюбоваться волнами.

Маршрут пришлось вскоре изменить. Кто-то предприимчивый наладил в Кони первую карусель. Затем какие-то качели. Потом появились огромные срезы водопроводных труб, скатывающиеся по специальному петляющему пандусу – в такой срез предлагалось зайти и вертеться в нем, падая, пока он не скатится к подножию пандуса.

Тут подоспела и первая трамвайная линия.

Затем кто-то вспомнил о забавной традиции «русских гор». В России съезд с горок на санках всегда был популярным развлечением, но в девятнадцатом веке кто-то поставил дело на индустриальную основу и в окрестностях Петербурга появилось большое количество «искусственных» гор, более удобных, специально оборудованных для съезжания. Развлечение переняли в Париже (возможно, экспортировали сами русские), где в Садах Тюильри вместо гор устанавливали пандус, вершина которого достигала уровня крыши пятиэтажного дома. Сперва пандус заливали в морозные дни водой, чтобы было все как в России, но в конце концов догадались приделывать к саням

небольших размеров колеса. Были, конечно, и неприятности, но любовь человечества к скорости неискоренима, а скорости были захватывающие. То бишь, в то время так разогнаться нельзя было даже на паровозе – а только в Садах Тюильри.

В Кони догадались, что число смертельных случаев можно значительно снизить, если поставить колесные сани на рельсы, чтобы кайфоловов не мотало из стороны в сторону при съезжании и не сбрасывало с пандуса. Так получился роллер-коустер (roller coaster). Затем к нему приспособили сперва паровую тягу для поднятия наверх, а затем и электричество. Роллер-коустеры со временем усложнились, стали петлять, нырять вниз и снова взлетать, уклоны становились все круче, скорости все значительнее.

Тут же по соседству построили несколько луна-парков, где в миниатюре имитировали весь мир, с пирамидами, Садами Семирамиды, Лувром, Вестминстером, Покровским Храмом и Тадж Махалом. Именно в связи со всем этим аристократам пришлось искать себе другие излюбленные места – в Кони повадилась ездить простая публика, радуясь аттракционам. Работали одновременно девять роллер-коустеров. Быстро строились отели. По ночам Кони светил неоном, стояли открытыми недорогие рестораны, вовсю работали публичные дома. Уже после Первой Мировой соорудили на Кони самое большое в мире колесо обозрения с новшеством – кабинки на колесе не были закреплены, но съезжали по внутренним рельсам, раскачиваясь и вселяя веселый ужас в пассажиров, в зависимости от положения колеса – к центру и от центра. Колесо это до сих пор украшает пляж Кони.

Еще до Первой Мировой к трамвайному сообщению с Кони добавилась ветка эстакадного метро, и затем еще одна. Летом, спасаясь от городской жары, народ попроще валил в Кони валом. Те, кому отдых на престижных курортах был не по карману, находили Кони совершенно прелестным. И были совершенно правы. Отели – есть. Рестораны – есть. Ночная жизнь – есть. Шоу и театры – есть. Пляж – замечательный. Песок добрый и мягкий. Загар – превосходный. Все это по доступным ценам. Никакие багамы-бермуды, флориды-калифорнии не сравняются никогда!

О Кони слагались легенды, а король сентименталистов О. Генри увековечил его в нескольких рассказах. В частности, есть у него рассказ о девушке из простого сословия, в которую влюбился богатый парень. А она не знала, что он богатый. И спросила она его, куда, мол, они отправятся в свадебное путешествие. Он ей стал рассказывать про египетские пирамиды и парижские бульвары, про Италию и Россию, и прочее. Она его

тут же бросила и написала подруге возмущенное письмо, где объяснила, что рассчитывала, как приличная девушка, поехать, выйдя замуж, на неделю-другую в Пенсильванию, а горе-жених, недотыкомка и жмот, предложил ей вместо этого посетить Кони Айленд.

В тридцатых годах, в разгар Великой Депрессии, а следовательно – в пик дешевых развлечений (а Кони именно в эту категорию попадал, и был счастлив этим) – все тот же Роберт Моузес подрядился строить скоростное шоссе по кромке Бруклина, под названием Белт Паркуэй. Частью проекта было – засыпать пролив, отделяющий Кони от остального Лонг Айленда. Убрали мост. Пролив засыпали. Повыдергивали трамвайные рельсы. Почему-то оставили в покое эстакаду метро. Часть притягательности была тут же утеряна. Затем, сразу после Второй Мировой Войны, обилие кондиционеров негативно повлияло на Кони. Спасаться от жары можно было и дома. Три луна-парка нуждались в ремонте, но неумолимый Моузес, состоявший во время оно Главным Комиссионером Нью-Йоркских Парков, не любил «дешевые» развлечения, считал, что они тормозят прогресс, отвлекая народ от автомобилизма, и, дождавшись окончательного упадка, распорядился парки и все, что они содержали, все строения, сносить, один за другим. На освободившемся месте построили уродливые высотные здания, которые благодаря государственной субсидии вскоре заселились безработными или малоимущими негритянскими и пуэрто-риканскими псевдо-семьями частично криминального толка. Уличные банды сформировались и активизировались почти сразу, и в пятидесятых годах популярность Кони среди белого населения города упала до нуля.

В семидесятых годах Кони попробовал подняться, но ему не повезло. Сперва открыли Дизни-Уорлд во Флориде, под стать калифорнийскому Дизни-Ланду, а затем многочисленные парки аттракционов стали расти тут и там, на отшибах, между городами – с суперсовременными развлечениями, легко доступными только частным владельцам авто – земля в отдалении от городов стоила дешево.

Кони опять сник.

Частичный подъем снова начался в девяностых годах, но ни былой красоты, ни былой популярности в обозримом будущем Кони не светит. Любителям исторических памятников рекомендуется улавливать в атмосфере Кони отголоски былой славы и полагаться на свое воображение. Пляж все еще хорош, самый старый в мире роллер-коустер, именем Циклон, работает.

Глава двадцать вторая. Проекты, благосостояние и расизм

Слово «проект» имеет в Нью-Йорке и других больших городах Америки дополнительное значение, а именно – комплекс типовых высотных зданий, населенных в основном негритянской беднотой, разбавленной латиноамериканцами, на пособии.

Слово «благосостояние» также обзавелось дополнительным значением, а именно – пособие, приблизительно соответствующее прожиточному минимуму, выплачиваемое тем, кто не может найти работу (не путать с пособием по безработице). В социалистических (не путать с социализмом советского типа) странах – в Дании и Голландии, например – на такое пособие можно безбедно существовать по сей день. В Америке можно было – раньше.

«Благосостояние» – welfare – велфер, как его стали называть переселенцы из России в семидесятых годах (в русской словесности слово велфер утвердилось благодаря Эдуарду Лимонову) – появился еще во времена Великой Депрессии. В восьмидесятых наступил перелом, когда цены взлетели, а пособие осталось на более или менее прежнем уровне. После десятилетних разборок по поводу велфера, пришедшая к власти «либеральная» администрация Билла Клинтона занялась проблемой всерьез. В предвыборной кампании Клинтон обещал «покончить» с велфером в том виде, в каком мы его, велфер, знаем. Это свое обещание он выполнил. О полезной стороне этого положения дел написано и сказано чрезвычайно много глупостей. Отрицательная сторона выглядит следующим образом.

Значительная часть негритянского населения больших городов Америки существовала на велфер поколениями. Матерям-одиночкам накидывали дополнительные доллары на каждого ребенка. Жили эти представители велфер-культуры в «проектах» и до определенного момента – в отелях-меблирашках. Понятно, что только люди, получившие определенное образование и воспитание могут жить на минимальное пособие достойно. Плебс же, естественно, скатывается в скотство, в беспринципность, в криминал, особенно если старшее поколение ничем не отличается от младшего и стимула искать работу и удерживаться на ней нет никакого.

Пособие долгое время давали кому угодно по первой просьбе. Бывают в жизни обстоятельства, когда это необходимо. Более того, государству с десятитриллионным годовым бюджетом

отказывать в таком пособии людям – стыдно.

(Уже упомянутый Эдуард Лимонов, к примеру, жил на велфер в Нью-Йорке несколько лет, писал книги и вел богемный образ жизни).

Альтернатива велферу у представителей велфер-культуры – черная работа по многу часов в день. Может, две черных работы, поскольку минимальная зарплата не покрывает плату за жилье. Что же – стал ли кто счастливее или лучше из-за того, что его или ее лишили пособия? Вряд ли.

Вопрос – а почему бы этому парню (этой девке) не пойти учиться – и так далее, с радужной перспективой стать президентом Чейз Манхаттан Банка по достижении конца светлого пути?

Возражений тут несколько. Во-первых, ни одна система в мире не рассчитана на учебу и престижную занятость *ВСЕХ* граждан. Само существование неимущего класса и черных работ подразумевает, что кот-то всегда будет оставаться неимущим чернорабочим. Во-вторых, ни одно общество в мире не стало пока что бесклассовым и вряд ли когда-нибудь станет. А выходцу из низов не с кого брать пример, чтобы идти и получать образование. Да и зачем? Способных людей на планете очень мало, а обычный человек, если он из низов, по получению того образования, которое он может теоретически получить, может рассчитывать лишь на вставание ни свет, ни заря и проведение лучшего времени дня в конторе за очень скучными бумагами.

По популярной теории, негритянское население искусственно содержится в псевдо-нищете – из-за вездесущего расизма.

Это не совсем правда. Как и расизм.

О расизме сегодня говорят очень много – о белом расизме по отношению к черным на всех уровнях, и о черном расизме – по отношению к белым. Действительно, расовые отношения в Америке в настоящий момент напряжены. И черные, и белые твердят об этом, пишут книги, предлагают решения проблемы. Обвинять можно многих, но упускается одна пикантная деталь.

Дело в том, что в начале восьмидесятых годов никакого расизма в больших городах Америки не было.

То есть, был конечно – бытовой, неискоренимый, сопутствующий цивилизации всю историю. Но с таким видом расизма можно мириться. Массы не любят тех, кого раз и навсегда определили для себя, как чужих – ирландцы не любят англичан, англичане ирландцев, украинцы русских, русские евреев, евреи немцев, и так далее. Все не любят всех.

Но такого сурового напряжения между именно расами, какое наличествует сегодня, в восьмидесятых – не было.

Я прекрасно помню концерт черного комика Эдди Мерфи году эдак в 1984-м или 1985-м. Этот комик популярен и сегодня, снялся в массе фильмов, живет очень хорошо. То, что он говорил на том концерте, сегодня он сказать бы не смог – потерял бы все из-за «народного» возмущения.

– Меня всегда интересовал расизм, – говорил Мерфи с роскошной сцены роскошного концертного зала, заполненного пополам-напополам белыми и черными зрителями. – Но я никогда с ним не сталкивался. И я решил, что это только в моем родном штате так, а вся остальная Америка – расистская. И я решил найти и выявить расизм. Испытать его на себе. И для этого купил билет на самолет в Техас. Уж в Техасе-то должен быть расизм. Прилетел. Вышел в терминал, поставил чемодан на пол. Ко мне подошел белый носильщик – а я уже весь напряжен. Он мне говорит – это ваш чемодан? Ну, я ему напряженно так отвечаю – а что, по-вашему негр не может состоять владельцем чемодана? Он как-то странно на меня посмотрел, повернулся, и пошел, бормоча «Что-то с этим парнем не так, чокнутый какой-то».

Совершенно невозможно сегодня такое выступление. Совершенно! Равно как и прогулки одинокого белого пешехода по некоторым черным районам даже днем. О ночи и говорить не приходится.

Кому-то очень не нравилось такое положение дел. В конце восьмидесятых средства массовой информации снова дружно, очень громко заговорили о расизме – и он снова пришел в бытовую жизнь – в основном черный расизм по отношению к белым, о котором пресса предпочитает помалкивать.

Глава двадцать третья. Цензура, церковь и храм атеизма

Восьмидесятые годы стали в Америке, да и в мире, переходным периодом – трудно сказать к чему. Бывший голливудский актер получил новую роль – консервативного Президента США. Вице-президент, Джордж Буш, делового благообразного вида блондин в очках, выполнял многие президентские обязанности. Официальная идеология утверждала, что снижение налогов на большие доходы ведет к увеличению этих доходов, а богатые, когда у них появляется излишек, делятся этим излишком со всеми остальными – дают этим остальным заработать. Нехитрая эта философия вскоре привела к чудовищному бюджетному дефициту.

Администрация Рональда Рейгана решила также восстановить утраченный во Вьетнаме престиж вооруженных сил страны и увеличила военный бюджет. Старые самолеты и линкоры списали в утиль и стали строить новые. Тут же возникло несколько скандалов – правительственные деньги, как это всегда бывает, начали прилипать к рукам частных лиц. Пресса задавала вопрос – почему пепельница для армии стоит четыреста долларов? Оказалось – это специальная разработка. Такими пепельницами снабжали флот. По идее, при аварии на подводной лодке, пепельница, падая, раскалывалась на три части с тупыми краями – чтобы не порезаться. О том, что пепельницы можно делать из пластмассы, никто почему-то не подумал.

То, что СПИД обнаружили именно в это время – символично. «Сексуальная революция» тут же сошла на нет. И одновременно по всему миру началось явное, неприкрытое закручивание гаек.

Ужесточилась цензура.

Если в газете появлялась карикатура, изображающая стремительно растущую преступность в городе, преступник всегда изображался белым, хотя белый уличный грабитель в большом американском городе в восьмидесятых годах был явлением чрезвычайно редким.

Особенно усиленно баловались цензурой издания с диссидентской репутацией. Они всегда обвиняли правительство в дискриминации негров и меньшинств.

В этой связи выход в свет романа Тома Вулфа «Костер Тщеславия» выглядел странно.

Писатели, мыслители, газетчики, философы всегда разделены на две неравные группы – те, кого стоит воспринимать

всерьез, и все остальные. Те, которых стоит воспринимать всерьез, отличаются особым, всегда индивидуальным способом мышления – то бишь, они не склонны цитировать расхожие фразы и пользоваться мыслительными заготовками, которые машина пропаганды услужливо предлагает массовому потребителю. Такие писатели в восьмидесятых годах были. Большинство их, правда, принадлежало к плеяде пятидесятых-шестидесятых годов. Но все же – они были. Известны их имена и названия их произведений. Что странно – все они, без исключений, являлись безусловными прихожанами храма атеизма. И Воннегут, и Видаль.

Том Вулф начал карьеру в качестве журналиста еще в шестидесятых, постепенно приучая читателей и, что важнее, редакторов, к своему стилю – фельетонно-саркастическому, описывая реальные события, называя имена, специализируясь на жизни в трущобах, но преподнося все это в форме, сильно напоминающей литературный рассказ с большим количеством авторского текста.

Цель любого редактора – поддерживать или увеличивать популярность своего издания, избегая неприятностей – демонстраций протеста, судебных исков, и так далее. Принеси Вулф редактору эссе в своем обычном ключе в самом начале карьеры – и с ним бы не стали разговаривать. Теперь же, после тридцати лет скандальных репортажей, к нему привыкли. Писателям и журналистам за выслугу лет дают особый негласный статус – их рукописи отправляются в набор, не проходя цензурирования. Это означает, что писатель примелькался, известен публике, а бунтов и революций нет, стало быть – опасен он быть не может. Что бы не написали сегодня Воннегут или Солженицын, редактор может быть уверен, что никаких исков в связи с публикацией этих авторов не будет.

Получив такой статус Вулф, расхаживавший по Нью-Йорку в соломенной шляпе и с тростью, подчеркивая свое южно-аристократическое происхождение, написал роман, в котором досталось всем – меньшинствам, большинству, неграм, евреям, феминисткам, англосаксам, богатым, бедным, политикам, полицейским – словом, всем. Роман состоял из непрерывной цепочки трагикомических жанровых сцен, объединенных единым сюжетом. Если бы такой роман подписан был не Томом Вулфом, он совершенно точно не был бы напечатан, а если бы был, то вызвал бы грандиозный скандал. А так – скандала не было. Шума не было. Ничего не было. Через несколько лет по роману сняли уже совершенно скандальный фильм, напичкав его до отказа голливудскими звездами – и фильм прошел незамеченным.

Но и сам Том Вулф не высказывается, или не решается высказываться открыто, в поддержку церкви.

Сама же церковь, прекрасно осведомленная о возможностях литературы, как трибуны, телевидения, как трибуны, кинематографии, как трибуны, предпочитает непостижимым образом на записываться в меценаты. Существует, правда, целая индустрия «христианской» литературы – это серии примитивных по духу и по сюжеты соцреалистических фальшивок. Фильмы с христианской тематикой заведомо и намеренно глупы и уровнем своим соответствуют агиткам для бойскаутов.

В то же время антирелигиозные книги приветствуются Нобелевским Комитетом и Пулицеровской Премией, рекламируются широко и агрессивно. Перечень «культовых» книг … (На самом деле, культовая книга становится таковой *ВОПРЕКИ* отсутствию поддержки со стороны литературной индустрии, не так ли) … за последние десять лет впечатляет.

«Код да Винчи» – подспудная агитка, то бишь, самая действенная. Ни церковь, ни христианство не подвержены в ней прямой атаке, но рассматриваются вместо этого как артефакты наивного прошлого. Сама личность Христа трактуется с точки зрения сегодняшнего, т. е. «просвещенного» человека, не верящего в глупые сказки.

«Властелин Колец» – языческая по духу и исполнению серия, необыкновенно скучная, кстати говоря. Насаждается почти насильно. Везде рекламы.

«Гарри Поттер» – беспомощная поделка, учащая детей, что колдовство – это хорошо и интересно.

Недавно Пулицеровскую Премию получила пьеса, рассказывающая о том, как некая монахиня расследует дело священника-извращенца. Дело с католическими священниками-педофилами раздули в мировую сенсацию. Будто именно и только в этой профессии находятся педофилы. С тем же успехом можно было бы провести кампанию против астрономов – педофилов среди них не меньше, но больше.

Началось все это, конечно же, не сегодня и не в Америке.

Скорее всего в Англии, в девятнадцатом веке. Затем учения Маркса, Дарвина и Фрейда инспирировали первых атеистических воинов – в России. Усиленная в России зараза поползла обратно в Западную Европу и прочно там укрепилась. В Америке антицерковные движения стали набирать обороты только после Второй Мировой, но победы свои атеисты начали официально праздновать только в конце семидесятых.

Недавно разразился общенациональный скандал, когда кто-то из прихожан храма атеизма обиделся и подал в суд (!) за то,

что его дочь, учащаяся в публичной школе, вынуждена – не произносить, нет, но слушать (!!) как другие ученики произносят присягу – с такими словами —

«Я торжественно обещаю хранить верность флагу Соединенных Штатов Америки и Республике, которую он символизирует – единой нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех».

Дебаты в прессе упирали на то, что слова «под Богом» противоречат Конституции.

(Атеисты намеренно и *ВСЕГДА* забывают в своей аргументации, что Конституцию писали люди, глубоко верующие. Также всегда забывается теми, кто презрительно бросается словами вроде «креационизм» и «ненаучно», что все без исключения великие ученые были верующие).

А есть ли сопротивление всему этому?

Да. В Америке – есть. Везде. Даже в правительстве. Это предусмотрено Конституцией (еще раз поклонимся Мэдисону, Джефферсону и компании). Конгресс – не парламент, который можно распустить. Конгрессмены и сенаторы выбираются штатами, каждым штатом свои. И когда на заседании Конгресса один из его членов встает и во всеуслышание говорит, что учение Христа – единственный путь к спасению человечества, единственное, что могут сделать солдаты атеизма – не сообщать об этом заявлении в газетах и по телевидению. А также могут высмеивать Буша-младшего, заявившего, что он каждый день читает Библию, ищет, и иногда находит, в ней ответы на любые вопросы.

Положение это – совокупность цензуры, называемой в наше время «политкорректность» (слово вошло в моду во время президенства Билла Клинтона), гонения на церковь, замалчивание проблем энергетического и экологического толка широкими средствами массовой информации, релятивизм, атеизм – привело к упадку и дальнейшей бюрократизации искусства и науки.

Бюрократы часто путают законы с правилами.

Законы отличаются от правил тем, что они непреложны и не нуждаются в комментариях. Правила нуждаются в постоянном видоизменении и комментировании во избежание неправильных интерпретаций.

Если искусство – мерило уровня культуры, то наука – мерило уровня любознательности – нации и цивилизации.

Сегодня искусство задыхается в непомерном количестве правил. Писать роман нужно так-то и так-то. Писать стихи – так-то и так-то. Ставить фильмы – так-то, так-то и еще так-то.

Некоторых авторов и режиссеров порой просто жалко становится. Вот написал автор книгу, в которой наличествует все основные, продиктованные принятыми на сегодняшний день правилами, ингредиенты. И сюжет с интересными поворотами, и точно выверенная пропорция положительных и отрицательных героев, и точное число отталкивающих черт у отрицательных и притягательных черт у положительных героев, и секса ровно столько, сколько нужно, и рассуждений об идеалах (устаревших) – сколько надо, и благородного гнева, и спецэффектов, и крамольных мыслей. Все что нужно – написал. А читать скучно. Или смотреть. А почему? А потому, что нет в этом души. Душа не любит правил. Душа живет по законам, и многие из этих законов нельзя определить. Алгебраический подход к искусству ни к чему хорошему не приведет – никогда и никого.

Но – да грядет новый ренессанс, дамы и господа. От бездуховности человечество совершенно явно устало.

Глава двадцать четвертая. Сага о Всемирном Торговом Центре

История этой архитектурной данности охватывает полстолетия и является весьма – не то, чтобы поучительной или показательной, но очень наглядной, поэтому я выделил ее в отдельную главу, потревожив хронологию повествования, забежав чуть вперед и возвратившись частично назад.

Планы построить что-то эдакое, необычное, в Нижнем Манхаттане имелись уже в 1948-м году. Особенно ратовали Роберт Моузес и, отдельно, Управление Портами Нью-Йорка и Нью-Джерзи.

Созрели планы в шестидесятые годы. Оказалось, что земля, на которой следует строить, уже занята.

Неприглядные здания стояли там, неприглядные были улицы – времен Гражданской Войны. Это не беда. Такие улицы, уж если выдержали целое столетие, легко поддаются ремонту и прихорашиванию. Всего ничего – капитальный ремонт, новая облицовка, чистка орнаментов, новые тротуары – и готов фешенебельный, или просто красивый, район. Улицы у Гудзона в этом месте все были торговые, с витринами частных магазинов, с обязательными для такого места барами. Оказалось – они подлежат сносу.

Это вызвало бурю протестов. Во-первых, у магазинов имелись совершенно конкретные хозяева, которые жили на доходы от этих магазинов. Во-вторых, над магазинами, в пятиэтажках, располагались совершенно конкретные квартиры, в которых жили совершенно конкретные люди. Так как же?

А так. Управление Портами, с Остином Тобином во главе, настаивало на своем и выбило – и разрешение, и подряд.

С каких это пор Управление Портами занимается постройкой домов? Что это еще за глупости? А мороженым оно не собирается заодно торговать? А может, там на посевные работы собрались? А канкан они не станцуют ли в Мюзик Холле под Рождество?

А вот и занимается. Постройкой. Да еще и собирается переезжать в новые здания, как только они будут построены. Кроме того, аргументация в пользу постройки такая – это оживит район. Ратующим за постройку чудились оживленные офисы, своеобразное продолжение близлежащей и, на их взгляд (похожий на взгляд Моузеса) устаревшей Уолл Стрит с Троицкой Церковью в конце. Решено было построить самое-самое, высокое-высокое. Из всех проектов к финишу пришел проект американца

японского происхождения, продолжателя Корбюзье. Противника понятия городского ансамбля. Забегая вперед, скажу, что ансамбль все-таки получился, *ВОПРЕКИ* планам архитектора и Управления Портами. Но не вдруг.

Владельцам зданий и магазинов дали в зубы позорно малые суммы денег и велели убираться подобру-поздорову. Подогнали технику и разнесли двенадцать улиц в пыль. Нарыли котлован, уходящий под землю на семь уровней. Построили цементную стенку, предупреждающую прилив воды в фундамент из близпротекающего Гудзона. Выкопанное в котловане использовали – вывалили в Гудзон тут же, рядом, образовав дополнительную землю, на которой можно было еще чего-нибудь построить (в восьмидесятых уже – построили, большой жилой и конторный комплекс, очень неудачный – получилось, парадоксально, что цены на жилье там манхаттанские, но ощущения, что живешь в Манхаттане – нет, отшиб, до цивилизации – полчаса минимум, если на своих двоих, а на транспорте в Манхаттан можно и из Бруклина добираться – какой же смысл?). Попутно в котловане нашли исторические слои – ядра пушек, английские монеты семнадцатого века, и еще много всякой дребедени. Сварганили фундамент и приступили к постройке.

В инженерном смысле два здания-близнеца были чем-то вроде нового слова в архитектуре. Несущие конструкции в них располагались по периметру – здания держались не на внутреннем каркасе, но на собственных стенах. Ветры в этой части Манхаттана – самые суровые, океанские, особенно ежели забраться повыше. Требовалось очень тщательно рассчитать амплитуду раскачивания. Провели эксперимент в одном из штатов Среднего Запада, в горах с похожими ветрами. Если бы хоть один газетчик узнал бы, что при эксперименте одна из моделей *УПАЛА*, Близнецы не были бы построены никогда.

Строили из облегченной стали – это сэкономило много материала. Три года строили каркасы и попутно оснащали уже готовые этажи.

Выглядели здания глуповато – продолговатые алюминиевые коробки. Собственно орнамент можно было разглядеть только подойдя к зданиям почти вплотную – псевдоготический узор в районе первого-третьего этажа, уходящие ввысь арки подряд.

Ближе к концу строительства оказалось, что сама по себе концепция постройки небоскребов где попало противоречит современным теориям об устройстве городов. Городам, оказалось, нужен интим – узкие улицы с витринами, а не открытые пространства с безликими коробками. На противоречие

наплевали и продолжили постройку. При этом особую гордость властей вызвал тот факт, что при возведении зданий не погиб ни один строитель.

Официально Всемирный Торговый Центр открылся в 1971-м году. И начал терять деньги. До двадцати миллионов долларов в год. В здания никто упорно не хотел въезжать – никакие компании. Управление Портами въехало – и все. Несмотря на налоговые скидки, несмотря на низкие цены. Не желали.

Район из относительно оживленного превратился в сюрреалистически-брошенный. Площадь между двумя зданиями, футуристическая, суперсовременная, пустовала – там свободно разгуливал ветер с Гудзона и с Атлантики, там негде было присесть, там было неуютно, и *ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДЬ* и *ВДОЛЬ* площади – *НЕКУДА* было пойти. Ближайшие заведения находились в стороне от площади. Внизу, *ПОД* площадью, был комплекс магазинов-ресторанов, но кому охота для удовлетворения своих гастрономических и питейных вкусов спускаться в подвал под неуютной площадью? Два здания-близнеца торчали в знаменитой манхаттанской «небесной линии», в неповторимом нью-йоркском архитектурном силуэте, как два зуба у больного парадантозом, не доминируя и не вписываясь. До поры до времени.

Дело в том, что большое значение в архитектуре имеет отношение к ней людей, на нее смотрящих. Пока жители города и приезжие смотрели на Твинов прохладно-удивленно, здания оставались прохладно-удивленными.

Но в 1974-м году французский канатоходец Филипп Пети, шесть лет потративший на теоретическую подготовку плана и восемь месяцев на физическую подготовку плана, нелегально проникая в здания, ползая по этажам, оставаясь нелегально же на ночь, прикидывая и примериваясь, совершил как-то утром восемь переходов с одной крыши на другую, перекинув (с помощью лука, стрелы, и двух помощников) трос и укрепив его. Шел он с шестом, иногда совершая пируэты, иногда ложась на трос. Его заметили. На него глазели. Его фотографировали. Полиция спохватилась только через полтора часа. Дождались, пока он дойдет в очередной раз до крыши и надели ему наручники. Тут же набежали репортеры. Двадцатичетырехлетнего авантюриста, совершенно счастливого, отвели в участок. Ему предъявили пятнадцать обвинений. Вмешались городские власти и наказание ему заменили обязанностью дать в Сентрал Парке бесплатное представление для детей. Пети согласился.

Филипп Пети принадлежит к неприятному типу французов, обожающих декаданс. Собственно искусство и красоты

архитектуры его не интересуют. Собственно культура Франции (или Америки) тем более. Культурный коллапс Франции произошел именно по вине таких вот французских мальчиков. Поэтому футуристически холодный Всемирный Торговый Центр его и привлек.

Парадоксальным образом этот декадент вдохнул в Близнецов душу. На здания стали по-другому смотреть, и здания ожили. Слегка.

Через три года американский альпинист, уроженец Квинса (через Восточную Речку, к северу) задумал свой собственный трюк – залезть на одно из зданий по стене. Для этой цели он сам сконструировал специальную распорку, которую можно было вставить между сплошных, от низа до крыши, оконных стояков. При давлении на нее распорка расширялась и держала вес. При прекращении давления ослабевала, и ее можно было передвинуть. Если вам кажется, что это легко, представьте себя на месте этого альпиниста. Близнецы уходят в небо на четыреста пятьдесят метров. Вот вы висите где-то по середине здания. Двести с чем-то метров до земли. Держит вас эта распорка. Теперь вам нужно ее передвинуть вверх. Вы упираетесь руками и ногами в стояки по бокам … не глядя вниз передвигаете распорку … и так далее.

Альпиниста звали Джордж Уиллиг. Подъем занял у него около трех часов. В районе шестьдесят шестого этажа к нему с крыши спустили ремонтную каретку, содержащую полицейского. Между альпинистом и полицейским произошел разговор.

Нам пора прекращать встречаться в таких местах, – сказал полицейский. – Еще жена узнает!

Да, вы правы, – откликнулся альпинист.

Ну, ладно, перебирайтесь ко мне.

Нет, – ответил альпинист. – Эти каретки – они опасные очень. Боюсь.

На том и порешили. На крыше альпиниста ждали десятеро полицейских. Сперва каждый из них взял у него автограф. После этого на него надели наручники.

Мэр города, Абрахам Бим, своим указом снял с Уиллига все обвинения и заставил выплатить штраф в размере одного доллара двенадцати центов – по центу за каждый этаж побежденного здания.

Площадь не стала уютнее, но какая-то жизнь вокруг Близнецов все же наметилась после этих двух приключений. Близнецы благополучно пережили восьмидесятые годы, а в девяностых, в бум инетных инвестиций, в них повалили одна

за другой компании, и полностью оккупировали оба здания.

В девяносто третьем году в подвале одного из Близнецов грохнул взрыв. Исламские террористы выразили таким образом протест против существования и деятельности Соединенных Штатов.

Через восемь лет после этого, ранним солнечным сентябрьским утром, к Близнецам направился большой пассажирский самолет, взлетевший ранее в Бостоне. Летел он очень низко, не намного выше верхней оконечности Моста Джорджа Вашингтона в Верхнем Манхаттане, и в несколько раз превышая лимит скорости, установленный для полетов в непосредственной близости Манхаттана. Не снижая скорости, он вошел в одну из стен одного из Близнецов, ближе к крыше, и там взорвался.

Вниз полетели столы, компьютеры и бумага. Стоявшие внизу не поняли, что произошло. Бывшие внутри, те, кто в это время находился ниже или выше удара, *ТОЖЕ* ничего не поняли. Сперва.

Прошло около двадцати минут – вполне достаточно, чтобы поднять по тревоге в воздух весь военно-воздушный флот Соединенных Штатов и привести как минимум половину оного к Манхаттану. Ничего такого не случилось. И второй пассажирский Боинг, пролетев с юга над Статуей Свободы, вошел, дав небольшой крен, во второе здание. Двигался он быстрее первого, и из стены, противоположной удару, вылетел наружу ручей-плевок огня и дыма.

Верх обоих зданий закрылся черными клубами с пробивающимся сквозь них огнем.

Третий угнанный террористами самолет, сделав круг над Белым Домом в Вашингтоне, снизился и по диагонали ударил носом в одну из граней Пентагона.

Четвертый самолет упал в Пенсильвании, не долетев до цели.

Толпа в ужасе металась у подножия Близнецов, выплескивалась в близлежащие улицы.

Быстрее военных летчиков и морских пехотинцев среагировали три нью-йоркские службы – пожарные, полиция, и скорая помощь. Еще до второго удара вой сирен огласил Нижний Манхаттан. Объявлена была общегородская тревога. Красные пожарные машины Нижнего Манхаттана и Мидтауна одна за другой прибывали к Близнецам. Одно из подразделений бруклинских пожарников погрузилось в здоровенные свои машины и за двенадцать минут, через Бруклин-Баттери Тоннель, докатила в полном составе до Близнецов. Все они вскоре погибли, до единого.

Подземные соединения – с магазинами, бутиками,

забегаловками – под Близнецами – наполнись полицейскими, в очень короткие сроки организовавшими толпу и направившими ее к выходам. Все эти полицейские тоже погибли.

Меж тем народ в зданиях сообразил, наконец, что к чему. У находившихся *НАД* взорвавшимися самолетами выхода не было, кроме как прыгать из окна. Некоторые так и поступили – жар на располагавшихся близко к самолетам этажах стал невыносимым. Находившиеся ниже стали эвакуироваться по лестницам (в первые минуты работали еще лифты, кто-то успел спуститься). Организованно, по команде (раз-два, раз-два) люди спускались вниз, и почти все они спаслись. В это время пожарные, ищущие нуждающихся в помощи, бежали *НАВЕРХ*. Все они погибли.

Через час после первого удара несущие конструкции из облегченной стали не выдержали стремительности нагрева (керосину и взрыву помогла бумага и пластмасса). Здание стало стремительно оседать, крошась. Сто десять этажей превратились в груду раскаленной щебени в течении десяти секунд, подмяв и похоронив пожарных, полицейских, и санитаров.

Некоторое время спустя тоже самое произошло со вторым Близнецом.

Падение двух небоскребов зафиксировали сейсмологи на базе в сорока пяти милях от Манхаттана. Дымом заволокло весь Нижний Манхаттан. Зловещие облака пыли и пепла разошлись над городом и стали оседать – в Бруклине … в Статан Айленде … в Мидтауне … По всему городу остановился транспорт.

Прибывший на место происшествия мэр города Рудольф Джулиани на вопрос репортера о том, сколько, по его мнению, погибло народу, ответил без запинки – «Больше, чем можно себе представить и вынести».

Было очень много – трагедий, героизма, самопожертвования. Очень много смелости. Очень много любви.

И сразу за этим, и параллельно, очень много было беспринципного, наглого трепа.

Началось с официальных источников. Заговорили о том, как Нью-Йорк, а с ним и вся Америка, объединяется, что у всех нынче одно горе, что все мы теперь братья и сестры, что разногласия забыты и нескоро вспомнятся. Это так и было – в близлежащих районах. Действительно, расовые, этнические, возрастные, классовые различия перестали на какое-то время существовать. Преступность упала до нуля. Люди делились друг с другом всем, что могли предложить – водой, едой, одеждой, крышей. Братская всепрощающая любовь распространилась даже на туристов.

В пятнадцати милях от Нижнего Манхаттана, вблизи

аэропорта Кеннеди, в негритянских районах удар по Близнецам не произвел большого эффекта. О нем говорили, но все происходящее происходило где-то там. Далеко.

А о глубинке Америки и говорить нечего. Для Южной Дакоты, Оклахомы и Монтаны Нью-Йорк – это жизнь на Луне. Там подивились, конечно же, репортажам (не думаю, что какие-то телепрограммы в США показывали в тот день что-то помимо горящих и падающих близнецов, бесконечно, раз за разом) – но с тем же успехом могли упасть два небоскреба где-нибудь в Индонезии.

После этого в дело вступили конспирологи. В официальную прессу теории конспирологов не попали (по началу), но интернет был перегружен версиями, а уж в кафе богема и околобогемная шантрапа трепала языками непрерывно. Начали с самого крутого – администрация Буша-младшего сделала все это сама, своими руками, с помощью ЦРУ, ФБР, и полиции штата Нью-Мексико. (Эту теорию с большим запозданием, месячным как минимум, подхватили недоброжелатели в России, насколько я помню, приговаривая при этом, что сами американцы слишком тупы, чтобы добраться до *ЭТОЙ, СТРАШНОЙ* правды). Затем появилась слегка смягченная версия. Она всегда появляется, это такая национальная американская игра, в которую граждане играют не первое столетие. Правительство, оказывается, все знало, и знало, кто именно собирается нанести удар, но намеренно ничего не предприняло ради своих выгод.

Понятно, что обе теории ничего не стоят – не потому, что правительство Соединенных Штатов состоит из прогрессивных ангелов с нимбами и крылышками, но просто потому, что в данный момент в мире нет правительства, способного просчитать что-либо на полшага вперед.

Понятно было, что должен последовать ответ. Для этого надлежало найти виноватых. Оказалось, что это очень сложно. ЦРУ и ФБР, по легенде знающие все обо всем, растерялись. Организации со зловещей репутацией, долгое время конкуренты советского КГБ, с самой современной техникой прослушивания, подслушивания, обнаружения и методов захвата *НЕ ЗНАЛИ НИЧЕГО*. Кинулись узнавать – бюрократическим способом, перебирая запись за записью, наводя справки, активизируя шпионов по всему земному шару. Оказалось, что виноват Талибан и вдохновитель его Осама бин Ладен. Это на самом деле так и было, и вычислить это *НА САМОМ ДЕЛЕ* было делом несложным, но весь мир до сих пор сомневается. ЦРУ боялось за репутацию и зарплаты и говорило осторожно, с оглядкой.

Базы террористов Талибана обнаружили в Афганистане

и потребовали немедленного их расформирования и ухода Талибана от власти. В то, что Талибан согласится, не верили. Стали собирать вооруженные силы – неделю … месяц … С натугой вертелись бюрократические колеса.

В инете мелькали диссидентские статьи. Помню одну, начинавшуюся словами – «До того, как мы вторгнемся в Афганистан, чтобы показать всему миру, какой у нашей страны огромный хуй…» – Да ну! Прямо «Журнализм в Теннесси»! По традиции диссидентов, автор этой статьи оказался, конечно же, атеистом.

Джордж Буш-младший произнес проникновенную речь. Рудольф Джулиани произнес проникновенную речь. Ненавистники Америки по всему миру злобно вякали, пороли всякую несусветную чушь. Особенно противно вякали ненавистники во Франции и России. Не понимая, что удар нанесен не по Америке как отдельно взятой стране, но по цивилизации. Той самой, которая дала миру Масне и Чайковского, Дюма и Островского, Манэ и Репина.

Последующее вторжение в Афганистан и война в Ираке – все это, безусловно, важно. Но есть дела поважнее, на которые, как всегда, мало кто обращает внимание. Намного важнее. Очень мало внимания.

Из-за постоянных двусмысленных полуофициальных борений с церковью, атеизма, идиотизма, цензурных и политкорректных соображений – никто не знает, что нужно строить на месте упавших зданий. Предлагаются проекты один другого уродливее, с дурацкими названиями.

Пятьдесят или сто лет назад никаких сомнений не было бы, это совершенно точно. На месте, где погибло много народу, в нашей цивилизации нужно строить церковь. Это так просто. Такая простая мысль. Так всегда делали, так всегда поступали.

Тут же, конечно, и нарекания имеются. Значительная часть погибших были – евреи и мусульмане. А также атеисты всех этнических принадлежностей. Церковь их «обидит».

Так пусть построят рядом с церковью синагогу и мечеть! Неужто кто возмутится?

Да. Возмутятся атеисты. Они самые обидчивые. И идут, идут бесконечные дурные споры – что и как строить.

Недалеко от Черч Авеню (символично – Церковная Улица!), проходящей вдоль кромки комплекса бывшего Всемирного Торгового Центра, на обломках в котловане, достигающих уровня улицы, высится кустарно сооруженный из двух стальных балок крест. Его возвели спасатели и строители, прибывшие на место происшествия – раскапывать, спасать из-под земли,

обезвреживать то, что обезвреживанию подлежит, разбирать пепел и золу, тушить тлеющее.

«Впрочем и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию. Иисус же возгласил и сказал: верующий в Меня не только в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня. Я – свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме».

Глава двадцать пятая. Реставрация

Первая Война в Заливе была вынужденным шагом – у Джорджа Буша-старшего, наконец-то занявшего Белый дом после того, как он восемь лет терпел в нем присутствие голливудского актера, почти не было выбора. В стране намечалась явная рецессия, и захват нефтяного Кувейта ненормальным и непредсказуемым Саддамом Хусейном запросто мог дестабилизировать шаткий механизм Призрачного Производства настолько, что до второй великой депрессии – рукой подать. Саддама выставили обратно в Ирак и там слегка потрепали. Подоспела компьютерная революция, «экономика» стала выравниваться – но слишком медленно и, для Буша, слишком поздно. Ему не хватило полгода – и к власти пришел Билл Клинтон, приписавший подъем «экономики» совершенству своей мудрой экономической политики.

Росс Перо, независимый третий кандидат, внес некоторый комизм в унылые выборы. Миллионер из Техаса, разбогатевший на супермодных информационно-компьютерных разработках, маленький тощий человек с огромными ушами вложил многие миллионы в свою предвыборную кампанию. На митингах и в телевизионных выступлениях он смешил всю страну показом каких-то совершенно безумных разноцветных графиков. Синие, красные и зеленые кривые на этих графиках символизировали рост экономики, сдвиги в демографии, ошибки, просчеты, удачи и еще многое разное, с помощью чего Перо, как ему казалось, неопровержимо доказывал, что именно его нужно выбрать президентом страны. Популярность графиков среди индустриальной и призрачнопроизводственной бюрократии прочно держится не первое десятилетие. Графики эти, естественно, абсолютно бессмысленны и никому ничего не объясняют, но выглядят «научно».

Джордж Буш, судя по его поведению во время теледебатов с Клинтоном и Перо (скучал и поглядывал на часы) понял, что второй срок ему не светит.

А в это время в Нью-Йорке первый черный мэр в истории города, Дейвид Динкинз, не делал ничего.

Динкинза выбрали мэром в надежде (не высказываемой вслух), что, сам будучи негром, он не станет церемониться с негритянскими преступниками. Надежды эти не оправдались. После особенно кровавых перестрелок и убийств, мэр выходил к журналистам и начинал свою речь всегда одной и той же формулой – «Сегодня очень, очень грустный для нашего города

день». Еще он любил теннис и использовал служебный вертолет для полетов в Квинс, на Открытый Чемпионат США. Как представителю меньшинства, ему многое сходило с рук.

Следующим мэром города стал бывший полицейский и прокурор Рудольф Джулиани, известный своей борьбой с этнически близкой ему итальянской мафией.

Джулиани приписывают много хорошего. Например – снижение преступности и достойное поведение после террористического удара по Близнецам. Последнее – правда. Первое – глупость.

В девяностых годах, когда Джулиани избрали, преступность стала падать по всей стране. Помимо Джулиани этот феномен записал себе в актив Президент Клинтон. Это тоже глупость.

На самом деле волну преступности притормозила компьютерная индустрия во главе с Биллом Гейтсом, основателем и бессменным главой компании Майкрософт.

Не секрет, что в мирные времена в стране, обеспеченной едой и одеждой, преступниками становятся подростки из низов – от нечего делать. В больших городах Америки негритянские подростки не знали, чем себя занять.

Для чтения запоем необходимы уникальные условия – семья определенного толка, отсутствие нажима и отсутствие отвлекающих факторов. Для восприятия музыки требуется все тоже самое плюс музыкальный слух. У черных подростков есть своя музыка – рэп и хип-хоп, но это – музыка той же степени «псевдо», что и Битлз. Ее нельзя слушать, сидя в кресле и получая непрерывное эстетическое наслаждение. Такую музыку «слушают» либо впроброс, либо принимая участие в исполнении, дергаясь в ритме и подвывая. То есть, это не занятие и даже не хобби.

Неожиданное изобилие компьютерных игр решило проблему. Есть упрямые подростки, готовые применить некоторые усилия для заполучения пистолета или дозы наркотиков, но большинство выбрало линию наименьшего сопротивления – сидело за компьютером и нажимало кнопки. Вариант – телевизионная приставка.

Рудольф Джулиани, похоже, не понял всего этого и самодовольно решил, что преступность в Нью-Йорке снизилась именно благодаря его усилиям. Он увеличил число полицейских и начал с самого простого – с арестом сквиджи – негров, подскакивающих к остановившимся на светофоре драндулетам, вооруженных персональными щетками-мочалками и моющих против воли владельцев ветровое стекло, а затем требующих уплаты. Как преступники эти негры были – ничто, очень немногие из них представляли собой физическую опасность для

окружающих.

В добавление к этому Джулиани отдал несколько невнятных приказов по поводу политики ареста нарушителей порядка. Полиция стала действовать чуть агрессивнее. Это ни на что не повлияло, но полицейские комиссионеры вслед за мэром решили, что снижающаяся преступность является результатом их смелости и преданности общему делу. О том, какие у этих комиссионеров были представления об общем деле, говорит весьма показательный случай.

Комиссионера (главного полицейского города) назначает мэр. По заступлении на должность в конце восьмидесятых годов один такой комиссионер попросил подчиненных устроить ему экскурсию в какую-нибудь горячую точку, где идет нарковойна. Капитан участка, в котором комиссионер озвучил просьбу, не без злорадства (предполагаю) передал комиссионера на попечение двух сержантов. Те, недолго думая, пихнули комиссионера в патрульную машину и привезли в Юнион Сквер, в сердце Манхаттана.

– А что теперь? – поинтересовался комиссионер.

– А вот видите, сэр, идет вон … в прикиде … негр?

– Вижу.

– Идите к нему и купите у него порцию кокаина.

Комиссионер поначалу решил, что его разыгрывают. Но вылез, пересек улицу, вошел в сквер, приблизился и указанному индивидууму и справился о цене. Все еще недоверчиво вынул бумажник – на виду у публики. Получил кокаин. Расплатился. И вернулся в патрульную машину, возле которой ждали репортеры (очевидно, злорадный капитан подсуетился).

– Что скажете, сэр?

Растерянный комиссионер пробормотал, —

– Я не знал, что это делается так просто…

Смех и грех. Впоследствии этот комиссионер был награжден мэром Джулиани за заслуги в борьбе с преступностью. А дело, конечно же, в арифметике.

Кокаин, героин, ангельская пыль и прочие развлечения стоят наркоману от ста до двухсот долларов в день. Такие деньги невозможно заработать на тех работах, которые доступны негритянскому подростку из трущоб или его родителям. После того, как все ценное в квартире так или иначе будет украдено и продано на улице, у подростка-наркомана одна дорога – в криминал. Три-четыре грабежа в день – и доза есть.

В то же время самая лучшая, самая модная компьютерная игра с бегающими и стреляющими человечками стоит долларов

сорок, и ее хватает кому на две недели, кому на месяц. А в компьютерный баскетбол при наличии друга, тоже увлекающегося такими играми, можно резаться годами – за те же сорок зеленоспинных.

На присваивании чужих лавров Джулиани не остановился. Ему хотелось деятельности.

В конторах города запретили курить.

Собственно, запрет существовал давно, но никто не обращал на него внимания. Джулиани начал штрафовать хозяев зданий (корпорации), и запрет приняли всерьез. Работники контор стали выходить на перекур на улицу. Показалось мало. Следующий закон, подписанный Джулиани, касался ресторанов.

То есть как?

Это было немыслимо. В Нью-Йорке в ресторанах нельзя курить?! Ресторанная публика пожимала плечами. Но пришел день, когда закон вступил в силу, и волна инспекций прокатилась по городу. Хозяев ресторанов нещадно штрафовали просто за наличие пепельниц и грозили после третьего штрафа отобрать лицензию. Очень помогла мэру в этом деле вечная, значительная прослойка женщин, неудовлетворенных в личной жизни и компенсирующих эту неудовлетворенность качанием прав. При посещении ресторанов, заметив курящего, они поднимали скандал и грозили позвонить, куда надо. Уловка с блюдцами, обернутыми фольгой (вроде – пепельница, а на самом деле – блюдце, инспектор не придерется) перестала работать. Хозяева стали следить *САМИ*, и выставлять курящих после обеда и между переменами *САМИ*. Это всегда самый эффективный способ борьбы с населением, конечно же.

И рестораны опустели. Поскольку неудовлетворенная прослойка на поверку оказалась малочисленной, недостаточной, чтобы содержать несколько тысяч заведений Великого Города своими силами.

Идя по Второй Авеню зимой, вечером, житель города сталкивался со зрелищем совершенно сюрреалистическим – рестораны стоят пустые! На Второй Авеню?! В Нью-Йорке?! Зимой, вечером!

Владельцы баров, надо отдать им должное, сориентировались очень быстро. Они стали нанимать хороших поваров, расширили скудное функциональное меню. Ресторанный запрет на бары не распространялся – пока. И ресторанная публика, распознав, что к чему, повалила валом в бары. Той же зимой, тем же вечером, в какой-нибудь бар на Второй Авеню было не зайти – густая толпа. Бары стали выполнять обязанность ресторанов, а рестораны один за другим – закрываться.

Наиболее мобильные горожане, желавшие все-таки ресторанной, а не пивной, обстановки, знали еще один способ – ехать за речку. Там, в соседнем Нью-Джерзи, никаких запретов не было. А количество ресторанов в связи с ньюйоркской бедой стало стремительно расти.

Тогда Джулиани увеличил налог на сигареты в несколько раз. Сам он при этом курил сигары – часто и много (работники Сити Холла говорили, что все здание, построенное в начале девятнадцатого века в так называемом федеральном стиле, более или менее соответствующем официальной части французского классицизма, с коринфскими колоннами, прокурено насквозь).

До Нью-Йорка аналогичные эксперименты с запретом на употребление табака проводили несколько штатов. В калифорнийском Лос Анжелесе дело кончилось тем, что большинство ресторанной публики переместилось в сторону частных вечеринок у бассейнов (в Лос Анжелесе кругом частные бассейны) и кейтеринг – профессиональное приготовление еды для вечеринки или торжества, с последующей доставкой и обслуживанием) стал ОЧЕНЬ доходным делом.

Своеобразно среагировали на такой же запрет жители Денвера, штат Колорадо. В Колорадо нельзя курить даже на улицах. Но курят – в барах, повсеместно. И чхали на все запреты.

В Нью-Йорке эпопею довершил приступивший к обязанностям мэра сразу после гибели Близнецов Майкл Блумберг, запретив курить в барах. Общегородской закон подтвержден был дополнительным общештатным – губернатор штата Джордж Патаки подписал дублирующий закон.

Европейские туристы смеялись и возмущались, а некоторые грозились не посещать больше Великий Город – но оказалось, что феномен с запретом – вовсе не американский. Аналогичные законы стали вводиться то в той, то в другой европейской стране. В Ирландии. В Польше. Казалось – уж Франция-то не допустит у себя такого, во Франции люди рождаются с сигаретой в зубах. Но нет – сперва запретили курить на платформах, затем – в ресторанах «быстрого» питания. В некоторых зданиях. На очереди рестораны. В Италии запрет на курение, говорят – самый жестокий в Европе.

Благодаря притоку денег от интернетных компаний, плодившихся в девяностых годах в большом количестве, а также благодаря снижению преступности, городская казна стала вдруг получать неплохой доход. Наконец-то очередь дошла до «модернизации» (а на самом деле ремонта) метро!

Ничего особенно грандиозного не ожидалось –

и не произошло. Просто заменили поношенные реле, провода и рельсы, почистили станции, кое-где украсили стены новым кафелем, ввернули лампочки, а по некоторым веткам пустили новые поезда.

Это дало толчок другим начинаниям. Постепенно город стал хорошеть. Улицы стали лучше убирать, тротуары мыть, дома реставрировать. Дело очень портили корпорации, сующие свои щупальца везде и всюду. Частные книжные магазины закрывались – их вытеснил супер-гигант Барнз и Нобл, строивший мега-сторы во всех основных культурных точках города. Два или три этажа, огромные полки с книгами, обязательное кафе, чуть снижены цены. Компания Старбакс, из Сиаттла, штат Орегон, пооткрывала кофейни на всех углах, все на одно лицо – вытеснив районные, десятилетиями державшиеся частные кофики, окончательно устранив понятие общности улицы и района.

Затем в моду вошли японские ресторанчики со стандартным меню. Их сегодня в Нью-Йорке больше, чем в Токио.

Обновили парк автобусов. Новые «гармошки», напичканные компьютерной техникой, со светящимися табло, заменили собой старые, грохочущие железные коробки на колесах.

Несколько очень достойных проектов не реализовалось – по Сорок Второй Улице собирались пустить трамвай, от реки до реки. По Первой и Второй Авеню так и не стартовали первые в истории города троллейбусы.

Много разговоров было о постройке линии метро вдоль Второй Авеню, но реальным этот проект не представляется до сих пор – такие разговоры ведутся с двадцатых годов.

Мэр города Майкл Блумберг – миллиардер, сделавший состояние на информационной «бегущей строке» и новостях (усмешка Призрачного Производства), человек небольшого ума, рассуждает в корпоративно-бюрократических тонах о «бюджете», который нужно поддерживать в правильном «балансе». Честно говоря, все эти перипетии с бюджетом, когда городу Нью-Йорку вдруг не хватает денег, чтобы содержать нужный штат полиции, или платить пожарникам, или работникам метро (и цена на проезд неожиданно подскакивает) – есть дичайший анахронизм. Город – лицо страны, и без Нью-Йорка Америка ничего не стоит, а посему от местной, регионального мышления, администрации его давно пора освободить и взять под федеральный контроль. Никаких бюджетных проблем в Нью-Йорке просто не должно быть. При наличии таковых город следует субсидировать из государственной казны. Все-таки Нью-Йорк – это не Бизмарк, Северная Дакота, знаете ли.

Глава двадцать шестая. Бейби-Бумеры и мисс Левински

Вернувшиеся со Второй Мировой солдаты стали в срочном порядке заводить многодетные семьи. Во всяком случае, так принято думать и говорить. Поколение, родившееся таким образом, получило кличку бейби-бумеров (от baby boom, взрыв рождаемости). Из этого поколения вышел президент Соединенных Штатов, переехавший в Белый Дом из губернаторского кресла в Арканза, Билл Клинтон.

Мерзостная привычка, введенная в обиход бюрократическими бизнесменами, называть всех ласкательным именем, произведенным от имени, данным при рождении или крещении, стала с некоторых пор очень популярна в Америке. Аристократия стойко сопротивляется (с друзьями и родственниками – полное имя, со знакомыми – мистер такой-то, или мисс такая-то, или миссис такая-то), но все «селебрити», нуворишы, бизнесмены нового поколения, политики – не брезгуют. Таким образом Уильям Джефферсон Клинтон стал Биллом Клинтоном.

В отличие от Бушей старшего и младшего, Клинтон – совершенно всем понятен, никакой загадочности, никакого стиля, никакого блеска.

Во время первой войны в Заливе, Бушу-старшему позвонил суетливый Михаил Горбачев, требуя объяснений и разъяснений. Буш-старший ответил в драматическом (во всех смыслах) стиле —

Мне сейчас некогда, я спешу в театр.

Вне зависимости от политической подоплеки, это – достойный ответ достойного президента, поскольку президенты должны время от времени говорить так, чтобы было интересно потом повторять и цитировать, смеясь ли, возмущаясь ли.

Билл Клинтон за два президентских срока не сказал ничего, достойного цитирования (за исключением логического ляпа на разборе дела его отношений с любовницей Моникой Левински, но это – жалкое подобие, а не цитата). Билл Клинтон приписал себе подъем «экономики» (которая начала «подниматься» благодаря стабилизации обстановки в Ираке и Кувейте и взрыву активности в компьютерно-инетной индустрии, т. е. во времена Буша-старшего еще), снижение преступности (об этом уже говорилось раньше), провел какую-то реформу медицинского страхования, поснимал с «велфера» большое количество людей, которые с тех пор не стали ни преуспевающими, ни счастливыми, послал с благословения ООН войска и авиацию – бомбить

Белград, дабы утихомирить сербов, решивших (по глупости и недальновидности), что страны могут самоопределяться и заниматься геноцидом без разрешения империй, попался с мисс Левински, поиграл на саксофоне, поучаствовал в скандале с инвестициями … кажется, это все. Ах нет, еще устроил Ицхаку Рабину и Яссеру Арафату встречу, на которой они пожали друг другу руки (и получили после этого Нобелевскую Премию Мира).

Поэтому скандал с Левински – и есть самое интересное в восьмилетнем правлении Клинтона. И, очевидно, самое важное. Как всегда, самое важное интерпретируется неправильно, и основные аспекты игнорируются.

Что ж такого сделал негодяй Клинтон, и почему его вообще об этом посмели спросить в лоб?

Вроде бы расследовалось именно дело с инвестиционными махинациями, и глава комиссии задал вроде бы не относящийся к делу вопрос – а не было ли у вас, господин Президент, сексуальных отношений со стажеркой в Белом Доме Моникой Левински? И Клинтон под присягой сказал, что не было.

Потом его долго мурыжили, и издевательство это показывали по телевидению. Есть ли отношения с Левински? Клинтон сказал – зависит от определения слова «есть». Потел и прятал глаза. То есть, не прятал, но очень хотел прятать.

Собственно, дамы и господа, что происходит?

Большинство американских президентов, если поворошить историю, были именно жеребцы, начиная с Вашингтона. А Кеннеди специально, вроде бы, даже добавочные слухи о самом себе распускал по этому поводу. Что ж случилось такое, что какой-то ухарь вдруг задает вопрос Президенту Соединенных Штатов – а не состоите ли вы в связи? И почему Президент мнется, а не пожимает плечами?

По статистике, около семидесяти процентов женатых американцев изменяют женам. Я не говорю, что это хорошо. Я говорю, что так есть. Где ж это у нас в Конституции сказано, что Президенту положено принадлежать к меньшинству и не положено иметь любовницу? И что он обязан отвечать на вопросы, касающиеся его личных отношений с любовницей? (Что любовница оказалась сволочь – это другой вопрос. Девушка себе на уме, мисс Левински *НЕ ОТДАЛА В ЧИСТКУ* платье, на котором потом обнаружили сперму Президента! Да еще подружка ейная разговоры записывала телефонные! Но – это *НЕСУЩЕСТВЕННО*).

Что должен был сказать на месте Клинтона не окончательный бюрократ-функционер-говорящая-машинка? Мамма мия, каждый нормальный американец знает совершенно точно, что он,

Клинтон, должен был сказать.

Ну, например —

Да, у меня есть любовница. И вы, сэр, поступили бестактно, вмешавшись в мою личную жизнь и сделав эти сведения достоянием публики. У вас самого нет ли любовницы? Ах, нет. Жаль. Рекомендую. Очень способствует.

А если бы дурак продолжал бы настаивать, можно было бы продолжить – как уж было сказано —

А разве в Конституции написано, что в отношении Седьмой Заповеди Президент должен быть безупречен? Где же, не подскажете ли, какой пункт, какой параграф? Или это в Поправках где-то?

После такого ответа *ВСЕ* вопросы были бы тут же сняты. И бедная Моника, девушка в теле, снесла бы наконец платье в чистку! А так платье отдать пришлось, оно теперь висит где-то, как экспонат, уж не помню где.

Может, Клинтону нельзя было так сказать? Может, он щадил чувства жены? Вы эту жену видели? Можно ли предположить, что она о похождениях мужа ничего не знала до скандала? Ну, тогда, может, чувства дочери он щадил? Если бы щадил, то дал бы такой возмущенный отпор спрашивающим, что те и думать бы забыли, как такие вопросы задавать лидеру страны.

Нет, дело не в этом. А в том, что…

Ну, во-первых, есть – личность Клинтона. Вот он отработал свои два срока, вот он свободный человек – и пишет книгу. Что на него могут быть покушения – исключено, он никому не опасен и ни с кем не враждует. Что его не выберут снова Президентом – так ведь в любом случае не выберут, после Франклина Рузвельта принята была поправка, ограничивающая амбициозных граждан двумя сроками в Белом Доме. Так – напиши хоть несколько слов правды в этой самой книге. Ведь она, такая книга, тут же станет супер-бестселлером! Разойдется миллиардным тиражом! Читать будут даже эскимосы в Гренландии! Но нет – в книге та же бюрократическая жвачка, то же тупое лицемерие, та же скука. Не человек – машинка на батарейках.

И есть еще кое-что.

Глава двадцать седьмая. Видоизмененные пороки

Началось все, конечно, со СПИДа, это был главный толчок, но не будь его – было бы что-нибудь другое. Просто – продолжалось завинчивание гаек, по всему миру, а такое завинчивание гаек без ханжества не обходится.

Рудольф Джулиани, мэр Нью-Йорка, «обуздавший преступность», запретивший курить в ресторанах и так далее, продолжал хотеть деятельности. И занялся Таймз Сквером.

Проституция в Соединенных Штатах не запрещена федерально. Действуют запреты на территориях самих штатов, но не везде. Например, в Неваде – официальные публичные дома, проститутки платят налоги.

В Нью-Йорке древняя эта профессия всегда пользовалась пристальным вниманием публики. Идешь, к примеру, вечером – по южной части Парк Авеню … или по Лексингтон … или в переулок заходишь там же … или в Чертовой Кухне (Hell's Kitchen), в районе Одиннадцатой, бывший ирландский район, ныне брошеный … стоят они себе вдоль тротуаров, жрицы продажной любви. По Таймз Скверу они не стояли, в Таймз Сквере и на прилегающей Сорок Второй Улице были стриптизы, секс-шоу всех мастей, порнокинотеатры и прочее. Там, правда, подвязались специалистки, выискивая в толпе зрителей наиболее возбужденных и готовых платить. Но было четкое разделение – в Таймз Сквере показ, на Лексингтон – дело.

Все это было, конечно, низкого пошиба. Желающие более утонченных, менее механических развлечений обращались в не особенно скрывающиеся публичные дома. Чем выше цена, тем выше класс. Все как везде.

Джулиани стал издавать один за другим законы и организовывать одну за другой облавы. Сперва проститутки исчезли с Лексингтон. Затем из Чертовой Кухни. Затем в проституток стали рядиться женщины-полицейские, из тех, кто покрасивее, и устраивать облавы собственно на клиентов, у которых конфисковали автомобили, а чтобы заполучить драндулет обратно, нужно было заплатить штраф в размере около двух тысяч долларов. Затем стали закрывать стриптизы и пип-шоу. Проституция затаилась, ушла глубоко в подполье. В отличие от искусства, подполье проституции расположилось в дорогих частных квартирах. Джулиани не уничтожил проституцию вообще – это невозможно, конечно же. Он убрал с улиц дешевую

проституцию.

Следует заметить, что многие из уличных проституток были наркоманками. Новое поколение менее склонно к наркомании по нескольким причинам – но связано это все с той же компьютерной революцией. То бишь, потенциальных уличных проституток стало меньше.

Затем Джулиани закрыл порнокинотеатры на Сорок Второй. Некоторое время брошенные здания стояли пустые, и их хозяева придумали их сдавать – по дешевке, поэтажно. Это потому, что здания подлежали сносу.

Спрашивается, почему? А все очень просто. Здания купила компания Уолт Дизни. Около года в зданиях обитались художники, скульпторы, и еще всякая богемная шантрапа. Потом их выперли, и здания – частично реконструировали, частично снесли. И Таймз Сквер, и Сорок Вторая начали быстро приобретать совершенно новый вид, совершенно новую окраску. Остался сверкающий и переливающийся неон – Таймз Сквер по-прежнему блистал по ночам, блистает и сейчас. Но репутация самого злачного места на планете ушла. В Таймз Сквере сейчас – дорогие отели для туристов, универмаги для туристов, ширпотребные рестораны для туристов, театры – тоже для туристов. И для детей. Например, в одном из новых театров идет мюзикл, поставленный по фильму «Король-Лев». Сорок Вторая между Таймз Сквером и Восьмой Авеню стала настолько туристко-стерильной, что компания Мадам Тюссо открыла там филиал. Толпы туристов, очень многие с детьми, в легендарном Таймз Сквере. Ни стриптизов, ни порнокинотеатров. Ни злачных магазинчиков, продающих специальные, «дилетантские» видео. Ни пип-шоу. Район стал скучным, официозным, стерильным. Относительно безопасным. И как-то грустно. Что-то не так в мире, что-то происходит.

Вот в Париже, к примеру – идешь по Сен-Дени в начале девяностых. Стоят девки по обеим сторонам. Много красивых. Сегодня идешь – тоже стоят (проституция в Париже – легальная) – но такие жуткие мымры и коровы, что просто плакать хочется. Куда девали красивых? Не знаю. И я ведь точно помню – были красивые. Черты лица некоторых запомнил, нарисовать могу. А?

Разврата не стало меньше. Проституции не стало меньше. Но все это убрали с глаз долой, стали стесняться – и ханжить. Не стали лучше. Не стали меньше изменять мужьям и женам. Просто стали ханжить.

И в то же время, заметим – постоянное ратование за права гомосексуалистов. Гомосексуалисты – сильная демографическая данность, у них превосходная круговая порука, у них большое

влияние. Так всегда было. Но вот, к примеру, скандалы с гомосексуальными браками – узаконивать, не узаконивать – глупость неимоверная. Не очень понятно, почему этому вообще уделяется столько внимания.

Игорные дома в Нью-Йорке запрещены. Они также запрещены штатными законами в большинстве регионов Америки. Исключение составляют штат Нью-Джерзи, где на побережье, в бывшем курортном городе Атлантик Сити, ровным строем вдоль берега стоят дорогие, мещанского толка, отели, в каждом из которых базируется казино, штат Невада, где в пустыне расположился поддерживаемый ТОЛЬКО нефтяной инфраструктурой (ни воды, ни ферм вокруг) искусственный город Лас Вегас, а так же индейские резервации. Индейцы, живущие в резервациях и имеющие особое гражданство и особые паспорта, имеют право открывать сколько угодно игорные дома. И открывают. Для того, чтобы получить разрешение, предприимчивому индейцу следует доказать, что он принадлежит к определенному племени. Каждое племя имеет отдельные привилегии. Иногда такие племена насчитывают человек двадцать-тридцать.

Игорные заведения также невозможно искоренить, как проституцию – а только убрать с глаз долой. Большое количество нелегальных игорных домов существует в Нью-Йорке. Большинство из них принадлежит итальянской мафии. От легальных они отличаются гораздо бульшей агрессивностью по отношению к тем, кто выигрывает. Заезжий профессионал, или просто удачливый человек, вполне может рассчитывать уйти из легального казино со значительным выигрышем – до сотни тысяч долларов. В нелегальном казино это невозможно – выигрыш отберут, придравшись к чему попало, поскольку есть там такое правило – деньги путешествуют только в одном направлении – от входа к кассе, и никогда – в обратном.

Глава двадцать восьмая. Рождество

Начиная с конца восьмидесятых годов прокатилась по большим городам Америки волна политкорректности религиозного толка. Пожелать публично кому-то радостного Рожества (в отличие от Англии, в Америке желают радостного, а не счастливого, Рождества) стало актом фрондерства. Положено говорить – «Счастливых Праздников!» За Рождество, если вы работаете, к примеру, продавцом в универмаге, вас могут уволить (если пожалуется тот, кому пожелание не понравилось).

В Рокефеллер-Центре, правда, все еще ставят огромную елку, но протесты уже есть по этому поводу.

Количество в любом районе христиан можно определить по количеству рождественских украшений на домах. Есть районы, где все сверкает огнями, сани, олени, Санта Клоз, изображения скульптурно-пластмассовые – рождения Христа в хлеву (единственное исключение из правила, когда дешевая пластмассовая поделка не кажется ни пошлой, ни дешевой).

В газетах все чаще озвучиваются проклятия «коммерциализации» Рождества. Робкие, безобидные статьи журналистов-христиан в ответ.

Лет двадцать назад в канун Рождества такси в Нью-Йорке было не поймать. На улицах – толпы с радостными лицами, все друг друга любят, город не спит до утра.

Сейчас по выходе из церкви в час пополуночи, в Рождество – стоит только руку поднять, кругом свободные такси, людей на улицах почти нет.

С другой стороны, в главные соборы – Святого Патрика (католический) и Святого Томаса (протестантский), а также в Троицкую Церковь – не попасть. Переполнены. Но в районных церквах – много свободных мест.

Антихристианская пропаганда достала даже евреев. На пожелание радостного Рождества многие из них с особой, фрондерской радостью желают пожелавшему того же – так всех достали «Счастливые праздники».

В школах запрещены рождественские песенки и упоминание Христа вообще. Запрещено разыгрывать рождественские мистерии – традиция, из которой, помимо прочего, вышли елизаветинские драматурги, включая, естественно, Шекспира.

По провинции наконец-то прокатилась недавно волна протестов против антихристианской пропаганды. Где-то с помощью суда какая-то дама вернула на площадь рождественскую елку, которую власти убрали.

Из нарушения Третьей Заповеди сделали, несмотря на общие антирелигиозные настроения эстаблишмента искусства и средств массовой информации, настоящий культ. Нет телесериала или фильма, нет интервью, в котором Создатель не упоминается всуе походя, по многу раз – и никому не приходит в голову обратить на это внимание – даже тем, кто постоянно посещает церковь.

Когда Президент Буш-младший в одной из речей обмолвился, что, мол, война с террористами – это крестовый поход, его заставили извиниться и взять слова обратно на следующий же день.

Антирождественские настроения охватили средства массовой информации не только Америки, естественно, но вообще всего мира. Нападки «в лоб», конечно же, не приветствуются – они вызвали бы слишком много нареканий. Идет игра в «объективность».

В семидесятых годах двадцатого века активность верующих в Америке привела все же к тому, что в нескольких штатах и, в частности, в Луизиане, школьные преподаватели, втолковывающие детям основы Теории Эволюции, обязаны были по крайней мере *УПОМИНАТЬ* о том, что *КРЕАЦИОНИЗМ* (даже не *БИБЛЕЙСКАЯ ВЕРСИЯ*, но хотя бы креационизм …) является легитимной альтернативой учения Дарвина. Закон на штатном уровне был отменен федеральным Верховным Судом на том основании, что у закона этого нет «конкретного светского применения», а посему он противоречит идее отделения церкви от государства.

За месяц до того, как пишутся эти строки, федеральный судья Джон Джоунз запретил в школах Пеннсильвании любые упоминания «разумного творения» (русский эквивалент этого словосочетания – «божественное начало») на уроках биологии. По его мнению, члены правления школ Довера нарушили конституционный закон, издав текст-инструкцию, глясящую следующее —

***

«Академические стандарты Пеннсильвании требуют, чтобы ученики знали о Теории Эволюции Дарвина, и чтобы вопросы по этой теории были включены в соответствующие контрольные.

Поскольку теория Дарвина есть теория, правомочность ее продолжает проверяться по мере поступления новых фактов по сей день. Теория не является фактом. В этой теории наличествуют незаполненные пробелы. Любая теория определяется как хорошо проверенное объяснение, объединяющее

широкий диапазон наблюдений.

Разумное Творение является объяснением происхождения жизни, отличающимся от дарвиновского взгляда. Справочник с названием «О Пандах и Людях» наличествует в библиотеке наряду с другими источниками для учеников, интересующихся, в чем на самом деле заключается понятие Разумного Творения.

Мы поощряем студентов, подходящих к любой теории непредвзято. Школа оставляет дискуссии о происхождении жизни на попечение учеников и их семей. Инструкции, получаемые учениками в классе, имеют целью подготовить студентов к успешной оценке стандартных данностей».

***

Федеральный судья Джон Джоунз написал по поводу этого текста – сто тридцать девять страниц, в которых выразил свое мнение. В частности, он написал, что «Мы (т. е. суд, В. Р.) находим, что заверение правления школ о исключительно светских целях своего постановления на самом деле является лишь предлогом для достижения другой цели, а именно, пропаганды религии в классе».

Такие дела.

Казалось бы – в России, например, внедренный культ «Нового Года» давно заменил собой праздник Рождества, и антирождественские силы могут почивать на лаврах. Ан нет. Комментарий на новостном сайте повторяет все нужные условия антирождественской компании, ведущейся нынче во всех странах —

***

«Дед Мороз – волшебная сказка или заговор глобалистов?

Рождество стало мистификацией, в которой принимает участие весь мир.

С приближением Рождества обитатели нашей планеты становятся участниками глобального заговора: они старательно делают вид, что Дед Мороз существует. СМИ передают новости про доброго деда, власти устраивают разнообразные акции с его участием. И даже российский и американский космические центры не могут остаться в стороне – первый запускает в космос письма Деду Морозу, второй отслеживает маршрут саней Санта-Клауса.

Участие в глобальном заговоре считается обязательным. Тех, кто подвергает существование зимней сказки сомнению, тут же

причисляют к «гринчам», мизантропам и худшим врагам рода человеческого. Те же, кто подыгрывает мистификации, наоборот, вызывают всеобщее благорасположение.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Так, например, недавнее появление Папы римского на площади Святого Петра в «камауро» – средневековом красно-белом головном уборе, подозрительно напоминающем колпак Санта Клауса, вызвало бурное ликование на площади Святого Петра и умиление журналистов по всему миру.

Не меньшую популярность в свое время принесло войскам воздушно-космической обороны североамериканского континента случайное участие в рождественской суматохе вокруг Санты, которое затем вошло в традицию. В 1955 году в объявление, где был указан телефон специальной службы, рассказывающей детям о перемещениях Санта Клауса по миру, вкралась опечатка. В результате звонившие дети попадали в военный штаб. Однако офицеры и солдаты не растерялись и включились в игру. С тех пор каждый год Объединенное командование воздушно-космической обороны североамериканского континента (North American Aerospace Defense Command – NORAD) открывает перед Рождеством «горячую линию», связавшись с которой можно посекундно узнавать новую информацию о точном местонахождении саней Санты. В прошлом году космические наблюдатели за санями приняли около 55 тысяч звонков.

Вообще авиация США, наверное, одна из самых неравнодушных к Санта Клаусу государственных структур (возможно, это вызвано ежегодными «покушениями» летающего волшебника на их вотчину). Например, в 2004 году Федеральное управление гражданской авиации США (Federal Aviation Administration) даже выдало официальное разрешение для саней Санта Клауса на полет в воздушном пространстве страны.

Впрочем, волшебного деда официальным лицом признают не только в Америке. В России Дед Мороз в основном фигурирует как некий дипломатический новогодний посланник. Наши журналисты, как правило, освещают два события из его жизни – международную пограничную встречу Деда Мороза и Санта Клауса накануне Рождества и ежегодную процедуру появления обитателя Великого Устюга в Москве. Тон сообщений об этих дипломатических мероприятиях, как и положено, сугубо сухой и высокопарный – только легкая улыбка диктора, если новость звучит с экрана телевизоров, говорит о том, что перед нами очередной вклад в дело поддержания глобального заговора.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЦИНИЗМ

Что может быть плохого в образе, который объединяет весь

мир и дарит детям ощущение настоящего волшебства, а взрослых возвращает в детство? Однако если абстрагироваться и выслушать аргументы «гринчей», окажется, что они вовсе не желают испортить людям праздник.

Во-первых, тиражирование образа Санты и его «сакральность» (то есть безусловные положительные эмоции, которые он провоцирует) подталкивает как многочисленных негодяев, так и просто меркантильных людей использовать доброго деда в своих целях. Американцы по этому поводу даже сняли весьма издевательскую комедию о мошенниках, которые действуют в костюмах Санта Клауса (кстати, дети до 18 лет на этот подрывающий каноны фильм не допускались). Впрочем, в комедии все равно дело кончается исправлением злодеев и победой добра над злом. В жизни костюмированные Деды Морозы очень часто уходят с места преступления безнаказанными, поскольку жертва просто не может поверить в их цинизм.

Довольно корыстно эксплуатируют «сказочного деда» политики, желающие перед праздником повысить свои ставки путем раздачи подарков. Также известен случай, когда в Дедов Морозов перед Новым годом нарядили всех сотрудников украинского ГАИ. Департамент МВД Украины тогда пояснил, что это сделано «для улучшения имиджа Государственной автомобильной инспекции» страны.

Второй аргумент «гринчей» гораздо более серьезен. Группа немецких антиглобалистов который год проводит кампанию за «увольнение Санта Клауса». Немцы утверждают, что рождественский дед давно перестал быть «добрым волшебником», а превратился в коммерческий символ рождественских распродаж. Его усердно «пиарят» во всем мире, чтобы никто не остался в стороне от предрождественской лихорадки потребления. Впрочем, магазины, устраивающие рождественские распродажи, быстро подстроились под модную тенденцию – они стали наклеивать на свои двери фирменные наклейки простестующих антиглобалистов с перечеркнутым Сантой. Никакого Рождества – просто распродажа. Люди и так придут за покупками, движимые общим ажиотажем.

Кстати, у нас новости про Деда Мороза, сведения о его официальной резиденции и прочая массовая предновогодняя шумиха подобного рода появились именно с началом построения рыночного общества. Может быть, уже поэтому стоит вспомнить о далеком позапрошлом столетии, когда дети не видели сказочного деда на каждом углу, и от этого его подарки – совсем простые, вроде золоченых орехов – казались таинственными

и ценными сами по себе».

(lenta.ru, пятница, Декабрь 23, 2005)

***

Поразмыслим – что неподготовленный (или подготовленный подобными же комментариями) человек подумает, прочтя такой комментарий?

Правильно. Рождество – это плохо. (Подспудно же, заодно, подумает он, что Рождество *ВООБЩЕ* никакого отношения к Христу не имеет).

В одном из криминально-депрессивных районов Нью-Йорка среднего возраста негритянка на свои средства вешала рождественские украшения на фасад многоэтажного дома – из года в год. Приехали по приказу инспекторы с пожарниками и стали украшения снимать, поскольку пожарная безопасность якобы страдает. Было несколько протестов, и по счастливому стечению обстоятельств небольшой этот скандал попал в одну из ежедневных газет. Украшения вернули на место.

Несмотря на то, что у негров модно сейчас переходить в мусульманство, самые ярые поборники учения Христа – негритянские женщины. Неоспоримый факт. И – благослови их Создатель!

Глава двадцать девятая. Лирическая

Во времена Бель Эпокь легла параллельная реке Миссиссиппи железнодорожная ветка, по которой ходил престижный экспресс Чикаго-Новый Орлеан. Компания Иллиной Сентрал гарантировала пассажирам прибытие на место вовремя. Маршрут назывался «Пушечное ядро». Как-то апрельским вечером машинист по имени Джон Лютер Джоунз, по прозвищу Кейси Джоунз (по названию городка, в котором родился – Кейси, штат Кентукки) вышел из кабины своего паровоза в Мемфисе, откатав смену. В это время стало известно, что машинист, который должен был заступить на смену на составе, направляющемся в Новый Орлеан, заболел. Поезд стоял в Мемфисе чуть больше часа – но это, по стандартам компании, считалось очень серьезным опозданием и было недопустимо. Начальник станции попросил Кейси Джоунза довезти состав до Нового Орлеана. Кейси согласился с условием, что с ним будет его всегдашний кочегар, и что ему дадут паровоз, к которому он привык. На том и порешили.

Состав набрал скорость и пошел – к Гренаде, штат Миссиссиппи. По прибытию в Гренаду сверили часы. Оказалось, что Кейси с кочегаром наверстали почти час. Еще через пятьдесят миль, в Дюранте, они шли почти по расписанию.

Южнее Дюранта на параллельной ветке стоял товарняк. Состав был длинный и не помещался на запасном пути. Связались по телеграфу и решили, что состав прогонят вперед, чтобы Кейси прошел первую стрелку, а затем оттолкают назад, до прохождения Кейси второй стрелки.

Между вторым и третьим от конца вагонами товарняка что-то случилось с каплингом, крюк упал, товарняк пошел вперед, и машинист не заметил, что два вагона остались на основной ветке.

Кейси вел пассажирский экспресс со скоростью семьдесят миль (сто десять километров) в час. Когда прямо по ходу показались красные отражатели товарного вагона, он сразу понял, что тормозить не успевает. И он крикнул кочегару (по имени Симм Уэбб) —

Прыгай!

Кочегар прыгнул.

Заскрежетали тормоза, из под колес полетели россыпи искр. При ударе паровоз перевернуло и он упал под насыпь вместе с тендером, но пассажирские вагоны остались стоять на рельсах.

Никто из пассажиров не пострадал.

Когда дверь кабины паровоза открыли ломом, Кейси Джоунза нашли мертвым. С рукой на тормозе.

Черный рабочий-путеец, певший в свободное от работы время под гитару, написал о Кейси балладу.

Северные сосны и скалы у канадской границы. Тропические пальмы во Флориде. Горные ручьи в Скалистых Горах. Омываемая двумя океанами раскинулась огромная страна со странной, запутанной несмотря на относительную кратость по сравнению с более древними государствами, историей, так плотно наполненной событиями, что иные подвиги человеческого духа кажутся повседневными.

Мир все глубже увязает в безвольном цинизме, в неверии, в глупости, жадности, самодовольстве. Будущее никому, кроме Создателя, не дано знать. Миллионы взглядов обращены на Америку. Смотрят по разному – с восхищением, с ненавистью, с завистью. И, иногда – с надеждой. Что скажешь, Америка? Куда идешь, Америка?

Если вы пройдете от Линкольн Центра вверх по Бродвею, удаляясь от бывшего театрального, а ныне туристко-театрального отрезка знаменитой магистрали, через несколько кварталов, на пересечении трех дорог – Бродвея, Амстердам Авеню и Семьдесят Второй Улицы, вы увидите небольшой треугольный сквер с павильоном станции метро, скамейками, и, в зарослях густых деревьев – памятник великому оперному композитору Джузеппе Верди. Напротив высится огромное, очень красивое орнаментированное здание начала двадцатого века – Ансония, жилой дом. В нем очень уютные и в то же время просторные квартиры и роскошные холлы. Верди-Сквер – достаточно вместительный, чтобы по нему можно было прогуливаться туда-сюда, предаваясь каким-нибудь интересным мыслям.

Затем можно пойти дальше на север, по Бродвею, в сторону величественных зданий Риверсайда, к Колумбийскому Университету, или на восток, углубившись через два квартала в Сентрал Парк – как раз на уровне этих улиц находится в глубине парка декоративный замок Бельведер с шекспировским театром у подножия. А можно – обратно вниз, по тому же Бродвею, или по Колумбус Авеню, и дальше – обойдя Круг Колумба, и дальше – по бродвейской диагонали, мимо Карнеги Холла, через Таймз Сквер, через толчею Тридцать Четвертой, через Мэдисон Сквер – большой, с красивой башенкой с часами слева по ходу – через Юнион Сквер на Четырнадцатой – дальше – мимо псевдоготической, слегка таинственного вида церквы, справа Гринич Вилледж, слева Ист Вилледж, прямо – СоХо. Миновав Канал и Чеймберз, вы увидите слева Сити Холл

со сквером и развевающимся звездно-полосатым флагом, а дальше, справа по ходу – Троицкую Церковь, изначальную и главную.

Если вы наблюдательны и любите ходить, а день теплый и солнечный, и вы никуда не торопитесь, прогулка доставит вам несказанное наслаждение. А как стемнеет – загляните на Ист Сайд, в тихий район около Метрополитан-Музея, или в шумный, многолюдный Йорквилл, и углубитесь в какую-нибудь из поперечных улиц с деревьями, там везде деревья. И вы заметите – уникальный, желтовато-золотой, очень теплый вечерний нью-йоркский свет. Что-то есть в сочетании нью-йоркского воздуха, уличных фонарей, известняковых, кирпичных, мраморных и бетонных стен, деревьев и людей, что дает именно такой эффект – теплого света. Особенно на тихих улицах.

И – да грядет новый ренессанс. Не так ли.